

София Прегель

МОЕ
ДЕТСТВО

Том I

НОВОСЕЛЬЕ
ПАРИЖ
1973

Софья Юльевна Прегель со своим старшим братом.
Фотография снята в 1902 году в Одессе.

София Прегель

**МОЕ
ДЕТСТВО**

Том I

Софья Юльевна Прегель родилась в Одессе 2 сентября 1897 года в еврейской семье. Ее отец, известный промышленник, принадлежал к группе деятелей, сыгравших роль в экономическом развитии юга России. Для родителей Софьи Юльевны были характерны черты либеральной интеллигенции: повышенный интерес к тому, что Блок назвал «русским гуманизмом». Большую семью связывали взаимное доверие и дружба. От матери, прекрасной пианистки и певицы, Софья Юльевна унаследовала любовь к музыке, театру и литературе. Еще до поступления в прогрессивную гимназию Чудновской, она училась дома музыке, языкам и с восьмилетнего возраста начала писать стихи. В ее книге «Мое Детство» перед читателями встает давно ушедший мир таким, каким его увидели глаза маленькой девочки, с его неповторимым бытом, с его радостями и печалью, мир, освещенный юмором и чутким пониманием людей.

Еще в школьные годы Софья Юльевна начала увлекаться театром, а по окончании гимназии поступила в театральную студию Михайловского и в течение двух сезонов выступала в одном из одесских театров. Получив известие, что она принята в Петроградскую консерваторию по классу пения, Софья Юльевна оставила сцену и отправилась в столицу. Но революция вскоре прервала карьеру молодой певицы, и она с семьей выехала за границу.

В Европе Софья Юльевна всецело посвятила себя литературе. В Берлине она начала печатать свои стихи в ряде крупных периодических изданий и сделала непременной участницей художественных объединений русской эмиграции. В Париже, куда она переехала в 1932 году, она стала постоянной сотрудницей «Современных Записок», «Чисел» и других журналов и альманахов. Там же вышел первый сборник ее стихотворений «Разговор с памятью» (1935), за ним последовал «Солнечный произвол» (1937) и «Полдень» (1938). К концу тридцатых годов Софья Юльевна выдвинулась и приобрела известность, как одна из талантливых представительниц поколения русских поэтов, чье творчество сложилось за рубежом.

В начале войны Софье Юльевне удалось уехать в Соединенные Штаты Северной Америки. В Нью-Йорке она основала ежемесячный журнал «Новоселье», просуществовавший восемь лет, как раз в ту эпоху, когда по обстоятельствам военного времени многие эмигрантские периодические издания вынуждены были закрыться. Литературный вкус, редакторский дар и страстная любовь к слову позволили Софье Юльевне привлечь в «Новоселье» широкий круг сотрудников. Во время войны ее тревога за судьбы России и вера в победу над врагом объединили на страницах ее журнала писателей и поэтов, принадлежавших к самым различным политическим течениям, начиная от Бунина и кончая Ремизовым, одинаково считавших, что борьба с гитлеризмом — их патриотический долг.

В 1948 году Софья Юльевна снова поселилась в Париже, где еще в течение двух лет редактировала «Новоселье», а затем стала вдохновительницей издательства «Рифма»: оно выпускало сборники поэтов, не имевших возможности печатать свои произведения в трудных условиях заграничного книжного рынка. Благодаря неустанной помощи Софьи Юльевны «Риф-

ма» опубликовала свыше 50 книжек стихов различных авторов.

Софья Юльевна соединяла в себе талант крупного поэта и умного редактора, относившегося с большой теплотой и вниманием к человеку. Только самые близкие друзья знали, как широко и охотно, с присущей ей деликатностью, она приходила на помощь тем, кто в ней нуждался, и как много она сделала для облегчения участи ряда литераторов. Она также неизменно принимала участие в вечерах и собраниях русской колонии в Париже, особенно если они были посвящены делу поддержки живущих или памяти ушедших писателей. Все эти заботы не уменьшали, онако, ее литературной деятельности. В Париже Софья Юльевна выпустила три сборника стихов: «Берега» (1953), «Встречи» (1958), «Весна в Париже» (1966), благожелательно встреченных критикой и вызвавших ряд взволнованных читательских откликов. Седьмой, посмертный ее сборник «Последние стихи» вышел в Париже в 1973 году.

В течение нескольких лет Софья Юльевна работала над своими воспоминаниями. Она их закончила незадолго до смерти в 1972 году и успела проредактировать половину рукописи. Вторая половина осталась в черновиках. «Мое Детство» выходит в свет в трех томах, подготовленных к печати В. Л. Андреевым.

Большой двор, выложенный булыжником. Возле сорного ящичка дети, они поют:

*Дай Бог,
чтоб он сдох,
я тогда на печку
ему поставлю свечку.*

Это о хозяине, у которого хромой сын. У сына ботинок на огромном каблуке. Второй каблук, как у всех. Маня, внучка часовых дел мастера, говорит, что нужно быть богатым, чтоб иметь такой ботинок. “Мой дедушка мог бы купить, но он хитрый. Всегда жалуется, а у него в погребке зарыт клад”.

“Никакого клада нет у твоего дедушки! — орет Наум. — Он просто бедный еврей”. — “Неправда, он не еврей, — хнычет Маня. — И я не еврейка, моя мама пела в театре:

*Поцелуем дай забвенье,
Муки сердца исцели...»*

“Исцели...” — поправляет Наум. Но тут все обрачиваются. Идут на прогулку с русско-немецкой боной две девочки Блазнер. Их во двор не пускают, там дети портного и мальчик Матвей из пробкового магазина. Матвей слышал, как мадам Блазнер приставала

к старшенькой: “Ты теперь не Рика, ты Бека”. — “Не хочу быть Беккой”, — плакала Рика, но не помогло. Мадам Блазнер решила, что у них все будет как в Англии. Рика знала, что в столовой висит ремень и что этим ремнем...

На площадке перед кухней я с подружкой Асей играю в дамскую купальню на Ланжероне. Мы приседаем на волнах и время от времени хватаемся за воображаемую веревку. Из кухни тянет капустой, свежими коржиками. Хорошо жить в таком доме. Он выходит на две улицы. На одной тачки, биндюги, трактир, где по субботам дедушка Мани берет кипяток. На другой — сапожник, булочная с золотым кренделем и греческий буфет. А в буфете вафельная машина. В готовую вафлю вдувают белый крем, сливки, по словам грека. Но мадам Блазнер уверена, что это старый яичный белок.

Старшенькая Блазнер познакомилась с самым знаменитым мальчиком нашего дома, и он обещает принести ей вафлю с настоящим кремом. Мальчика зовут Вова, его ругают все няньки, все прислуги, а он расхаживает по двору, как принц и нищий и с ним здороваются за руку жандармский полковник с верхнего этажа. Он обожает детей и постоянно царапает маленьких девочек своими щеками.

Дом, как видите, не похож на другие. Туда приходит сумасшедший Мойсейка. “Я открою переплетную мастерскую и женюсь на дочери короля, — говорит Мойсейка. — Каждый день буду есть булку, каждый день!”. Вова его никогда не дразнит. Он даже принес ему холодные котлеты. Стащил из ледника. “Ничего, не заметят, у нас много котлет”.

Я родилась в этом доме и Вова — мой брат. Есть еще сестра Катя, она пока не в счет. “Девочка, иде

ты живешь?” — спрашивают в парке. Отвечаю, как меня учил Вова: “На Канатной, угол Шпагатной, дом Веревкина, квартира Ниткина”. Так надо, в парке принято выдумывать. То, что я рассказываю, тоже выдумка, но она незаметно становится правдой. До конца правдиво то, что я говорю о моих родителях.

Их неугасимой, светлой памяти я посвящаю эту книгу о моем детстве в лучшем из южных городов.

...Особенный, еврейско-русский воздух..
Блажен, кто им когда-либо дышал.

Довид Кнут

1.

Приехал дедушка, бабушка еще в Варшаве, она шьет себе туалеты. Как можно шить туалеты, когда туалет это столик с зеркалом и оборочками? Но спросить неудобно. Дедушка сует мне монету, полтинник, ее можно разменять, это сделает Вова и тогда мы пойдем в греческий буфет.

Дедушка и бабушка живут в переулке, где когда-то была тюрьма. Люблю к ним ходить, там угощение не такое, как дома, и нет горничной, все делает большая толстая прислуга. Дедушка называет ее: Гитля-слон. «Мадам, мадам, — кричит Гитля, — пришла наша принцессочка, наш дорогой бриллиант». Мне неловко, я знаю, как Гитля-слон меня ругает, когда я лезу к ней на кухню. Но сегодня особенный день. Бабушка, дедушка, Вова и я, — меня учат, что я должно быть в конце, — едем в «Аркадию». «Скорее, скорее нарежьте франзоль, но не слишком тонко, дети не любят, чтоб было тонко». — «С чем бутерброды?» — «Конечно с швейцарским сыром». — «С русско-швейцарским», — поправляет Вова. Ему все можно, он любимец бабушки. Она считает, что Вова будет по крайней мере знаменитым доктором, у него голова министра.

Очень приятно ехать на конке, хоть и опасно. Она может сойти с рельс. В вагон входит высокая, не-

красивая дама. Мне страшно. Некрасивая дама смотрит на меня в упор. И тут я не выдерживаю: «Бабушка, дедушка, я хочу домой, я не хочу на конке! Здесь эта воровка детей». — «Ш-ш-ш», — шипит бабушка. Через остановку некрасивая дама выходит. Я готова расплакаться от стыда, но мы уже в «Аркадии». В сыром тенистом саду тихо и никого нет, кроме нас и знакомого лакея. Дедушка заказывает пиво. Как можно пить пиво, когда есть розовый лимонад Хацкеля Кура. Позже узнаю про Общество Искусственных Минеральных Вод.

Бутерброды съедены, подходим к морю, где тоже ресторан, но с военным оркестром. Бум, бум, бум, тра-та-та! И вдруг странный человек с палочкой начинает раскачиваться. «Бабушка, кто это? Сумасшедший? Он молится?» — «Нет, золотко, это капельдиднер». — «Капельмейстер», — возмущается дедушка. «Ну, ты всегда так, не даешь мне поговорить с ребенком». Милые мои старенькие, им лет по шестьдесят, дедушка и бабушка. Дедушка умный, читает толстые книги и мало верит в Бога. А бабушка красавица, но скупая. У нее ключи от кассы. Касса... Помню в ней шарики, бульдегом. Наверно были и деньги, но кому они нужны!

В бабушкином переулке у меня много друзей. Один из них, Авремл, сын Гитли-слона. Счастливый мальчик, он болен и ему запретили учиться. Все во дворе завидуют. Особенно остроносая Васса Василенко и девочка Рая. У Раи два брата с невероятно тонкими ногами. «У них ноги, как спички, — говорит Васса. — Они могут сломаться». Но Туля и Шуля не стесняются своих тонких ног, а еще дразнят нас: «Раз, два, три, Сопли утри!».

2.

Мы гуляем с Верой Львовной, учительницей Вовы. Впереди Вова, он свистит и с важным видом оглядывает прохожих. Сзади плетемся Ланя и я. Ланя, племянник Веры Львовны и наш дальний родственник. У него нет матери, а отец, бывший начальник станции, живет в неизвестном городе, Кобеляках. Там для Лани нет места. Он спит на стульях и отец его бьет. Отец говорит, что он идиот и погубил свою мать. Умерла она, когда Лане была шесть лет, но отец стоит на своем. Вера Львовна назло ему берет Ланю в Одессу и здесь, в Одессе, он тоже спит на стульях. Около буфета, который содержит знакомый грек, Вова исчезает и через минуту возвращается. В руке у него четыре клейких ириски: две для меня и две для Лани. Вова купил их на копейку, он нашел ее под лестницей.

Сколько раз мы проходили мимо дома в маленьком густом саду. Перед ним, на улице, нищие, некоторых я знаю давно. Вера Львовна объясняет, что в Дешевой кухне их кормят на пожертвованные деньги. Это самые обыкновенные деньги, их жертвуют, когда кто-нибудь умирает или чтоб сделать доброе дело. Меня мучает Дешевая кухня, во что бы то ни стало хочу попасть в дом с палисадником. Он очень близко, но как туда пойти? После разговора с Ланей, наконец решаюсь: «Ты должен довести меня до Кухни (так

мы называем Дешевую кухню), а затем ждать на улице». Ланя долго думает и в конце концов соглашается. По его словам он рыцарь и даме ни в чем не отказывает.

В жаркий осенний день, когда из-за духоты сидят при закрытых ставнях, мы тихонько выходим. А вот и знакомый дом, Кухня, но теперь все кажется таинственным. Ланя звонит. Сильный, дребезжащий звонок. Потом отходит, как было условлено. Я лицом к лицу с дамой в пенсне. Дама почему-то думает, что это ошибка или глупая шалость. «Что тебе здесь нужно, девочка?» — «Я, я хочу пожертвовать, у меня пожертвованные деньги...» Дама в пенсне берет меня за руку и почти тянет в дом. Она кричит: «Цецилия Ароновна, идите сюда, тут пришла одна жертвовательница!» Меня окружают незнакомые люди, они беспрерывно задают вопросы: Кто я? Откуда? Как моя фамилия? Приходится сказать, но я прошу даму в пенсне держать все втайне. Когда даешь, не надо себя называть. Это написано в одной скучной книге. Кроме того, я не уверена, что мой поступок понравится папе и маме. А деньги дал мне дедушка на Хануку. Золотая монета, пять рублей. Она должна была храниться в копилке. Но начинают приходиться одесские нищие и меня охватывает ужас. Я убегаю и на ходу еще раз прошу никому ничего не говорить.

Бедный Ланя ждет у калитки. Он сильно взволнован, боится, чтоб меня не задержала полиция, которой ему угрожал отец из Кобеляк. Тогда мне не снилось, что Ланя, недоучившись, станет бродячим провинциальным актером, а к концу войны как будто улетучится: «пропал без вести».

3.

У моей колыбельной подруги, Аси, есть старшая сестра: гимназистка Витя. Витя важничает. Если она и ее подруга Ниночка принимают нас в игру, мы — прислуги. Иногда мы просто младшие сестры или дети. Детей они поминутно ставят в угол и Витя-мама жалуется Ниночке-папе, что мы скверные, невоспитанные девчонки, не хотим делать реверансов и все тащим из буфета. Настоящий отец Аси и Вити, — господин с мясистым носом и толстыми усами. Я видела, как он в коридоре ушипнул в одно место глупую Катю Брыскину. Та страшно испугалась, но Асин папа стал ее успокаивать. Он говорил, что может ей сделать приятное. Не рассказала это Асе, она будет недовольна, что ее папа хочет сделать приятное не ей, а дуре-Кате.

В асиной квартире живет бабушка в парике. У нее самая лучшая комната. Кухарка говорит, что тут пахнет большими деньгами. Бабушка не очень добрая и не расстается с серебряной сахарницей. Где асина бабушка, там и сахарница. Когда забывает сахарницу на столе в столовой, долго ворчит и ругает нас за то, что мы болтаемся под ногами.

По вечерам асины родители уходят в клуб. Все в доме говорят, что они картежники. В клубе я была только один раз с Асей, ее мамой и тетей Майер из

Аккермана. Это был детский праздник. Показывали фокусы, довольно понятные. Например, два скелета летали. А что же им делать, не могут же скелеты ходить, как я или моя подруга Ася. На празднике я выиграла чайный сервиз, и Ася расплакалась: «Мы тебя пригласили, значит сервиз мой, отдай мне». — «А ты меня отпригласи, тогда я тебе отдам». Отпригласить Ася не сумела, и сервиз, чашку за чашкой, разбил Вова, когда варил необыкновенное розовое варенье. Но о варенье я еще расскажу.

Неплохо иметь родителей-картежников. Перед уходом асина мама накладывает на щеки и на нос три слоя пудры... «Понимаешь, — объясняет она мне, — там нет времени. Я пудрюсь на всякий пожарный случай». Чтоб задобрить детей, их мама говорит, что они могут получить на ужин все, что захотят: халву с хлебом, маслины, кишиневскую колбасу.

Тетя Майер жаловалась моей маме: «Даже на именины детей они уходят в клуб...» По-моему тетя неправа. Именины или, как меня поправляют, дни рождения у них празднуются не хуже, чем у нас. Приглашают на чашку шоколада, а потом дают чай с молоком. К чаю трубочки с кремом и пирожные «шоколадная горка». Потом орехи, конфеты, яблоки. На именины приглашают девочек Блазнер. Кухарка говорит, что это из-за мисье Блазнера, у него мануфактура или оптовая галантерея, одно из двух. Девочки Блазнер съедают по одной трубочке и смотрят мне в рот, потому что я съела, не помню сколько.

Ася и Витя по вечерам остаются с прислугами: еврейской кухаркой Феней, горничной Глашей и ее мужем, Федей. Федя не прислуга, но он всегда торчит на кухне. Горит керосиновая лампочка, не такая как в столовой, но она тоже здорово коптит. «День затемняется, ночь зачинается», — говорит Федя, прикручивая лампочку. Идет представление. Он и Глаша,

муж и жена, они ссорятся. Глаша называет его лежебоком. Он хочет ее бить. Это гораздо интереснее Вани и Маши и дурацкой бабы-Яги. Но все портит бабушка. Она кричит из столовой, что дети приличных родителей не сидят с прислугами.

Асин папа рано возвращается из конторы. Днем он отдыхает и тогда должно быть очень тихо. Ее мама лежит, у нее красные глаза и опухший нос. Она требует, чтоб дети пили молоко, готовили уроки и не мешали взрослым. Когда из Аккермана приезжают Маня и Лора Майер, становится еще скучнее. Лора и Витя секретничают. В последний раз они говорили про Вову и все время хихикали. А Маня боится запачкать новое платье и когда ест, отодвигает ^{стол} мизи-нец вбок. Она ломака, мы с такими дела не имеем, но Маня приехала в гости и ей надо уступать.

В воскресенье утром Вова предложил всем собраться у нас в детской: он хочет варить розовое варенье. «А разве у вас в детской есть прита?» — вмешивается Маня. Вместо л она говорит р, и ее дразнят «порамарася руна, стара поровина». В детской порядок, мои игрушки на месте, а на столе вовино «Путешествие через дебри и пустыни». «Я буду варить на лампочке от волшебного фонаря, — говорит Вова, — надо приспособляться к случаю». Лора почему-то густо краснеет, у них в Аккермане видно нет таких умных мальчиков, как мой брат Вова. В самой маленькой кастрюльке, какую удалось найти, лепестки розы, много-много сахара и капелька воды. Вова устраивает кастрюльку на крышке волшебного фонаря, и мы ждем. Каждый успевает рассказать, как варят варенье и что за сотню абрикосовых косточек у сына доктора Скалкина можно получить шоколадку с Толстым. Толстой, писатель, на шоколадках у разносчика, зато у грека шоколад с сюрпризами: шарик, а в нем кольцо или сердечко. Один раз у Мани был сюр-

приз — кукольный дом. Хочу сказать, что кукольный дом не может там поместиться, но кастрюлька начинает булькать. «Видите, — говорит Вова, — это очень просто, а в пустыне еще проще, зароешь в песок и через минуту готово».

Мы согласны ждать хоть до вечера, лишь бы удалось. Чтоб убить время, потихоньку раздеваем парижскую куклу. Мне ее привез папин представитель, Кирш. Как он может представлять папу, не знаю. Папа большой, красивый, а Кирш узенький: у него узенькая бородка, узенький нос, узенькая шляпа... Парижская кукла, как все куклы. Может быть внутри у нее не так устроено. Вова предполагает осторожно резнуть. Сыплется белое, белая пыль. Ничего интересного. Когда же варенье будет готово? В лото играть не стоит, все равно выиграет Лора из Аккермана. Вова не отходит от фонаря и не дает нам подойти: «Вы испортите». Только Лоре можно подходить и даже трогать кастрюльку. Как бы я хотела, чтоб за ними приехал, наконец, дядя Анисим. Аккерманским девочкам здесь нечего делать.

Когда нас позвали пить чай, варенье было готово. Оно пахнет клеем и розами с дачи Серебренникова. Каждой из нас Вова дал по блюдечку, а Лоре, как гостье, два полных блюдечка. Потом кухарка кричала, что украли кастрюлю. Кастрюлька нашлась, но ее нельзя было отмыть. Это она выдумала. Наша кухарка Геня не любит мыть посуду. Она обязательно хочет учиться. «У меня никогда не было родителей, — говорит Геня. — Моя фамилия не такая, как у вас: Непомнящая... Хочу подписываться, я не хуже других, пусть меня учат. Ничего, сумею заплатить». Учительница нашлась, сестра конторского мальчика, Вениамина, ученица пятого класса. Она приходит по вечерам к нам на кухню, и они долго разговаривают. Геня достает тетрадку, ей дал Вова, и начинает скрипеть пе-

ром. «Нет, лучше карандашом, наш резник всегда писал карандашом». — «Геня, вы забыли блинчики...» — «Сейчас, сейчас, — машет рукой Геня, — вы же видите, я занимаюсь».

Вениамин — конторский мальчик, он ходит на почту и в магазин Александровского. Часто он сидит за столиком в конторе и рассматривает свои красные большие руки. Вениамин был в Городском училище. — У всех там красные руки, — рассказывает мне Вениамин. Как-то раз учитель дал ему по морде, и Вениамина взяли из Городского училища. Потому что у них в семье все бедные, но гордые. До нас Вениамин служил в магазине красок и там хозяин тоже бил его по морде. Здесь Вениамину хорошо, работы мало. Вова тащит для него папиросы, а я кусочки курицы и засохшие пирожные. «Вениамин может съесть быка, — говорит Геня, — и ничего, все такой же тощий». — «Он растет, ты же должна понять, что он растет,» — сердится ее сестра, Гинда. Она приходит к нам погреть свои старые кости. Хотя костей у нее нет, она круглая — шарик на шарике, зубов у нее тоже нет. Вениамин не обращает на Гинду внимания. Бабские разговоры. Он сидит за своим столиком, я рядом с ним, и рассказывает про Городское училище, где он пробыл целых полгода.

Открывается дверь, ее забыли прихлопнуть, и входит человек в пальто с пуговицами на ниточках. Он бросает на столик письмо. «Передайте!» — и быстро дав задний ход, исчезает. Письмо папе. На нем череп и кости, крест-на-крест. Оказывается папа-кровопийца и должен уплатить десять тысяч, иначе его убьют и тогда трудовому народу будет хорошо. Взрослые взволнованы, особенно волнуется дядя из Николаева. Он говорит, что письмо ему не нравится. «Кому оно может нравиться?» — спрашивает бухгалтер с черной бородой. И вдруг настоящий звонок, приходит зубной

врач, Моргенштерн. Он живет у нас в доме, на нашей лестнице. Зубной врач волнуется больше всех. «Но откуда вы узнали про письмо?» — «Не задавайте мне вопросов, это ужас, безобразие и чудовищная опасность. Вы обязательно должны с ними договориться, может быть они уступят». Папа и слышать не хочет, но мама начинает волноваться, и он соглашается. «Я сейчас пойду», — говорит Моргенштерн. «Куда вы пойдете?» — «Сам не знаю, куда», — отвечает он и гордо уходит. За этот день он был у нас пять раз. Каждый раз эти бандиты, эти налетчики ему уступали. Папа был непреклонен. Наконец, Моргенштерн расплакался и сказал, что ему надо платить за квартиру. Тогда папа дал сто рублей и больше никто к нам не приходил.

Дядя из Николаева долго не мог успокоиться. Он повторял, что папе страшно повезло. Но папа был уверен, что это штуки зубного врача. В дальнейшем выяснится, что он не ошибся. Разубедить дядю нелегко. Он почти всегда у нас, спит у Вовы или в проходной комнате и ищет дела. Бабушка сказала, что работать ему не подходит, он родственник Бродских и хотел бы сразу стать Моисеем Монтефиоре. «И мой бедный сын должен добывать на всю эту ораву!». Дедушка и бабушка не любят маминых родственников. А мне с ними интересно, у них всегда неприятности с банком. Недавно дядя из Николаева привез свою дочь, она кончила гимназию и хочет стать учительницей музыки. Жить она будет, конечно, у теинок и дяинок. Матя добрая и все говорят, что она симпатичная, только страшно долго одевается. Чистит юбку, трясет ее, потом в корсете лопаются шнурок и надо начать сначала. Панталоны у Мати длинные, с оборками, такие, наверно, носят в Николаеве. Матя поступает в школу Галки. «У нас в музыкальной школе», — говорит она за обедом. «Матя, но ты всего три

дня, как поступила...» — «Ах, теинька, — обижается Матя, — почему вы думаете, что я еще не в музыкальной школе?» — «Ну, конечно, — говорит мама, — ты ученица Галки и мы все очень рады». Не рад один Вова, Матя с ним занимается до его настоящего урока у мадам Трейн. Это учительница музыки Вовы и всех знакомых детей.

По ее мнению у Вовы замечательные руки. У меня тоже замечательные руки, правая и левая в отдельности. Я ведь начинающая и играю по пятнадцать минут в день, и то потому, что мне рассказывают про девочку из Березовки: она не хотела играть упражнения и ее привязывали к стулу. К мадам Трейн я прихожу вместе с Вовой. Там уже куча учениц: Маничка, Женичка, Феничка и Гудула. «Феничка, упражнения!» — кричит мадам Трейн. «Это не моя очередь, — говорит Феничка, — теперь Гудула». В это время мадам Трейн подзывает Женичку и начинает давать ей поручения. Она всегда дает поручения, но не Вове и не мне, потому что я не могу выходить одна на улицу. Женичка уходит в лавку за маслом и хлебом здоровья, или просто хлебом. Гудула кончает упражнения, а Маничка начинает играть гаммы. Но мадам Трейн их не слышит, она разговаривает по телефону с матерью самой лучшей ученицы: «Дорогая, вы должны быть довольны, у нее замечательные руки...» Ничего не понимаю, у всех замечательные руки, и мне становится жалко Вову и себя.

А Вова сидит в кабинете мужа мадам Трейн, о нем забыли. Он читает книгу для взрослых, она называется «Нана». В прошлый раз он читал рассказ со смешным названием «Байбаки». Вова надеется, что о нем окончательно забудут и тогда он прочтет все книги. После Манички, Женички, Фенички и Гудулы приходит Рая. Я с ней не разговариваю, мы поссорились из-за портрета царя. У них в квартире висят царь и

царица, а я знаю, что это нехорошо: мой двоюродный брат, Левочка, сказал, что царя надо сбросить. Что он похуже всех вместе взятых. Рая на меня обиделась: их прислуга Фрося говорит, что тот, кто видел царя, будет жить до ста лет. Потому она ушла на целый день, когда здесь был царь. Царя она так и не увидела, но познакомилась с одним матросом, и он стал ходить к ним на кухню. Рая уже целый год играет сонатину: тарарара там-там, тарарара там-там... Сегодня она споткнулась на том же месте. Рая ненавидит сонатину. Когда мы еще дружили, она сказала мне, что хотела бы играть вальс из Фауста. Со мной мадам Трейн не церемонится. Она берет мою руку и старается растянуть ее: «Вот видите, почти что октава». Мне нравится мадам Трейн, она маленькая и у нее чудные волосы. Мадам Трейн гордится своими волосами, она вытирает их спиртом из бутылочки, так они лучше растут.

Больше всех мне нравится бывший вовин учитель, студент Мальберг. Он любит рассуждать, и Вова ему подражает: «Вы понимаете, я, как будущий адвокат...» Мальберг живет на квартире у одной нашей родственницы. Я слышала, как она жаловалась маме: ваш студент вместо того, чтоб идти на экзамен, играет на скрипке. Вбил себе в голову, что это хорошо для карьера или для карьеры, не помню. Он даже в уборной играет на скрипке. «Вот, что значит иметь неудачных детей и сдавать комнаты» — говорит родственница. Она всем недовольна. Если б ее покойная мама дала ей такие простыни и наволочки, как тете Басе, ей не пришлось бы держать у себя всяких студентов. А мне приятно, что Мальберг подает мне руку и спрашивает, здорова ли я, хотя видно, что я здорова.

К Вовае каждый день приходит еврейский учитель Малинкович. У него-убеждения. Дедушка боится, что

Вова, упаси Бог, вместо того, чтобы учить Пятикнижие, станет агитатором. Поэтому через некоторое время Малинкович исчезает и появляется Айзенберг. Он приносит мне азбуку, где одни буквы больше других. Главное — у Айзенберга чудный перочинный нож с крючками и ложечкой, чтобы ковырять в ухе. Заниматься с ним очень легко. «Ну, что новенького? Что у папы? Дядя еще здесь? А Махалицкий к вам приходит?» — Айзенберг задает мне вопросы, а я на них отвечаю. Узнав, что Махалицкий приходит, Айзенберг начинает рассказывать, какой он мот, покупает лакированные ботинки и не платит учителям.

Есть еще француженка, мадмазель. Она поет со мной: «Сюр ле пон д'Авиньон...» Она сама из Гренобля, у нее там бедная маман, папа, брат Филипп. Все сестры уехали в эту далекую Россию и все стали «демиплас». Мадмазель говорит, что красиво иметь усики. В Гренобле у бедной маман были усики, и она считалась первой красавицей. С Вовой мадмазель секретничает: она рассказала ему про своих бывших женихов — Бронислава и Володю. И про хозяйку квартиры, итальянку. Она очень аккуратная, все моет мылом, даже курицу. У мадмазель много платьев, которые она донашивает. Я точно знаю, сколько их и какую провизию мадмазель купила себе на два дня. «Я должна экономить, — говорит мадмазель. — Когда умрет папа, я буду посылать переводы моей бедной маман». Мадмазель недовольна своей старшей сестрой, она женилась на греке и хочет иметь семью. Как будто у нее нет семьи в Гренобле.

Гуляю то с Верой Львовной, то с мадмазель. Если с Верой Львовной, берем с собой Асю. Она лучше воспитана, чем я, и всем делает реверансы, а сделала за всю свою жизнь только один раз. Мадмазель встретила на Дерibasовской англичанина без пальто. Он сказал, что ему всегда жарко, даже зи-

мой. Англичанин подал руку сначала Асе, потом мне. Ася дрыгнула ножкой, и я за ней. Не каждый день встретишь англичанина без пальто. Зато мисье и мадам Ландсберг мы часто встречаем. Они гуляют, выучились в загранице, там это называется: моцион. Мисье и мадам Ландсберг бывают у нас дома и даже пригласили меня на лотерею-аллегри. Я выиграла кольцо для салфетки. Они ведут нас в кондитерскую братьев Кринди. «Что вы хотите, барышни?» — спрашивает мисье Ландсберг, и не дожидаясь ответа покупает нам маленькие булочки без начинки. Ася начинает капризничать, она боится, что потеряет нижнюю юбку.

Мы заходим в библиотеку, где я меняю книги. «Вера Львовна, я должна сделать список». Все почему-то смеются. «А-а-а... Астрономия. Это — не для таких, как ты, — говорит Вера Львовна, — для подростков». Эфиопский мальчик предлагает нам похождения Мурзилки. Но я хочу взять «Дети капитана Гранта». Мальчик из библиотеки, он не совсем эфиоп, его фамилия Кусман, думает, что это не для меня. Но что ж тогда для меня? «Мать и дитя» Жука тоже не для меня, и «Нана» тоже. Скоро нечего будет читать. Я ухожу с «Детями капитана Гранта», и эфиопский мальчик кричит вдогонку: «Будьте осторожны, переплет отклеивается».

4.

Мама берет меня на базар, будем делать покупки на Новый год. На базаре очень холодно. Проходим мимо капусты и мимо рыбы. «А теперь мы погреемся у Гинды», — говорит мама. Гинда, сестра нашей кухарки, продает мандаринки. Зимой она в домике и там горит открытая печка, мангал. Мне не позволяют греть руки, у меня теплые перчатки. Мандаринки в ящиках и на полке. Те, что на полке, замерзли, они как из стекла. Потом на базаре к нам пристал какой-то пьяница, он хочет нести наши покупки. Но мама меня торопит, надо еще зайти к Чудновскому. В магазине Чудновского пахнет колбасой и бочками. Приказчик Володя, самый бледный человек на свете, говорит маме: «Новая получка, маслины...» Мы покупаем новую получку и свежую икру для папы. Он слишком много работает, у него нет времени. Но почему же у него есть время, чтоб купить нам Тоблер или плитку шоколада Фишера? Можно опустить руку в его карман и там всегда Тоблер.

С папой я еду на завод. Меня зовут, и я тут же бросаю на пол «Детей капитана Гранта», ехать на завод с папой — лучше, чем идти в иллюзион. Везет нас кучер Франц. На заводе он тонкий, а в экипаже — толстый, как все извозчики. Мы едем долго, час. Но

самое интересное начинается на Молдаванке. Из моих знакомых никто на Молдаванке не был. А мы, когда едем на завод, проезжаем Молдаванку. Там много заборов и маленьких садов. Детей больше, чем у нас. Это уличные дети, они целый день на улице.

Мы были в одном дворе на Молдаванке, у сестры механика Энтелиса. На заводе считают, что она старая ведьма и сводит девушек с какого-то пути. Она делает пудру из ракушек, толчет их и получается пудра. «От нее становятся красивыми даже уроды», — говорит сестра Энтелиса. Мы берем ее в экипаж, она едет к своему брату на завод, погостить. У него, не про вас будь сказано, умерла жена и остались сиротки, не дай Бог сойдут еще с пути... Одна сиротка совсем взрослая, у нее кудри и два кружка на щеках. Другая сиротка некрасивая, и я не понимаю, почему сестра Энтелиса не хочет попудрить ее своей пудрой из толченых ракушек.

На заводе весело. Там машинное отделение, где делают электричество, и прессы, где прессуют, и труба. Она выше всех труб в Одессе, выше, чем на заводе Гена. В машинном отделении сидит Запавский. Папа знал его, когда он был еще человеком. Теперь Запавский пьяница. Обещает никогда не пить, а вечером приходит к нам и стучит в дверь с черного хода. Если ему не откроют, он устроит пожар с пожарной командой. Кухарка Геня страшно боится Запавского. Она его уговаривает. Запавский кричит, что сейчас здесь будет бранд-майор и такой пожар, какого Одесса еще не видела. Тогда папа подходит к дверям и говорит: «Чтоб духа вашего здесь не было!» — и Запавский исчезает.

Захожу во все дома, где живут служащие. У Зальцманов остаюсь дольше, чем у механика. Их мальчик, Гриша, заводит граммофон. Граммофон рассказывает анекдоты. После этого мы поем «Накинув плащ, с

гитарой под полою...» От Зальцманов иду в контору к Абрамскому. Раньше он был мальчиком, как Вениамин, а теперь стал директором. Он говорит: «Надо иметь талант жизни, коробочку спичек Лапшина». Гриша Зальцман рассказал мне, что вокруг него вертится старшая дочь механика. Но Абрамскому на нее наплевать. Мне жалко бедную Дорочку и я сержусь на Гришу за то, что он на стороне Абрамского.

В городе к нам приходит мама Абрамского. Она высокая и на вид очень старая. Сидит в передней и ждет папу. Ни с кем она не разговаривает, даже с Вениамином. Но когда приходит папа, она начинает сморкаться, и папа берет ее в кабинет. Через десять минут мама Абрамского выходит, глаза у нее красные, но сухие. Вениамин пронюхал, что она пришла жаловаться на Абрамского. Он бегает, как его покойный отец, и не имеет уважения к этим рукам, которые его воспитали. Жена Запавского тоже приходит к папе и плачет. Мне она подарила гробницу Рахили. Она говорит, что я золотое дитя, но я думаю, что сели бы она не боялась папы, то наверно ущипнула меня или стала ругать, как ругает Запавского: «Чтоб ему добра не было, этому извергу рода человеческого».

На заводе весело. Там есть сад с фонтаном. Папа устроил его для детей, но фонтан не действует и никогда не будет действовать. Мы ходим с Гришей Зальцманом вокруг фонтана. Гриша поет, он хотел бы стать певчим в Большой синагоге. Для этого надо пить сырые желтки. Пройдут годы, и Гриша войдет к нам в квартиру в кожаной куртке с двумя наганами, но увидев папу, убежит, не поздоровавшись. Иногда в сад приходит Вова, он смеется над нами и называет нас парочкой. Он просит Гришу: «Синьор Карузо, спойте, пожалуйста, «Накинув плащ...»

Лучше всех поет мама. Прадедущка хотел послать

ее в консерваторию, он думал, что из нее выйдет знаменитая певица. Но мамин папа не позволил: мама должна иметь семью, как полагается, а у артисток семьи не бывает. Мне стыдно, но я рада, что мама не стала артисткой и у нее семья: папа, Вова, Катя и я. Катя выросла на целый вершок. Она гуляет с няней-Еленой и носит шляпу с петушиным пером и матросские платья. По вечерам мама играет песенки из альбома. Я пою с ней про бедных и сирот и мою любимую «Братцы, мороз на дворе, русский, трескучий мороз». Когда мама играет «Волны Дуная», я начинаю кружиться. Под ногами воздух, я лечу. «Мама, я лечу!» Но никто не верит, все делают вид, что это шутка. Ночью летают многие. Рассказала Асе, что я летаю по субботам, и она тут же выдумала, что летает по воскресеньям. После этого мне расхотелось летать.

Не успела мама уйти, как прибегает Вова, он подобрал «Крутится, вертится шар голубой». Он может играть по слуху «Ветерок пусть колышет листочки» и «Восемь девок, один я». Вова все умеет, с ним никто не может сравниться. Ася хотела доказать, что Даня Фукс, с их дачи, тоже играет по слуху, но я не верю. Это обыкновенный толстый мальчик и он будет провизором, как все Фуксы. К Вове приходит его товарищ, Наум. Они играют в марки. В Пушкина или Гоголя кладут марку и начинают считать: Боря, Наум, Боря, Наум... Я стараюсь, чтоб меня не заметили. Марку на семьдесят третьей странице выигрывает Вова, и я кричу: «Ура, наша взяла!» Наум готов меня разорвать, он молчит, но после, наверно, задаст мне перцу.

Лучшие друзья Вовы — близнецы с микроскопом. Их младший брат сказал мне, что в капле воды такое творится, что представить себе невозможно. И в капле молока тоже. «Это инфузории, — говорит один из

близнецов. — Вы это поймете, когда будете во втором классе». Вова не отходит от близнецов. Особенно его интригует их рыжий отец. Он делит мясо за обедом. Мы живем на одной даче, но у близнецов с микроскопом дом в фруктовом саду. Ничего трогать нельзя, сейчас же является садовник Максим и начинает вопить, что жида-хриstopродавцы все вишни обобрали! Больная мама близнецов жалуется, что ее скоро в гроб вгонят. Когда переезжали, она кричала, что эти мерзавцы погромщики разбили детский умывальник и банку с вареньем. Перевозчики говорили слова, которые я слышала на базаре. Кухарка Геня меня предупредила, что, если я их повторю, мне будет плохо. Я решила не повторять. Но перевозчикам повезло: рыжий папа хотел всем надавать оплеух, и никому не дал. «Он зажилил чаевые, — сказал садовник Максим. — Хорош гусь!».

На даче куча детей. На аллее я сразу познакомилась с девочками Штромберг; они чистенькие и прилизанные. Вова говорит, что они хорошенькие. Объясняю им, что хочу поступить в гимназию, где много недостаточных учениц. «В моей гимназии не будет недостаточных учениц», — говорит Миля Штромберг. Я с ней тут же поссорилась на всю жизнь. Лучше я буду играть в крокет с младшим братом близнецов и с мальчиком из Ростова. Они всегда дают форы. Младший брат, Женя, останется моим другом, и, когда Ася и я будем уже настоящими гимназистками, за мной по пятам будут ходить мальчишки из гимназии Панченко и петь: «Вот идет невеста Жени Туровича, вот идет невеста Жени Туровича!». — «Ты, действительно, его невеста?» — спросит Ася. Она любит, чтобы все было прилично. «Клянусь тебе всем святым, что я не его невеста и никогда ею не была!».

5.

Но до этого еще далеко, пока мы играем в крокет или сидим на площадке, где растет жасмин. Мальчик из Ростова, его зовут Пава, начинает: «Жасмин хорошенький цветочек, он пахнет очень хорошо...» — «Если ты не замолчишь, — говорит Женя, — я сейчас же уйду читать «Родную речь». Пава перестает декламировать и начинает что-то бурчать. Я тоже люблю декламировать. Наверно буду артисткой, когда кончу гимназию недостаточных учениц. Мой дядя из Николаева говорит, что я декламирую с пафосом и что это замечательно. Все должны декламировать с пафосом. Когда мама и папа уходят к Немировым слушать граммофон я читаю ему из вовиной «Русской музыки» стихи Неизвестного: «Мне говорят, твой чудный голос — ложь, прельщаешь ты притворною слезою». Как можно прельщать слезою? Но когда читаешь стихи, лучше не спрашивать, это сказал мне двоюродный брат, Левочка. Он подружился с молодым человеком, который хочет быть студентом. «Надо поставить пьесу, — говорят они, — матерьял есть». Матерьял — мы, дачные дети. Девочкам Штромберг запретили участвовать, а я готова играть с утра до вечера. Но где пьеса? Может быть нас не возьмут? Боже мой, сколько волнений. Наконец двоюродный брат приезжает к нам на дачном поезде и привозит

тоненькую пьесу, она называется: «У страха глаза велики». Сначала надо переписать роли. У Жени хороший почерк, он мог бы переписать, но его больная мама волнуется: «Ребенка заставляют работать, подумайте. Как будто этот жлоб не может сам переписать!».

Репетиции в беседке или у молодого человека. Иначе приходят няни с детьми и те, кого не пригласили. Они отпускают замечания и говорят, что мы провалимся. Но я знаю, что мы не провалимся. Проваливаться некуда. Кроме пьесы будут еще живые картины: четыре времени года, гадание и Демон с участием Тамары. В пьесе папу играет Вова, а маму — Броня, самая хорошенькая девочка на нашей даче. Ее цвету лица завидует сама мадам Штромберг. Своим детям она советует быть, как Броня. Вове она нравится. Вчера на станции они гуляли вокруг скамейки. Вова мне сказал, что он ухаживает. За мною никто не ухаживает, кроме Жени. Броня в пьесе совсем неплохая мама, зато Вова страшно раздражительный папа. Должно быть, у него плохие дела.

За неделю мы выучиваем наши роли. Теперь надо шить костюмы. Демон, мальчик из Ростова, решил пустить в ход свой непромокаемый плащ. Так в него завернуться, чтоб все думали, что это крылья. День спектакля. Приходят родители, даже с чужих дач, обиженные дети и прислуга. Отгородили простынями часть аллеи, это сцена. В первом действии — комната, молодой человек одолжил где-то складные стулья, стол есть на аллее. Зато во втором действии мы в лесу, собираем ягоды. Стало темно, всем страшно, нам и зрителям. Вдруг я вижу два больших круглых глаза, они светятся. «Ах!», вскрикивает Оля, то есть я, и падает в обморок. «Нашей барышне дурно», — кричит Геня, она сидит во втором ряду. Геня не понимает, что это театр. Она бросается на сцену, но

молодой человек шопотом говорит: «Занавес», и сын садовника Максима дергает за веревку. Нам долго аплодируют. Броне подносят большой букет, а мне букет поменьше. Я в нем нащупала что-то твердое. Оказывается, конфеты. Живые картины всем понравились, особенно Демон. Он так пристально смотрит на Тамару, — она его сестра и ее тоже зовут Тамара, — что кухарка Геня опять готова бежать на сцену.

Мы собрали за билеты рубль семьдесят пять копеек, молодой человек отдаст их семье, где восемь человек детей. Пава слышал, как он сказал кассирше из магазина Рухлина: «Вы понимаете, это паллиатив, но в буржуазном обществе...» Что было дальше, Пава разобрать не мог. Он и так с трудом узнал у своего папы, что такое «буржуазное общество», и «паллиатив». Его папа ругал наш спектакль и молодого человека. «Он сгниет на каторге», — сказал он. Чуть не забыла, что после спектакля мы играли в летучую почту, и я получила письмо: «Вы Оля». Броня получила несколько писем, и все от Вовы. Дочь маминой подруги, Адя Немирова (они живут у нас на даче), получила два письма. В этом году Адя решила меня учить. Она говорит, что есть такая игра. Мне она не нравится. Но Адя с утра зовет меня, и я должна смотреть, как она пьет чай с двумя кусками хлеба с маслом. Страшно медленно макает их в чай. Если б я так долго пила, мне бы попало. Но Аде все можно, она спасенная девочка, ее спасли, когда был пожар. Адю выбросили из окна на простыню. После этого она не хотела ни с кем разговаривать.

Зато адина мама веселая. Она «голь, шмоль и кампания», как говорит моя бабушка. Адина мама пригласила меня в театр, на самый верх. Я увидела занавес из железа. Он опускается и поднимается. Адина мама обещала еще раз пригласить, но забыла,

у нее масса дел, она должна ходить в клуб на лекции, чтоб играть в карты. Так она мне сказала. Они живут в доме, где Либман и большие трубочки с кремом. У Ади на комодике кукольный дом, ей подарили за пожар. Но Адя даже не смотрит на него, хотя в нем пять комнат, ванная и кухня с кастрюльками и утюгами. Она хотела бы, чтоб кукольный дом спрятали для ее будущих детей, у нее будет три девочки.

Я боюсь Ади, она хочет меня наказать за то, что я не знаю, сколько это восемь девять... В наказание надо бить по рукам и по одному месту. Никто не поверит, что Адя меня бьет, я не жалуясь, все равно скажут, что я выдумываю. Броня гораздо симпатичнее. Я прощаю ей, что Вова прогнал меня, когда я хотела пойти с ними на станцию за семечками. Броня красивая, она аккуратно причесана, все на ней чистенькое и руки чистые. Она подарила мне «Письма с моей мельницы» Альфонса Доде, там нет начала, но я уже знаю наизусть: «Его звали Стеном, маленьким Стеном, он был дитя Парижа, худой и бледный...»

Утром к нам на дачу приходят торговки и разносчики. У торговки Баси — куры, она показывает на свет, какие они желтые. «Все это жир, будет золотой бульон, как на свадьбе у вашей дочери, дай вам Бог дожить до этой радости», — говорит Бася моей маме. Мама на аллее в матине, другие дамы тоже в матине, так называют кофту с прошивками. Мадам Штромберг торгуется из-за копченой скумбрии, и старик с красным платком не хочет уступить. Он все повторяет, что мадам Штромберг будет ему благодарна за то, что он продал ей такую замечательную скумбрию. Адина мама просит итальянца показать свои брошки. «Это мозаика», — говорит итальянец. — «Посмотрите, какая она тонкая!». Самое

удивительное — человек с Кавказа, с черной бородой. Он вытаскивает из маленького узелка огромные вещи. Непонятно, как он их уложил. Один раз на нашу дачу пришел китаец. Он продавал фигуры из камня. Мадам Штромберг уверяла, что это выброшенные деньги. Китаец увидел Броню. Она ходила по аллее со своей закадычной подругой, Тамарой. Китаец смотрел на Броню, потом он зажмурился и сказал при всех: «Москва был, Петербурга был, самый красивый во вся русска». Китаец хотел знать, где она живет и подарил ей фигуру, похожую на птицу, но бронина мама не позволила взять. Китаец не рассердился, но у него стало скучное лицо. «Ничего, он еще придет», — сказала я Броне, но она и слышать не хотела про китайца.

6.

К нам приехала тетя Таня, мамина старшая сестра. Она веселая, хохочет из-за пустяков и вечно шепчется с дядей из Николаева, это ее муж. Они говорят о делах. Дядя хотел бы стать инспектором страхового общества. Пока он еще агент, но это придет. У тети Тани болят руки, она должна лечиться в заведении теплых морских ванн. Там в каждом номере ванна с желтым дном и узенькая кушетка. На ней делают массаж. Приходит массажистка, она жалуется, что все дамы упитанные и их нужно тереть «до потери сознания». Она гладит тетину руку. «Пожалуйста, покрепче, Дора Семеновна, — говорит тетя, — я люблю усиленный массаж». Тогда массажистка начинает похлопывать. Но тетя не удовлетворена. Ей хочется, чтоб намассировали на целый год. Заведение выходит на бульвар над морем. Оттуда можно видеть пароход «Тургенев». Он проходит там, где горизонт. Адя сказала мне, что горизонт — воображаемая линия. Но я ее вижу, значит она не воображаемая. Некоторые мальчики доплывают до «Тургенева». Вова им завидует. Через два года он сам будет доплывать. И мама, увидев, что он доплывает, лишится чувств, как бывает в книгах.

Мой день рождения в конце лета, когда начинают говорить о переэкзаменовках. На даче теперь совсем

другие цветы. Папа знает их названия, он ботаник и кроме того, собирает бабочек. Он говорит, что в Одессе ни у кого нет хорошего гербария. Близнецы с микроскопом смеются над ним, у них есть гербарий, почище павиноного. Папа привозит из города маски, разноцветные фонарики, конфетти и серпантин. Без фонариков не может быть хорошего рождения.

Просыпаюсь очень рано, чтоб день был длиннее. Не успеваю умыться, как приходит садовник Максим. Сегодня он страшно вежлив. Максим подносит мне букет, самый большой, какой только можно себе представить. Даю ему рубль. Мне приготовили его с вечера. Мама и папа дарят мне часики и туфельку. В ней часики будут висеть над кроватью всю мою жизнь. Через месяц я их так испорчу, что ни один часовых дел мастер не захочет починить. Но это неважно, они со мной на всю мою жизнь.

Гости должны придти в четыре часа. Приглашены дети с нашей дачи и два мальчика с Шестнадцатой станции. Один из них играет на скрипке. Мама говорит, что он принесет свою скрипку. Приедет мой двоюродный брат и его сестра, Мальвина, она будет зубным врачом, а сейчас она красит губы и командует своими несчастными родителями. Кузина Матя живет у нас, она будет помогать маме. С Хаджибейского лимана приезжают моя подруга Ася и ее сестра, Витя. Ася будет у нас три дня и после этого я поеду с ней на Хаджибейский лиман. У них там собственная дача, нанимать не нужно, только сдавать. Все дети приносят подарки: Рейнеке Лис, Семь мудрых школяров, Маленький лорд Фаунтлерой. Мадмазель дарит мне Женераля Дуракина, очень глупую книгу. Мой друг Женя принес коробку шоколада. Ему неприятно, он не знает, куда поставить. Мы садимся за длинный стол в саду, на нем наверно тысяча пирожных и пирогов. После будут игры и скрипач с

Шестнадцатой станции. А вечером цыплята и мороженое. Фейерверк папа тоже не забыл привезти из города. Хорошо, что бабушка и дедушка в Карлсбаде, они всегда боятся пожара.

Ася и Витя опоздали, их мама должна была заехать в клуб, где днем играют в лото. Шоколадный торт уже съели и Матя начала приставать к скрипачу: «Пора приступить...» Скрипачу, его зовут Оня, видно, не очень хотелось, но он знал, что это его обязанность. Я успела забежать с Асей в спальню, у нее важные новости: «Ты, Надька, просто лопнешь». Но Матя уже кричала, что мы задерживаем концерт, что скрипач волнуется. Пришлось идти слушать серенаду и колыбельную. От нее Мальвине захотелось спать, она закрыла глаза. «Мальвинка делает вид, что она переживает», — довольно громко сказал Вова и на него шикнули. Скрипачу много аплодировали. Особенно старались родители. «Это будущий Кубелик», — говорила Матя. Ей тоже аплодировали, но меньше, чем Оне, потому что она играет на пианино. После скрипача Софочка Шмидт читала стихотворение «Письмецо от внука получил Федот». На рождении у Аси она тоже читала про Федота. Но родители делали вид, что слышат в первый раз. «Такая начитанная, серьезная девочка, вы понимаете, одни пятерки...» Потом я декламировала «Мужичок с ноготок» и «Поздняя осень, грачи улетели». Чужие родители нашли, что у меня масса чувства. И тут мама им сообщила, что я хочу быть артисткой. «Она еще передумает, — сказала асиная мама. — В прошлом году она хотела быть акушеркой».

Пава и Женя ходили за мной, куда я, туда и они. С Асей буду разговаривать в постели, мы всегда спим в одной постели. Нельзя пропустить иллюминацию и фейерверк. Фонарики зажег Вова. В это время мы ели мороженое. Скрипач Оня молчал, он сделал свое

дело и теперь ему скучно. Никто уже не говорит, что он Кубелик. После мороженого был фейерверк: бенгальский огонь и ракеты. Некоторые отсырели. Зато другие поднимались высоко и исчезали. Может быть, они падали в траву, но я не думаю. Матя под села к пианино и заиграла па де катр и польку-кокетку. «Простую польку! — кричал Вова. — Надя еще не умеет танцевать... Где конфетти?». Пава высыпал на меня целый пакетик и тогда мне стало весело. Я хочу танцевать польку-кокетку, ничего, что я не умею, я буду подражать. Оня стоял в стороне. «Почему ты не танцуешь?». Он не ответил. Скрипачу, верно, не полагается. Когда рождение кончилось и стали уходить, Пава вспомнил про маски. Но было поздно. «Не задерживайтесь, — говорили родители, — пора домой». Асина мама так долго с ней прощалась, как будто она уезжала в Херсон или Николаев, а не на свою дачу.

Я страшно торопилась, надо узнать асину новость. Здесь нет стен, а перегородки, и Матя все слышит, Галка говорит, что у нее почти абсолютный слух. Ася начала ломаться: она еще не решила, можно ли мне сказать. Но когда мы легли, она быстро стала на-шептывать: «У Вити кровь, каждый месяц, ей Богу. Она испугалась, что запачкала простыню и мама и тетя Ився будут сердиться...» Витя хотела замыть пятно, но пришла ее мама и сказала, что она ей объяснит. Потом Витя хвасталась: она взрослая, у взрослых это бывает каждый месяц. От Аси я узнала, что когда-нибудь у нас будут месячные, так это называется. Мне новость не понравилась. Я думала, что Ася расскажет про мальчиков Зильбершмидт. А кровь пусть будет у Вити, я за этим не гонюсь. На другой день я хотела все забыть, но Вова порезал руку перочинным ножом и пошла кровь. Я расплакалась и выбежала из-за стола. «Наденька такая впечатлитель-

ная, она слишком много переживает», — сказала Матя, — и все рассмеялись.

Ася жила у нас два дня, и мы ходили с катиной няней-Еленой на берег собирать ракушки. Ася хочет сделать себе ожерелье из настоящих ракушек. У нее есть кораллы, это покупное, не то, что ракушки: их надо сначала пробить, а потом уже вдеть нитку. Мы купались в море. В купальне было написано 18 градусов. На самом деле вода была очень холодная. Ася училась плавать с поясом и говорила, что на лимане приятнее: вода сама держит. Она думает, что у них все лучше, чем у всех. Что ее тети самые красивые и что в их гостиной мебель из бамбука, как бывает в Вене. Но в наших купальнях каждый имеет маленькую комнатку, она закрывается на крючок и там зеркало и гвоздь, чтоб вешать платье. Ася несогласна, она считает, что в лимане купаются для здоровья, а здесь неизвестно для чего. Мадмазель кричала, что мы слишком долго купаемся, что мы уже синие, что у нас может быть судорога. Пришлось вылезти из воды. Вечером мы пошли на стацию. «Таких семечек нет нигде», — говорила я. Но Ася думает, что у них в дачной лавочке они лучше.

Она уже начала скучать и посылала поклоны на Хаджибейский лиман. Тогда мама поехала с нами в город и асин папа зашел на нашу квартиру, где летом живут родственники, чтоб везти нас на паровичке на лиман. Ася задавалась: она знает, как туда едут. «Ты никогда не была на Херсонском спуске». Она была и думает, что лучшего спуска нет во всей Одессе. На собственную дачу мы приехали перед вечером. Нам сразу дали молоко. Дома ни за что бы не пила, но здесь нельзя отказываться. Ася торопилась показать мне дачу. «Вот видишь, Надька, корпус, есть еще один. А это дома для дачников». В одном из домов жила Минна Павлович, асина кузина. «Ей дают

десять желтков», — сказала Ася. — «У нее нога в аппарате и она тощая, зато у тети Глаши такой зад, что он не помещается в кресле». Про папу Минны мальчишки Зильбершмидт поют: «Скажите, зачем я без изъяна? Почему я не Мориц-обезьяна?».

На асиной даче живет скрипач, он вундеркинд и играет за деньги. Мама скрипача по целым дням повторяет: «Муся, ты не упражняешься, Муся, ты затягиваешь...» Муся, кажется, ни разу не был на поляне. Ему не позволяют играть в крокет: он может испортить свои ручки. Мы с Асей не хотим слезть с качелей, но приходят Витя, одна курносая девочка и Сеня Зильбершмидт, витин ухажер. Они нас прогоняют, мы уже достаточно качались. Малышам, самое обидное слово, какое я только слышала, это не полагается. Тогда мы с Асей идем в лавочку с неглавного входа. «Мадам Маневич, — спрашивает Ася, — нет ли у вас шоколадок миньон и семитати?». Мадам Маневич дает нам по семитати и по шоколадке миньон. «Запишите на книжку», — говорит Ася, и мы уходим. Мы спешим переодеться, надо идти в парк, где каждый вечер музыка. Сеня Зильбершмидт берет билет за десять копеек, потом он просовывает его через решетку и проходит Витя. На три билета проходит с десяток детей. У нас есть деньги, но нам нравится входить без билета.

В парке играет музыка, она хуже, чем на Николаевском бульваре, но, все-таки, это музыка. Никогда не видела таких деревьев. «Они в три обхвата», — говорит Сеня Зильбершмидт. Его брат, Саша, думает, что они в четыре обхвата. У нас нет времени для спора, надо гулять в аллее любви. На Асю и на меня никто не обращает внимания. Асина мама отпустила нас со старшими детьми и они тычут на каждом шагу, что мы должны их слушаться. Аллея любви, как все аллеи, никакой любви там нет. Нас больше интере-

сует остров посреди пруда. «Я хотела бы жить на острове», — говорю я Асе. Ася тоже хочет жить на острове. Она всегда хочет делать то, что я. Если б я жила на глубине восьмидесяти тысяч верст под водой, Ася хотела бы там жить. Но на самом деле она боится уехать даже на Средней Фонтан и думает, что нигде в мире не бывает так хорошо, как у них дома.

Мы, девочки, спим в одной комнате. Вечером приходит асина бабушка в парике, чтоб посмотреть выпили ли мы молоко. Бабушка не понимает, откуда берутся такие дети. У них в Аккермане этого не было — спать так спать, а мы смеемся, когда не надо, и тащим из рундука брынзу. Витя рассказывает, что Лидуся, дочка лавочницы, пудрится. У нее есть пудра на бумажке, и она этой бумажкой трет щеки и нос. Витя хотела бы иметь белый нос, как у Лидуси. Я тоже один раз напудрилась. Артистка Дуничка обещала взять меня на «Ревизора» на Шестнадцатую станцию. А спектакль почему-то отменили, вместо «Ревизора» на афише было напечатано «Контролер спальных вагонов»... Дуничка сказала, что Контролер — неприличная пьеса, сама Дуничка не может пойти. Я чуть не расплакалась при Дуничке. После я, все-таки, плакала и, чтоб не заметили, напудрилась зубным порошком.

За нашей стеной спят мальчики Зильбершмидт. Иногда они колотят в стенку, и мы не отвечаем, только хохочем. Очень неприятно, когда нужно идти за маленьким. «Тише, тише, — пугает нас Витя, — они подслушивают». Мы стараемся делать тихо, но Сеня Зильбершмидт слышит и начинает барабанить кулаками. Мы в ужасе залезаем в постель и натягиваем одеяло на голову. Утром стыдно проходить мимо террасы Зильбершмидтов. Они знают, что мы делаем пипи. Днем они притворяются, что забыли, и мы

снова идем на поляну, где гигантские шаги и шиповник. Из шиповника тоже делают ожерелья, но они держатся недолго, один день. Там растет дикий кизил и одуванчики. Ася срывает одуванчик, из него течет молочный сок. «Осторожно, — говорю я Асе, — тут куриная слепота, ты еще ослепнешь». Но Ася не боится, это для куриц. Тетя Ився знает, что это не для людей.

На лиман нас везут на линейке. Я никогда не ездила на линейке и не нахожу в ней ничего хорошего. Трясет, как на извозчике. Ася плавает и я тоже, потому что вода сама держит. Есть еще лиман для взрослых, где даже стол может держаться на воде. Это детский лиман, но Минна Павлович, хотя она взрослая, та, что выпивает десять желтков, здесь наверно поправится. Когда мы выходим из купальни, Лидуся теряет равновесие и падает в воду. «Спасите меня, я тону!» — умоляет Лидуся. «В лимане не тонут», — говорит Саша Зильбершмидт. Он терпеть не может девчонок. Но Сеня бросается, протягивает руку, обе руки и вытаскивает промокшую Лидусю. Она первым делом хватается за нос. Пудра исчезла. Лидуся будет сохнуть на солнце и платье начнет отставать, как накрахмаленное. Она не перестает хныкать: дома ей достанется.

У нас на море веселее. Неизвестно почему я вспомнила, как вовин бывший учитель, студент Мальберг, подплыл к женской купальне и стал подсматривать в щелку. Адина мама и мадам Штромберг кричали, что какой-то нахал подсматривает, что надо позвать полицию. Я не сказала, что это Мальберг, мне не хочется, чтоб за ним пришла полиция. Есть на что смотреть: у адиной мамы рубаша, как пузырь, а мадам Штромберг носит купальный костюм, где столько оборочек, что ничего не видно.

На лимане зато не надо ходить на станцию. Вой-

дешь в лавочку, и все можно купить на книжку. Когда в конце лета асин папа увидит книжку, он закричит, как будто его укусила бешеная собака. Но это будет в самом конце, а пока мы отлично справляемся без денег — Ася и я. Витя подозревает нас, она намекула, но мы сделали вид, что не понимаем.

Я начинаю скучать, мне скучно без Вовы, может быть за это время он меня забыл. А мама и папа заняты Катей и ее няней-Еленой. Она оказалась пьяницей и может продать ребенка нищим, а деньги пропить. Няня-Елена любит английскую горькую. Она пьет и причмокивает: «Ух, как сладко!». А в воскресенье приедут в гости: Мальвина и начинающий адвокат. Мама Мальвины говорит, что он крутит голову девушке. Я лично думаю, что Мальвине не так легко крутить голову, она страшная задавака и требует, чтоб все ею восхищались. Она будет первым зубным врачом в Одессе, у нее в приемной будут толпиться больные и умолять Мальвину, чтоб она вырвала им хотя бы один зуб... Скоро придет молодой человек Зиновий со своим Карлом Марксом, он с ним не расстанется и уже прочел больше тридцати страниц. Надо поскорее ехать на Фонтан, а то еще без меня будут кататься на лодке.

Я начинаю приставать и в субботу утром асин папа берет меня в город. В поезде он читает газету и возмущается. А я думаю о Хаджибейском лимане. Мне хочется сказать Жене, что я тонула. Нет, лучше промолчу. Пусть тонет напудренная Лидуся. Асин папа отвозит меня на городскую квартиру, там я должна ждать до вечера. Родственники из Балты будут меня кормить. Мамина тетка вынимает из сумки большой серый корж: «Попробуй, у меня запас». Мамина тетка жила наискосок от булочной. Она видела, как пекарь высморкался, а потом стал месить тесто той же самой рукой. С тех пор она ест само-

дельные коржи. Мне это неприятно, я люблю хлеб с изюмом, его можно выковыривать. И горячие булочки с семитатью. Но тетка продолжает рассказывать про пекаря из булочной. Ей нет дела до бубликов.

Как хорошо, что здесь Ланя. Отец отправил его в Одессу четвертым классом. Сам он переезжает в Полтаву. Для Лани в Полтаве тоже нет места. Но он привык спать на стульях, а летом — на полу. Ланя привез много интересных песен. Одна начинается так: «Приехали воны у Кобеляки, танцуют там в театре гопака...» — «Хочешь бузы?» — спрашивает Ланя. Мы идем на угол. Буза стоит две копейки, это невкусный, противный напиток. «Ты ничего не понимаешь, — говорит Ланя, он видит, как я сморщилась и не могу проглотить. — Все татары пьют бузу». Кумыс я уже выливала в фикусы, когда все выходили из гостиной. Фикусам это не повредило, а я поправилась и тогда меня с Вовой стали посылать в кефирное заведение Гринберга. Там были скатерти в красных квадратах и множество мух. Вова требовал, чтоб я выпила всю бутылку. Я ему сказала, что братья так не поступают, но он хлопал по днышку бутылки и выливал в мой стаканчик все, до последней капли. В это время он говорил мадам Гринберг, что ему запрещено пить кефир, у него не было ни свинки, ни краснухи, и он не должен поправляться. Я забыла рассказать, что на даче мы пьем козье молоко. У жены папиного парикмахера козы из Египта, и молоко у них такое, что его можно резать ножом. Каждый день мы ходим смотреть, как мадам Штрумпф доит египетских коз. Корову она ни за что бы не доила, это для деревенщин, а козу можно.

Ланя предлагает мне пройтись по Ришельевской улице и посмотреть, что дают в иллюзионе «Двадцатый век». Летом город совсем другой, другие люди,

те, что раньше выходили только в лавочку или за порошком от насекомых. Лане это не нравится. Он хотел бы поехать со мной на Фонтан, чтоб делать опыты из воиноного научного журнала. Но я должна держать язык за зубами, а не то начнут волноваться, что Вова и Ланя всю дачу взорвут на воздух.

Я вовремя приехала. Женя уже начал вести дневник и сказал мне по секрету, что он отказался от трех партий в крокет. Будто бы из-за того, что я на лимане. Мне кажется, что Вова меня немножко забыл. Он теперь не расстается с близнецами, они говорят о реальном училище. Сегодня должен приехать их новый товарищ. Он похож на мопса, но это неважно. Начинает накрапывать дождь. Вова дико волнуется, а вдруг товарищ не придет. Дождь сразу проходит, остается одна большая лужа. «Посмотри, Вовочка!» — кричит Матя. Мы все видим воиноного товарища. Он в куртке и в штанах из парусины. Товарищ толкает калитку и Вова бежит навстречу. И тут товарищ падает в лужу. «Осторожно, осторожно, Боже мой, куртка...» Но товарищ растягивается и лежит в луже. Потом, на террасе, Вова хочет дать ему аппарат для выжигания и футбольный мяч. Мама и горничная Юзя трут товарища полотенцами, но ничего не получается. «Оставьте, пожалуйста, — говорит он, — дома все приведут в порядок». Вова восхищен, недаром товарища считают самым умным мальчиком в классе. С первым учеником Галкиным такого случиться не может: слишком он аккуратный и боязливый. Когда ему ставят четверку с плюсом, Галкин ревет, он пятерочник.

Приезжает Мальвина со своим адвокатом, приходит Зиновий, и мы идем на берег. Меня не хотят брать, но я не отстаю. Почему мне нельзя кататься на лодке, я может быть из-за этого специально приехала с собственной дачи. Адвокат ничего не имеет

против. А Мальвина хохочет, хотя ей не до смеха. Это говорит Матя. Я при ней, она сказала маме, что отвечает за меня. Какие глупости! Сама могу за себя ответить. Но так и быть, доставлю Мате удовольствие. Я знаю, что Мальвина ее не любит, потому что она мамина племянница. Тетя Ида говорит, что мамыны родственники на первом месте. «Ну, так он платит за правоучение Мальвины, ведь это же своя кровь». Брат Мальвины, Левочка, тоже своя кровь и за него тоже надо платить.

На берегу Мальвина начинает притворяться и целовать Матю: «Ах, Матичка, почему вы не в зубо-врачебной школе?». Матя немного обижена, она думает, что музыкальная школа ничуть не хуже. Адвокат смотрит на Мальвину, у него лицо, каких на самом деле не бывает. «По горам среди ущелий темных, где ревел осенний ураган», — говорит он скучным голосом. Зиновий рассказывает Мате о страданиях крестьян и рабочих. Матя призналась мне, что ей нравится Зиновий. Он так красно говорит. «Ты хочешь сказать красно». — «Красно, дурочка», — так говорят только интеллигентные, передовые и еще какие-то молодые люди. Рыбак Петро отталкивает лодку от берега. «Та не заезжайте далеко, лодка с течью». — «На луну, на луну, — говорит Мальвина. — Я хочу по лунной полосе...» Она наклоняется и лодка наклоняется. Матя хватается меня за платье. Она не позволит, чтоб Мальвина наклонялась. «По горам среди ущелий темных...» — декламирует адвокат и мне становится неинтересно. Лучше бы я осталась на даче и слушала как Вова и его товарищ говорят об учителях. У них в реальном настоящий француз, он знает по-русски одно слово: «пардон». Другой учитель спит в носках. А надзиратель ест только сырую капусту и сырую морковь.

Зиновий хвастает, что мог бы грести до Шест-

надцатой станции. Но Костя, сын Петро, не верит. Я, конечно, на его стороне. Это мой старый знакомый. По утрам он приносит бычки и плоскую рыбу и его отсылают на кухню к Гене. Она разбирается в рыбе и хлопчик ее не надует. Дачи Ковалевского не видно. «Господа, — пора домой! — говорит Матя. — Наденька устала, я отвечаю за нее перед теинькой». Мальвина недовольна. «Надя уже взрослая, она должна чувствовать красоту лунной ночи», — вмешивается адвокат. Но Матя не уступает. На дне лодки немного грязной воды. Костя откладывает весла и собирает воду в помятый горшок. Возвращаемся мы поздно, уже хотели послать Вову на берег, но он куда-то исчез. Окажется, что он гулял с Броней и Тамарой в темной аллее. Товарищ гулял с ними, но он все время говорил о научных открытиях. Броне и Тамаре он не понравился, они нашли, что он рисуется.

Вовин товарищ, Жора, остался у нас ночевать, и я слышала, как Вова чистил зубы. Вова сказал, что товарищ завтра почистит, он очень утомлен. Когда у меня еще была кровать с белой сеткой, Вова и я спали в нашей детской. Мы стаскивали простыни, заворачивались в них до самых глаз и начинали прыгать, как можно выше. Мне было трудно, но Вова прыгал, как в цирке. «Тетя Рухль, тетя Пукль», — пел Вова. Я тоже пела. Тетя Рухль была маленькая старушка, она приходила чинить белье. Она рассказывала всем, что дедушка ее родственник и поэтому ее называют тетя Рухль. После пения мы забирались под одеяло. «Я ухожу в ямку», — объявлял Вова. «А что у тебя в ямке?» — «У меня иллюминация, и музыка, и лимонад прямо из трубки в рот. Пирожные сами прыгают на тарелку, я могу пригласить, кого угодно, даже лорда Фаунтелероя и Реджинальда из Маленького миллионера». В моей ямке не было

лимонада, зато была золотая карусель и подарки. И козлик, как в Александровском парке. «Чем ты кормишь козлика?» — спрашивал Вова из своей ямки. «Ореховой халвой». — «А в моей ямке будет бал, всем раздадут шляпы из бумаги и японские костюмы». — «А в моей живет гипсовый карлик, он называется гном». — «У меня целая гора гномов», — говорит Вова, и я должна уступить. В вовину ямку приходит мальчик Яня, его ставят Вове в пример. В ямке выяснится, что Яня просто дурак и не знает четырех правил арифметики. В моей ямке бывает попугай мадам Криволицкой, он поет по-немецки «ес регнет». Каждый вечер что-нибудь случается. Как-то Вова ушел в ямку, чтоб драться на рапирах. Потом он хотел уехать на корабле. Я хотела поехать с ним, и мы думали соединить наши ямки. «Я буду рыть подземный ход», — сказал Вова. Теперь он больше не говорит об ямке и я тоже молчу. Это наш секрет на всю жизнь.

Вовин товарищ встает рано, чуть ли не на рассвете. Он собирается делать гимнастику. «Мой брат делает гимнастику по Мюллеру», — говорит товарищ и засовывает ноги под шкаф. После гимнастики он идет с Вовой на веранду пить чай. Их ждет уже дядя из Николаева. Он любит рассуждать о высоких материях. На этот раз говорили вовсе не о материях. «Человек происходит от обезьяны, — сказал вовин товарищ. — Это нашел Дарвин». — «Дарвин, — обижается дядя, — молодой человек, вы не верите в Бога, вы верите в ваши двухкопеечные брошюры». «Да, я неверующий», — говорит товарищ. Тогда дядя начинает горячиться и кричать, что Вова недостойный сын своих родителей, что Дарвин не для Вовы, а для мальчиков, испорченных до мозга костей. «Если б твой дедушка из Вознесенска это слышал, он не имел бы ни минуты покоя». Не знаю, за кого мне быть.

Мне жалко дедушку из Вознесенска, но напрасно дядя так сердится на Вову, ведь Вова не отвечает за Дарвина.

Когда дедушка гостит у нас, приходят его сестры. Старшая тетя Вайс в парике с пробором, очень набожная, а с нею младшая, она любит браслеты и всякие украшения. Младшая читает французские романы. Перед вечером дедушка молится в гостинной, и тетки сидят тихо и вздыхают. «Твой дедушка святой, — говорит тетка с прибором. — Смотри, как он молится». Прежде, когда я была маленькой, мне казалось, что дедушка будет сидеть в раю рядом с Богом, и они будут желать друг другу хорошей субботы. Но почему Бог не вступился за дочку Айзенберга, моего еврейского учителя? Ее напугали во время погрома, и она с тех пор не разговаривает. Или за Антошку, сына садовника. Его мать кричит: «Байструк проклятый, чтоб тебе повылазило, скидай штаны, я тебе всыплю так, что не очухаешься!». Никто не хочет сказать мне, что такое «байструк», но я знаю, что это нехорошее слово. Иногда к нам приходит старичок из маленькой литовской синагоги и просит немножко варенья, у него горит сердце, ему хочется сладенького, он такой несчастный, он столько раз благодарит за стакан варенья, что мне хочется плакать. А что если прав волин товарищ, и Бога нет, а только обезьяна, а потом мы...

Но у меня нет времени думать, меня ждет Женя. Надо идти в дом, где жили девочки Штромберг. Они сегодня переезжают в город, и интересно знать, что они забыли. Мы находим только банку из-под Ван-Гутена и два разбитых стакана. Мадам Штромберг хорошая хозяйка, после нее не останется никаких подходящих вещей. Теперь мы ждем, что переедут Пава и Тамара, там можно будет пожить. Когда мы переезжаем, на возу сидит горничная Юзя и держит

зеркало. Но я этого не увижу. Я еду с тетей Таней и Матей в Шабо на виноград. Тетя Таня недостаточно лечилась в морских ваннах и ей необходимо виноградное лечение. А я такая зеленая, что все мамы пугаются. «Наденьку нужно поправить», — говорят мамы. Матя едет, потому что она хорошая дочь. Мы будем жить у доктора Браницкого, это мамин дальний свойственник. Мне не хочется ехать, но меня начинают уговаривать: в Шабо страшно интересно, туда мы поедem на пароходе «Софья Богдановна Фальцфейн», а до того на лошадях, и у доктора нет детей, я буду у них за дочку.

Тетя Таня и Матя так долго собираются, что мне надоедает их ждать. «Когда же мы поедem в Шабо?» — «Посмотрите на нее, раньше не хотела ехать, а теперь пристаает». Наконец, мы уезжаем. Пароход «Софья Богдановна» мне не нравится, он хуже «Тургенева». Тетя Таня и Матя все время задают вопросы: холодно мне или жарко? Хочу ли я апельсин? Может быть я хочу смотреть в окно? А мне хочется уйти подальше, чтоб они меня не мучили. В Шабо нас встречает доктор и его жена. Она краснощекая и добрая. Докторша, тетя Вера, говорит, что я уже взрослая и наверно не захочу, чтоб она сшила мне куклу из ваты. Мне стыдно, но я хотела бы иметь ватную куклу с головой из лавочки Фарладанского. Мне дают корзинку для винограда. Все ходят с корзинками и сплевывают виноград. Я целый день у доктора в его кабинете, где на столе череп и кости. «Я учился по этому черепу», — рассказывает доктор. У тети Тани и у Мати появляются знакомые. Мы все вместе обедаем в беседке. Обед приносят из ресторана, в судках. Тетя Таня говорит, что это лучше, чем домашняя кухня, что таких уток нет даже в Николаеве. Вечером они ходят на любительские спектакли. Както я пошла с ними и там заснула. Матя толкнула меня

в бок, я вдруг проснулась и слышу, какая-то дама кричит: «Воловьи лужки наши!», а мужчина ей отвечает: «Нет, наши»... После этого я опять заснула и в любительский театр меня больше не брали.

Утром мы с Матей идем за виноградом к знакомому колонисту, его фамилия Тапи, по-русски ковер, и на обратном пути Матя говорит о Зиновии. Он так страдает за крестьян и за рабочих, что у него чуть не было обыска. Зиновий нелегальный. Матя мне призналась, что не может читать Карла Маркса, это не для нее. Она осматривается и говорит довольно громко: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Я хочу повторить, но Матя сердится. Такие вещи нельзя повторять, мы можем еще попасть на каторгу. Когда мальчик Веня, сын тетиных знакомых, хочет пятак, он начинает орать: «Долой самодержавие!». Был случай, что его мама так испугалась, что хотела дать ему десять копеек, лишь бы он замолчал. «У нее нервы не такие, как у всех, — говорит тетя Таня. — И ты посмотри, какие у нее волосы, ведь это червонное золото, а какая у нее талия!». Мне мадам Рифенберг несимпатична. Не понимаю, как с такой талией можно есть за троих и еще говорит, что нет аппетита.

Сегодня, когда мы сидели в виноградной беседке, и Веня успел уже выудить яйцо из салата, тетя начала волноваться: «А где же наша милая Дора Павловна? — так зовут эту Рифенберг. — Наденька, пойди за Дорой Павловной...» Рифенберги жили на первом этаже, дверь в их комнату была закрыта, я постучала, как меня учили, никто не ответил. Тогда я решила войти и увидела, что возле комода стоят Дора Павловна и наш доктор Браницкий, и он целует ее в губы. Доктор меньше Доры Павловны, он встал на цыпочки, а Дора Павловна почему-то все время вздыхает: «Ах, ах». Они увидели меня в зеркале. И тут я

испугалась и побежала в беседку. На меня набросились: «Где же Дора Павловна? Жаркое давно стало холодным, а клецки, как камни». Но я сказала, что Дора Павловна вышла на минуту и сейчас придет. Никто не должен знать, что она целовалась с доктором.

Вечером у доктора играли в карты. К нему приходят провизор с очень симпатичной круглой лысиной, батюшка в серебряных очках и сам ветеринар, он лечит скот — лошадей, кошек и коров. Иногда приходит телеграфист, его фамилия Шилохвостов. Сегодня телеграфиста не было. «Он ухаживает за своей вдовушкой», — сказал ветеринар, Валерьян Валерьянович. Я очень люблю сидеть на кожаном диване, когда играют в винт и стараюсь, чтоб меня не отправили спать. На этот раз меня никто не послал наверх в мою комнату, и я слышала, как провизор сказал нашему доктору, что он играет, как сапожник. Ветеринар кричал, что он никогда еще так плохо не винтил. Добрее всех был батюшка, он ни на кого не сердился, а только стучал картами по столу: «А мы его, а мы его...» Докторша, что-то шила. Мне ее было очень жалко. Я думала, что она в миллион раз лучше Рифенберг, хотя талия у нее не особенно тонкая. Мне кажется, что было уже очень поздно, наверно десять часов, когда ко мне подошел доктор и сунул мне в руку четыре монетки, сорок копеек, это его выигрыш. Я хотела сказать, что все равно никому ничего не скажу и выигрыш мне не нужен, но было неловко.

Шабо мне разонравилось. Я ждала писем из дому и с утра подкарауливала почтальона. Ася написала мне, что прочла интересную книгу «Черный сертук». «Не сертук, а сюртук», — сказала Матя, когда я показала ей письмо. «А по-моему сертук лучше, в книге не должно быть, как в жизни». Она подписала письмо: твоя до гроба Ася. Я тоже хотела, чтоб был гроб, но мне неприятно подражать Асе. «Напи-

ши: твоя до гробовой доски, — сказала Матя, — это лучше, чем просто «до гроба». Женя прислал мне письмо с наклеенным Неаполитанским заливом. Он прочел «Всадника без головы», а теперь читает «Охотников за скальпами». Когда я вернусь, он даст мне всего Майн-Рида, так зовут писателя для мальчиков.

Вова уже ходит в училище и получил две пятерки и одну двойку — по чистописанию. Но Вове наплевать на чистописание. У многих великих людей был плохой почерк и это не помешало им стать великими. Мама пишет что Катя стала совсем самостоятельной, и передает мне поклон от бабушки и дедушки из Тюремного переулка. Папа в Москве по делам. «Там надо иметь правожительство», — говорит тетя Таня. Как мне надоело путешествовать, я хочу домой, все равно, пусть даже не на «Тургеневе»! Наконец, тетя Таня и Матя начинают собираться. Они пойдут в лавку Фарладанского, им нужно купить подарки. Я тоже хочу купить подарки, но мне не полагается, от меня никто не ждет подарков.

Сначала я думаю обидеться, но потом передумываю. Пусть идут к Фарладанскому, мальчик колониста Тапи обещал показать мне винный погреб, а при них нельзя. Мальчик Тапи, Жан-Жак, помогает мне спуститься по ступенькам, они скользкие и неровные. У них самый лучший погреб в Шабо. В погребе темно, но я все-таки вижу много бочек. «Садись, — говорит Жан-Жак, — вот тебе молодое вино, оно еще не перебродило». Вино похоже на квас, его можно пить, не останавливаясь. Я выпиваю целую кружку и хотела бы повторить, но Жан-Жак не дает. Он боится, что я буду пьяная, как кучер. За четверть плитки Жоржа Бормана он соглашается дать мне еще вина. После этого мы должны убираться отсюда. Но как? Ноги у меня тяжелые и ходят не в ту сторону. Жан-Жак толкает меня в спину, потом берет за руку и по-

тихоньку выводит из погребя. Он видит, что я шатаюсь и сам начинает шататься.

Дома никого нет. Ложусь на застеленную кровать, что строго запрещается, и сразу засыпаю. Мне снится, что я сижу в погребе у Тапи. «Ты можешь выпить целую бочку?» — спрашивает Жан-Жак. «Конечно, могу!». Но бочка начинает расти и пухнуть, сейчас обручи лопнут, и мы утонем. Раздается страшный треск, и я просыпаюсь. Тетя Таня с ужасом смотрит на меня. Она боится, что я заболела, и мы останемся в Шабо. «Что за странный запах и почему ты такая красная, у тебя, наверно, температура». — «Солнечный удар, у Наденьки солнечный удар», — говорит Матя. «Что за глупости, в сентябре солнечных ударов не бывает. Надо поскорей позвать доктора». Доктор Браницкий оставляет больных баб, они привыкли ждать, не то, что тетя Таня. Он считает пульс на золотых часах, затем кончиком ложки придерживает язык и смотрит мне в горло. Когда тетя Таня отворачивается, он несколько раз мне подмигивает. «Ничего, милая кузиночка, — говорит он тете Тане, — не беспокойтесь, завтра все, как рукой снимет. С детьми это случается. Слабительное? Нет, никаких лекарств, пусть хорошо выспится». Милый доктор Браницкий, как я его люблю. Теперь мы с ним квиты.

7.

Мы уезжаем рано утром. Тетя Вера дает нам шляпную коробку с бутербродами, в дороге пригодится. От Овидиополя мы ехали в фаетоне и нас вез балагула. Он останавливался на всех водопоях. «Наш балагула сам непрочь выпить, — говорила тетя Таня. — Мы никогда не доберемся до Одессы». Я не так спешила, хотя мне очень хотелось домой. Было интересно смотреть, какая пыль подымается на дороге, когда мы проезжаем. На одном водопое я пошла в степь, там росли колокольчики. Если к ним принюхаться, пахнет, как у Гейликмана.

Но вот мы и дома. Без конца целую маму, мне так хорошо, я готова пить рыбий жир, лишь бы не расставаться. В столовой мама садится на свое место, рядом с ней на высоком стуле Катя. Сначала это был овин стул, затем мой, теперь он катин. Тетя Таня все время рассказывает про своих новых знакомых, про чудные домашние обеды и нельзя вставить ни одного слова. Оказывается, скоро осенние праздники и можно будет каждый день ходить в гости. Кухарка Геня испекла к нашему приезду пирог с яблоками. Она мне сказала, что скоро уже не будет кухаркой. С Божьей помощью она станет невестой. Ей сватают служку из Шалашной синагоги. Очень приличный человек, он не так много зараба-

тывает, но зато он из хорошей семьи. А у Гени ведь никогда не было родителей.

Вечером приходят дедушка и бабушка из Тюремного переулка. Дедушка дает мне полтинник, он думает, что мне нужны наличные. Бабушка просит кусок пирога с яблоками. Мама отодвигает пирог. Бабушке запрещено сладкое. Но бабушка обижается, ей хочется плакать. «Она совсем, как ребенок», — говорит дедушка. Он держит очки в левой руке, а правой старается незаметно вытереть стекла. В это время Вова рассказывает, что у него появился еще один товарищ. Его отец снял театр и Вова может ходить туда хоть каждое воскресенье. Я пойду с ним, когда поставят что-нибудь для моего возраста. Терпеть не могу разговоров о возрасте, но я не спорю, мне хочется в театр. Кроме того Вова собирается написать пьесу «Денщик Петра Великого». Мне он даст роль неглавного денщика. «Но, может быть, — говорит Вова, — я поставлю другую пьесу: «Бегство из Шлиссельбургской крепости».

Новости про театр так меня поражают, что я забываю сказать Вове, что решила сочинять стихи, и уже сочинила одно, для Мати. Она покажет Зиновию. Сначала я хотела, чтоб это было ее стихотворение, но Матя отказалась. Зиновий все равно не поверит, она музыкантша, а не поэтесса. Стихотворение «Безработные» не очень длинное:

Мрачны, сыры, неуютны углы,
Где безработные кров свой нашли.
Голые стены, где царствует мрак,
О, как он жалок мне этот бедняк!

Если богатые чудно живут,
То безработные с голоду мрут.
Богатые только себя признают,
А безработным так мало дают.

Ася сказала, что она тоже написала стихотворе-

ние «Лев». Но у нее нет времени показать мне. Они переезжают в другой дом, и она должна укладываться. А что, если Ася найдет там другую закадычную подругу? Что будет со мной? Но они не переедут. Надо хорошенько задумать, и дом сторит или провалится от землетрясения.

Приезжает папа, и я смотрю, как он распаковывает свой чемодан. Москва папе не понравилась. Большая деревня. Наша Одесса лучше, это вполне европейский город. Папа рассказывает, что он был в театрах, в Большом и Малом и в Художественном, где нарисована чайка. Я хочу ему сказать, что скоро он увидит наш собственный театр, но Вова не позволяет, это сюрприз. Папа привез мне сережки, Вове фотографический аппарат, а Кате заводную игрушку. Акушерка мадам Дунаевская проколола мне уши. Было неприятно, и в тот же день я потеряла одну серьгу. Больше не буду их прокалывать. Зиновий говорит, что мы переняли это у дикарей. Но мне жалко папу, он наверно сказал в Москве, что это для его старшей дочери и надо дать самые лучшие.

Наступают праздники. Папа и мама уходят и прощаются, как перед отъездом. Мы с Вовой гордимся, что у нас такая красивая мама. Она в черном бархатном костюме и белой блузке. Больше всего мне нравится ее шляпа с двумя маленькими перышками. Папа в цилиндре. Он большой и добрый, с ним все легко. У меня нет слов, чтоб сказать, как я их люблю, и я трус о папино новое пальто от портного Березникова. Вова с ними, а мы с Матей пойдем в Бродскую синагогу их встречать. Как только закрывается дверь, я начинаю торопить Матю, но она говорит, что время есть, не опоздаем. Мы выходим, когда уже начинает темнеть. Идем по Ришельевской. Она нарядная, сразу видно, что праздник. Проходим мимо иллюзиона «Двадцатый век», мимо магазина Борнштейна, он за-

крыт, мимо того магазина, где написано: «часы мужские, дамские и женевские». Мимо парикмахерской на паях...

Мама и папа выходят к нам во время перерыва и говорят, как замечательно пел кантор Миньковский и какой там хороший органист из Лютеранской кирхи. Уже совсем темно. Зажигаются фонари. Некоторые прикрыты листьями, и свет, как в беседке. Мы с Матей можем подняться в женское отделение и послушать, как поют. Я смотрю вниз и вижу папу. На нем шелковый белый талес, его подарила мама, когда он был женихом. Я не знаю, молится он или просто задумался. У него грустное лицо. Таким я его еще не видела. Мама знает молитвы лучше, чем все женщины в ее ряду, а может быть даже лучше всех в женском отделении. Перед ней старушка в фиолетовой наколке, и мама каждый раз показывает ей, где остановились. Старушка плачет, многие женщины плачут, и, как говорит папа, невпопад.

У нас ужинает восемнадцать человек. Счастливое число, объяснил мне учитель Айзенберг, восемнадцать означает жизнь. Он думает, что и девять неплохое число, но счастливее восемнадцати не бывает. Кухарка Геня волнуется, рыба не так удалась, как в прошлом году. Она хватается за сердце, ей кажется, что она не доживет до своей свадьбы с шамесом... Но гости говорят, что рыба тает во рту, а бульон, такого не ели праведники в раю. Мне все равно: я не люблю ни фаршированной рыбы, ни бульона, ни сладкой морковки, ни компота из сушеных слив. Я жду, что подадут ореховый торт, для него я растирала желтки и мне дали потом облизать деревянную ложку. Кроме нас, бабушки и дедушки, Мати, тети Тани и дяди из Николаева, за столом еще Мальвина со своим адвокатом, ее мама, тетя Ида, и папа, дядя Саша, он всегда молчит, мамина двоюродная сестра,

та, что была влюблена в офицера и папин адвокат Тубенкофф с женой и сестрой жены. Жenu он называет «птичка», а сестру «рыбка», они обе упитанные и очень добрые. Зато Тубенкофф какой-то странный. Он обращается к дедушке на неизвестном никому языке, латыни, и бедный дедушка не знает, что отвечать.

Зиновий сидит рядом с Матей, и они говорят о крестьянах и рабочих. Потом все начинают говорить о политике. Я уже разбираюсь в политике, но интереснее читать маленький фельетон и происшествия. Один раз я прочла про растление малолетней и безумно испугалась. Я не хочу знать, что это такое, но ужас не уходит, и я боюсь газеты, как боялась «Страшной мести», и «Вия». Остального Гоголя я прочла и никто даже не заметил. Вова скучно, он приналег на красное вино. Я тоже люблю вино с наклейкой, где двое несут одну гроздь винограда. Кухарка Геня думает, что в Палестине бывают такие гроздья. Это же не Шабо, это земля израильская.

Заниматься начну после праздников. Пока я учу слова на «ять»: еду, ем, беда, обедать и на «е» — вредный, ветхий, запретить, умереть, переселить... Вера Львовна говорит, что мне рано готовиться в гимназию, меня не примут ни в какой класс, кроме приготовительного. Я думаю, что она меня дразнит или просто шутит, я уверена, что меня примут. А Вова каждый день ходит к близнецам, и они как будто бы вместе готовят уроки. На самом деле они меняются марками и Нат Пинкертоном. И после этого съедают целый фунт халвы с хлебом. Вова стоит заглянуть в книгу, и он уже все знает. «Готовят уроки только дураки и трусы», говорит Вова. Хорошо, что у него исключительная память, иначе он учился бы, как Андрокардато. Теперь Вова увлекается театром. Он подражает артисту Горелову: «Мне двадцать лет и ждет

меня корона, мне двадцать лет, я сын Наполеона...» и мамина двоюродная сестра в восторге: Вова лучше Горелова. «Послушайте, как он сказал: — «...хоть эти сувениры жгут грудь». Это из другой пьесы, «Без вины виноватые».

Наступает Судный день. Мама, папа и все взрослые постятся. О нашей еде никто не думает. Кухарка Геня пошла в синагогу. Она в пальто из синей шерсти и скрипучих башмаках. Геня носит испанскую шаль, подарок мамы. Мы слоняемся без дела и нам хочется есть. Я боюсь, что это грех, но Вова смеется, его товарищ Жора купил себе кусок ветчины, он хочет доказать, что Бога нет. Жора ходит к нам не особенно часто, он слишком умный, чтоб ходить в гости. Зато сын артиста любит общество и готов идти на кухню, чтоб показывать там старые карточные фокусы.

После Судного дня опять ужин и гости, но их не так много, как в прошлый раз. Все довольны, что пост кончился и говорят, что поститься было очень легко. Верно так полагается, днем они были зеленые и им хотелось спать. Мы идем в гостиную. Мама играет «Волны Дуная» и вальс из «Гейши». Мы просим ее спеть песню русалки: «По камешкам, по желту песочку»... У мамы чудный высокий голос, я хотела бы петь высоким голосом, но у меня низкий. Вова говорит, что у меня бас. «Надька-бас!». Это возмутительно, старшие братья не должны так поступать. Вова садится за пианино и играет свое собственное сочинение. Все аплодируют. Потом он поет песню Андрокардато, главного второгодника в их классе:

Жила была девченка
Шестнадцати лет,
Погубил девченку
Володька кадет.

Я твоя роза,
Ты мой букет,
Ты меня любишь,
А я тебя нет.

Песня не имеет успеха, и папа говорит Вове, чтоб он немедленно ее забыл. Пусть лучше сыграет менуэт Падеревского. После менуэта начинают просить Матю. Она не готова, и профессор запретил ей публичные выступления. «Матинька, это ведь не концерт, ты между своими...» Но Матя не уступает, она боится Галки.

Наступили праздники Суккот, когда надо держать в руке большой лимон-эсрог и трести пальмовую ветвь. У дедушки и бабушки на балконе шалаш из листьев. Наверху в шалаше отверстие, чтоб видеть звезды. Нас каждый день посылают к бабушке и дедушке, они хотят видеть внуков. Привозят Катю, она смешная: у нее кудри и вздернутый нос, и она уже умеет считать до семи. Дедушка показывает Катю своим знакомым старикам. Они приходят к нему играть в карты и говорить о политике. Один с длинной белой бородой, посередине она желтая, другой, Бебеле, совсем безволосый. Они восхищаются внуками и потом Катя считает им до семи. Бабушка почти не разговаривает, она нездорова. Гитля-слон сказала мне, что это «паньска хвороба», но я думаю, что бабушка больна по-настоящему. Вчера у нее отняли засахаренную грушу, и она расплакалась. Бедная бабушка, она больше не носит голубой шелковой кофточки и кутается в старый платок. Дедушка ненавидит платок, он умоляет ее носить голубую кофточку, но ей не хочется. Папочка тоже ходит к ним каждый день. Таких сыновей Гитля-слон еще не видела.

На праздники ко мне пришел Женя, он готовится в гимназию. Женя боится срезаться и спрашивает ме-

ня, что такое процентная норма. Я давно знаю про норму, все об этом говорят и в каждой семье кто-нибудь уже успел срезаться. Потом приходит Ася и рассказывает ему, что я сочинила стихотворение «Фиалка»: «Я видела фиалку, она увядала, у знойного неба защиты искала...» Когда перепишу «Фиалку», дам ее Вове. С Асей я больше не буду делиться, она не умеет хранить тайну.

Праздники кончились, и я учу с мадмазель «ле корбо е ле ренар», то же самое у Крылова называется «Ворона и лисица». Учитель Айзенберг показывает мне склонения, он выводит их красивым почерком, а я вписываю несколько слов и выходит, что я все знаю.

Вера Львовна уже давно обещала повести меня в музей на Софиевской улице и показать греческие головы. Наступает долгожданный день. Мы сидим за вторым завтраком. Вдруг появляется Юзя: «Барыня, тут пришла одна барышня». Входит высокая барышня с ридикюльчиком. «Здравствуйте, мои дорогие, — говорит барышня, — я невеста вашего брата, Семена». У мамы есть младший брат, Сема, ему было восемь лет, когда умерла мамина мама. Мама целует барышню, а я должна остаться дома и не идти в музей. Невесту зовут Нюня, она говорит быстрее, чем все мои знакомые. Нюня приехала в Одессу шить приданое. У нее здесь сестра, муж сестры и племянники. Один — мой ровесник. Вместо музея мама, невеста Нюня и я идем к меховщику, чтоб выбрать мех для ретонды. Белье будет шить мадам Рабинович, мамина бельевщица. Она шьет белье и детские платья. У меховщика неприятно пахнет кожей, и он все время божится и подымает руки к небу. Нюня придет к нему завтра со своей сестрой и тогда они решат, какая лиса лучше.

Зато у мадам Рабинович я, как дома. Живет она

в узеньком переулке. В комнате всегда горит лампа. Но мадам Рабинович не унывает. И при лампе можно жить. Только бы Бог послал ей заработки, чтоб она могла лечить своего чахоточного мужа! Ее мастерицы, Сима и Фрида, бегают в лавочку за керосином. «Сиротки, — говорит мадам Рабинович. — Даст Бог они выучатся шить на руках и тогда у них будет хороший кусок хлеба». «Шить на руках» — неправильно, но я молчу, чтоб не обидеть мадам Рабинович. Я уже вижу, как сиротки в черных юбках и в настоящих прическах живут в переулке и имеют чахоточных мужей. У них тоже будет пахнуть пригоревшим молоком и мадеполамом, из которого шьют белье. Мне жалко сироток, и я надеюсь, что они похорошеют и выйдут замуж, по крайней мере, за бухгалтеров или за учителей гимназии.

От мадам Рабинович мы идем к Бомзе за прикладом. Приказчик от Бомзе гладит меня по голове. «Я просто лелею вашу доченьку, — говорит он маме. — Но когда же вы придете ко мне набирать материю на гимназическую форму?» — «Мы скоро придем», — утешаю я приказчика. Нюня в это время рассматривает материи и приклад. Она даже выносит их на улицу, посмотреть при дневном свете. Она близоручая и в магазине плохо видит. Нюня не может решиться. Она придет завтра с сестрой. Я люблю магазин Шнайдера, там мне покупают гофрированные платья или зимнее пальто из плюша и котиковую шапочку с наушниками. Я не должна восхищаться, Шнайдер еще подумает, что он первый в Одессе. Но стоит выйти из магазина и сам Шнайдер с острой бородкой бежит за нами. На этот раз он уступит, хотя у него цены без запроса. Вове стыдно вспомнить, что его водили к Шнайдеру. А мне нравится Шнайдер, у него все очень вежливые и говорят: ручка, ножка,

плечико, а один приказчик, самый старый, говорит длинна. Он, наверно, хочет сказать «длина».

Все заняты Нюней. Ее нужно знакомить со всеми родственниками и приглашать в театр. А Нюня занята своей свадьбой и никем не интересуется. Свадьба будет в местечке, где живет нюнин отец. Это моя вторая свадьба. Первая была в зале, где венчают. Невеста из того же города, что мамочка, и она требовала, чтоб мы пришли. Я помню, что пол в зале был очень скользкий, и я упала и не видела танцев, меня увели домой. Может быть и Геня поторопится устроить свою свадьбу. Пока служка недоволен приданым: на такие деньги нельзя открыть торговлю. Он очень разборчивый и признает только крупную рыбу, мелкий карп ему не подходит. «Этот служка порядочный нудник, — говорит Вова. — На месте Гени я послал бы его гулять». Но Геня не хочет, чтоб он гулял. Пусть сидит у нас на кухне и ест фаршированную рыбу с хреном. Служка обожает хрен, у него вечно сосет под ложечкой.

8.

Ася переехала. В их бывшей квартире теперь живет семья, где много детей, кажется, восемь. Старшая, Настенька, невеста, но неизвестно, когда будет свадьба, ее жених на втором курсе. На площадке, возле кухни, я познакомилась с Натусей и Лазарем, это младшие. Кроме них в семье две гимназистки, одна дочка нигде не учится, она больна, две что-то изучают и есть еще Миша, он в том же классе, что Вова. Они постоянно переговариваются, и Миша хотел бы устроить телефон между нашим и их балконом. Все дети, за исключением больной, краснощекие. «Это потому что они не гуляют», — говорю я маме. От прогулок никакой пользы. Самое приятное — обедать в их семье. За стол садится десять человек, перед каждым мисочка с кашей, потом дают котлеты, макароны, кисель. У них все вкусно, я хотела бы всегда с ними обедать, но мне не позволяют. Мама уже просила мадам Выгодскую взять меня на полный пансион, но оказалось, что это шутка.

У Натуси и Лазаря нет настоящих учителей, с ними занимается предпоследняя сестра. Она велит им переписывать из книжки и ставит д.с.п., это значит «до сих пор». Они учат четыре правила арифметики, а Лазарь решает задачи про двух путешественников или про две бочки: в одну вливается, из другой вылива-

ется. Он хочет служить в банке, как его папа, и потому должен хорошо знать арифметику. Ася недовольна: она боится, что я привяжусь к Натусе и она не будет больше моей закадычной подружкой. Я должна придти к ней в гости с ночевкой и тогда она расскажет мне про новый дом и про трех хозяек: одна вдова, а две вроде этого. В субботу я уйду к Асе на целый день. Еще тепло. Акации в прутьях, а на каштанах пока много листьев. Ася знакомит меня с детьми из их двора. Там нет ни одного мальчика прачки, все довольно хорошо одеты и боятся дворника Михаила, он помешан на чистоте.

Командует Мурка. Он хотел заманить Асю в сарай, но она не пошла. Мурка испорченный мальчик. Сестра его тоже испорченная, она целовалась с приезжим студентом, хотя ей одиннадцать лет. Ася боится Мурки, он может подговорить других мальчиков и тогда они заташат ее в сарай. «Одна девочка уже была в сарае, там они делали стыдные вещи», — говорит Ася. Мать Мурки артистка, у нее нет времени заниматься детьми. Иногда при гостях она дает им рубль, но на самом деле они не смеют истратить больше десяти копеек. Иначе артистка бегаёт по комнате и швыряет в них старые туфли. «Она слишком скупая, чтоб швырять новые», — говорит ее сын, Мурка. Остальные дети в этом дворе самые обыкновенные.

Я остаюсь ночевать. Асины папа и мама уходят в клуб. Как только захлопывается тяжелая входная дверь, девочки заявляют, что они не хотят куриных котлет. Они будут есть охотничьи сосиски и халву. Горничная Глаша несогласна на сосиски, но халву она приносит, и мы делим ее на бумаге, так гораздо вкуснее. Котлет нам больше не предлагают. Мы играем в короля. Это неприличная игра, но очень веселая. Лучше подкидного и круглого дурака и лучше

ведьмы. Глашин муж, Федя, все время выигрывает. Ему везет в карты. Никогда еще не видела такой колоды карт. Федя держит ее с трудом, карты распухли, но ими приятнее играть, чем новыми, которые скользят и падают на пол. Бабушка в рыжем парике выгоняет нас из кухни. Она скажет, что мы стали картежниками, и мама будет рвать на себе волосы. Когда мы ложимся, Ася говорит, что хотела бы поскорей вырасти и иметь свою семью. К сожалению, она узнала, что до шестнадцати лет нельзя венчаться. Мне безразлично, я не собираюсь венчаться. Ася опять недовольна, она думала, что я тоже хочу иметь семью. Утром я спешу домой. Папа обещал повести нас в кафе для взрослых, где замечательные птифуры.

Вова съедает целую тарелку птифуров. Мне дают меньше, потому что я будущая барышня, а барышни не наедаются птифурами, как некоторые реалисты. Я никогда не буду барышней, но папе не стоит говорить об этом, он может испугаться. В пять часов приходит Женя с товарищем, Борей Гаевским. Боря Гаевский мог бы быть в первом классе, но у него астма, и он занимается с учителем. В этом году он перестал верить в Бога. Я довольна, что у меня есть знакомый мальчик, который не верит в Бога, пускай Жора не задастся, есть другие, получше его.

В следующую субботу Боря покажет мне свои коллекции. Но в четверг мне трудно глотать, по спине бегают мурашки, мне то холодно, то жарко. Я засыпаю на диване с лопнувшей пружиной и просыпаюсь в постели. За дверью что-то говорят, но я не слышу, дверь далеко, все далеко, даже мамин голос выходит из глубокого подземелья. Сейчас придет домашний врач, доктор Ашевский. Для него приготовили стул у моей кровати. Я узнаю его шаги, он ходит, как утка, и шаркает по паркету. Сначала носовым платком он долго обтирает стул. Потом берет белую ко-

стяну трубку и начинает выслушивать. «Дыши, не дыши, опять дыши...» Пока он меня выстукивает, приносят свечу и серебряную ложку: смотреть в горло. Я начинаю хныкать. Почему нужно смотреть в горло? Но доктор Ашевский качает головой, и я разжимаю зубы. В горле краснота и налеты. Мне дадут чай из сушеной малины, а из аптеки принесут микстуру, похожую на скисший малиновый сок. Каждый час я должна полоскать горло, масса ненужной возни.

Сон уже во мне, в руках, в ногах, всюду. Пахнет ароматным уксусом и накрахмаленным бельем. Мне снится, что в соседней комнате бал цветов, как в сказке Андерсена. Мне это часто снится, когда я бываю больна. Просыпаюсь я очень поздно, никто меня не будит, и мне хочется чего-нибудь вкусного, например, ситного хлеба с маслом и вишневым вареньем. А мне приносят чашку легкого чая с малюсеньким несладким сухариком. Я должна лежать тихо или спать. Катю не пускают, но зато Вова поминутно входит ко мне. Он рассказывает, что гимнастику у них преподает настоящий борец из цирка. «Он показал нам некоторые приемы французской борьбы, — говорит Вова. — Когда ты выздоровеешь, мы пойдем в цирк, там каждый день французская борьба». Вова знает имена всех чемпионов: Иван Заикин, русский богатырь, Иван Кашеев, волжский богатырь, еврейский богатырь, Грингауз. Он страшный силач и гнет подковы и серебряные рубли.

В цирке есть наездница, Тамара, в нее влюблен Андрокардато. Я хотела бы пойти в театр. В цирке Малевича я была много раз и видела цирк под водой, когда клоуны и звери плавали на лодках с цветными фонариками. Папа спрашивает, что мне принести? Я хочу конфеты от кашля, Кэти Бос. У меня нет кашля, но мне нравится коробка. У меня еще одно желание, но мне стыдно сознаться: я хотела бы иметь красное

деревянное яйцо, оно открывается и там несколько разноцветных яиц — одно в другом. Папа догадался, он всегда догадывается. «Я принесу тебе красное яйцо, потом ты отдашь его Кате». Матя дарит мне красивый шарф, она сама его связала. С одной стороны он широкий, с другой узкий. Матя говорит, что тут какое-то недоразумение: она считала петли.

Выздоровливать приятно. Мне дадут бульон и крылышко от курицы. Сегодня доктор сказал «прощайте» еще более мрачным голосом, чем всегда. Но я не пугаюсь, он добрый, только не умеет это показать. Через два дня можно будет ходить по комнатам, а пока я рассматриваю «Задушевное слово» за прошлый год. Мне не очень нравится этот журнал, где в каждом номере письма читателей. Княжна Джаваха из «Задушевного слова» слишком большая гордячка. Я не верю в институт, в их маман и в классных дам с осинной талией. Но, все-таки, читаю с удовольствием. Мне уже надоело лежать. Я прошу маму открыть дверь в катину комнату. Хочу послушать, как мама рассказывает Кате про козу-дерезу: «Топы, топы ногами, сколю тебя рогами...» Мне это рассказывали, когда я была маленькой.

На следующий день начинаю умолять, чтоб меня выпустили, я хочу пойти к Натусе, к Асе, к бабушке и дедушке. Чтоб меня утешить, Вова показывает все свои сокровища. У него в письменном столе много коробочек, одна замечательная, с золотыми шариками. Он позволяет мне потрогать морского конька и морскую звезду. У Вовы с прежнего времени сохраняются магниты, кремьень, кольца от сигар. Выжигать он мне не дает: я могу испортить иголку из платины. Он дарит мне морского конька, и я прячу его и потом не могу найти. Мне уже не так скучно, я знаю, что мы пойдем в театр, Папа взял ложу на «Горе от ума».

В ложе помещается шесть человек. Пригласим Ланю и Асю — вот и будет шесть.

Спектакль называется утренник. Я видела на утренниках «Гензель и Гретель», «Степку-растрепку» и когда-то, очень давно, «Кота в сапогах». «Горе от ума» классическая пьеса и дети могут ее смотреть. Мы в ложе первого яруса. Впереди мама, Ася и я. Мужчины за нами. На барьере ложи коробка конфет от Абрикосова. Хотя это утренник, кажется, что уже вечер. Мы пришли рано, и я рассматриваю публику: гимназистов, гимназисток и дам с гипюровыми воротничками. В первом ряду сидит старый военный с бакенбардами. Мама говорит, что он похож на Александра Второго. Городской театр самый красивый театр в мире. За границей есть один, похожий на него, но ни Ася, ни я не верим. Нигде не может быть такого потолка и лож, обитых красным бархатом. Я жалею, что с нами нет Мати, она любит бархат и мечтает о бархатном платье. Матя у Галки. Там сегодня ученический концерт, и она перелистывает ноты. Вова вытащил уже из коробки конфет Абрикосова засахаренный ананас на белой бумажке. Он говорит, что все стесняются брать этот ананас и чтоб спасти положение, он решил съесть его в первую очередь.

Занавес поднимается и на нас начинают шипеть, потому что мы разговариваем. Софья отчаянная ломака, вроде нашей Мальвины, но Ланя и Вова без ума от Лизы. Мне нравится Фамусов, он такой круглый и настоящий, что хочется разговаривать с ним прямо из ложи. Во втором антракте мы спускаемся в бель-этаж и папа угощает всех оршадом. После этого к нам в ложу приходит вовин товарищ, сын артиста. Он спрашивает, кто мне больше всех понравился? «Конечно, Фамусов». Товарищ доволен. Он говорит, что у меня правильный нюх, и что я внукам своим

буду рассказывать, что видела Владимира Николаевича Давыдова в роли Фамусова.

Дома Вова декламирует: «Французик из Бордо, надсаживая грудь» и «Карету мне, карету!». Он лучше Чацкого из Городского театра. И читает монологи почти так же громко. В тот вечер я долго не могу заснуть. Думаю о том, что напрасно Софья променяла Чацкого на ничтожного подлизу Молчалина. Может быть, она просто кокетка и хочет разбивать сердца. Но мамина двоюродная сестра с разбитым сердцем живет и даже ходит в гости и ей сватают жениха, одного доктора без практики. Она бы вышла за доктора, но ей неприятно, все знают, что у нее разбитое сердце. Доктор не теряет надежды. Он сказал, что будет подниматься на Олимп, а она спуститься с Олимпа и на полдороге они встретятся.

О любви я поговорю с Асей, ей нравятся такие разговоры. Или с Матей. Она больше не влюблена в Зиновия. У нее роман с одним студентом-филологом из Тифлиса. Он жгучий брюнет и его глаза проникают в душу. Студента зовут Герасим, он сидел в тюрьме за какую-то сходку. Матя считает, что Герасим весь в музыке, хотя не играет ни на одном инструменте. Она собирается вести с ним музыкальные разговоры и просит Вову, чтоб он рассказал ей о Бетховене. У Вовы есть книга: «Жизнь замечательных людей». Я могла бы рассказать ей, каким он был ребенком, у меня есть книга о замечательных детях, но Герасим любит Баха, а про него в этой книге ничего нет.

Я знаю, что Вова увлечен сестрой близнецов Тиночкой. Она обожает комплименты, и Вова сказал, что он до безумия ревнует ее к гимназисту Постникову. Из-за Тиночки Вова отложил спектакль: «Бегство из Шлиссельбургской крепости». Тиночка устраивает вечер шарад, и он должен ходить на репети-

ции. Женя видел одну шараду. Первое — чортик повторяет на дудочке ноту «фа». Второе — в Египте. На высоком стуле сидит один из близнецов, вокруг него ходят жрецы: второй близнец и Вова. Это — бог солнца Ра. Третье: Тиночка смотрит в зеркало из прихожей. В дверях стоит он, гимназист Постников, и Тина видит его в зеркале. Целое — тоже в Египте. Близнец лежит на кушетке, и Вова и сын артиста в длинных белых рубахах обмахивают его веерами из пальмовых листьев. Это — фа-ра-он. Других шарад Жене не удалось посмотреть, его прогнали.

Мы придумаем такую шараду, что все лопнут от зависти, а сейчас мне не до шарад, я все время бегаю на кухню, там новая кухарка, Соня. Наша Геня вышлатки за своего служку. Она говорит, что свадьба была тихая, дали по куску белого пряника и по рюмке водки. Мама подарила серебряные вилки и ножи, а Вова и я чудную скатерть, которую мама за нас выбрала. На кухне стало гораздо веселее. Если б не нужно было готовить уроки, играть ганоны и разговаривать с еврейским учителем, я бы день и ночь слушала рассказы Сони. Когда папа и мама уходят, я спешу на кухню, мне надо узнать про сониного незаконного ребенка. Соня говорит, что ее соблазнил сын хозяина. Она хочет пойти в «Одесскую почту» и пожаловаться на этого негодяя. Тогда про него напишут, и он от стыда не сможет больше выйти на Александровский проспект. Пока Соня выносит из дому то, что ей кажется подходящим для Давидки и для женщины, у которой он живет. Мама ничего не знает, а я вижу, но молчу. Я сама бы стащила для Давидки все, что только можно, но в последнее время буфет стали запирасть на ключ.

Я не понимаю сына хозяина. Что он нашел в Соне? У нее маленькие глазки и красный нос, как будто она плакала или хочет расплакаться. Правда, у Сони коса

до колен и каждый волос такой толстый, что может пригодиться для удочки. Когда Соня убегает к своему Давидке, я пишу письма для нашей горничной, Юзи. Одно письмо начинается так: «Лети, лети листок с запада на восток, лети, не останавливаясь, никому в руки не попадайся, а попадись тому, кто мил сердцу моему»... Труднее писать письма студенту. Юзя познакомилась с ним на Куликовом поле, и он боится, чтоб Юзя не стала жертвой общественного темперамента. Студент уговаривает ее сделаться фельдшерницей. Юзя не хочет быть фельдшерницей и прививать оспу, ей хорошо у нас, она бы хотела, чтоб студент оставил ее в покое.

Я грызу кухонный карандаш, а прачка Оля кричит на Юзю: она расскажет барыне, как портят дитё. Юзя боится прачки Оли. Оля боевая. У нее грудь, как у бывшей катиной кормилицы, а руки такие, что она может отхлестать каждого по щекам. Со мной Оля в дружбе, она дала мне кусок постного сахара и шоколадную халву. Мне очень понравилось, как она живет: у Оли на кровати большая подушка, на ней подушка поменьше, и так почти до потолка. На самом верху малюсенькая кукольная подушка. Оде-яло сделано из разноцветных лоскутков. Теперь я знаю, что Оля труженица, и мне стыдно, что я считала ее богатой. Мама и папа возвращаются поздно, бабушка больна и их не отпускают. Я уже сплю в своей никелированной кровати, и им не приходит в голову, что я пишу письма на кухне и слушаю разговоры про незаконных детей. Но что такое «незаконный»? Попрошу Ланю узнать, он очень услужливый. Ланя готовится в мукомольную школу, и Вера Львовна боится, что отец пронюхает и вызовет его в Полтаву.

Бабушке хуже, мама шепчется с Матей, а папа стал страшно рассеянным и никого не замечает. Меня

только один раз взяли с собой, и я видела, как делали перевязку. Доктор все время шутил с бабушкой: она такой молодец, каких мало, и скоро будет гулять по Дерибасовской. Но дедушка, видно, не верит доктору. Он даже не выходит к нему, а сидит рядом, в соседней комнате, и умоляет Хармака или дядю Сашу, чтоб спасли бабушку. Пусть пригласят всех знаменитых профессоров, пусть ничего не жалуют, ведь бабушка уходит из-под рук... Но никто не может дать совета, все профессора уже были. Гитля-слон говорит, что дедушка просто с ума сошел. Она сует мне коржик с маком, он горький и твердый, как камень. Во двор я не хочу идти, меня там будут спрашивать, а я не знаю, что сказать. Я помню, как у Аси умерла бабушка, не та, что в рыжем парике, а другая, горбатая старушка, и все говорили, что она была замечательная. Какая ложь! Раньше смеялись, что она все забывает, а теперь она стала замечательной.

Дома у нас скучно. Вову и меня просят не подходить к пианино. Мадмазель не поет больше «же сюи зюн фам еlegant е же м'апель Клара...» Даже Айзенберг, наш еврейский учитель, перестал задавать вопросы. Он подыскивает помещение для бакалейной торговли. Уроками не проживешь, он должен лечить больную дочь и сам он болен и жена его, не про меня будь сказано, тоже больна всеми болезнями и ей нужно поехать на лиман. Кому хорошо, это кухарке Соне. Вчера она понесла Давидке большую корзину со свежими яйцами. Давидка любит яйца. Мама не заметила, ей не до того. Один раз, когда я сидела на кухне, а Вова учил древнюю историю, пришел папа. Он позвал нас. «Ваша бабушка умерла», — сказал папа. Он был бледный и страшно усталый.

Похороны будут завтра, мы тоже пойдем, но только до синагоги. Дети не должны ходить на кладбище.

На другой день все очень рано уходят. Мы остаемся с дядей из Николаева и Матей. «Пора, — говорит дядя, — надо идти». На улице фонари в черном, это траурный креп. Толпа приближается. Я вижу дедушку, он весь дрожит, хотя совсем не холодно. Его ведут тетя Ида и моя мама. Папа сбоку. Он опустил голову на грудь и когда он проходит мимо нас, я вижу, как слезы текут по его щекам. Впереди катафалк с гробом, и в гробу бабушка, папина мама. Он потерял свою маму. Я знаю, что он никогда ее не забудет. Папа говорит, что самый большой грех — забывать. Неблагодарность тоже грех, но не такой тяжелый. Мы возвращаемся домой и ждем. Когда папа, мама и дедушка приезжают с кладбища, первым делом они моют руки. Потом дедушку укладывают, он не хочет лечь, но ради папы ложится. Папа сидит в кресле и делает вид, что задремал. Мама тихо рассказывает нам, сколько народу было на кладбище, какую речь сказал раввин и как чудно пел кантор из Бродской синагоги.

Назавтра начинают приходиться знакомые и родственники, некоторых я вижу в первый раз. Одна женщина с усами говорит, что она папина тетя, но мама мне сказала, что она седьмая вода на киселе... Приходит папин товарищ, он здесь проездом. Они вместе учились в Брест-Литовске, где знаменитая крепость. Папин товарищ обнимает его, и они гладят друг друга, как маленькие дети. Некоторые приходят из вежливости и сразу же начинают говорить, что у них плохие дела и что детей трудно пристроить. Дедушка молчит, он разговаривает только с папой и мамой. Тетя Ида обижена, она тоже дочь. У папы есть еще сестра, она заезжает в Одессу по дороге на курорт. Все говорят, что она несправедливая: у нее две дочки и два сына, и она любит сыновей, а к дочерям очень холодна. Дедушка всегда выделял папочку и нашу

семью. Остальные хотят у него что-то вырвать. Но моя мама считает, что это нехорошо, в семье не должно быть любимцев. Всех детей, даже если их восемь или десять, надо любить одинаково. У нее в семье не делали никаких различий и у нас тоже каждый чувствует себя самым главным.

Меня гонят из дому, и я иду к Натусе или к Асе. У Натуси событие: сегодня она гуляет. Настенька должна примерить подвенечное платье, и она берет с собой Натусю и Лазаря. Я могу пойти с ними. Меня интересует подвенечное платье, его носят раз в жизни, а потом оно лежит в сундуке под старыми шубами. Мы идем через весь город на Преображенскую улицу. Настенька не перестает улыбаться, она очень довольна. По дороге мы заходим в буфет Фурмана, и она угощает нас сельтерской водой с сиропом. Лазарь просит, чтоб ему дали тройной сироп, но ему дают двойной, ром-ваниль. Портниха живет не в главном доме, а во дворе. Она пугается, когда видит нас. Но Настенька ее успокаивает, мы будем сидеть тихо и ждать, мы дали слово. Тогда портниха дарит нам несколько коробочек, где прежде были шелковые нитки, и много пустых катушек. Лазарь в восторге, он разделит это между нами, не каждый день ему попадают коробочки из-под шелка. У Аси я встречаю девочку из их двора, ее зовут Эльзуня. Она хочет дружить с Асей. Эльзуня тоже боится испорченного Мурки. Вчера он встретил ее в подъезде. Эльзуня не могла спрятаться, было уже поздно, и тогда он вытащил из кармана кукольные панталоны с кружевом и сказал: «Я знаю, что твоя мама это носит».

Но проходит неделя, и я, как ни в чем не бывало, читаю с Верой Львовной рассказ про снежную лавину. Я должна написать его своими словами. Это очень просто. Я пишу, как снежная лавина обрушилась на маленькую швейцарскую деревушку и как все жители

успели спастись, погибла только молодая девушка. Она жила с матерью на краю деревни. У девушки был жених. Когда он узнал про лавину, он сошел с ума. С тех пор он бежит по горам и всюду ищет свою погибшую невесту. Вера Львовна рассердилась. Она говорит, что в книге ничего нет про женихов и невест и что я напрасно выдумываю, за это в гимназии ставят двойку. Я расплакалась, мне не хочется быть двоечницей, их оставляют на второй год. На третий уже не оставляют.

Как хорошо, что у нас сейчас домашняя портниха, Маня. Когда я смотрю на нее, я все забываю. Маня удивительно ловко натягивает материю: машина начинает строчить с такой быстротой, что Маня за ней не поспевает. Она говорит, что могла бы открыть мастерскую, но у нее нет средств, и она работает по-денно. На Мане все в обтяжку, я всегда боюсь, что блузка лопнет. Один раз отлетели все крючки на юбке, но Маня не испугалась, она сказала, что такие вещи случаются. Когда Маня шьет, мне кажется, что платье будет, как из мастерской, но когда она уходит, я вижу, что оно совсем домашнее. Мне безразлично. Я люблю слушать, как Маня поет: «Под вечер осени ненастной — В пустынных дева шла местах — И тайный плод любви несчастной — Держала в трепетных руках...» Вова открыл мне, что это ранние стихи Пушкина. Жаль, что Маня у нас ненадолго. Она должна идти работать к своей генеральше. Я слышала, что генеральша носит три нижних юбки: одну из фланели и две шелковые, чтоб платье шуршало. У нас Маня обедает за столом, а у генеральши — на кухне, но она не в претензии. Она понимает, что генеральша важная дама и не может сидеть за одним столом с бедной девушкой из Тирасполя. Она даже рассердилась на меня, когда я сказала, что все люди равны и не должно быть никаких генералов и генеральш.

Мы ждем дедушку из Вознесенска. Он приедет на Хануку и останется до весны. Он тихий и малоразговорчивый. Дядя уверяет, что все его обманывали, но когда дедушка встречал обманщика на улице, он переходил на другую сторону, чтоб тому не было стыдно. У дедушки чудные белые волосы и белая длинная борода. Пальцы у него желтые — он сам набивает гильзы. Днем дедушка читает французскую газету «Фигаро» и к нему приходит его старый знакомый, Яков Соломонович. Они говорят про политику из «Фигаро». Яков Соломонович не набожный, он неудачник. «Надо иметь связи, главное, это связи», — говорит он дедушке. Дедушка молчит. Ему не хочется спорить с Яковом Соломоновичем. Наступает вечер Хануки. Я жду, что зажгут первую свечу. Она восковая. Свечи на Хануку приносят теперь служка из папиной литовской синагоги и муж Гени, он тоже служка. Муж Гени вздыхает: ему нужны средства, чтоб открыть галантерейный магазин. Он будет продавать манишки «Мей и Эдлих».

Другой дедушка вернулся в Тюремный переулок и у него хозяйничает Гитля-слон. Тетя Ида боится, что они приберет его к рукам и тогда ее дети останутся на соломе. Про дядю Сашу она не заикается, он плохой отец и любит бегать. По-моему дядя Саша ходит медленно и постоянно оборачивается. Мне нравится, что он носит фетровую шляпу и курит папиросы «Цыганка». Мама говорит, что я не должна сидеть у него на коленях, я уже взрослая. Мы постоянно ходим к дедушке. Он хотел бы, чтоб дети иногда у него ночевали. Вову дедушка кормит вкусными вещами и дает ему рубль. Вове нужны деньги на извозчиков и на пирожные Исаевича. Как-то он съел четыре маленьких пирожных, а горбатая мадам Исаевич сказала, что он съел пять. Вова обиделся и с тех пор ходит к Гетингу. Один раз он повел меня смотреть

мертвого кита. Его показывали в Северной гостинице. Кит был меньше, чем я думала. Обратно мы ехали на санях, но сани так скрипели, что пришлось заткнуть уши. Вова сказал, что на Рождество мы опять будем кататься на санях, или пойдем в паноптикум, где показывают людей, сделанных из воска. Женя и Боря Гаевский уже были в паноптикуме. Они перечислили мне всех убийц, которых там показывают.

Женя и Боря приходят по субботам. Они хотели бы стать шахматистами. Пока они играют в шашки и учат меня, но я никак не могу научиться. В прошлый раз Женя принес игру «флирт цветов». На одной карточке написано: «Люблю тебя, моя комета, но не люблю твой длинный хвост». Остальное в том же роде. Это игра для Мурки из асиного двора. Про него ведь поют: «Во саду ли, в огороде выросла петрушка, Мура с Эльзочкой целуется, думает игрушка». Эльзочка — это Эльзуня. Она ругает Мурку, а на самом деле в него влюблена. Ася влюблена в мальчика Геню, он старше ее на три года и дружит с дворником Михаилом. Матя влюблена в Герасима. К нам она его не приводит, она боится своих родителей. Дяде нравится, что Матя говорит о Бахе, он раньше не считал ее такой серьезной. А тетя Таня в Николаеве и думает, что Матя ходит только к Галке и на уроки к начинающим.

9.

Папочка обещал взять меня в Николаев, у него там другой завод. Я буду жить у тети Тани. Не успеваю попрощаться с Асей, как надо ехать. Папу вызвали по телефону и он сказал, что выезжает. Значит, я тоже еду. Нас не провожают, мы вдвоем отправляемся на пристань. На пароходе все блестит, чай подают в толстых стаканах и тарелки не такие, как дома. В каюте пахнет яблоками. Папа за стеной, а я с одной дамой и маленьким мальчиком — рядом. Мы ужинаем наверху в ресторане, он называется кают-компания, и я поздно прихожу в свою каюту. Мальчик еще не спит. Он плачет. «Ну, чего ты хочешь, несчастье мое?» — «Я хочу тебя мучить... мучить...» Тут я засыпаю и просыпаюсь, когда мы подходим к Очакову.

В нашей каюте все съехало набок. «Тебя не укачало?» — спрашивает дама. Я смотрю в круглое окошечко, но ничего не вижу — ночь. После Очакова каюта становится на свое место, но я не могу заснуть. Еще сильнее пахнет яблоками, хотя яблок нет, и лимоном. Дама пила чай с лимоном, это хорошее средство от морской болезни. В Николаев мы приезжаем на рассвете. Мы едем по очень широким улицам с маленькими домами. Завод тоже на широкой улице. Сначала мы заходим к управляющему. Я зову его

дядя Миня, хотя он вовсе не дядя. Но я его знаю всю жизнь, он всегда дарил мне шоколад с начинкой. Жена дяди Мини косая и по-моему очень красивая. Она угощает нас абрикосовым повидло и вареньем из шелковицы. Папа останется на заводе, а она отвезет меня и мои вещи к тете Тане.

Тетя Таня носит ту же брошку, что в Одессе: две руки и голубок и все это из слоновой кости. Брошку ей подарили, когда она была барышней. Тетя Таня и теперь, как барышня, она часто краснеет, хотя у нее шестеро детей. У них собственный дом, но денег совсем мало. Это мне сказала третья дочка, Тиля, мы с ней не расстаемся. К Тиле приходит подруга, Машенька. У ее мамы лавка. Машенька все тащит из лавки. «Я сейчас принесу орехи», — говорит Машенька. Она приносит целый кулек орехов и монпасье из банки. Машенька может взять в кассе деньги и никто не заметит. Но мы боимся и отговариваем Машеньку. Есть еще одна знакомая девочка, у нее старые родители. Она любит играть в доктора. Я уже давно не играю в эту игру, но Анхен настаивает. Пусть Тиля или я будем доктором, а она будет больна, и мы должны ее выслушать. «Если доктор скажет, что у меня болит живот, вы мне поставите клистир». Я пугаюсь и убегаю к тете Тане, мне не нравится Анхен. После обеда мы прогуливаемся перед домом и все вместе находим двадцать копеек. Такие деньги нельзя тратить, они приносят счастье, Анхен их спрячет. Потом младший брат, Сима, видит, как она пошла в лавочку напротив. «Она, наверно, купит «Золотой ярлык», — говорит Сима. Но нам стыдно спросить.

У тети Тани все секретничают. Тетя Таня любит секреты. Она очень любопытная. Она спрашивает, думаю ли я, что дядя найдет дела в Одессе? Меня никогда не спрашивали о делах, и я не знаю, что ответить. Про Герасима я ничего не скажу. Матю могут

выписать в Николаев и там она погибнет в разлуке с любимым человеком. Зато я много говорю про невесту Нюню, сколько ретонд она заказала. «С какими воротниками? — спрашивает тетя Таня. — И видела ли я столовое белье?». Она хочет знать, была ли у нас сестра невесты. Тетя Таня говорит, что невеста слишком высокая и худая. Ей нужно поехать на виноград. Тетя Таня хотела бы, чтоб ее брат женился на миниатюрной барышне, она обожает все миниатюрное.

Вечером мы с папой и тетей Таней идем к Шварцбергам. Это мамина тетя, младшая сестра дедушки. Дедушка выдал ее за очень симпатичного старика Шварцберга. Муж тети Шварцберг всю жизнь кашляет, глаза у него наливаются кровью, можно подумать, что он задохнется. Но все привыкли к его кашлю и думают, что так должно быть. У тети Шварцберг три дочери: одна за дантистом, вторая вдова и имеет много детей, а младшая, Груня, в движении, она делает революцию. Тетя Шварцберг невероятно добрая, она хотела бы всех приютить и все раздать. Мне нравится, что у них в зале овальное зеркало в золотой раме, как в ложе Городского театра. Стулья и пианино коричневого цвета. Можно устраивать балы. Моя мама танцевала здесь с доктором Захарием Бродецким. Он был без ума от нее. Коля Альцейт, который учился с мамой в пансионе Екатерины Ивановны Стрельниковой, уже давно сказал мне, что мама была самой красивой барышней в городе. Когда она, в серой шляпе и серой мантильке, переходила через площадь, все офицеры готовы были идти за ней хоть на край света. Но мама ни на кого не обращала внимания, даже на Захария Бродецкого. А ведь он мелкими буквами переписал для нее «Крейцерову сонату». Я успела прочесть начало: книга исчезла, ее спрятали. Когда прячут Чехова, я обычно его нахо-

жу, но «Крейцерову сонату» я не нашла. В Николаеве мы останемся три дня. Я должна еще раз пройтись по Соборной улице, хотя там нет ни пассажа, ни Городского сада, ни магазина Юргенсона, где продают ноты. Сам Юргенсон похож на викинга.

Дома нас встречают так радостно, как будто мы вернулись из Сахары. За это время Катя научилась считать до двадцати, а дедушка из Тюремного переулка переехал на Пушкинскую улицу. На Пушкинской огромный двор и голубятня, там один второгодник гоняет голубей. И все квартиры со стеклянными балконами. В самой большой живет папин агент, господин Мирович. Гитля-слон говорит, что он ужасный человек. Он бьет свою жену, это знают в доме. Со мной господин Мирович был всегда ласков, он подарил мне очень интересную научную книгу: «Отчего и почему маленькой Сусанны». Может быть Гитля-слон выдумывает, она любит сочинять всякие небылицы. В самой маленький квартире живет тетя Веры Львовны. Она была когда-то старой девой и ее с горя выдали замуж за наборщика, он работает в типографии и у него чахотка. Наборщик не хочет иметь дела с богатыми родственниками: от богатых одни неприятности. Их мальчик Леня с опухшей щекой по целым дням сосет ириски. Он говорит мне, что есть халва, которую рубят топором, она называется косхалва. Леня сломал два зуба из-за косхалвы, и я обязательно должна ее попробовать. У дедушки тоже стеклянный балкон. Там он читает книги в потертых кожаных переплетах.

Няня Елена пропала. Ее нашли в канаве, так мне сказали на кухне. Вместо нее Минна Ивановна с взбитыми волосами. Минна Ивановна носит платье с накрахмаленным белым воротничком и когда с ней здороваются, делает реверанс, по-немецки: книксен. Она ссорится с горничной Юзей и доказывает ей,

что она не простая прислуга, а бонна, вроде гувернантки. Минна Ивановна должна и со мной говорить по-немецки, но она предпочитает русский. Катя уже знает «цукер» и «ауфвидерзеен» и один стишок про мышку. По утрам Минна Ивановна рассказывает, как она жила в Ревеле у пастора. Она чистила картошку и делала мережки на простынях. «Я была у них, как дочь, — говорит Минна Ивановна. — Фрау пастор мне связала серые шерстяные чулки, необыкновенно теплые. Но сына пастора убили на войне, а я столько лет живу на чужбине! И все потому, что евреи продали Россию».

Я горю от негодования, все могу снести, но только не это, я не имею права жить с ней под одной крышей. Иду в спальню, мама причесывается перед зеркалом: «Мамочка, папа, вы должны выбрать между мной и Минной Ивановной». Я вся дрожу. Когда-то, чтоб отделаться от обидчиков, я уходила в детскую и брала с собой несколько корочек хлеба и чайник из кукольного сервиза. Я хотела пить воду и есть хлеб маленькими кусочками, чтоб хватило надолго. Хлеб я съедала тут же, после этого мне становилось скучно. Теперь меня мучает совесть, я не хочу доносить на Минну Ивановну, но ведь она враг моего народа, и папа много раз говорил Вове и мне, что мы должны защищаться и не давать себя в обиду. Постепенно, с большим трудом начинаю рассказывать про евреев, продавших Россию японцам. Папа берет меня на завод и когда мы возвращаемся, в доме очень тихо. Вещи Минны Ивановны исчезли, а Катя лежит в своей белой кровати и повторяет: «Цукер, цукер, ауфвидерзеен...»

Ася начала брать уроки танцев. Меня тоже пригласили в их группу. По воскресеньям мы собираемся у Эльзуни, у них много места. Кроме Аси, Эльзуни и меня танцуют девочки Блазнер и пять мальчиков:

Мурка, Геня, друг дворника Михаила, другой Геня, у которого подворачивается нога, и два брата Эльзуни, Лева и Коля. Нас учит танцмейстер Кулачев. Ровно в одиннадцать часов утра он приходит со своим тапером. У тапера скрипучие башмаки, а Кулачев ходит так, как будто он на катке. Он натягивает чистые нитяные перчатки цвета эскрю. Девочки становятся по одну сторону, мальчики по другую. «Первая позиция, — говорит Кулачев, и мы сдвигаем пятки. — Вторая позиция...» Самая красивая — третья позиция, надо повернуть голову и смотреть на собственную руку. Мы гуляем под музыку. Мой кавалер — Геня, друг дворника. Со стороны можно подумать, что он оказывает честь Кулачеву и мне. Геня терпеть не может танцы, но его мама настаивает. Она хочет, чтоб у него были приличные манеры.

Танцевать у Эльзуни очень удобно, из гостиной выносят мебель, остаются фикусы и пианино с вертящимся стулом. Когда Геня танцует со мной па де патинер, он жует барбарисовую конфету, а бумажку незаметно прячет в фикус. Эльзуня танцует с Муркой; ее косы прыгают, и одна ударяет ее по носу. Недаром Кулачев говорит, что у Эльзуни такие способности, что она могла бы танцевать в театре. Он покажет ей матлот и русскую. Мы тоже могли бы танцевать русскую. У Аси остались кокошник и бусы с прошлогоднего костюмированного бала. Но Кулачев не хочет показать нам русскую. Он говорит Эльзуне: «Поднесите руку ко лбу, всматривайтесь, вы ждете Ивана, а Ивана все нет...» Эльзуня ждет. В это время мы прогуливаемся под музыку тапера.

Когда приходят Женя и Боря Гаевский, рассказываю им про танцы. Боря Гаевский находит, что это глупо и несерьезно, он был обо мне лучшего мнения. Женя с ним несогласен: в древней Греции

тоже танцевали и, вообще, танцы были у всех народов. «Но не польку-кокетку и не па де патинер», — говорит Боря Гаевский. Его трудно переспорить. Кроме танцев у меня новое занятие: я вышиваю салфетку к годовщине маминой и папиной свадьбы. Узор скопировала наша мадмазель. Салфетка очень грязная. Я мучаюсь над ней давно. Лучше посвящу им стихотворение «Раб», я сочинила его в Николаеве. Но мадмазель требует, чтоб я закончила салфетку. Она читает мне вслух «Ле бон пти диавль», а я должна попадать иголкой в те места, которые она обвела карандашом.

Вова увлекся фотографией и вместе с близнецами запирается в темной комнате, они залезают под кровать, чтоб проявить снимки, по большей части неудачные из-за плохого освещения. Снимки сушат на окне в вовиной комнате. Он волнуется: если б не освещение, он мог бы стать первоклассным фотографом. Но несмотря на фотографию и на своих товарищей, Вова все еще дружит со мной. Мне кажется, я умерла бы, если б он меня совсем забыл. Вова уговаривает маму отпустить меня с ним на «Потонувший колокол», все равно я ничего не пойму. Мне так хочется пойти в театр, что я стараюсь не обидеться. В «Потонувшем колоколе» лучше всех играют ведьма и леший. Фея Раутенделайн похожа на Эльзуню и делает вид, что она страшно грациозная и воздушная. Рядом с нами сидит сын артиста. Он хочет объяснить мне, что «Потонувший колокол» это перевод. «Но Шекспир тоже перевод, — говорит Вова. — И «Орленок», и Мольер». Вова прав: почти все пьесы это переводы. По дороге домой заходим в паштетную. Вова съедает два «наполеона» и трубочку, а я полторы трубочки. Половину своей отдаю Вове. Все будут удивлены, что у нас плохой аппетит, но мы к этому привыкли.

Нас ждут. Приехал дядя Авдей Ильич и спрашивает, где дети? Это мамин дядя, он доктор и носит военную форму. Дядя Авдей Ильич большой шутник и любит дразнить. Ему все равно, что у его старшей дочери разбитое сердце, и что он помешал ей выйти замуж за офицера. У него есть другая дочь, Зина, она носит бархатные платья и играет на скрипке. Зина сказала Вове, что дома ей тесно, ее тянет неизведанное. А глухая тетя Лена не отпускает Зину ни на шаг. Она боится, что та влюбится в офицера или в артиста. Пока Зина в шестом классе гимназии и ее повсюду сопровождает гувернантка, Клара Антоновна. У Клары Антоновны небольшой горб, она его хорошо прячет. «Наша Кларуся — кокетка», — говорит дядя. Клара Антоновна думает, что она красиво сидит в экипаже и учит Зину: надо сидеть, не откидываясь на подушки и иногда улыбаться невнимательной улыбкой.

Дядин старший брат, Аркадий, живет с шансонеткой в гостинице «Франция» на Дерибасовской улице и бросает деньги направо и налево. Это я узнала от Мати. Но она не могла мне объяснить, что такое шансонетка. Дядя Аркадий к нам не приходит, он разорен. Вот, когда у него поправятся дела, он придет к своей любимой племяннице и будет осыпать ее подарками. Дядю Авдея Ильича он презирает за то, что тот стал доктором в женской гимназии. А мы любим дядю Авдея, и он не стесняется с нами дружить. Вове он обещал прочесть свою пьесу. Я хочу знать, участвуют ли в ней люди или существа, как в «Потонувшем колоколе». Тогда дядя говорит, что это бытовая пьеса и в ней все, как в жизни. Дядя от кого-то узнал, что Вова собирается ставить пьесы собственного сочинения и называет его: коллега. Потом приходит глухая тетя Лена и спрашивает, кого я больше люблю: маму или папу? Такие вопросы

задавали, когда мне было три года, но из вежливости нужно отвечать.

Уже Рождество: мы пойдем с Вовой в зал Биржи — там елка и лотерея. Чтоб попасть в зал, надо пройти через ресторан Кузнецова, где обедает папа, когда мы на даче. По дороге нас останавливает господин в форме, он сидит с двумя военными: «Молодой человек, куда вы ведете вашу даму?». Вова говорит, что мы идем на бесприкрытую лотерею. «Нет, я не могу позволить, чтоб вы пошли в зал, вас могут затолкать!». Кто-то шепчет нам, что это градоначальник. Он хочет меня поцеловать, и я поневоле соглашаюсь. Так мы не попадаем на бесприкрытую лотерею, и Вова ведет меня в иллюзион с программой. Выступают настоящие малороссы. В их пьесах жених всегда в серой шапке, а у невесты много разноцветных лент, и все артисты плачут или веселятся. Когда-нибудь Гитля-слон возьмет меня в еврейский театр на Еврейской улице. Она говорит, что там очень интересно: в одном действии похороны, в другом свадьба и танцуют фрейлахс, это еврейский гопак. Мне все равно, я люблю всякий театр, даже «Ваньку Рутютю».

Когда во дворе начинают представлять, мне не сидится. Вера Львовна считает, что это распушенность: я должна интересоваться «Записками охотника», а не «Ванькой Рутютю». Но я не могу отойти от окна. Чорт тащит Ваньку в ад или в преисподнюю, это зависит от человека за ширмой. Иногда шарманщик приводит девочку в розовом трико, и она делает гимнастику на коврик. Ей должно быть холодно, коврик тоненький; у девочки кожа вся в пупырышках. Она, наверно, сирота, и шарманщик ее бьет и по ночам запирает в чулан, чтоб она не убежала. А может быть шарманщик на собранные двухкопеечные монеты покупает ей куклу и конфеты Ландрина.

Мне хочется знать, как она живет, но девочка складывает коврик и идет в соседний двор.

Яков Соломонович берет ложу: мы приглашены на знаменитого трансформатора Франкарди. Я никогда еще не была в театре на вечернем представлении. Меня и на этот раз не хотели брать, но Яков Соломонович настоял. В театре у всех лорнеты и бинокли, а дамы одеты так, как будто собираются на свадьбу. Трансформатор представлял целый вечер: он был господином в цилиндре, и через секунду — дамой в меховом мантио, клоуном или разбойником. Он разыгрывал целые пьесы. Многие в зале не верили, и одна старушка в муаровом платье хотела пойти в кассу и потребовать, чтоб ей вернули деньги. Но в конце трансформатор показал, как он переодевается и публика успокоилась, а мне было жалко, что все так обыкновенно. Когда Вова решает стать фокусником, он говорит: «Фокус есть ничто иное, как ловкость и проворство рук... А трансформатор ведь не фокусник, он артист».

Под Новый год я у Аси. Папа и мама собираются в оперу, а Вова встречает Новый год с близнецами и сыном артиста. Они купили две бутылки донского шампанского, оно шипит, как настоящее. Будут еще сестра близнецов и ее подруга, они решили снизойти. Женю не позвали, его не интересуется Новый год: он говорит, что это условность. Асины родители в клубе, там всегда, как под Новый год. А Витя сидит с нами и рассказывает про нового учителя истории. Одна шестиклассница так в него влюбилась, что упала в обморок и весь класс рыдал: они узнали, что учитель истории женат.

Перед уходом асина мама сказала, что мы можем открыть бутылку шампанского завода Редерер. Федя хочет играть в короля, но мы хотим смотреть волшебный фонарь. Нужно выпросить простыню и потом

закрепить ее. На стене появляется голландец с трубкой. Простыня плохо натянута и голландец весь в складках. После голландца старуха в чепце, тоже из Голландии и Неаполитанский залив. Десять часов. Наш Новый год начинается в десять. Всем наливают по бокалу шампанского. Но бабушка набожная и не знает, полагается ли его пить по закону.

На другой день рабочие с папиного завода приносят торт с сахарной розой, а трубочисты — напечатанные стихи. Приходит дворник, его угощают наливкой и домашним пряником. Наша мадамзель в новых лайковых перчатках сидит на кончике стула: она в гостях. Яков Соломонович прислал ветряную мельницу из шоколада, вокруг нее глазированные фрукты. Вова первый отломал кусочек мельницы, и потом мы стали понемножку ее обламывать. Папа сказал, что мельница вряд ли достоин до катиного рождения. Он был прав, как всегда. От мельницы не осталось и воспоминания.

Ровно через неделю Катя получает от дедушки коляску для своей куклы Матильды. Мы с Вовой дарим ей плиту и пять жестяных кастрюлек, по числу лет, а мама и папа — ферму со всеми животными и травой из зеленых стружек. Приходят катины гости: Ируся, ей на-днях минуло шесть лет, и она читает Евгения Онегина⁷ и Жозька, катин однолеток, страшный нахал. Он требует, чтоб ему дали двойную порцию шоколадного торта. Жозька хочет сидеть рядом с Катей, Ируся ему не нравится. «Я люблю толстеньких», — говорит Жозька. Кроме них, две застенчивые девочки, Милочка и трехлетняя Нора, с которыми Катя познакомилась в парке. Новая бонна, Людмила, предлагает игру — «Каравай». Но Жозька несогласен: «Это для маленьких детей, будем лучше играть в лото». Мама пьют чай в столовой. Жозькина мама иногда поджимает губы. Я тихонько при-

сосеживаюсь. «Мужчинам нельзя верить, — жалуется жозькина мама, — они не знают, что такое постоянство». Я верю мужчинам, но боюсь подать голос, меня сейчас же погонят из-за стола. Перед уходом Ируся начинает хныкать, ей жалко, что она подарила Кате умывальник, из которого течет настоящая вода. «Как тебе не стыдно, — говорит ее мама, — ты читала «Евгения Онегина», а ведешь себя как дурочка». Но Ируся не помнит про «Евгения Онегия», она хочет умывальник. Ее с трудом уводят, и мы слышим, как она плачет на лестнице.

Катя довольна подарками, особенно умывальником: Матильда будет чистая. Ей нравится копилка, ее подарила Матя: это розовая симпатичная чушка и в спине у ней отверстие для денег. «Что туда попало, то пропало», — говорит Вова, и дедушка, чтоб успокоить Катю бросает в отверстие несколько чудных новых монеток. Ланя подарил электрический фонарик, он не горит, но Катя думает, что когда-нибудь он будет гореть, и прячет фонарик под подушку. Ланя любит делать подарки. Он теперь у нас. У отца нет места. У бабушки в Одессе тоже нет места, она сдает комнаты, в каждой комнате жилец или жилища. Сама бабушка в столовой. Вера Львовна ночует в чуланчике под лестницей, это ее комната, там висит портрет Пушкина с бакенбардами. Ланя живет в нашей проходной комнате, в ней большой письменный стол и огромная печь, к которой нельзя подойти. Он еще не поступил в мукомольную школу. Учение ему не дается, он хотел бы стать изобретателем. А к чему изобретателю неопределенное склонение?

Ланя зачитывается толстыми книгами Дюма-отца. Одну он дал мне и у меня ее отобрали: надо учить сонатину Шпиндлера, завтра урок музыки. Мне эти уроки ненужны, я могла бы весь день читать «Графа Монте-Кристо», но мадамзель зовет меня — пора идти

в парк! Мадмазель говорит, что нужно делать мелкие шаги, как будто ходишь по яйцам. Это грациозно. А Вера Львовна требует, чтоб я ходила быстро и не прилипала к окнам магазинов. Шаги должны быть крупные, как у спортсмена. Когда я начинаю ходить вприпрыжку, Вера Львовна и мадмазель недовольны. Папа меня не критикует, он знает, что я предпочитаю ходить по улицам, где магазины письменных принадлежностей. Ланя научил меня наклеивать картинки и теперь на всех моих тетрадях ангелочки и букеты цветов.

10.

Женя и Боря Гаевский живут по расписанию. У Жени над кроватью большой лист бумаги и на нем написано, когда он должен вставать, делать гимнастику, учить уроки, обедать, ходить в гости. В какие вечера он может играть в шахматы с одним из близнецов. Всю свою жизнь он разделил на часы и говорит, что я тоже должна жить по расписанию. Когда Женя и Боря Гаевский приходят, я больше не радуюсь: это расписание. Вова со мной согласен: он признает только расписание поездов. Нет, лучше пойду к Натусе, там много детей и все разные. Натуся хочет поступить в прогимназию. Когда я говорю, что прогимназия хуже гимназии, у нее начинают дрожать щеки. Я готова провалиться сквозь землю: Натуся может подумать, что я задаюсь, потому что меня готовят в гимназию. Начинаю доказывать, что прогимназия в сто раз лучше гимназии, что я ошиблась, и Натуся быстро успокаивается. Она не умеет дуться.

Мы забываем прогимназию. Натуся рассказывает мне, что жених Настеньки скупой, как его отец. Дома они снимают брюки, чтоб они не протерлись, и сидят без света. Достаточно того, что в банке они целый день работают при электричестве. Натуся никогда не выйдет замуж, она предпочитает наряжаться и танцевать. Я учу ее танцевать лезгинку. Кулачев недав-

но показал нам лезгинку и эспану. Эльзуня, конечно, танцует отдельно: она уже знает русскую и теперь Кулачев хочет, чтоб она танцевала с кастаньетами. Мама Эльзуни не собирается покупать кастаньеты, ей слишком дорого обошелся русский костюм. Натуся думает, что я учу не хуже Кулачева. Но я не уверена, что ему понравится моя лезгинка.

В следующее воскресенье у Эльзуни костюмированный бал в четыре часа дня. Мы с Асей разучили пьесу «Стрекоза и муравей». Это не басня Крылова, а пьеса, похожая на эту басню. Ася играет муравья, она в костюме мельника и вся обсыпана мукой, хотя обыкновенный муравей черный или серый. Вера Львовна объяснила нам, что муравья превратили в мельника, чтоб показать, как он трудолюбив, не то, что стрекоза, которая ленива и легкомысленна. Мне нравится костюм стрекозы: зеленая юбочка из блестящей материи и зеленая безрукавка, с прикрепленными крыльями. Их сделал Вова, они провололочные и на них натянута зеленая марля. К зеленой шапочке он прикрепил усики из проволоки — получился замечательный костюм. Вова с нами репетирует. Я выхожу первая и начинаю:

Боже мой, как я устала,
Ног не слышу под собой.
Осень всю проголодала,
Побледнела, исхудала...

«Пауза, — кричит Вова. — Ты должна остановиться». Я останавливаюсь, развожу руками, как Эльзуня, когда она танцует «русскую» и с иронией обращаюсь к зрителям:

Полюбуйтесь стрекозой!

Они поймут, что мной не нужно любоваться, меня надо жалеть за мое легкомыслие.

Эльзуня пригласила всех своих знакомых. Пришли Кулачев и тапер с красным носиком. Было много костюмов: русалка с распущенными волосами, маленькая цыганка с бубном, Мурка в костюме пирата, его сестра, одетая, как неаполитанка, сама Эльзуня — в кокошнике и бусах. Ее братья хотели быть Максом и Морицом, но вышло, что они просто два мальчика из детской книжки. После па де катр и вальса сестра Мурки садится за пианино и играет сначала Осеннюю, потом Весеннюю песню. Затем выходит Эльзуня. Она танцует русскую и все кричат: браво, бис. Особенно громко кричит ее папа. Теперь наша очередь. Сначала выхожу я в костюме стрекозы, за мной Ася. «Стрекоза и муравей» продолжается пять минут, но мы повторяем ее три раза, и Эльзуня недовольна.

Представление кончилось, и Мурка ведет Асю и меня в коридор, где висят шубы. Он расскажет нам анекдот. Одну девочку в школе спросили, какая река в Америке самая длинная? «Мне стыдно», — Мурка сделал глупое лицо, — «мне стыдно: Миси-писи... — Она хотела сказать Миссиссипи», — говорит Мурка. Я хохочу, и Ася делает мне замечание: я почище Мурки. Она, вообще, любит делать замечания. Дома ее называют «классная дама». Ася уверена, что анекдот неприличный, иначе Мурка не повел бы нас в коридор. Я постеснялась рассказать его Вове, он не хочет, чтоб я повторяла неприличные вещи. Сам он с близнецами говорит Бог знает что, но тогда меня выгоняют из комнаты.

На эльзунином балу были хлопушки и серпантин. Конфети не было, от них только сор. Нас угощали бутербродами и эльзунина мама сказала, что все без исключения могут их есть. Тогда один мальчик приподнял колбасу и под ней было масло: «Я не могу это кушать, масло и колбаса не должны быть вместе». Эльзунина мама испугалась, она не думала обидеть

мальчика. «Это по ошибке, горничная делала бутерброды и ошиблась». Но мальчик был неумолим: он хочет бутерборды с швейцарским сыром и мороженое с вафлями! После мороженого мы опять танцуем. Мне надоели танцы. В крайнем случае можно делать ритмическую гимнастику, это развивает чувство ритма. У Герасима чувство ритма. Он пришел к нам с визитом, когда дяди не было, и говорил о музыке и о революции: это музыка масс. Оказывается, он невысокого роста. «У него узкая талия, как у всех на Кавказе», — сказала Матя, и мне стало неловко.

У нас дома волнение. Дворник донес, что кухарка Соня вывезла уголь на тачке и что она каждый вечер выходит с пакетами. Про уголь я ничего не знала, а пакеты были для Давидки и для женщины, у которой он живет. Пришла прачка Оля с жалобами: пропадают рубахи... Мне жалко, что Соня уйдет от нас и я не узнаю, что написали о ней в «Одесской почте». Геня готова вернуться: ее служба просто лентяй и хочет, чтоб она на него работала. Геня по целым дням стоит в магазине, и покупателей нет. Иногда приходят за маленькой катушкой ниток номер сорок. А служба за кассой думает, что он Ротшильд. Он тоже недоволен и хотел бы развестись с Геней. Она не дала ему тридцать рублей приданого. «Пусть он лопнет вместе со своим магазином, — говорит Геня. — Буду служить, как прежде. Чем было плохо на кухне, я вас спрашиваю?».

Никто не подозревает, что я интересуюсь кухонными делами. Я сижу тихо и слушаю. Приходят докторша Ашевская или Рыбка, жена папиного присяжного поверенного. Володя, ее муж, очнь раздражительный, он бьет их девочку деревянной линейкой. «Когда я преподавала в училище для девочек, мне было лучше», — говорит Рыбка. Мама ее успокаивает: Володя больной и с этим надо считаться. Но

Рыбка думает, что он не так уж болен, если смотрит на всех секретарш. Все это непонятно и не у кого спросить. Я знаю одно: есть много несчастных, которые делают вид, будто они счастливы.

Наконец моя салфетка готова. Мне помогла мадам-мазель, иначе я застряла бы на последней маргаритке. Крестиком вышивать гораздо проще, у меня над умывальником висит такое полотенце, где вышито: «Встань поутру, не ленись, мылом вымойся, утрись». Оно сильно накрахмалено, и я боюсь до него дотронуться. Вышивать гладью — бесполезно. Есть более глупая вышивка: «ришелье». Мальвина специалистка по ришелье. В ее приемной для больных повсюду будут салфетки ришелье. Но она не сдала еще самый главный, Государственный экзамен. Мальвина считает, что в Одессе экзаменуют слишком строго. Она должна поехать в Харьков, там хорошие экзаменаторы. Дедушка сказал мне, что папа, конечно, пошлет ее в Харьков. Он слишком добрый и не умеет отказывать. Дедушка не понимает, откуда берется такая доброта, у них в семье не было добрых.

На годовщину свадьбы позвали лакеев, и они с утра расставляют столы. Ужин будет готовить повариха. Геня недовольна, она только подручная. По ее мнению повариха слишком много о себе воображает. Подумаешь, какие-то родственники хотят ее выписать в Америку. Они откроют ресторан. Геня жалеет всех, кто будет там столоваться: пусть повариха сначала научится делать шейку с гусиным жиром или балабушки. На ужин меня не оставят, но я буду пить чай за большим столом. Мама и папа в восторге от моего подарка. А я думала, что они давно знают про салфетку. Вова подарил им два гиацинта, а Яков Соломонович бронзовую лампу с красным абажуром. Сегодня явятся его супруга с двойным

подбородком и дочка, которая вышла замуж за поляка. Поляк сбежал, но я не должна этого знать.

Придут все родственники из плюшевого альбома. Кроме тех, кто в Америке. «В приличных семьях таких мало», — говорит мама. Отрывистый, короткий звонок, значит пришли Немировы: мамина подруга и ее муж, похожий на паучка. Они приводят своего брата, вольноопределяющегося, и толстую сестру Машу в малиновом платье. С ними симпатичная старушка. Она сейчас же садится в кресло и складывает руки на животе. Не успевают они поздороваться, как входит архитектор с женой. Дамы считают, что она вылитая француженка. На нашу мадмазель она ни капельки не похожа, но она подбирает юбки не так, как все, и у нее маленькое резиновое личико. С ними две племянницы: курсистка и ученица зубо­врачебной школы. Она лучшая подруга Мальвины, но почему-то говорит о ней всякие гадости. Таких подруг я еще не встречала. Потом приходит сестра архитектора с мужем, он подрядчик и считается франтом, у него усы, как стрелки.

Знакомые разговаривают со мной, хотя я вижу, что им это неинтересно. Они хотят играть в карты и ужинать. Расставили ломберные столы, и мама предлагает перейти в гостиную. Все просят, чтоб жена архитектора спела арию из оперы Манон. Но она не в голосе. Вот, если бы мы слышали, как поет ее сестра, мы бы поняли, что такое вокальное искусство. У нее есть другая сестра, ученица парижской консерватории, она играет на арфе. Тогда начинают упрашивать одну знакомую барышню, и она поет: «Я цыганка, мало дела мне до горя и забот...» В гостиной за пальмами сидят дальние родственники; он служит в заграничной конторе и пускает пыль в глаза. Матя их хорошо знает, их карточка на последней странице нашего альбома, там они еще молодые. Она

в белом платье, а он в костюме в обтяжку. Эти родственники приходят на рождения и на годовщины.

У нас неожиданный гость, тоже родственник: он пишет в журналах и переводит с японского или с китайского. Он нравится Мате. Она уже готова забыть Герасима. «Ты посмотри, — говорит Матя, — у Данюши настоящая ассирийская борода». Действительно, данюшина борода блестит, как начищенная. Вокруг Данюши вертится вольноопределяющийся Петя. Вольноопределяющийся рассказывает, что он принят у полковника, и что дочь полковника непрочь в него влюбиться. Но Петя любит одну разводку. Данюша мог бы написать рассказ на эту тему. Данюша гладит свою бороду и неизвестно, о чем он думает. Мне уже несколько раз напоминали, что пора идти спать. Кажется, придется пойти и я не узнаю, напишет ли Данюша рассказ про дочь полковника.

Заснуть трудно, доносятся голоса, кто-то даже взвизгнул. Потом становится совсем тихо. Я слышу, как все переходят в столовую. Сейчас начнется ужин. Геня обещала оставить мне кусок миндального пудинга с шоколадной подливкой. Она это сделает тайком от поварахи, которая не желает, чтоб прятали еду. Как бы я хотела знать, что делается на кухне. Я видела, как украшали рыбу, и повараха сердилась, что мало петрушки. По-моему слышно, как стучат вилки и ножи. Вдруг зазвенело стекло. Пьют за мамино и папино здоровье. Мне обидно, что я не могу быть со всеми, но мама сказала, что я все равно засну за столом и меня придется будить и будет стыдно перед гостями.

На другой день у всех такой вид, будто они только что сошли с парохода. Я выспалась и мне смешно. Вова рассказывает, что задумчивый Данюша пришел в восторг от катиной бонны Людмилы. Он делал ей комплименты, и Людмила чуть не расплакалась. Пили

много вина. Адвокат Тубенкопф подвыпил и начал произносить речь, но ему не дали закончить: дочь Якова Соломоновича закричала «браво», и все подхватили. Тубенкопф сначала обиделся, а потом стал кланяться во все стороны и всем улыбался. Вова не верит его фальшивой улыбке. Было очень весело. Махалицкий проиграл деньги асиному папе. Он долго с ним объяснялся и держал его за пуговицу. Остальные гости разговаривали: каждый в отдельности и все вместе. Молчал только Сема, мамин брат. Может быть, он думал о своей невесте.

Наш дядя Сема неразговорчивый. У него красивое смуглое лицо и слишком большие для мужчины глаза. Можно подумать, что он скажет что-нибудь умное, а он отмалчивается или говорит самые обыкновенные вещи. Я у него спросила, хочет ли он жениться? Он посмотрел на меня и ничего не ответил. Ему безразлично. Дядя из Николаева решил, что Сему надо женить, а не то он начнет ухаживать за девушками в платочках. Дедушке было жалко Сему, но он не вмешивался, и тогда дядя стал ходить к сватам. Матя сказала, что он пошел к известному Мотлю Одесскому, у которого карманы набиты невестами с приданым. Если кто-нибудь хочет жениться по любви, он тоже может устроить.

Все это было давно, но я помню, как мама пришла в ужас. Она не может допустить, чтоб ее братом распоряжался толстый Мотль Одесский в шубе до пят. После этого дядя пошел к знакомому еврейскому писателю. Он бедняк и должен зарабатывать сватовством, книгами не проживешь. Их разносят по домам, но толку мало. Писатель мне нравится, он похож на англичанина из книжки Вильгельма Буша. Он сказал, что наше дело в шляпе: у него есть невеста, о которой может только мечтать молодой провинциал, то есть дядя Сема. От Мати я узнала, что дядя убедил

Сему, и они поехали знакомиться с невестой. Семе было все равно. Отец невесты обещал устроить ему хлебную контору, потому что Сема недоучился и не сумеет быть доктором или инженером. Главное, он будет молчать: невеста Нюня, вы ее уже знаете, говорит за него и за себя.

Когда Сему сосватали, явилась жена бывшего дедушкиного бухгалтера, тетя Рейзль. Она старая сваха и не понимает, почему ее обошли. У нее ведь больной муж и пятеро больных детей. Тетя Рейзль приходит к нам за вещами для детей и за продуктами. Она непрочь поговорить. «Я не понимаю», — удивляется тетя Рейзль, — «почему мужа нужно любить. Суп любят, котлеты любят...» Она видит меня и начинает повторять, как я выросла и похорошела. Тут мама посылает меня в детскую к Кате. Она боится, что тетя Рейзль начнет мне сватать женихов. Но я не Ася, чтобы мечтать о том, как я, в матине, буду пить чай на веранде или на балконе. Женя и Боря Гаевский, вообще, не интересуются такими пустяками. Они учат иностранные слова. Хорошо вставлять в разговор иностранные слова. Например, вместо безразлично — говорить «индифферентно». А для меня эти слова пустые, как жестяная коробка из-под монпасье. Слова должны иметь запах и цвет, как в «Царе Салтане» или у Тургенева. Но я молчу, иначе Боря Гаевский скажет, что я так думаю по женской слабости. Он презирает женщин, но делает для меня исключение: я читала не меньше, чем он. Правда, Боря Гаевский читает серьезные книги, где все напечатано густым шрифтом, не так, как у Желиховской или в «Задушевном слове».

11.

Я все еще хожу в библиотеку Общества приказчиков евреев, но уже никто не смеется, когда я делаю список книг по каталогу. Второй библиотечный мальчик, брат эфиопа, думает, что я глотаю книги. Я прочла всего Жюль Верна, Фенимора Купера и Майн-Рида. Сейчас я читаю Диккенса. Мне ни с того ни с сего начинает казаться, что я поехала в гости к брату Пеготти и живу на барже. У меня комната, как у Давида Копперфильда: над комодом висит зеркальце в рамке из ракушек, а окна круглые, как в каюте. Ася тоже читает Копперфильда, она ненавидит лицемерного Урию Гипа. Мы заготовили записочки: «Урия Гип негодяй» и хотим раздать их знакомым детям. Пусть знают, кто такой Урия Гип. Если б можно было готовить уроки через день, а в остальное время читать! Но Вера Львовна говорит, что я слишком люблю развлечения. Теперь я жду, что Матя возьмет меня в школу Галки. Там музыкальное утро и она думает, что мне должно быть интересно послушать, как девочки моего возраста играют сонату Шопена. Не хочу огорчать Матю, но пианисткой я ни за что не стану. Когда я вижу метроном, мне становится не по себе.

На музыкальном утре ужасный беспорядок. Родители пианистов и скрипачей громко волнуются.

Они говорят, что программа плохо составлена: несправедливо, что Веруня на предпоследнем месте. Больше всего мне понравился мальчик с локонами, он играл на скрипке очень длинный концерт Мендельсона. Мне объяснили, что он не такой маленький, хотя носит короткие штанишки. На самом деле он мог бы носить сюртук. Потом был скандал: один мальчик остановился посередине и сказал, что больше играть не может. Мальчик думал, что его будут бить, и скрипкой закрыл лицо. После этого родители говорили, что нельзя выпускать неподготовленных детей. Как хорошо, что я не выступаю на музыкальном утре, я б, наверное, споткнулась, и всем было бы неприятно.

Учусь читать и писать по-немецки. У меня книжка с немецкими картинками: мальчик сидит на дереве, отец под деревом. Он собирает яблоки. В этой книжке есть описание зверинца, куда хозяин просит всех войти, и рассказ про муху. Самые скучные книги-учебники, они вечно пропадают, и их во что бы то ни стало нужно найти. Приходит Ася. Она уверена, что учебники найдутся, а пока мы можем пойти к ней, это на том же тротуаре. Ася недовольна своими родителями: они всегда в клубе. Она сказала это своему папе, и он чуть не задохнулся от негодования. Как она не понимает, что родители пожертвовали для нее своей жизнью. Он должен был бы ее поколотить, но ему это запрещено. У него грудная жаба. Ася в первый раз призналась мне, что у них не все так гладко, как она говорила до сих пор. Она подружилась с одним мальчиком из их дома, фамилию его я не назову, и он посоветовал ей стремиться к самостоятельности. Ася хотела бы стремиться, но не знает, как это делают.

А у нас новость: кузина Маня с разбитым сердцем, кажется, решила выйти замуж за доктора. Они встре-

чаютя в нашей гостиной. Маня приходит за час до доктора и все время спрашивает, нравится ли нам ее крепдешинный шарф? Потом она закручивает на лбу волосы: это называется небрежный локон. Чем больше она крутит, тем хуже он держится. Доктор приходит ровно в назначенный час. Я хотела бы побежать к дверям, но мне не позволяют, дверь должна открыть горничная. Когда Маня выйдет замуж, у нее будет горничная в наколке. Маня хочет, чтоб все было поэтично. Доктор жалуется, что Маня слишком поэтичная. Надо думать не только о любви, но и о докторском кабинете. А дядя Авдей Ильич слышать не хочет о кабинете. Вова говорит, что у Мани нет никаких шансов: он бы на ней не женился.

Мальвине тоже нужно было устроить кабинет, но в последний момент подвернулся жених, и она шьет себе платья у мадам Белопольской. У нее настоящие парижские моды, хотя она живет в Одессе. Жених Мальвины не имеет ни родных, ни родственников, он сам всего добился и потому у него столько морщин. Тетя Ида теперь каждый день приходит к дедушке, он должен дать приданое. Жених ничего не требует, но тетя не может допустить, чтоб у ее единственной дочери не было самого лучшего белья и самых дорогих шуб из магазина Берзона. Дедушка говорит, что ему достаточно стоил диплом и что жених обойдется без дорогих шуб. Мне такая любовь непонятна. Я хочу любить, как Татьяна из «Евгения Онегина» или как Кармен, о которой рассказывал Вова. По его мнению никто с испанками сравниться не может.

Когда Мальвина и жених сидят в отдельной комнате, меня обязательно посылают с каким-нибудь поручением. Мне не хочется идти, я лишняя, а поручение выдуманное, и Мальвина и жених смеются: я — «водораздел». Глупое прозвище! Иногда Мальвина

просит меня декламировать и вместо водораздела называет «номером»: «Посмотрите, что это за номер!». Если у меня будет жених, я не стану прятаться с ним по отдельным комнатам. Мы пойдем в гостиную, и мама будет играть мои любимые вальсы. Может быть, жених пригласит меня на тур вальса, и мы будем танцевать до тех пор, пока у меня не закружится голова. Раньше я не думала о женихах, но теперь столько говорят о свадьбах, о любви, о будущем устройстве, что посреди урока я вдруг задумываюсь и закатываю глаза. Вера Львовна не понимает, что я смотрю в себя. Можно еще закрыть глаза, но тогда решат, что я заснула.

Вечером меня нельзя загнать в мою комнату, а стоит мне открыть учебник, и я уже сплю! Никак не могу объяснить, что все самое интересное происходит по вечерам, особенно если мама и папа уходят. Как только Вова слышит, что хлопнула парадная дверь, он бросается к телефону. Сначала он вызывает близнецов. Они расстались час тому назад, но за это время накопилось много нового. Вова забыл сказать, что он хочет устроить театральный кружок, собираться будут у какой-то Галочки. Близнецы отвечают, телефон гудит, и слышно, как их папа начинает требовать, чтоб они оставили аппарат в покое. Близнецы кладут трубку, и телефон делает: клик. Тогда Вова берет телефонную книгу и начинает искать номера известных адвокатов или докторов. Если подходит горничная, он просит позвать доктора, а если сам доктор, он начинает сразу же приглашать его к больной. Это дочь губернатора из Херсона, и доктор будет жить у них во дворце. Адвокату Вова говорит, что здесь известный преступник, которого он должен защищать. Доктор или адвокат спрашивают сердитым голосом: «Кто у телефона?» —

«Мальчик из склада машин Грегорьянца», — бурчит Вова и быстро кладет трубку.

Иногда он вызывает Тамару, это хорошенькая и доверчивая девочка. Вова берет последний томик приложения к «Ниве» и по книжке начинает читать про любовь. Мне жалко Тамару, но Вова говорит, что я не должна ее жалеть, она в телячьем восторге. Один раз Вова вызвал незнакомую артистку, и к телефону подошел ее муж. Он сказал, что знает, кто этот мерзавец и что он с ним посчитается. Чужие жены не для него! После этого Вова долго не звонил артисткам. В промежутках Вова играет по слуху или подбирает новый романс. Это я люблю больше, чем телефонные разговоры. Он сочинил фантазию, которая называется «Скачка с препятствиями». В дверях стоит Геня и просит, чтоб он сыграл «Зачем ты, безумная, губишь», а горничная Юзя требует «Последний нонешний денечек».

Когда все дома, я сижу в столовой. Дядя из Николаева играет с Яковом Соломоновичем в шестьдесят шесть и все время проигрывает. «Будь проклят тот, кто выдумал карты!» — кричит дядя. Вова хочет вставить свое слово, но дядя смотрит на всех страшными глазами. Чтоб его уязвить, Вова говорит, что Андрокардато проиграл три рубля в преферанс. «Я надеюсь, что его выгнали из Реального училища», вспыхивает дядя. Но Вова не дает себя в обиду: у них в училище нет доносчиков. И, кроме того, он не видит ничего позорного в том, что Андрокардато проиграл. Главное, он уплатил свой долг чести. Мама в это время разговаривает с кухней Маней. Маня жалуется на доктора. Сначала были философия и литература, а теперь доктор при всяком удобном случае переводит разговор на будущую практику. Мама просит Маню не огорчаться, он думает об их совместной жизни, но она и слышать не хочет.

У мамы много терпения, поэтому все делятся с ней своими неприятностями, даже парикмахерша Роза. Она живет в подвальном этаже и каждый день приходит к маме. Роза делает ей прическу с локонами из собственных волос. «У других дам накладные локоны», — говорит Роза. Я довольна, если удастся быть в спальне, когда она греет шипцы для завивки. У нее миллион новостей. Сын хозяина прислал письмо из Германии и просит сто рублей. Хозяин возмущен. Он должен сражаться с паршивыми жильцами, а его сын проматывает капитал. По этому поводу он хочет увеличить квартирную плату. У бакалейного лавочника на нашей улице родилась двойня. Он так расстроился, что дал Розе две селедки вместо одной. Соседка Розы хотела поздравить его, и он чуть не бросил ей в голову банку с монпасье. «Чуть не считается», — говорю я, и все замечают мое присутствие.

Пришлось выйти из комнаты, и я не дослушала, как скандалил единственный пьяница нашего дома. У него большая семья, а он приходит домой пьяный. Я сама видела, как он шатался. Это первый пьяный господин, которого я знаю. До сих пор были только Запавский, няня Елена и те, что на улице отбивают головку у бутылки. Их берут в участок. Когда-то я думала, что в участке очень весело и приятно. Это говорил городской Илья Ильич. Он много лет стоял на нашем углу. Я просила его взять меня в участок. Он смеялся и другие тоже смеялись. Теперь все выяснилось: в участке грязно, там бьют пьяниц и мучают таких людей, как матин Герасим. Не сегодня-завтра взойдет солнце революции. Я жду, но пока все остается по-прежнему.

Матя не может пойти на вечеринку Тифлисского землячества, у нее нет белой шелковой блузки. Я говорю маме: «Как это ужасно, что у Мати нет шелковой блузки», — и мама ведет ее к мадам Рабино-

вич. Матя сияет, блузка будет в необыкновенных мерзках ручной работы, такой нет даже у Мальвины! Она завидует Мальвине, той приносят кофе в постель и умоляют ее съесть еще один бифштекс. Мальвина пополнила и не может больше носить платья шантеклер, но тетя Ида твердит, что она красавица и ей все платья к лицу. Мальвина стесняется своих родителей, у них мещанская обстановка. Сейчас она занята приданым и перестала замечать обстановку. Она все время говорит про последний крик моды. А Матя скромная и аккуратная и смотрит на своего папу, как на божество.

Дядя из Николаева не заслуживает такой любви. Он эгоист и готов целый год ждать, что ему предложат высокий пост. Он встает довольно поздно и долго читает газету, а бедная тетя Таня уверена, что он с раннего утра занят серьезными делами. Если б ей сказали правду, она бы возмутилась. Мне неловко так плохо думать, но я знаю, что он просто лентяй. Перед дедушкой я всегда защищаю дядю: он не виноват в том, что его воспитали, как родственника киевских Бродских. Дедушка умный, все говорят, что он знает людей. А я вижу, что он знает их недостатки. Их достоинства его не интересуют. Но у Вовы и у меня он почему-то находит одни достоинства. Что же касается Кати, то она совершенство.

Вова готовится к своему тринадцатилетию. Он старше меня на четыре года. У нас новый еврейский учитель, Хейфец. Он собирался учить нас по новой системе, а потом передумал. Он меня ближе узнал и говорит, что со мной можно облегчить душу. Учитель Хейфец хотел бы стать дипломатом. Но он еще не знает, какой державы. Внешность у него странная, голова сильно вытянута и на носу пятно. Когда он пришел в первый раз, я увидела, что у него на воротнике сидит клоп. Я ничего не сказала маме, она

боится клопов, и вместо того, чтобы смотреть на Хейфеца, я не отрывала глаз от клопа. От Хейфеца пахнет чем-то кислым. Я его не особенно люблю, с Айзенбергом было куда веселее, но мне хочется, чтоб у него был костюм, как у жениха Мальвины и квартира с медной дощечкой на дверях, где написано: прием от двух до четырех.

Хейфец вместе с Вовой сочиняют речь, которую Вова произнесет на своем тринадцатилетии. После этого он ~~сидит~~ ^{думает} сидеть в синагоге наравне с взрослыми. Теперь он центр внимания, все им заняты. Мама вспоминает, каким он был смелым ребенком. Ему не было года, когда он сел на большую игрушечную лошадь. Он носил тогда красное шелковое платье, которое сшила мамина подруга. Вова в первый раз заплакал, когда увидел свинью. Они гостили у бабушки в Вознесенске, и там очень широкие улицы. Свинья с поросятами переходила через улицу. Вова знал коров и даже козу, а свиней он никогда не видел. Он плакал навзрыд, так громко, что его пришлось увести, и папа был расстроен, его сын оказался мямлей. В три года Вова задирает всех мальчишек, и няня Светловидова бегала за ним с французской булкой, начиненной котлетами. Она его так кутала, что маме пришлось вступить, но няня Светловидова была неумолима.

Скоро будет праздник, и с утра придут лакеи, на этот раз более важные, чем на свадьбах. Сейчас же после ужина я должна пойти спать, и все-таки я услышу речи и при мне гости будут поднимать бокалы. Не так легко быть ребенком и притворяться, что понимаешь только то, что можно понимать в этом неприятном возрасте. Пока я наблюдаю за полотерами. Полотеры принесли мастику в ведрах и трут полы до тех пор, пока в них не начинают отражаться стулья и кресла гостиной. Люстра сияет, как в театре, и, ка-

жется, сейчас войдут гости с поздравлениями. Вова вертится под ногами и дает советы. Это его праздник, и он имеет право голоса. Вова хочет пригласить всех своих соучеников и обязательно должен позвать Тamarу, Адю Немирову и еще пять-шесть девочек. Взрослые придут вечером.

Боря Гаевский знает, какое у нас торжество. Он огорчен. Его отец православный, а мать — крещеная еврейка, и у него не будет религиозного совершеннолетия. Боря на стороне матери, так как она не особенно счастлива. Отец его оказался черносотенцем и хочет прогнать всех еврейских родственников. Борина мама по целым дням ходит с заплаканными глазами. Она говорит, что это про нее Чехов написал свою пьесу «Иванов». Я знаю, что Чехов давно умер и борина мама напрасно на него клеветает. Боре нет дела до религии, но его заставляют в пост есть постное. Он потихоньку бежит к бабушке и дедушке с маминей стороны, и они дают ему очень вкусное жаркое с черносливом. Он мне рассказал это, когда все вышли из комнаты. Мы сели на пол возле печки и видели, как разгорается огонь и дрова становятся прозрачными. При Жене мы о таких вещах не говорим.

Накануне тринадцатилетия неожиданно приходит мамин дядя. Он сбрасывает на руки горничной николаевскую шинель. «Где дети?». Мы тут. Дядя берет меня за подбородок двумя сухими горячими пальцами и почему-то тянет: «Пикантна, пикантна...» Я не понимаю, к кому это относится. Вову он называет: молодой человек. Почему он вдруг пришел и принес гигантскую коробку шоколадных конфет, никто не знает. Но Вова слышал, что у него недавно была загадочная история, он кого-то обесчестил и теперь ездит с визитами. После его ухода мама го-

ворит, что деньги не пошли ему впрок, но он обязательный и ему всё прощают.

А вот Лане его отец ничего простить не может. Ланя ни в чем не виноват, он просто лишний и ему негде приткнуться. За это время он снова был в Полтаве, и отец спровадил его в Одессу. Он опять хочет быть начальником станции и для этого должен принять православие. Но ничего не получается. Один раз его в обмороке вынесли из церкви, и теперь он ругает еврейского Бога. Ланя в восторге. Назло отцу он выучит все молитвы. Вову он обожает и ни капельки ему не завидует. Своим детям он возьмет еврейского учителя, это решено и подписано. Но никто так не молится, как дедушка из Вознесенска: до него не доходят ни шум, ни разговоры. Я помню, как он поднял руки и на минуту закрыл ими глаза. Потом его позвали к столу, но он не слышал. Когда дядя молится, он все отлично слышит и даже отвечает: «Мммм...». Это значит: тише, я сейчас кончу.

Людмила учит Катю молиться боженьке. Я спорю с Людмилой: никакого боженьки нет, существует Бог, он всемогущ. Женя верит, что Бог это природа и все живое. Есть много разных мнений, но я не люблю, когда из огромного делают совсем маленькое. «Ваш боженька — кошачий и детский бог», — говорю я Людмиле. Она пугается и думает, что я сошла с ума. Людмила жила у одной помешанной, и с тех пор боится сумасшедших. Чиновница будила ее на рассвете: сейчас должно быть светопреставление... Хотя Людмила считается бонной, но она училась только в сиротском доме, где все подстрижены под гребенку.

Стыдно признаться самой себе, что я молилась на портрет бабушки, маминой мамы. Вокруг ее головы сияние, его придумал ученик Художественного училища, и портрет это увеличенная карточка, которую он подрисовал. Я просила бабушку, но без слов,

чтоб она дала какой-нибудь знак. Я так долго смотрела на портрет, что мне начинало казаться: ресницы мигнули. Теперь я знаю, что это воображение. Карточка в альбоме самая обыкновенная, кабинетная, со стертymi уголками. И печали в глазах меньше, чем на портрете. Ее прибавил ученик Художественного училища, он живет над аптекарским магазином и носит бархатную куртку. Волосы у него, как у молодой лошади. Вова говорит, что у художников всегда длинные волосы и черный бант вместо галстука. Его учитель рисования носит казенный мундир и поэтому Вова не считает его художником. Учитель это чувствует и ставит ему двойки. А в гостиной у нас висят картины в золотых рамах, на них все, как в жизни, но они ненастоящие. Особенно одна, где бабы убирают сено. Похоже на то, что сено долго жевала корова, и оно уже ничем не пахнет.

12.

Столько событий, что я окончательно запуталась. Боюсь сказать, что у меня царапает в горле, могут еще уложить в постель и тогда я буду самой несчастной девочкой на всем свете. День начинается с того, что в передней я вижу новенький, блестящий велосипед. Потрогала шины, они упругие, как мяч. Вова ходит вокруг, ему кажется, что он Уточкин и принимает участие в велосипедных гонках. Ему трудно оторваться от велосипеда, но он должен идти с папой и мамой в синагогу. Меня не берут. Я остаюсь дома и слежу за тем, как расставляют столы. Знакомый лакей перетирает рюмки и бокалы, а повариха на кухне ссорится с Геней: она не хочет освободить стол, он ей нужен до зарезу. Я молчу, нельзя всюду совать свой нос. Слава Богу, приходит мама, и все успокаивается. В синагоге было замечательно. Вова превзошел самого себя. Многие плакали, когда он читал Тору. Мама говорит, что для всех нас это особенный день и что дедушка благославляет Бога, что дожил до такой радости.

В четыре часа начинают собираться гости. Они немного стесняются и некоторые даже шаркают ножкой. Девочки приходят немного позже. Их пять: Адя, Тамара, Броня, ее сестра, и еще одна девочка, я всегда забываю ее имя. Вова говорит, что у них дома сыр хра-

нится под колпаком. Близнецы рассматривают подарки. Больше всего им нравится «Земля и ее народ». Андрюкардато набросился на гири для гимнастики и хочет показать, какой он силач. На меня никто не обращает внимания. Когда-нибудь они захотят за мной ухаживать, но будет поздно.

Чтоб меня развлечь, пригласили Женю. Мы сидим в конце стола, отсюда видно, как близнецы сбрасывают остатки со своих тарелок в пустую тарелку первого ученика, Галкина. Он не понимает, откуда взялась гора бумажек от птифуров. Тамара разговаривает с Вовой. Другие девочки недовольны, она думает, что Вова принадлежит ей, и что она неотразима. Мы с Женей всех критикуем. Потом мне становится стыдно, неужели я такая недоброжелательная. Нет, мы просто обижены, потому что все смотрят поверх нас, как будто мы воздух. Вовины гости отказались от танцев: они будут играть в фанты. Обычно фанты кончаются поцелуями, и я ненавижу эту игру. Ни за что бы не стала целоваться с близнецами, я знаю, что они терпеть не могут мыть уши, из-за этого всегда драмы. В конце концов вмешивается их рыжий папа, и они идут в ванную и по дороге ругаются нехорошими словами, но очень тихо. Сын артиста надушился одеколоном «Источник любви» и, все-таки, я не стала бы с ним целоваться. Но Тамара, Адя и остальные девочки принимают вовиных одноклассников за настоящих молодых людей из французского романа. Поэтому они визжат или смеются, что одно и то же.

Скоро начнут съезжаться взрослые. Прощаюсь с Женей. Он уходит вместе с близнецами. От волнения они забыли башлыки и калоши. А Вова обещает еще вызвать их по телефону, когда будет свободная минутка, они не успели обо всем переговорить. Людмила называет Женю братиком: «Братик ушел, бра-

тик пришел...» Я ей сказала, что Женя личность и то, что он брат близнецов ровно ничего не доказывает. Ланя для нее сиротка, ему это мало подходит. Странно, с виновными гостями Ланя не смешивается, он даже не хотел играть в фанты. Сейчас он помогает расставлять кресла и очень доволен, что все ушли. Он мне признался, что со взрослыми ему приятнее: он не любит мальчишек.

Мне все трудней глотать, но я решила дождаться ужина. Начинают приходиться родственники, а за ними обычные и необычные гости. Из необычных — директор банка из Петербурга, один профессор по экономике, не знаю какой, и знаменитый хирург, наш дальний родственник. Дядя рассказывает, что когда приезжают из Одессы в Вену или в Берлин, чтоб сделать операцию, там все удивлены: «Почему вы приехали, в Одессе ведь имеется такая знаменитость, перед которой мы ничто...» Дядя это раздувает, но я ему верю. Мне тоже нравится доктор, у него остроконечная борода и серые глаза на выкате. Он спрашивает, есть ли у меня слепая кишка? Если есть, я буду иметь с ним дело. Я чувствую, что влюбилась и готова на все, лишь бы у меня была слепая кишка.

Будет еще певица, сестра жены маминого двоюродного брата, она приехала из Парижа и у нее есть друг. Об этом нельзя говорить, хотя я не вижу ничего позорного в дружбе. У меня тоже есть друзья: Женя, Ася, Боря Гаевский. Но взрослых понять нелегко! Да, придет и вторая сестра, та, что играет на арфе. Она не расстается со своей арфой и кутает ее, как ребенка.

У певицы большое декольте и брошка, вроде лилии, а у арфистки маленькое. Мальвина говорит, что она слишком исхудала и боится показать свои плечи. Сама Мальвина упитанная, ей всегда давали сливки вместо молока. Жених Мальвины в смокинге. Он под-

ходит к каждому зеркалу: видно, что ему нравится смокинг. У присяжного поверенного Тубенкопфа смокинг лучше, но у жениха он новей. Мальвина в платье из шелка «шанжан». По ее словам шелк ей привезли прямо из Японии, а тетя Ида рассказывает, что они набирали его в магазине Пташникова и что это последняя новинка. Зиновий не смотрит на Матю, между ними пробежала кошка. Хорошо, что нет Герасима! Он готовится к экзаменам и специально для этого переехал в меблированные комнаты «Свет и воздух». Адина мама пристает ко мне, ей надо знать, много ли у меня новых стихотворений. Она привела одного артиста. Он читает рассказы Чехова наизусть. У артиста замечательная память, но он не может читать, стоя. Он должен сидеть за столом, где зеленая лампа.

Для учителя Хейфеца важный момент еще не наступил. Он говорит, что после ввиной речи опять станет человеком, а пока он настоящий комок нервов. Вера Львовна сняла пенсне и кажется хорошенькой. Сегодня все похорошели. Нос у Якова Соломоновича стал немного тоньше, а Матя все время хлопает ресницами, чтоб показать, какие они длинные и пушистые. Она в своей белой шелковой кофточке, в ней на грузинской вечеринке она имела безумный успех. Кофточка приносит ей счастье, и она предпочитает ее туалетам от Белопольской. Но никто из дам не может сравниться с мамой, она в платье цвета синей ночи, отделанном кружевами. У асиной мамы на груди стеклярус.

Певица мило улыбается и шуршит шелковой юбкой «У нее настоящий парижский шик, — говорит Матя. — Кроме Парижа, он бывает только в Одессе и в Вене». Знаменитый доктор забывает о других присутствующих. Он наклонил голову и внимательно прислушивается к тому, как она разговаривает: наполо-

вину по-русски, наполовину по-французски. Артист отделился от всех, может быть, он про себя повторяет рассказы Чехова. Гости уже выпили чай с пирожными от Робина и с собственными тортами с тройной начинкой. Они ждут концерта, после которого будет ужин. Но мама и папа начинают шептаться, и учитель Хейфец бледнеет, как будто он узнал о смерти своей невесты. Вова выходит на середину комнаты. Он будет говорить о национальном празднике Пурим. Это подходит: Пурим ровно через неделю.

У Вовы горели глаза, и он все время делал красивые жесты. Вова начал с того, что поблагодарил родителей за добрый пример, который они ему дали, и обещал им следовать по пути своих предков. Затем он перешел к Пуриму и объяснил, какое он имеет для нас значение. Речь по-еврейски написал Хейфец вместе с Вовой, а Хейфец помешан на национальной гордости. Все были в восторге, у мамы пылали щеки, а папа принимал поздравления с таким видом, будто ничего особенного не произошло. На самом деле он был вне себя от счастья. Дамы целовали Вову, а певица сказала на русско-французском языке: «Шарман, бесподобно». Мужчины хлопали его по плечу. Многие делали комплименты Хейфецу, и он на ходу спросил меня: «Как вы думаете, Надя, буду я когда-нибудь дипломатом?».

Наконец, все успокаивается. Мама подходит к певице. Та отнекивается, она привыкла петь с собственным аккомпаниатором. Тогда доктор начинает говорить умоляющим голосом, и она быстро соглашается. За пианино садится младшая сестра, у нее тоже парижский шик, и она довольно ловко отбрасывает шлейф. Она объявляет, что сейчас певица исполнит «Гадание» из оперы «Кармен» и еще две арии из той же оперы. Я очень люблю «Кармен» и когда ни-

кого нет в комнате, стараюсь одной рукой подобрать: «Тореадор, смелее в бой...» Певице аплодируют так шумно, как в театре. После нее выходит другая сестра, арфистка, и говорит, что арфа простудилась, но она, все-таки, попробует сыграть берсез и серенаду. У пианино остается жена архитектора. Матя перелистывает ноты. Она привыкла перелистывать, ей это часто приходится делать у Галки.

«Арфистка играет без души», — говорит адина мама. Но мне она нравится, она в белом и похожа на ангела с диктовочной тетради. Ей аплодируют, но не так много, как певице. Теперь очередь артиста в пенсне. Вова и Хейфец приносят небольшой стол и ставят зеленую лампу. Артист садится. Он прочтет «Дом с мезонином». Я закрываю глаза и почему-то вижу Чехова, он такой, как на приложении к «Ниве». Артист читает очень просто. Я начинаю понимать Чехова и мне хочется, чтоб это длилось долго, долго. «Мисюсь, где ты?» — спрашивает артист или сам Чехов, и я просыпаюсь. Гости притихли. Но сейчас начнется шум: просят в столовую. Пора ужинать, а мне давно пора в постель... За ужином я считала, сколько было рыбных блюд и сколько мясных. Скоро мне надоело считать.

Встает Тубенкопф. Он восхваляет папу и маму, воспитавших такого замечательного сына. Вова в будущем должен стать Пергаментом или Карабчевским, Тубенкопф в этом уверен. В конце он поднимает бокал за виновника торжества и за его родителей, чьим другом он имеет честь состоять. Я не верю Тубенкопфу, но делаю вид, что верю, и тоже поднимаю свой бокал с вином и сельтерской водой. После Тубенкопфа профессор по экономии говорит о молодых людях и об их будущности. Выходит, что они должны заниматься экономией и тогда все дороги им будут открыты. Артист в пенсне пьет за светлое будущее

Вовы и всех людей на земле, они увидят небо в алмазах. Три человека сразу стучат ножом по стеклу. Но студент Мальберг, бывший вовин учитель, никому не дает опомниться. Он хотел бы сказать несколько слов благодарности за то радушие, которое он встречал в нашем доме. Он тоже обещает Вове в будущем золотые горы.

Вова начинает скучать, он делает мне знаки. Далекое будущее его не интересует, а в близком будущем у него в школе письменный ответ. Тут вносят огромное блюдо с пломбиром, и он сразу оживляется. Пломбир похож на многоэтажный дом. Он украшен разноцветными засахаренными фруктами. Зиновий выковыривает оттуда вишни, потом он ложечкой делает из пломбира серую кашу. Зиновий сердит на Матю и свою злость вымещает на пломбуре. Раньше он не ценил ее любви и думал только о крестьянах и рабочих, а теперь ему досадно, что Матя охладела. Он хотел выпытать бывает ли у нас некто, по имени Герасим, но я пропустила это мимо ушей.

Насилу добираюсь до своей постели. Ночью меня душат кошмары: Тубенкопф требует, чтоб я выучила наизусть всего „Евгения Онегина“, и я убегаю от него по длинным коридорам, которые никуда не ведут. Наутро узнаю, что доктор танцевал с певицей ма-зурку. Матя сказала, что он стал на одно колено, а она кружилась вокруг него и шуршала юбками. Все нашли, что она чудо грации. Профессор выпил лишнее и всем жаловался на свою загубленную жизнь. Он мечтал о подмостках, а не о том, чтоб экзаменовывать каких-то олухов ~~Щаря Небесного~~. Зиновий хотел устроить сцену: он называл Герасима плохим товарищем, о нем ходят разные слухи. Матя была возмущена, но из-за теиньки и дяиньки она промолчала.

После гостей было много уборки, лакеи уносили

ящики с посудой и бросали в угол скатерти, залитые красным вином. Под креслом в гостиной горничная нашла портсигар с монограммой доктора. Он пошлет за ним или сам заедет. Тут я вспомнила, что влюблена в него. Асе я про мою любовь ничего не скажу, она способна привести в пример Эльзуню и Мурку. У Аси всегда есть готовые примеры. Она сердится, когда я критикую ее тетку, которая пишет пьесы из жизни зубных врачей, и ее кузин из Аккермана. Но у Аси тайное горе: она жалеет, что у нее нет брата. Если б у нее был брат, похожий на Вову, она никогда бы не вышла замуж, а жила бы с ним, чтоб вести его хозяйство. Как-то мы гуляли с мадмазель и мимо нас прошли Вова и сын артиста. Они нам поклонились, и сын артиста начал посылать воздушные поцелуи. Ася разволновалась. Сначала она сказала, что это неприлично. Потом она решила, что это не так уж неприлично: мы, наверное, ему понравились.

Вова мне объяснил, что так полагается. Если один молодой человек раскланивается, другой тоже должен поклониться, но я как будто не замечаю этого. Асе я ничего не сказала. Она придает слишком большое значение мужчинам, а я стою за женское равноправие. Ася говорит, что ее папа смеется над равноправием: женщина должна украшать жизнь. Асин папа для меня не авторитет, он мне страшно неприятен. Я стараюсь прийти, когда его нет дома, и всегда попадаю на него. Он сейчас же садится рядом и начинает дышать, как собака, когда у нее сильная жажда. Об этом я никому не скажу, мне жалко Асю. Она думает, что ее папа самый образованный человек в клубе «Беседа».

13.

Геня торжествует. Она опять одна и может готовиться к Пуриму. Таких маковников, как у нее, нет во всей Одессе. А ее начинка из слив! А секрет приготовления сладкой колбасы! Это смесь из орехов, меда и еще чего-то. Она раскатывается на доске, и Геня придает ей форму колбасы от Чудновского. Дедушка привел своего бывшего приказчика и Хармака с длинной бородой. Им некуда пойти на праздник. Приказчик худой и очень набожный. Он хасид. Это евреи, которые постоянно разъезжают и непрочь повеселиться. Дедушка налил ему полную рюмку вишневой наливки, и приказчик постепенно пьянеет. Дедушка говорит, что он пьян от праздника, а не от наливки. Он начинает петь без слов, и дедушка тихо подпевает, у него нет голоса. Потом приказчик поет на странном русском языке: «Изо всех народах Ты нас избирал»... И лицо у дяди становится багровым: он не любит хасидов.

Пока все смеются и просят спеть еще что-нибудь, я быстро съедаю маковник и большой кусок орехового торта. Вова набрал полную тарелку амановых ушей и столько же орехов в меду и с близнецами ушел в свою комнату. Им неинтересно сидеть за общим столом, где дядя хочет вызвать их на разговор о Дарвине. Дарвин — дядин конек, он против Бога.

У Вовы в комнате они в безопасности, сюда Дарвин проникнуть не может, так как дяде неудобно уйти из-за стола. Он с утра сказал мне, что для него важнее всего традиции, и он надеется, что у меня тоже будет традиционный еврейский дом.

Традиции это цепь, которую никто не имеет права порвать. Но Боря Гаевский говорит, что это выдумка бородатых стариков и ретроградов. Это слово он и Женя нашли в словаре. Они щеголяют иностранными словами и издеваются надо мной за то, что я люблю русские сказки Афанасьева и Конька-горбунка. Царя Салтана они мне простили, это Пушкин. Им даже завидно, что наша мадамзель живет в доме, где когда-то жил Пушкин, и по ее словам, в той же квартире. На доме есть дощечка, а на квартире никакой, и я думаю, что это сочинила квартирная хозяйка.

«Во времена Пушкина, — говорит Боря голосом Веры Львовны, — в Одессе не было мостовых. Городской театр был, не наш, а другой, и Пушкин сидел там в ложе с Амалией Ризнич, первой одесской красавицей». Я слушаю из вежливости. Боря очень обидчив и ему кажется, что все хотят умалить его знания. Если б он был в гимназии, с ним бы считались. Но Боря должен ждать, когда пройдет астма, и пока он получает домашнее образование. Чтоб его не огорчать, не рассказываю ему, что готовлюсь к экзамену. Ася тоже идет на экзамен. Она на полгода старше меня, но я надеюсь, что они не обратят внимания на возраст, и я буду с ней в одном классе. Мы говорим о лепке и о русской истории. Я знаю, как призвали варягов, зато арифметика мне не дается. Особенно задачи о двух путешественниках или о двух бассейнах. Путешественники для меня вроде дорожного товарища Андерсена или храброго портняжки, по прозвищу «Семерых одним ударом».

Натуся очень горда, ее прогимназия стала гимна-

зией и славится своими хорошенькими ученицами. У некоторых есть книжечки с пудрой, они вырывают листок и трут им нос и щеки. Если тереть равномерно нос становится белым. Одна наредила губы и прошла так по Дерибасовской. К ней приставали и она со всеми разговаривала. Натуся говорит, что это ужасно, она никогда не влюбится ни в студента, ни в артиста городского театра. Я расхваливаю Натусю мою будущую гимназию: там все очень серьезные и интересуются естествознанием. А одна второклассница написала сочинение о детском труде в Англии, хотя никогда в Англии не была. После этого Натуся говорит мне по секрету, что скоро станет теткой: ее сестра Настенька ждет ребенка. Натуся уже подрубила несколько пеленок для будущего ребенка Настеньки. Это очень легко, даже я смогла бы.

У меня новость — через три дня свадьба Мальвины. Мадам Рабинович должна к этому времени закончить мое платье. Она любит тянуть, и я получу его, наверное, за полчаса до свадьбы. Платье из модного журнала, а не просто гофрированное или матросское. Но мадам Рабинович изменила картинку по своей фантазии: у нее ведь не меньше вкуса, чем у двухкопеечного рисовальщика. Кате она шьет белое платье детского фасона. Я каждый день хожу на примерку. В мастерской беспорядок, там валяются куски материи, а сверху лежат огромные ножницы для кройки. Все пахнет пригоревшим молоком и капустой. Шьют при лампе. «Вы видите эту стенку, — говорит мадам Рабинович, — она из меня все соки высосала». Маму она любит, она ее любимая заказчица. Мама понимает жизнь. Другие торгуются, как на базаре, им все подавай задаром: приклад и работу и керосин, всего им мало.

В день свадьбы парикмахерша Роза чуть-чуть подвила мне волосы, чтоб они не висели. Бант завяжут

в последний момент. Гене очень понравились мои лакированные туфли из магазина Окуня. Он сам их выбрал и более изящных туфель нет во всем городе. Матя идет с нами на свадьбу. Ей заказали бархатное платье, оно пригодится для выступлений в музыкальной школе. Даже дедушка будет в новом сюртуке. Он терпеть не может новые вещи. Они его раздражают, он не знает, где какой карман и в какие рукава надо влезать.

Мы приходим первые. Тетя Ида убрала всю мебель и в квартире стало нарядно и пусто. На самом видном месте корзины цветов от жениха: в одной лилии, в другой — белая сирень. Больше всех съестится Левочка, брат Мальвины. Он приехал на свадьбу из Петербурга. Политехнический Институт может подождать, не каждый день он выдает замуж свою единственную сестру. Тетя смотрит на него с обожанием: «Красавец!». У Левочки раньше были узенькие плечи и его надо было отправлять на виноградный сезон, а теперь они, как у жандармского полковника из нашего дома. Грудь у него еще более выпуклая, чем у полковника. Вова говорит, что это вата от портного Иткина. Он мог бы иметь такие плечи, но ему неинтересно. У него от природы хорошая мускулатура, таких бицепсов нет даже у Андрокардато.

Я хотела знать, бывают ли трицепсы, но Левочка и Вова заняты шампанским. Левочка боится, что оно недостаточно заморожено. Мальвина у себя в комнате, ей прикалывают фату. Ася сказала, что надо попросить у нее кусочек фаты: это приносит счастье. Начинают собираться гости. Приходит бывший поклонник Мальвины, у него большая практика и он часто выступает в суде. Мальвина уверяла, что он по крайней мере десять раз делал ей предложение, но она всегда отказывала. Квартира заполняется: это знакомые Мальвины по зубоврачебной школе. Левочка

бегают проверять температуру шампанского. Он вспомнил, что пианино забыли настроить и вряд ли кто-нибудь захочет сыграть туш на расстроенном инструменте. Но находится студент из дальних родственников, который на все согласен.

Наконец, приходит раввин в черной шляпе с бородкой, как у дюка де Ришелье. В руке у него книга. Раввин здоровается с дедушкой и говорит ему несколько любезных слов. Затем он здоровается с родителями невесты и с папочкой. У жениха нет родителей, он сирота и вырос у чужих людей. Дедушка считает, что жених — это орешек, который нам всем не по зубам. Я стою в дверях. В щелку между адвокатом и зубоврачебной подругой вижу, как входит Мальвина под руку с дядей. Она похожа на знаменитую итальянскую красавицу и мне обидно, что она достанется человеку, у которого нет родственников. Венчание продолжается бесконечно долго. Но вдруг послышался звон, кто-то разбивает тарелку, со всех сторон кричат: «мазелтов!», пробки взлетают почти под потолок, Левочка и Вова уже разносят бокалы с шампанским. Оно шипит и переливается через край, ничего хорошего в нем нет.

Почетные гости садятся за большой стол. Дедушка во главе стола, рядом с ним раввин. Он подозвал Катю и положил ей руку на голову. Он хочет ее благословить. Я хотела бы вывернуться, но, в конце концов, он меня тоже благославляет. Мне интереснее быть в комнате, где менее важные гости. Там один студент уже начал ухаживать за Матей: он влюбился в матины ямочки. Студент ее смешит, а она не заставляет себя просить и все время улыбается. Зубоврачебная подруга подсела к адвокату. Все ведут себя так странно, как будто готовы сейчас же идти под венец. На молодых никто не обращает внимания, и

они потихоньку выходят из комнаты. После ужина они уедут на несколько дней в свадебное путешествие. Вова думает, что они останутся в Одессе и будут скрываться от знакомых. Если Вова когда-нибудь женится, он поедет в такие места, куда никто еще не ездил. Например, на Мадагаскар.

На свадьбе у Мальвины было столько угощения, что на следующий день Кате дали слабительную шоколадку. Она облизала шоколад, а начинку выплюнула. У меня болела голова, и я мечтала о лимонаде Хацкеля Кура. Он в сифонах, как сельтерская вода, но цвет у него бледно-розовый и он чем-то напоминает монпасье, хотя он в сто раз вкуснее. Рассказываю Хейфецу, как происходило венчание. Он говорит, что это можно сделать гораздо проще. Например, подойти к какой-нибудь знакомой барышне и в присутствии двух свидетелей сказать: «Беру тебя в жены по закону Авраама, Исаака и Иакова», и дело с концом. Не надо устраивать никаких обедов и шить себе фраки и подвенечные платья. Асе я дала кусочек фаты, который мне отрезала Мальвина. Вова уверяет, что она могла бы отдать весь тюль. Всего один раз венчаются в фате, во второй раз она будет в костюме и в шляпе, как будто едет с визитом.

Из-за мальвиной свадьбы и примерок у мадам Рабинович я совсем запустила занятия. Вера Львовна знает, что мне надоело учить склонения и спряжения, я хотела бы идти дальше, но нужен фундамент, иначе я не стану женщиной с высшим образованием. Почему фундамент должен обязательно состоять из склонений и спряжений? Нет ли науки о том, как писать стихи? Вера Львовна смеется: у меня претензии семиклассницы, а я только пригостишка. Все учительницы любят повторять пройденное. Мадам

Трейн осенью дала мне разучить баркароллу в переложении для детей. За это время ноты два раза подклеивали, а она все еще недовольна. Я спотыкаюсь на том же месте. С такими руками, как мои, надо иметь врожденную технику. Ее собственные руки растягиваются, как гутаперча, а у нее совсем неважная техника. Хорошо, что у мадмазель роман с греком. Он обещал на ней жениться, когда умрет богатый дядя. Дяде недавно минуло девяносто лет, но он живучий и сам еще непрочь приударить за одной богатой вдовой.

Мы почти каждый день проходим мимо дядиного особняка и мадмазель говорит мне, чтоб я обратила внимание на зеркальные окна. Они такие же, как во дворце командующего одесским округом. В гостиной у дяди золотая мебель и все картины в золотых рамах. Мадмазель там никогда не была. Дядя не подозревает об ее существовании, он способен был бы лишиться племянника наследства. До сих пор у мадмазель были бедные женихи и всегда была остановка из-за денег. Мадмазель тратит очень мало, она покупает курицу на два дня и сама чистит свои перчатки. Я теперь уже не так наивна и знаю, что деньги необходимы для жизни, но мне неприятно разделение на богатых и бедных. Ася хочет разъезжать в ландо, а мне это безразлично. Я буду работать. Мама и папа приветствуют мое желание быть самостоятельной. Дедушка не особенно доволен. Его внучка не должна бегать по урокам. Слава Богу, обо мне есть кому позаботиться! Что же касается Вовы, говорит дедушка, то он заткнет за пояс всех Гинзбургов и Бродских и даже самого Ротшильда. Когда-то дедушка хотел, чтоб папа стал доктором или инженером, но он боялся своего набожного тестя: тот не мог допустить, что ходят в гимназию по субботам. Папочке не дали закончить образования. Тем не менее он стал про-

мышленником и знает свое дело не хуже всех инженеров вместе взятых. Тетю Иду и ее детей дедушка критикует, но еще больше критикует он свою богатую дочь: «Она придет на мои похороны и будет требовать свою долю наследства. Но их всех ждет большой сюрприз». Какой именно, дедушка мне не сказал.

14.

Для будущей жизни танцы мне ненужны, я не собираюсь развивать свою грацию. Но я не протестую и хожу два раза в месяц к Эльзуне. Прежде мы собирались каждую неделю, но у ее мамы мигрени, и она слишком устает от наших разговоров. В это воскресенье как раз женыны именины. Я иду с Вовой на Дерибасовскую к Распопову покупать ему подарок. Вова любит ходить в книжные магазины. Если ничего не найдем у Распопова, можно будет пойти в «Знание» или в «Образование». По дороге к Распопову заходим в паштетную и заказываем два наполеона и две полпорции ванильного крема. В паштетной очень шумно, все столики заняты. Но Вова не обращает на это внимания. Можно подумать, что он бывает там каждый Божий день.

В книжном магазине пахнет картоном, блестящей оберткой, новыми книгами. Мы просим что-нибудь очень интересное для мальчика, которому десять лет, но по развитию можно дать не меньше двенадцати. От золотой библиотеки мы отказываемся, она слишком детская. После этого нам показывают различные путешествия. В конце концов я останавливаюсь на книге в желтом переплете. Буквы на обложке черные. Книга называется «Япония и японцы». Посоветую Жене никому ее не одалживать. Близнецы, наверное, за-

читают эту книгу и вместо нее подсунут какого-нибудь Брет-Гарта с оторванным началом.

Кроме Бори Гаевского и меня, у Жени всего один гость — его двоюродный брат Кока, неприятный, толстый мальчик. Меня он недолюбливает. Он опять спросил, питаюсь ли я запахом фиалок? В это время я ела меренгу с шоколадным кремом и мне стало понятно, что Кока надо мной издевается. Хорошо еще, что он не прошелся насчет моих распущенных волос. В прошлый раз он сравнивал меня с Офелией. В общем, он здорово задается. Когда-нибудь он переймет всю практику по женским болезням. У его отца лечебница, а он единственный сын. Но что такое женские болезни? Это, наверное, выдумка.

В комнату поминутно входит жена сестра, Тиночка. Ее никто не просит, но она почему-то закатывает глаза и начинает декламировать «Чайка, серая чайка, с печальными криками...» Жене неловко. Он предпочел бы, чтоб Тиночка ушла к себе, но она остается. Слава Богу, что нет близнецов. Они задают арифметические загадки, которые никто, кроме них, отгадать не может. И то потому, что они нашли решение в следующем номере. Я радуюсь, когда за мной, наконец, приходит Людмила. Она всегда спешит. Я прошу ее идти медленнее, я должна сосчитать, сколько шагов от аптеки Колпакчи до нашего дома. Но у Людмилы много работы, Юзя выходная, а наши идут сегодня вечером на благотворительный спектакль.

Перед спектаклем мама приходит ко мне в комнату, которую почему-то продолжают называть детской. Она надела мои любимые рубиновые серьги. Они ввинчиваются в уши. Ей жалко нас оставить, но уже поздно, они и так опаздывают. Матя идет с ними. Она в своем бархатном платье, перчатки она натянет уже в театре. Иначе они могут лопнуть. Мама говорит, что знаменитый доктор будет у них в ложе.

Тут я вспоминаю, что я влюблена в него. Мне становится грустно. Он никогда не узнает, если узнает, будет слишком поздно: она умерла от любви. Подумайте, такая молодая и красивая, жизнь ей улыбалась, но она предпочла умереть. А может быть я умру, но не до конца, доктор спасет меня, и мы поженимся. Мне будет шестнадцать лет, а ему столько же, сколько теперь. Мы проедем по городу в карете, запряженной белыми лошадьми, и все будут говорить: «Какая замечательная пара! Как они друг другу подходят!».

Мне не с кем поделиться. Вова и так ревнует меня к моим друзьям и у всех находит кучу недостатков. К девочкам он более снисходителен, но мои знакомые мальчишки — это недоразвитые дегенераты. Он боится, что я могу увлечься Борей Гаевским и поэтому хочет представить его в смешном свете. А я терпеть не могу девочек, за которыми он ухаживает. Они стараются быть взрослыми и спрашивают, как зовут мою любимую куклу и видела ли я Степку-растрепку. Одной я ответила, что была недавно на «Потонувшем колоколе», и она чуть не сгорела от стыда. Вова сказал, что ее старомодные родители разрешают ей ходить только на классиков. Иду на кухню. Может быть я сумею намекнуть Гене на мои переживания. Но Гене не до меня, она озабочена. Служка ее преследует. Он передумал и не хочет разводиться. В его семье только один дядя со стороны отца развелся с женой. Геня должна вернуться к нему, и они, с Божьей помощью, начнут новое дело. Они будут принимать столовников.

Геня несогласна. Она не хочет день-деньской стоять у плиты, пока этот бездельник с красным носом играет в карты с шамесом из Литовской синагоги. Других она будет кормить, а сама грызть кости. Нет, от нас она так скоро не уйдет, Геня оста-

нется до моей свадьбы! Я хочу вставить слово про доктора, но Геня перебивает меня: «Доктор-шмоктор, все это чепуха, главное — немножко счастья». У нее, у Гени, не было счастья, поэтому она должна стоять у плиты. И почему бы мне, пока никого нет, не почитать ей немного из учебника? Я говорю Гене, что у меня есть история маленькой креолки: «Она приехала из страны колибри, ее принес сюда ветер любви. Друзья говорили ей, не уезжай, на материке холодно, зима убьет тебя. А креолочка знала холод только, когда пила шербет, и потом она любила, она не боялась умереть...» Все это как будто про меня написано. Гене не нравится креолочка, она хочет, чтоб я прочла по крайней мере про герцогиню или про жену директора банка.

На другой день Матя рассказала мне, как было в театре. Ставили «Анфису». В пьесе несколько сестер, и одна из них, Анфиса, — роковая женщина. Матя думает, что для меня это недоступно. Но я уже видела картину «Разбитая ваза» и «За каждую слезу по капле крови», где участвуют роковые женщины, и Людмила взяла с меня слово, что я буду молчать. Доктор пришел ко второму акту. Он спросил, как я поживаю. Я боюсь, что Матя меня обманывает, и несколько раз ее переспрашиваю. В театре они встретили знакомых. Адина мама продавала программы, и папа купил у нее программу с оранжевыми макаками и синими незабудками и дал ей три рубля. После спектакля читали «Каменщик, каменщик в фартуке белом» и другие стихотворения из Чтеца-декламатора! Матя говорит, что лучше было бы разойтись после пьесы, в которой столько проблем. Она будет обсуждать их с Герасимом. Революцию он отставил в сторону и увлекся проблемами пола. Теперь он уговаривает Матю прочесть Фореля, но она стесняется.

О Фореле я уже слышала. Мурка стащил эту

книгу у своей мамы, а той одолжил ее журналист в шубе с котиковым воротником. Когда он идет к Муркиной маме, то всегда задерживается во дворе. Он хочет вступить с нами в разговор. У журналиста на переносице две красных ложбинки от пенсне, и я, вместо того, чтобы смотреть ему в глаза, как меня учили, не могу оторвать глаз от этих ложбинок. Мне жалко, что Герасим отставил революцию, она мне больше нравится, чем проблемы пола. Боря Гаевский о них слышать не хочет, его занимает чистая наука. Он говорит, что есть мученики науки. Они делают опыты, опасные для жизни, и часто погибают. По его мнению, это лучше, чем умереть в тюрьме или на каторге.

Мне кажется, что самое интересное — быть писательницей. Такой, как Элиза Ожешко. Об этом я никому не сказала. Вова будет меня дразнить: я по семь раз на день меняю свои решения. Он не знает, что я задумала это еще в августе на балконе, когда падали звезды. У каждого есть заветные желания, но о них надо молчать, иначе они не сбудутся. Меня научил этому Ланя. Он еще в Полтаве задумал, что станет трагиком, как Мамонт Дальский, и будет разъезжать по провинции и производить фурор. Его отец лопнет с досады, что проглядел такой талант. Я могла бы тоже стать артисткой, у меня есть данные. Если нужно будет, Ланя окажет мне протекцию. Пока что он провалился по математике, и отец хочет отдать его в мальчишки. Ланя чуть не умер с горя. Он по целым дням перелистывал Евтушевского и не мог понять, откуда берутся такие дурацкие задачи. А Вера Львовна приводила ему в пример знаменитого математика, Софью Ковалевскую.

Мне Вера Львовна приводит в пример какую-то Розочку, которая посреди ночи может ответить, что такое суффикс и префикс. У Розочки в тетради ни еди-

ной кляксы, она не дрыгает ногами под столом и не задает вопросов о браке и деторождении. Я думаю, что Розочка существует только в ее воображении. Таких девочек не бывает. Но мне жалко Веру Львовну, и я делаю вид, что поверила. Учитель Хейфец никого не ставит в пример, но зато он хочет меня распространить. «Довольно жить в рассеянии, — говорит Хейфец, — мы должны вернуться в страну наших предков, и тогда мы по-настоящему возродимся. Здесь каждую минуту может быть погром, и полиция будет это поощрять». В конце концов Хейфец на меня повлиял и я смотрю на всех полицейских так пристально, что они начинают ездить на месте.

К нам приходят папины друзья, у одного из них большая борода, его называют Иван Грозный. Он подарил мне два томика поэта Фруга и хочет, чтоб я выучила: «И зорок глаз и крепки ноги». Я сразу запомнила это и «Легенду о чаше». Были еще длинные стихи про испанскую инквизицию. Я прочла их Боре Гаевскому, и он сказал, что это поэма. В пятницу после ужина Иван Грозный первым делом спросил, нравится ли мне Фруг? Я сказала ему, что Фруг очень любит еврейский народ, но я предпочитаю Некрасова. Я могу прочесть ему стихотворение Некрасова «Поздняя осень, грачи улетели», чтоб доказать, что он лучше Фруга. Иван Грозный покраснел до корней волос. Его считают русским интеллигентом, потому что он окончил университет в Москве, но он готов кричать на всех перекрестках, что Некрасов антисемит. Я знала, что он неправ, но не могла доказать. Взрослые умеют так повернуть разговор, что правда оказывается на их стороне. Чтоб успокоить Ивана Грозного, читаю «Легенду о чаше». У него на глазах слезы. «Вот видишь, я говорил тебе, что Фруг замечательный национальный поэт!».

Другие папины друзья не понимают, как можно

восхищаться Фругом, когда есть Хаим Нахман Бялик. Бялика я знаю, он не похож на поэта. А писатель, которого мы встречаем на Базарной улице, напоминает симпатичную седую обезьянку. Хейфец говорит, что ни один поэт не может сравниться с Бяликом, но по-моему он преувеличивает. Я спросила, знает ли он Лермонтова? Еще бы, он перевел «Выхожу один я на дорогу»! Из этого сделали неплохую песню. Вова не признает переводов Хейфеца и называет их профанацией. Сейчас он увлекается Пушкиным. В реальном училище собираются читать «Цыган» в лицах и Вова по целым дням твердит: «Мы дики, нет у нас законов, мы не терзаем, не казним, не нужно крови нам и стонов, но жить с убийцей не хотим...»

Яня, которого ему ставят в пример, из всего Пушкина признает только «Полтаву» и «Евгения Онегина». «Цыгане» — раннее произведение, так сказал ему первый ученик пятого класса Ришельевской гимназии. Яня задается и считает, что ришельевцы это соль земли. Вове он надоел до чертиков, но они должны встречаться из-за родителей. У меня тоже есть навязанная девочка: Адя Немирова. В последний раз мне стало у них так неприятно, что я едва не расплакалась. Я умоляла маму скорее пойти домой, у меня болят глаза. Адина мама предложила мне свинцовую примочку и компрессы из холодного чая. Но я знала, что боль ненастоящая и с трудом выкрутилась. Кажется, адины родители заметили, что я расстроена. Они упрашивали нас остаться и сказали, что хотят пригласить меня на лотерею, где можно выиграть корову или швейную машину Зингера. Я очень люблю лотереи, особенно беспроигрышные. и все-таки я настаивала, чтоб мы поскорее ушли. Я боялась, что слезы вдруг хлынут, и я не сумею их остановить.

Боря Гаевский говорит, что я попала в неподхо-

дящую компанию. С ним у меня никогда не бывает неловкости, а с Женей в последнее время дружба начала портиться. Вчера он сказал мне, что ему хорошо известно, что он меня больше не интересуется. Он сел на корточки перед моей печкой и как будто бы следил за тем, как вспыхивают и распадаются дрова. На самом деле он хотел показать, что переживает. Когда он предложил мне больше не встречаться, я так испугалась, что решила пойти на уступки. Мы так и не договорились: пришла Юзя, закрыла печку и Женя поневоле должен был сесть, как нормальный субъект. Не понимаю, почему он так рассердился? Ему, верно, показалось, что с Борей Гаевским я более откровенна, чем с ним.

Я рада, что Ася перестала придирается к моим временным подругам. Она занята Муркой и Эльзуней. У них в доме живет репетитор Мурки и муркина мама поднимается к нему на третий этаж. Они закрывают ставни, потому что муркина мама боится дневного света, при котором видны морщины. Это все глупости: ей нечего подниматься к репетитору, он бывает у них каждый день и еще остается на ужин. У меня появилась новая знакомая, Машенька. Она обязательно хочет меня испортить. Машенька приходит к Натусе, они шепчутся, и Машенька все время трогает Натусю своими твердыми красными пальчиками. Как-то они заперлись в чулане под лестницей, и Лазарь кричал, что он расскажет маме и тогда Натусе влетит. Бедная Натуся хлопала глазами. Она очень любопытная и хочет во что бы то ни стало знать, как лишаются невинности. Она прочла в одной книге, что девушку лишили невинности и с тех пор пристаёт ко мне, чтоб я разузнала, как это делается. Я спросила у Вовы, но он так рассвирепел, что стал похож на сумасшедшего Марьяшеса. Больше я ни у кого не спрашивала.

15.

Меня гонят из моей комнаты, я мешаю: у нас началась большая пасхальная чистка. Пасха это праздник чистоты и поэтому надо чистить потолки, менять занавески, выбивать ковры и охотиться за пауками и тараканами. Геня сказала, что такой чистой кухни, как у нее, вы не найдете во всей Одессе. Она преувеличивает: я нашла крохотного тараканчика, он бегал по топчану и у него был жалкий, затравленный вид. При всем отвращении к нему, я его пожалела. Сегодня я поднялась на антресоли, чтоб посмотреть, стоит ли там черный сундук с пасхальной посудой. Все оказалось на месте. Опять приходил служка и умолял Геню вернуться и быть честной еврейской женой, но она ответила, что на Пасху не оставит свою дорогую мадам. Кто будет делать клецки из пасхальной муки, или вареники, начиненные сливами? Даже хрен никто так не умеет готовить, как она, чтоб было в меру хрена и в меру бурака. Ее фаршированную рыбу помнят все, кто у нас бывал. Гинда говорит, что Геня всегда много о себе воображала и она уверена, что нет кухарки равной ей. Судьей я быть не могу. Мне важно сохранить хорошие отношения с Геней, она дает мне на пробу двойные порции вертут и миндального пудинга.

Скоро принесут мацу в глубоких бельевых кор-

знах. Она покрыта чистой простыней и по словам дедушки ее нельзя есть до Пасхи. Мы с Вовой потихоньку тащим мацу из корзины. Это заметно: маца уже не лежит ровными стопками, теперь одна стопка выше другой. Я хотела бы знать, сколько мне дадут вина. У меня маленький розовый стаканчик, в нем три глотка, не больше. Полагается пить четыре бокала и я хочу быть, как все. Тем более, что я помогаю накрывать на стол и вместе с мамой готовлю глину, из которой наши предки строили пирамиды. Сначала медной ступкой толкут орехи, потом прибавляют для горечи немного имбиря. Все замешивается на красном вине. Это довольно вкусно, несмотря на имбирь. Но вкуснее всего твердые яйца в соленой воде. Хрена мне не дают, успею узнать, как горько нам было у фараона египетского. Близнецы говорят, что Пасха языческий праздник и была у всех народов, это праздник солнца. Я возмущена, но Вова не только не сердится, а еще повторяет их глупости.

Нет, Пасхи я им не уступлю! Недаром Хейфец считает, что это праздник Освобождения. Мы живы, потому что не потеряли надежды вернуться в страну, где текут молоко и мед. Она стала бесплодной пустыней, но это неважно, мы превратим ее в цветущий сад. Такой была когда-то земля Ханаанская. Когда Хейфец начинает увлекаться, он говорит почти как Библия. Матя уверена, что он идеалист. Она поддается влиянию. Как-то она сказала, что у их преподавателя сольфеджио глаза, как на картинах, он не от мира сего. Вова мне подмигнул и я поняла, что Матя опять влюбилась. Но ей хотелось бы, чтобы бывшие поклонники тоже по ней страдали. Зиновий, кажется, перестал страдать. Он ухаживает за девицей-зубным техником. Мате это очень неприятно. Она постарается снова его обворожить.

В канун Сейдера в доме не было ни крошки хле-

ба, ни крупинки муки. Все пасхальное, даже чай и сахар. Настоящей еды не было. Нам дали по огромному куску вилковской селедки с картошкой, плававшей в курином жиру. Надо ждать вечера. В доме очень тихо. Изредка с черного хода появляются мальчики из цветочного магазина. В столовой стоит уже вазон с маленькими розами от Якова Соломоновича. Мой доктор прислал корзину ландышей. Есть другая корзина, ландыши с незабудками, от Ивана Грозного. Самые лучшие цветы — гиацинты, — от папы. Кроме того, папа прислал куст и на нем настоящие мандарины. Они должны дозреть у нас, но пока куст можно поставить на стол. Мы сидим в гостиной, и мама рассказывает, как у них справляли Пасху. «Ваш дедушка приводил из синагоги всех бедняков, им некуда было пойти. Это самые дорогие гости. Нищие старички сидели на почетном месте и бабушка в чудном шелковом платье и жемчужных серьгах, которые достались старшей дочери, тете Тане, сама им прислуживала и просила, чтоб они доставили удовольствие хозяевам и съели еще по куску рыбы. После Сейдера долго оставались за столом и читали «Песню песней» царя Соломона. Мне кажется, что у нас Сейдер ничуть не хуже. И я не могу понять, как папа, у которого нет слуха, запомнил пасхальные напевы.

Гости понемногу начинают собираться. Первым пришел дедушка со своим другом, Бебеле. У Бебеле борода не такая, как у Хармака, она растет кустиками, и Бебеле этим недоволен. Он привел маленького внука. У него нет мамы, а отец его комми-вождер, всегда разъезжает. «Он отвык от дома, ему нравится сидеть в купе и рассказывать анекдоты, — говорит Бебеле. — Сиротка Натанчик, дай ему Бог здоровья, живет у меня». Натанчик, как самый младший, будет задавать четыре вопроса. Раньше это делал Вава, но он слишком повзрослел. Девочки спрашивают

только в крайнем случае, когда никого нельзя найти. Яков Соломонович пришел со своей старшей дочерью и женой, у нее уже не два, а три подбородка. Она очень милая и добрая и, говорят, была красавицей.

Явился папин приятель — грек, он всегда присутствует на Сейдере. Ему нравится, что все сидят чинно и молятся или делают вид, что молятся. Он называет меня своей невестой, скорее всего в шутку. Хейфец в черном костюме и красном галстуке, как у революционера. Это не нарочно, галстук он купил на распродаже. Зиновий в последний момент отказался, он будет на Сейдере у родителей зубного техника, и чтоб Мате не было скучно, пригласили товарища Левочки. Он тоже в Политехникуме, и у него форма еще более нарядная. Придет мой доктор, ему хочется окунуться в родную атмосферу. Я очень боюсь, что он заметит, как я в него влюблена. Но он ничего не заметил, а только спросил, не простужена ли я?

Гости заняли свои места, и папочка сел в кресло, на котором лежало много подушек. Он должен сидеть, как король. Мама сегодня — королева. Она действительно похожа на королеву из сказок Андерсена. Когда пришло время, Натанчик встал и тонким приятным голоском нараспев начал спрашивать, чем отличается эта ночь от других ночей. Он с испугом смотрел на папу, а папа смотрел на него с любовью и сожалением. На последнем слове Натанчик поперхнулся, но никто не обратил на это внимания. «Рабами были мы у фараона египетского, и вывел нас Господь Бог из Египта сильной рукой...» — так начал папа, и я следила за его рассказом и все понимала, потому что в книге был перевод на русский язык. Вова знает пасхальные напевы, он подтягивал, и гости качали головами. Это означало: какой у вас удачный сын, таких сыновей днем с огнем не сыщешь!

Мне сказали, чтоб я приоткрыла дверь для пророка Ильи. Он войдет и будет незримо присутствовать на Сейдере. Для него поставлен тяжелый серебряный бокал моего прадедушки. Хейфец говорит, что это красивая легенда, а я думаю, что Илья-пророк среди нас. Я слышу его шаги, но никому этого не скажу. Когда перечисляли казни египетские, Вова так старался, что вместо десяти капель накапал полное блюдо. Катя тоже старалась и от усердия высунула язык. Посреди молитвы сделали перерыв для ужина. К этому времени Матя и политехник уже успели подружиться, а Натанчик начал засыпать. Мне хотелось спать, так как и выпила вина больше, чем полагается. Но все так шумно хвалили рыбу, что сон пропал. Завтра я передам это Гене, и она от гордости совсем распухнет.

Доктор говорил маме, что с того дня, как он покинул своих родителей, он нигде не проводил такой Пасхи. А как у них в местечке было хорошо и торжественно, он не забудет до конца своих дней! Папин приятель восторгался всем, и спрашивал, что думает по этому поводу его невеста. Я думала, что лучшего Сейдера быть не может, но сказать не решилась. Пусть не считает, что я занимаюсь восхвалением своего дома. У меня всегда споры с теми, кто уверен, что у них все замечательно. Боря Гаевский объясняет это узким кругозором; они не видят дальше своего носа.

Во второй половине Сейдера Натанчик сидел возле меня. Ему хотелось, чтоб я с ним разговаривала, а за Сейдером надо молчать. Бобеле метал грозные взгляды и даже прошипел, что никогда больше не возьмет его с собой. Он опозорил его на весь мир. Гости оставались еще довольно долго. Из своей комнаты я слышала особенно громкий голос доктора. Он был в приподнятом настроении. Матя мне потом сказал, что на него нахлынули воспоминания. Его отец ездил к

чудотворному ребѣ и ходил в белых чулках и бархатной шляпѣ, обшитой мехом. Доктору пришлось бежать из дому. Несколько лет спустя он вернулся в свое местечко. К этому времени он успел перейти на третий курс и носил студенческую фуражку. При виде фуражки отец страшно испугался и закричал: «Бес, выйди из моего сына!». Все это было давно, но доктору обидно, что он не сумел как следует втолковать своему старику, что остался хорошим евреем, хотя он бреется и не соблюдает субботы. Теперь я знаю, что не так уж влюблена в доктора, мне скорей его жалко, как сиротку Натанчика. Никто не поймет, почему я его жалею, ведь у него такая практика, что ждут на лестнице. А некоторые приходят на рассвете, чтоб не пропустить своей очереди. Я думаю о том, как ему трудно было забыть свое местечко.

Матя в восторге от политехника. Если б не Герасим и не учитель сольфеджио, она пожалуй бы в него влюбилась. Тем более, что политехник сказал, что она очень женственна, и что у нее глаза с золотыми искорками. Матя с утра у зеркала: она проверяет, есть ли искорки и правда ли, что ее щеки покрыты персиковым пушком.

На втором Сейдере Мати не будет, приехал Губерман, и она уже давно купила стоячие места. Зато придут Мальвина с мужем и одни дальние родственники. Их сын жил у нас целый месяц, и мы его почти не видели. Он с утра шел к товарищу готовиться к экзаменам. Но Вова встретил его на Греческой улице. Он входил в кофейню, где играют на биллиарде. Дома мы этого не рассказали. В конце концов каждый имеет право на свою личную жизнь. Будет еще Запавский, он дал слово, что не возьмет в рот спиртного. Конечно, он сделал исключение для Сейдера и выпил четыре бокала красного вина. Он посматривал на папу и тот старался не замечать его извиняющейся улыбки.

Четыре вопроса задавал младший сын дальних родственников, но без всякого чувства, довольно быстро и развязно. Его хвалили все, кроме Мальвины. Она стала рассеянной и как будто отсутствует. Разглагольствовал ее муж, а она теребила салфетку. Прежде Мальвина смеялась громче всех и при этом показывала тридцать два зуба, а теперь она старается улыбнуться, но в глазах у нее нет улыбки. Я смотрела на золотое пенсне ее мужа и на его мясистые уши и мне уже не казалось, что он похож на англичанина. Ничего английского в нем не было. Его бывшая поддержка куда-то исчезла. Я чуть не спросила, посылает ли он цветы Мальвине, но, к счастью, удержалась. За такое вмешательство мне бы здорово влетело. А мальвинин муж решил бы, что меня подучили.

Праздники тянутся слишком долго. После них неприятно смотреть на учебники. Оберточная бумага давно почернела, и все они подклеены. Вера Львовна сказала, что я не умею с ними обращаться и что это признак лени и невнимания. Сейчас же после Пасхи мы пойдем на экзамен. Экзаменоваться буду я, а она только узнавать о результатах. «Это не настоящий экзамен», — говорит Вова. Попробовала бы я держать там, где процентная норма. Я бы узнала, где раки зимуют! Нарочно задают дурацкие вопросы, чтоб еврейские мальчики срезались. В нашей передовой гимназии все гораздо проще: на уроках мне будут задавать вопросы, чтоб выяснить, хорошо ли я подготовлена.

Я пристаю к асиной сестре, Вите. Мне хочется знать, сколько бывает перемен и что делают на большой перемене. Она рассказывает, что записана на горячий завтрак: иногда дают котлету, но чаще сосиски с пюре или пилав. Дома она не ест пилав, но в гимназии нельзя привередничать. Приходит заведующая и крутит носом. Столы накрыты клеенкой, потому что скатерти не так демократичны. Учителя

завтракают за общим столом и надо быть осторожной. Один раз Витя соврала, что у нее замечательная отметка по географии и ее вызвали к начальнице. Та почти целый час говорила о том, что ложь и хвастовство приводят к увеличению детской преступности. Витя перепугалась. Она решила, что ее исключат с волчьим билетом. Но это была ложная тревога: ее не исключили. Больше всего она жалела бы, что не увидит служителя Афанасия. У него столько медалей, вся грудь ими покрыта. Ни в одной гимназии нет такого представительного инвалида.

Витя предупреждает, что мы должны быть в хороших отношениях с ученицами старших классов, они продают шоколад на большой перемене. Тогда можно рассчитывать на горбушку, это куски по краям. Они больше тех, что посередине и стоят столько же. У Вити в классе одна девочка ест мел и умеет так втягивать живот, что получается дырка. У нее солитер. Она этим страшно гордится. Витя дружит с Эллой Макусиной, которая дома разговаривает по-немецки. Ее мама родилась в Вене, где за ней ухаживали офицеры. Она ненавидит все русское и говорит, что здесь грязно, шмуциг. Когда Элла подрастет, за ней тоже будут ухаживать офицеры и бароны. Не понимаю, как в передовой гимназии, где все должно быть гуманно, может учиться такая принцесса.

У Вовы в классе тоже есть несколько задавак, но им приходится туго. Одного избили на большой перемене, у него пошла кровь носом и был большой скандал. Через некоторое время оказалось, что в их классе имеется вор. Он отнимает бутерброды у пригостишек и все мальчики готовы поклясться, что он украл два перочинных ножа и готовальню. Вова говорит, что они будут следить за ним по системе Шерлок Холмса и доктора Ватсона. Он и близнецы уже не читают Ната Пинкертон, Выпуски, из-за ко-

торых их чуть не исключили из реального училища, валяются на дне письменного стола. Вова понял, что это грубо и развивает дурной вкус, а у Шерлок Холмса все научно обосновано. Вова хочет поставить пьесу «Шерлок Холмс в Одессе». Он уже забыл про деньщика Петра Великого и даже про Веру Фигнер и «Бегство из Шлиссельбургской крепости». Напрасно я выучила стихи: «Как дело измены, как совесть тирана осенняя ночка черна...» А они у меня хорошо получались, особенно «слу-у-шай». Ланя говорит, что у него мурашки бегали по спине, но это не комплимент. В «Шерлок Холмсе» мне нечего делать. Ватсоном, наверное, будет сын артиста, а преступниками — близнецы. Но может быть для меня найдется роль форточного мальчика. Кроме того, я могу стоять «на цинке», то-есть караулить.

Вера Львовна узнала про Шерлок Холмса и невероятно рассердилась. Мне надо думать о серьезных вещах, через неделю мы идем на экзамен, а я мечтаю о каком-то любительском театре. Любители, их все называют «губителями», почти всегда ставят «Бедность не порок». Но Вова знает гимназистов, которые участвовали в настоящих спектаклях. Из-за экзаменов некогда думать о театре. Я жалею, что нельзя заказать форменное платье. В моей будущей гимназии форма в клеточку. Поверх носят голубые холстинковые передники, чтоб было гигиенично. Передники надо каждую неделю менять. Многие забывают это, и передники становятся серыми. При специальном везении можно проходить три недели в одном нестиранном переднике.

Вчера в витином классе показывали опыт с электрической лампочкой. Учитель долго говорил про электричество, но девочки не верили. Витя хвастает, что была в гостях у учительницы рукоделия и немецкого языка и видела, как она завивает волосы трой-

ными щипцами. Она греет их на лампе и щипцы накаляются докрасна. Когда волосы начали шипеть, Витя испугалась: она думала, что волосы у Клары Оттовны сами вьются, а оказывается их надо долго зажимать в щипцах. Потом их взбивают, чтоб получилась подушечка. Клара Оттовна очень любит Витю, она подарила ей бархатное сердечко, куда втыкают булавки. Витя положила его на полку рядом с крохотной пивной кружкой. У них есть одна неприличная штука: мальчик сидит на горшке, и если поджечь его, в горшок падают серебряные колбаски. Это куплено в Карлсбаде. В нашем доме нет таких вещей, а у них целая этажерка. Мне больше всего нравится домик с белой крышей. Перед домом коровы с колокольчиками. Если потрясти, раздается звон, как в Швейцарии.

У меня с давних пор коробка с двенадцатью пробными флакончиками. Ее подарил Яков Соломонович, когда я ни за что не соглашалась, чтоб поставили согревающий компресс. На каждом флакончике лайковая пробка. Я уже перепробовала запахи, лучше всех — вера-виолет. Но душиться мне не позволяют: девочки не душатся. Когда я вырасту, у меня будет много флаконов с притертыми пробками, мне их будут дарить поклонники или муж, в зависимости от того, кем я стану — артисткой, знаменитой писательницей или женщиной-врачем. Мне не хочется думать о будущем, все как-то устроится. Я просыпаюсь на расвете, облитая холодным потом, а до этого, мне снится, что я опоздала в гимназию и меня не хотят впустить «Уже прочли молитву», — говорит служитель Афанасий, и захлопывает дверь. «Но я знаю молитву, — кричу я Афанасию: «Преблагий Господи, ниспошли нам благодать... и дабы внимая преподаваемому нам учению...» Но дверь не поддается. Она гладкая и отполированная.

16.

Наступает утро, когда я никак не могу проснуться, хотя вчера перед сном приготовила карандаши, чтоб идти на экзамен. Горничная Юзя от волнения перевернула платье на левую сторону и сегодня особенно трудно попасть в правильный рукав. Вера Львовна думает, что я волнуюсь и начинает меня успокаивать. Мы берем извозчика с четырехугольной бородой. Он все время повторяет про себя: тьфу, ты пропасть! В гимназию мы приезжаем рано, уроки еще не начались. Ко мне подходит девочка и спрашивает, буду ли я экзаменоваться? Потом она осматривает меня с головы до ног и отходит. Ей что-то не понравилось. Вдруг я вижу Вассу из бывшего дедушкиного двора в Тюремном переулке. Она худая, как была, и волосы у нее подстрижены под первый номер. У Вассы был брюшной тиф. Она недавно еще носила чепчик, теперь волосы немного отросли и у нее будут локоны. Я плохо представляю себе Вассу с локонами. Она угловатая и похожа на мальчишку. Васса начинает быстро называть учениц. Эта играет на пианино, а за той, что около Пушкина, приезжают в фаэтоне. Васса показывает мне девочку под названием «Белая Мышь» и пятиклассницу, у которой бюст, как у настоящей дамы. Молитву читает одна первоклассница, ее голос слышен даже в коридоре. После этого мне

говорят, что я должна идти в класс и сесть за парту, прямо перед учительским столиком.

Входит учительница русского языка, Надежда Игнатъевна. Все встают. Надежда Игнатъевна делает непонятный жест и все садятся, как по команде. Ее побаиваются, она легко выходит из себя и тогда может порвать тетрадь и выслать из класса. Надежда Игнатъевна первым делом обращается ко мне: «Новенькая?». Я страшно краснею, и руки у меня начинают дрожать. «Ну посмотрим, сегодня у нас диктовка». Надежда Игнатъевна подходит к печке и начинает диктовать наизусть: «Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно...» Я вижу, что она любит Гоголя. Не знаю, любит ли она Пушкина: я приготовила три стихотворения Пушкина и две басни Крылова. Мне сказали, что не нужно показывать мои скороспелые знания русской поэзии. Надежда Игнатъевна отбирает тетради и кладет их в сторону. Она хочет, чтоб я просклоняла слово: дорога. Начинаю довольно бойко: «Кто, что существует? — дорога. Кого, чего нет? — дороги. Кому, чему даю? — дороге...» Надежда Игнатъевна удивлена. Это хорошо делать у себя дома, но здесь я должна забыть все эти выкрутасы.

Надежда Игнатъевна говорит, что завтра продолжение устного экзамена, сейчас уже поздно. Она успевает объяснить несколько правил грамматики, но мы сидим, как на иголках. На первой перемене ничего особенного не происходит. Некоторые девочки вытаскивают учебники и начинают зубрить названия рек в Южной Америке. Географию преподает учитель с толстым носом. Он пешком обошел весь Крым. У него не было вещей: маленькая сумка и чайник на ремешке. Он и по Кавказу ходил пешком. Зато по Волге он ехал на двухэтажном волжском пароходе. Его не боятся, он долго стучит указкой, но

шум продолжается. Тогда он сдвигает брови, и сразу становится тихо. Он спрашивает, имею ли я понятие о географии. Отвечаю, что прошла курс первого класса и знаю про Амазонку и про Миссисипи, где плавал на плоту Финн Геккльбери. Оказывается, учитель любит Финна Геккльбери. Он так увлечен, что начинает передавать содержание книги. Потом он спохватывается и вызывает самую неспособную ученицу Берту Креде. Но она так долго возится, что учитель не успевает задать урок; тут раздается оглушительный звонок, он хватается свою папку с книгами и бежит в учительскую.

Третьего урока не будет, заболела француженка. Вместо нее библиотекарьша прочтет нам отрывки из «Записок охотника». Она серенькая, и волосы у нее серые и собраны в малюсенький узелок. Васса говорит, что она хорошо рассказывает русские сказки. Девочки пристают к ней: «Сказку, пожалуйста!». Библиотекарьша в конце концов сдаётся и начинает рассказывать про лису: «Стрень, брень, гусельки, золотые струночки, дома ли Лиса Патрикеевна с дочками? С Куколкой, да с Чучелкой, да с Подчучелкой, да возьми горшок, да разбей горшок, подмети шесток...»

Вот наконец и большая перемена, о ней столько говорили, что я заранее разочарована. Все бросаются в столовую. Там мне заказали горячий завтрак. Я сижу между Вассой и девочкой с короткой фамилией. Нам приносят по котлете с жареной картошкой. Котлета внутри сырая, но я стесняюсь сказать и быстренько глотаю ее, чтоб не стошнило. Какао с пенками. Васса делает несчастное лицо и хочет выудить пенку сначала ложечкой, а затем пальцами. Это замечает дочь начальницы, она завтракает за нашим столом, и Васса от ужаса чуть не опрокидывает кружку. Можно купить пирожное или бублик с семитатью, но нам

не продадут, считается, что мы позавтракали. Вассе удалось по знакомству получить два бублика, и мы их съели под вешалкой. По коридору уже расхаживают ученицы старших классов: они продают шоколад Фишера. Это самый лучший момент большой перемены.

Мы идем в зал посмотреть, как пригостишки поют «Пахнет сеном над лугами». Можно пойти в наш гимназический двор, но туда меня не тянет. Смотрю на закрытые двери и думаю, что за каждой дверью другой класс с черной доской и с партами, которые так изрезаны, что больше ничего на них не нацарапаешь. В классе, где я экзаменуюсь, есть даже аквариум с водяной лилией и четыремь рыбками. Кроме того, ученицы сами вырастили несколько гиацинтов. На окне стоят работы по лепке. Это вазы или пепельницы с вишнями ярко-красного цвета. Я не успела рассмотреть: на переменах все выходят, чтоб комната проветрилась. Васса сказала, что мы можем ходить по коридору. Мы шли, обнявшись, как ученицы старших классов, и вдруг появилась начальница. Она катилась по паркету, как шарик, и повторяла: «Не толпитесь, не толпитесь...» Кроме Вассы и меня никого в коридоре не было, но мы так испугались, что побежали в уборную. На четвертый урок я не осталась. За мной приехала Вера Львовна.

Дома меня встретили градом вопросов: как мне понравилась гимназия, было ли страшно, сколько ошибок я сделала в диктовке?.. Больше всех волновались Вова и Ланя. Вова специалист по экзаменам. Он дал мне много полезных советов, но я их забыла, когда мы ехали на извозчике. А бедный Ланя в этом году провалился и ему интересно знать, как бывает у других. Катя хотела подарить мне пенал, он ей не нужен, она не умеет ни читать, ни писать. Она знает свои книжки наизусть и так ловко водит пальцем по

строчкам, что некоторые попадают. Сегодня я не пойду гулять, нужно готовиться к устному экзамену. Вова готов прослушать «Песню о вешем Олеге», он мог бы быть кудесником. Но я отказываюсь, я не могу взять его с собой на урок русского языка и там не на кого рассчитывать. У Надежды Игнатьевны такой тонкий слух, что сама Васса никому не подсказывает. Зато на уроке арифметики можно делать все, что угодно. Учительница близорукая и подносит тетрадь почти к самым глазам. Васса мне сказала, что ее держат из-за мужа, он известный профессор.

Скоро мне надоедает готовиться, я иду в вовину комнату послушать новости. У Вовы всегда миллион рассказов про реальное училище. Например, на уроке истории один ученик заснул и его чуть не выкинули. А шестиклассника выгнали без права поступления в другие училища за то, что у него в парте оказались неприличные карточки. Он плакал и божился, что ему их подсунули, но ничего не помогло. А главное, Андрокардато нашел пять рублей и пригласил всех в кондитерскую. Они там наели на три рубля, и он страшно ругался. Тогда один мальчик маленького роста стал говорить ему, что он, наверное, стащил эти пять рублей в кассе. Он не верит, что Андрокардато их нашел. Можно найти двадцать пять копеек или рубль, но не больше. А Вова сказал, что пять рублей не Бог вещь какие деньги и если он попросит, бабушка ему сейчас же даст. Но я сомневаюсь, бабушка дает полтинники. После экзамена бабушка должен подарить мне коньки на роликах. Он давно обещал, но я не напоминала. Напомнить не деликатно. Вместо этого я рассказывала ему, какие замечательные коньки у Ади Немировой, и что Эльзуня уже была на скетинге и все обратили внимание на ее скунсовую муфту. Она выпросила ее у своей мамы.

Второй день экзаменов прошел очень быстро. Мне

случайно удалось решить задачу, она была у Евтушевского. Учительница долго водила носом по моей тетрадке и сказала, что я хорошо подготовлена. А на перемене я вдруг подружилась с Тоней Калининченко, ее отец — капитан дальнего плавания, а два брата в реальном вместе с Вовой. Тоня — самая хорошенькая девочка в классе, но ей трудно учиться. Она хотела бы скорей подрасти, чтоб ходит на ученические балы. На уроке русского Надежда Игнатъевна заставила меня прочесть стихотворение и басню: «Дворовый пес Барбос, который барскую усердно службу нес...» Она сказала, что я неплохо меняю голос. Потом девочка с последней парты с места задала вопрос: нужно ли верить в домового? Надежда Игнатъевна долго говорила о предрассудках и удивлялась, откуда берутся такие дуры. Из-за домовых Надежда Игнатъевна никого, кроме меня, не вызвала. Она так разволновалась, что забыла отобрать тетради с переложением.

На большой перемене вместо котлет были сосиски с пюре. К сожалению, заведующая столовой заметила, как Васса покупает яблочное пирожное и пошла жаловаться. Васса расплакалась. Она сказала, что все к ней несправедливы, потому что она приемная дочь. А дама, которая называет себя приемной матерью, специально ее удочерила, чтоб читать ей нотации. Васса легко обижается. Когда я разговаривала с Тоней Калининченко, у нее были волчьи глаза, и я начала жалеть, что подружилась с Тоней. Дома я без конца говорю о Вассе и Тоне. Экзамены я уже забыла. Все сошло гладко, слишком гладко. Не было ни стола, покрытого зеленым сукном, ни учителей в мундирах. Вместо этого Надежда Игнатъевна в кофте навыпуск и близорукая учительница математики. Но меня испугала начальница, она состоит из трех шариков, и у нее голос, не допускающий возражений.

Когда она обращается с каким-нибудь вопросом, хочется сейчас же встать и стоять неподвижно.

Вова знает братьев Тони Калинниченко, они славные парни, но порядочные оболтусы. Один из них на два класса старше Вовы и умеет дирижировать танцами. Поэтому они пользуются популярностью. А младший Калинниченко отличился только тем, что получил тройку за поведение: он слез с извозчика у дома с проходными воротами и скрылся. Извозчик его выследил. Калинниченко пришлось заплатить. Вова говорит, что так поступают только арапы. Меня это удивило, я думала, что арапы честные. А выяснилось, что арап по-одесски это — жулик. В общем, парень, а не жлоб. Что такое жлоб, Вова мне когда-нибудь объяснит. Но есть слова, которые я никогда не узнаю, их пишут на заборах. И если Вова увидит, что я подошла к такому забору, он способен будет разрушить его до основания, чтоб камня на камне не осталось.

В четыре часа приходит Боря Гаевский. Он хочет знать, есть ли в моей гимназии гербарий и выдают ли библиотечные книги на дом? Гербария я не видела, а про книги нам скажут только осенью. Меня сильнее всего поразила легкость, с какой я из Нади, Наденьки, Надюши стала кем-то, кого называют по фамилии. Боря Гаевский сторонник дисциплины. Он не советует мне дружить с Тоней. В прошлом году они жили на одной даче, и Тоня каждый вечер передевалась. Ее бантам завидовали все девочки. По воскресеньям Тоня носила лакированные туфли с бисерными бантиками. Она кокетничала с одним старым полковником, и он преподнес ей коробку раковых шеек. Боря Гаевский видел, как полковник целовал Тоню, и она смеялась и говорила, что он ее щекочет. Мне обидно, что он так критикует Тоню, она мне нравится, и мне нет дела до полковника и до ее лаки-

рованных тувель. На прощанье я говорю Боре Гаевскому, что все-таки буду дружить с Тоней, и он пожимает плечами, как взрослый, которому наплевать на наши девчонские дела.

Учитель Хейфец интересуется моими экзаменами, хотя, по его мнению, самая лучшая гимназия — в Хайфе, в Палестине. Если б у Хейфеца были дети, он отправил бы их в хайфскую гимназию. Спокойнее всех папа и мама. Они не хотят, чтоб я увлекалась. Это всегда кончается насморком или ангиной. Доктор Ашевский находит, что у меня повышенная нервная возбудимость. Если чуть-чуть царапнуть кожу, сейчас же появляется след. Не надо было меня развивать. Теперь поздно, я уже развилась и не могу превратиться в девочку Блазнер. Вова во сто раз развитее меня, почему же у него никакой возбудимости? Я готова прекратить уроки музыки, но не тут-то было. Матя говорит, что музыка облагораживает. У мадам Крейн нет музыки, а только этюды и сонатины, и меня они абсолютно не облагораживают. Я думаю о том, как бы улизнуть в кабинет ее мужа, где я нашла «Жизнь пережить, не поле перейти». Эта книга ничуть не хуже, чем ганоны и даже «Весенняя песня» Мендельсона.

Матя ходит в зал Биржи на стоячие места. Она влюблена в Иосифа Гофмана. Когда он играет «Лунную сонату», можно умереть от восторга. Матя готова всю ночь простоять на хорах. После окончания программы она спускается в зал вместе с учащимися консерватории и музыкальных школ. Они подходят к эстраде и начинают безумно аплодировать. В последний раз одна особа бросила на эстраду букетик фиалок, и Гофман наступил на них. Потом особа целовала полураздавленные фиалки. Вова не советует мне увлекаться Гофманом, Годовский лучше, хотя у него короткие пальцы. Значит, можно стать знаме-

нитостью, имея обрубки, вместо пальцев. Напрасно мадам Трейн прославляет наши руки: я много бы дала за то, чтоб освободиться от дурацкого фортепиано.

Я теперь зеленая, как молодой огурец, и не хочу есть полезные вещи. Если б мне платили за каждое яйцо и за каждый стакан молока, я бы пересилила себя. Но у нас считают, что распущенности нельзя потакать. Сегодня я еду с папой на завод. Там много нового. Гриша Зальцман выучил чудные малороссийские песни: «Солнце низенько» и «Реве тай стогне Днипр широкий». Гриша растет, и голос у него начал ломаться. Он в отчаянии, боится, как бы его дискант не превратился в обыкновенный мужской голос. Тогда он должен будет отказаться от карьеры Шаляпина или Собинова. Гриша рассказывает мне, что Абрамский женится. Ему надоела холостая жизнь. У невесты Абрамского коротенький нос и следы от прыщей. Но зато она из хорошей семьи: две сестры учатся на Высших Женских курсах, а брат ее — помощник провизора.

Этим летом свадьба дяди Семы. Ее два раза откладывали из-за болезни будущего тестя. Когда приехали с ним разговаривать насчет приданого, он так разволновался, что его пришлось везти в Карлсбад. Это я узнала от дяди. Он гордится тем, что все устроил. Дядя говорит, что молодой человек не может болтаться на свете, не будучи женатым. За этот месяц невеста Нюня наготовила еще два сундука с платьями и наволочками. Если б свадьбу отложили в третий раз, она потребовала бы соболью ротонду. О Семе будущий тесть не думает. Его должен устроить мой папа. Он всех устраивает и за всех вносит проценты в банк. Бабушка с досады заболела сахарной болезнью, а дедушка каждый день умоляет папу подумать о своих детях. Мне нравится, что папа такой добрый. Со злыми людьми страшно. Я узнаю

их по глазам и по запаху, от них пахнет кислым. Как бы адвокат Тубенкопф ни душился и ни рассказывал, что он каждый день меняет воротнички, запах пробивается. На свадьбу дяди Семы мы поедem всей семьей и возьмем с собой еще некоторых родственников. Интересно, какое платье по этому случаю мне сошьет мадам Рабинович. А может быть мне закажут платье у венгерки. Венгерка дороже, но я предпочитаю мадам Рабинович, у нее больше вкуса.

17.

Во двор меня не пускают, там появились испорченные мальчишки. Они поют про верхних жильцов: «Исерлис писерлис...» Вова давно уже охладел к нашему двору. Он ходит в научное общество, где курсистки читают лекции про Индийский океан и про фауну и флору средней Африки. Иногда Вова готовится в письменному ответу. Для этого он и близнецы запасаются по крайней мере фунтом халвы и маковников. Потом они никак не могут понять, почему страницы учебника склеились. Близнецы любят меня дразнить. В их семье всегда кого-нибудь дразнят, даже рыжего папу, хотя его побаиваются — он раздает щелчки и пощечины. Женю он не трогает, Женя слабенький, это сказали доктора по детским болезням. На самом деле Женя вовсе не слабый, а чувствительный и если б его ударили, он мог бы заболеть от оскорбленного самолюбия. Близнецы не так самолюбивы, поэтому им часто попадает. После взбучки они приходят к нервной маме, и она дает им рубль, из своего кармана. Она из богатого дома и не нуждается в деньгах этого рыжего. В его присутствии она молчит и смотрит на часы. «Что ты смотришь на часы, горе мое? — спрашивает рыжий папа. — Ты хочешь, чтоб я исчез, провалился сквозь землю. Хо-

рошо, хорошо, я уже ушел, ты можешь цацкаться с твоими любимчиками».

Близнецы пристают ко мне: продолжаю ли я писать стихи. Если нет, я больше не поэтесса. Ни за что не скажу им, что написала стихотворение, посвященное Государственной Думе и еще одно коротенькое, которое начинается так: «О, все здесь ложь, здесь все обман, Здесь роль играет лишь карман...» Асе оно понравилось. Но она не понимает, почему я пишу о себе в мужском роде. Я ей объяснила, что пишу не о себе, а вообще... Нельзя все написанное принимать всерьез. Когда-то Герасим сказал, что искусство равно жизни, помноженной не помню на что. Ася не знала, что существуют афоризмы, то есть обратное тому, что говорят все. Она увлекается танцами. Мы танцуем вальс, и Кулачев каждый раз ее приглашает. Меня пригласил брат Эльзуни. Он обнимает меня за талию, а я кладу ему руку на плечо. Потом он отдергивает свою руку и говорит, что у меня слишком детская талия. Хорошая талия бывает у тех, кто носит корсет с китовым усом, а не лифчики и штанишки. Эльзунин брат хуже Мурки. Он считается взрослым и на всех смотрит сверху вниз. Танцует он с нами, чтоб оказать одолжение Кулачеву: у нас плохие кавалеры. К нашей группе теперь присоединился Яшенька, сын доктора. Он переваливается, как медвежонок, и никак не может понять, чем вальс отличается от па-де-патинер. А мне по временам кажется, что я танцую, как солистка Городского театра, Макарова. Кулачеву не приходит в голову, что я чувствую себя Макаровой, и он просит меня не фантазировать и придерживаться счета. — Раз, два, три...

Считать неинтересно. У мадам Трейн для этого есть метроном. Она им пользуется, чтоб наводить страх на учениц. Мадам Трейн говорит, что без мет-

ронома не обойдешься. Но ведь Моцарт, когда был маленьким, обходился и Иосиф Гофман тоже. Относительно Гофмана я не уверена. Брат Эльзуни никогда не считает, ему это ненужно, ритм у него в крови. Один раз он наступил мне на ногу и не извинился. Он сделал это, чтоб вернуть меня на землю. Я рассердилась и сказала, что предпочитаю танцевать с Яшенькой, он на каждом шагу извиняется. Яшенька хочет обогнуть мыс Доброй Надежды. Он обещал, что покажет мне свой корабельный дневник. До этого далеко. Яшенька еще не держал экзамена. Но он молокосос, не то, что Боря Гаевский, которого считают заносчивым. А я думаю, что он несчастлив. Недавно отец узнал, что он ходит к своим еврейским бабушке и дедушке и поднял целую бучу. Он проклинал Борину маму и всех евреев: они хотят отнять у него единственного сына.

Откуда столько злобы? Я была с Юзей на Куликовом поле, где один пьяный кричал: «У-у-у, сволочи, Христа распяли, вот я выпущу пух из ваших перин, тогда узнаете, почем фунт лиха!..» Больше я на Куликово поле не пойду, хотя мне хочется посмотреть малолетнюю великаншу. Мне неприятно пить квас из тех же кружек, что эти люди с выпученными глазами. Может быть, я не должна возбуждаться и преувеличивать. Есть всякие. Есть и хорошие, как, например, прачка Оля. Она готова идти за нас в огонь. Так она говорит на кухне, когда ссорится с Юзей. Оля ее предупредила, что она пропадет ни за грош. Она все время спрашивает, не втюрилась ли Юзя в какого-нибудь никудышнего парня?

Дедушка думает, что нас гонят, потому что мы избранный народ. Они нам завидуют. Одна еврейская голова стоит десяти этих пустых голов. Мне страшно. Я не чувствую себя избранной, и мне кажется, что все приблизительно одинаковы. Ася смеется над

моими переживаниями: я их выдумываю. У мадмазель тоже переживания, но совсем другого рода. Она разошлась со своим последним женихом. «Вы понимаете, Надин, — говорит она по-французски, — мужчины хотят только получить свое удовольствие. У них нетонкая душа. Я считала, что предо мной человек моей жизни, но оказалось, что это просто недостойный вымогатель». Все женихи мадмазель одалживают ее святые сбережения и после этого исчезают. Последний жених оказался женатым. Он делал вид, что не знает, что значат узы брака, и вдруг из Казани приехала его жена, и, на деньги мадмазель, они сняли квартиру возле вокзала. Мадмазель берет с меня слово, что я не буду верить мужским клятвам. Вова она все рассказала по секрету. Потом Вова узнал, что я тоже посвящена в эту историю и страшно сердился на мадмазель. Его сестра не должна заниматься чужими любовными делами.

Вова не понимает, что любовные дела здесь не при чем. Меня интересуют люди. Я хотела бы разобрать каждого по косточкам. Когда кто-нибудь рассказывает про свою жизнь, я начинаю мечтать. Мне кажется, что я жила в Белой Церкви, как Хейфец, или на Молдаванке, как Абрамский и его мама. Я могу представить себе, что я дочка Тубенкопфа и он требует, чтоб я день и ночь зубрила ^{Евгения} Онегина! Если я не выучу всех глав, от первой до последней, мне будет плохо. Придется удрать из дома и жить во дворе под черной лестницей. Для этого у меня сбережения в носовом платке, я буду покупать на них семечки или ириски.

Тубенкопф — мой кошмар. Я боюсь о нем думать. Он может мне присниться, как приснился однажды отшельник из «Принца и нищего». Он стоял надо мной с огромным остро-отточенным ножом. Мне показалось, что я закричала, но на самом деле у меня

не было голоса. Я кричала без голоса. Я представляю себе мадамзель, когда она была маленькой девочкой. Ей давали маленький кусочек шоколада, и это был праздник. «Нельзя баловать детей, — говорил ее папа. — Они должны помнить, что главная обязанность их жизни — помогать родителям. Мы их вырастили и теперь они должны на нас работать. Особенно девочки. Они станут гувернантками. Для этого нужен красивый почерк». Если мадамзель не хотела писать красивым почерком, ее укладывали на целый день в постель и вместо еды давали водяной суп, в котором плавал кусочек черствого хлеба. Как-то за обедом я попробовала положить кусок хлеба в суп и никто не знал, что на самом деле я уже не здесь, а в Гренобле.

Я бываю Вассой и приемная мать меня преследует за то, что ботинки плохо зашнурованы. В наказание она хочет остричь меня под машинку. Васса спрашивает, почему я все время хватаюсь за голову? Мне стыдно сказать, что я проверяю, на месте ли бант. Скоро банта не будет, я требую, чтоб мои волосы заплетали в две косички. Мне все равно, что они торчат по обе стороны. Зато я непохожа на маменькину дочку из катиных книжек. Там у всех девочек круглые ноги и рты такие маленькие, что непонятно, как они могут жевать. Похоже на то, что все идут на именины. Но они так одеты с самого утра и по мнению сочинителя книги не знают, что такое чернильные пятна. Неужели он думает, что дети станут воспитаннее, если будут брать пример с малолетних идиотиков?

Меня это не касается, в воспитание Кати я не вмешиваюсь. Вова говорит, что я сама еще недостаточно воспитана. Зато он вмешивается в мое воспитание и не хочет, чтоб я торчала на кухне. Но как только мама и папа захлопывают за собой дверь, я бегу к Гене. Ее служба по-прежнему несогласен на

развод. С ним уже говорила мама, и он ей ответил, что ему неудобно разводиться, он почти духовное лицо. Конечно, он не раввин, но почему? У его покойных родителей, да будет им земля легка, не было достаточно средств. У родителей Хейфеца тоже не было средств, но он, все-таки, учитель и собирается стать дипломатом, или присяжным поверенным, как Пергамент или Грузенберг. Матя сказала мне по секрету, что у них совсем нет средств, и тетя Таня должна обходиться прислугой за все. За правоучение платит мой папа. А Матя бегаёт по урокам, чтоб послать деньги на Пасху. Я хотела бы отдать им мои сбережения. Но копилка моя давно сломана. Вова свою взломал и за это ему влетело. Он не верит в копилки, они развивают жадность и скопидомство. Деньги надо уметь тратить.

Из всех моих друзей самая большая транжира — Ася. Стоит ей получить карманные деньги, как она бежит в греческий буфет и покупает вафли для нас всех. А жаднюга Эльзуня прячется по темным комнатам и заглатывает большие куски шоколада Жорж Борман. Эльзуня так спешит, что шоколад застревает у нее в углах рта. Мне это непонятно. Я всегда делилась и в этом нет никакой заслуги. Я хотела, чтоб всем было хорошо, хотя чувствую, что равенства трудно добиться. Равенство почти недостижимо. Когда-то Матя повторяла: «свобода, равенство и братство» и думала, что это слова Зиновия. Но близнецы увлекались великой французской революцией и знали, откуда это идет. А недавно я прочла роман Виктора Гюго «Отверженные» и могу тоже рассказать про французскую революцию. Я держала «Отверженных» под подушкой, как Чехова, и переплет в одном месте отклеился. И все-таки я не успела прочесть до конца. А теперь мы собираемся на дачу и там негде прятать книги.

Мы переезжаем на Малый Фонтан. Дача мне нравится. В комнатах пахнет известкой и еще чем-то острым. Другие дома не видны, они в глубине. Вера Львовна будет жить рядом, у наших соседей и заниматься с их сыном, Арнольдом, у которого две переекзаменовки. У отца Арнольда магазин готового платья. Но он хочет, чтоб его сын стал приват-доцентом. Когда Арнольд получает двойку, отец кричит, что сделает его закройщиком. Арнольд говорил, что не прочь стать закройщиком, они зарабатывают больше, чем все приват-доценты, и Вера Львовна была так возмущена, что рассказала это при мне. Надо будет поближе познакомиться с Арнольдом и выяснить почему он хочет сделаться закройщиком.

С утра мне как-то не по себе. Тошнит, но я боюсь пожаловаться: сейчас же пошлют за доктором Ашевским. Двигаю ушами, чтоб отвлечься. Меня научил сын артиста. Он мастер по части всяких гримас. «Смотрите, смотрите, в первый раз в этом городе знаменитый китайский пре-сти-ди-жи-та-тор «Сам-пью-чай» покажет вам превращение человека в различного рода зверей, птиц и животных...» Конечно, это обман, но Вова говорит, что осел у него выходит не плохо. Теперь Вова в своей комнате, и я слышу, как он поет: «Ах, мама, мама, мама, Какая драма, Вчера была девица, Сегодня дама...» Повторяю за ним «Ах, мама, мама, мама, мама», и это мешает мне читать сто раз читанную книгу: «Маленькие мужчины, ставшие взрослыми». Не понимаю, в чем тут дело? Каждая девица хотела бы стать дамой. Драму придумали для рифмы, это ясно. Наверное, Вова научился у Андрюкардато. Тот знает все, что не полагается: его братья ходят в «Северную гостиницу» и в «Альказар».

Вова сказал, что когда-нибудь он будет пить там настоящее французское шампанское. Для этого надо иметь штатский костюм и быть совершеннолетним.

Голова болит все сильнее и сильнее, а Вова как на зло повторяет дурацкую песенку. Надо напомнить ему, что он обещал взять меня на Мациста. Я предлагала «Ямщик, не гони лошадей», но он отказался. На сильно драматические фильмы детей не пускают, у меня могут быть неприятности. Недавно я была с ним в театре на Екатерининской улице и там показывали «Камо грядеши», настоящее название драмы «Кво вадис». Вове понравился Мацист. Я тоже полюбила Мациста, и мне хочется, чтоб в жизни он был таким же благородным, как в картине «Кво вадис». Матя сказала, что некоторые артисты совсем непохожи на тех, кого они должны изображать. На сцене они защищают слабых, а на деле бьют своих детей и увозят молодых девушек, как в рассказе Чехова. Матя познакомилась с одним артистом на вторых ролях, и он сделал ей гнусное предложение. Что это значит, Матя не может мне сказать. Вероятно, что-нибудь неприятное и малоинтересное.

Сейчас я боюсь заболеть. Тогда отложат переезд, и дачные дети между собой перезнакомятся и только я останусь за бортом и буду сидеть на террасе у знакомых старушек: одна из них вдова, а другая старая дева. Старушки вывозят на дачу все свои кадки с олеандрами. Олеаедры тоже должны подышать свежим воздухом. Я могу рассчитывать на то, что они будут мне дарить опавшие цветы олеандра, похожие на искусственные. Закрываю глаза и вижу много-много олеандров. У меня жар, он пройдет, если я найду банку с малиновым вареньем, которое понижает температуру. Но ее спрятали, так как Вова и я все берем без спроса. Это гораздо приятнее.

У меня нет сил идти в столовую. Стараюсь читать книгу Луизы Олькот, хотя она очень глупая. Маленькие мужчины выросли, но взрослыми не будут. Они до конца своей жизни останутся мальчиками. Мами-

на кузина Маня говорила про своего доктора, что он вечный гимназист. Вову я могу себе представить взрослым. Вера Львовна сказала, что у него авторитетный тон и манеры джентльмена. Когда мы берем извозчика, он меня подсаживает, как будто бы я была гимназисткой пятого класса. А в иллюзионе он покупает мне шоколад миньон, даже если он не при деньгах, как выражаются близнецы. Почему-то я их слышу. Они говорят о Дарвине и о книжках издания «Донская речь»... Донская речь, почему донская, ведь это просто двухкопеечные брошюры. Дядя из Николаева не признает двухкопеечных книг. Мальчики из хороших семейств должны читать классиков и верить в Бога. Я хочу верить в Бога, но голова моя трещит, а горло стало шершавым. Неужели от того, что на улице я съела мороженое? Я не раз уже ела мороженое с возка и ничего не случилось.

Вот если б кто-нибудь принес лимонное мороженое, стаканчик за три копейки, набитый дивным, замечательным мороженым. Но никто не поймет моих желаний, начнут твердить, что можно отравиться, что на улице мороженое едят уличные дети, а они привыкли ко всякой отраве. Яков Соломонович, наверное, спустился бы и принес мне стаканчик с выемками, чтоб выглядело, как будто он переполнен. Но Якова Соломоновича нет, вместо него входит Катя, ее послали за мной, пора ужинать. Хочу сказать ей, что жду стаканчик с лимонным мороженым, но она с плачем бежит к своей бонне. Начинается кутерьма. Меня раздевают и я не помогаю. Я могла бы помочь, но на меня нападает лень. Руки, как тряпочки, они ничего развязать не могут. Я даже не разговариваю. Когда приносят градусник, я мычу. Это означает, что я не хочу ни градусников, ни микстуры малинового цвета. Главное, никаких согревающих компрессов.

Меня никто не слышит, но зато я слышу, как в

соседней комнате говорят: «Тише, она задыхается». А может быть я это вычитала в книге «Маленькие мужчины, ставшие взрослыми»... Кровать поднимают и уносят в гостиную, там пять окон и балконная дверь. В гостиной я буду дышать, как на даче. Сейчас должен придти доктор Ашевский с одним важным доктором. Он уже был у меня и старался шутить. Я смеялась из вежливости. Интереснее всего было смотреть на его лысину, через нее протянут узенький мостик из трех белых волос. Сегодня важный доктор со мной очень ласков, он говорит, что мне нужна сестра милосердия. Он пришлет одну симпатичную фельдшерицу. Я, наверное, ее полюблю. Стыдно признаться, но я очень довольна: у меня воспаление легких, а не какая-нибудь детская болезнь, вроде скарлатины или коклюша. Ни у кого из моих знакомых не было воспаления легких, даже у Бори Гаевского, а он переболел всеми болезнями на свете. Но мама и папа расстроены, они все время спрашивают, чего бы мне хотелось? У меня нет никаких желаний, мне хочется спать, но мешает люстра. Оказывается, это простая лампочка и ту завесили синим платком.

18.

В малиновом кресле возле столика с альбомом сидит папа. Почему он здесь? Ведь у него прием. Приехали люди с завода и привезли масло в чистых блестящих пробирках. Запавский, как всегда, ходит мелкими шагами по коридору. Он приучается задерживать дыхание. Запавский сказал, что если пожевать зернышко кофе, запах водки исчезает. И все таки, он взволнован: папу не проведешь. Я вижу, что на моей постели недостает металлической шишечки. Она давно потерялась. Ее никогда не найдут, она лежит в какой-нибудь мышшиной норке. Мышиная норка... Придумываю сказку про мышшиного короля. Он женится на первой красавице своего королевства, Мышиные пушки дают залп прямо мне в глаза, в лоб, в виски. Потом двери закрываются, мышшиная процессия уходит, и я чувствую, как на голове у меня что-то перекатывается. Это лед в пузыре, он начал подтаивать.

Мама говорит, что скоро придет фельдшерница — сестра милосердия. Ее зовут Надежда, как меня, но она Надежда Моисеевна. Я могу называть ее сестра и вообще никак не называть. Надежда Моисеевна в белом халате, я его нечаянно тронула, он здорово накрахмален. Она говорит, что мы будем друзьями. Когда я выздоровею, я должна буду обязательно к ней придти. У нее канарейка и дрессированный кот.

Сейчас надо лежать спокойно, с закрытыми глазами. Приоткрываю их: папа все еще здесь. Он даже Тубенкопфа вынес на руках из квартиры, когда ему должны были вырезать ребро. Он поехал в Киев, когда у дяди была странная болезнь — рожа. А теперь он сидит в малиновом кресле и его можно позвать на помощь. Я прошу, чтоб ко мне пустили Вову, хоть на минутку. Его впускают ровно на минуту, и он ухитряется мне сказать, что без меня на Мациста не пойдет. Я могу быть совершенно спокойна.

Такого компресса еще не было. Меня запеленали, как новорожденную. Ночь тянется. Но сестра Надежда Моисеевна говорит, что уже утро, и она час тому назад пила чай из самовара. У себя дома она не ставит самовара, это слишком сложно. Когда-нибудь Надежда Моисеевна мне будет нравиться. Мы поедем на дачу. Там букашки и мукашки... Дрессированный кот останется у соседки, она будет кормить его куриными печенками. Требую, чтоб сняли компресс, и все притворяются, что не слышат. Я жду Якова Соломоновича. Он всегда приходит с подарками. Нехорошо быть корыстной, но я недавно призналась ему, что хочу иметь детскую швейную машину или совсем маленький фотографический аппарат, чтоб доказать знакомым мальчикам, что я не хуже их.

Яков Соломонович думает, что швейная машина мне больше подходит, я буду шить платья катиным куклам. Он забыл, что я в гимназии, где преподают рукоделие. Я научусь шить и кроить и сошью платья моим соученицам. Всем одинаковые, чтоб не было завидно. Надежда Моисеевна перебивает мои мысли: я должна принять облатку, от нее все боли пройдут, я и буду плясать русскую. Почему русскую? Ведь я не Эльзуня. Я плохо танцую, у меня грация молодого медвежонка. Но мне надо знать, у кого заказали облатки — у Зайдмана или у Колпакчи. Я предпочи-

таю аптеку Зайдмана, она пахнет зубным порошком и валериановыми каплями. Их принимала мама кузина, когда разошлась с доктором. Это капли от разбитого сердца, обыкновенным больным их не дают. Мне жалко маму, она хочет перестелить мне кровать, но Надежда Моисеевна не пускает. Кроме нее, никто не смеет за мной ухаживать. Она ответственна перед врачами.

Яков Соломонович принес много подарков: несесер для шитья, дорожный несесер и плюшевый кошелек с тремя отделениями. В каждом отделении по шесть новеньких монет. Всего восемнадцать — счастливое число. На эти деньги я скуплю всего Дуварджогло. Не придется взламывать копилки или ждать дедушкиных полтинников. Но пока я не должна думать о Дуварджогло и восточных сладостях. Надежда Моисеевна приносит манную кашу на маленьком блюде и кормит меня с ложечки. Из-за компресса я, как кучер Франц, когда он для красоты надевает ватный армяк и у него грудь колесом. Днем дадут яблочное пюре. А мне хочется косхалвы, которую надо рубить кухонным ножом. Папа и на этот раз угадывает мои заветные желания: он принес букетик пармских фиалок. Они в стеклянной вазочке, где нарисованы фиалки. Настоящие гораздо бледнее. Я знаю, что папа купил их в Царстве Растений, там самые лучшие цветы.

Доктору Ашевскому тоже понравились фиалки. Он хотел их понюхать и никак не мог дотянуться. Его нос не создан для цветов. Ему приходится нюхать другие вещи, но о них неудобно говорить. Моя болезнь протекает нормально. И, все-таки, по настоянию мамы опять придет важный доктор. Мне он не нужен. Он без конца меня выслушивает, и я смотрю на его мясистое большое ухо и представляю себе, каким оно было в детстве. Асю ко мне не пускают.

А Натуся звонила с черного и с парадного хода и ей сказали, что меня нельзя беспокоить. Боря Гаевский прислал мне письмо на четырех страницах. Я не хотела бы посвящать Надежду Моисеевну в нашу переписку, но у меня рябит в голове, и я ничего не могу разобрать. Надежда Моисеевна в восхищении: «Боже, какой это умный мальчик, он, наверное, будет профессором медицинского факультета!». Ей нравится, что Боря Гаевский описывает свою экскурсию на Жевахову гору. В этом письме он передает еще содержание романа «Айвенго» и в конце желает мне поскорей выздороветь. Письмо скучное. На самом деле Жевахова гора лучше, чем он ее изображает. Я была там с Асей, и мы рвали степную траву — ковыль. Потом Ася растирала на ладони белые и голубые колокольчики. Они пахли ванилью, ванильным мороженым. Мы принесли огромный букет полевых цветов и от него был сор по всей квартире. Я сказала Асе, что это месть полевых цветов, они не могут жить в неволе.

На малофонтанской даче я устрою собственный садик. Только бы Катя не притащила кукольной мебели и своих кукол, чтоб они пили чай на воздухе! Тогда мои клумбы погибнут. Сейчас я считаю цветы на ковре в гостиной, у меня температура. Ртутный столбик поднимается так высоко, как будто градусник поставили в горячую воду. В гостиной на обоях нет цветов, а в моей комнате синие веночки. Они веселят глаз. Так думают взрослые. Есть даже пьеса «Цветы на обоях». Я спросила Матю, что это за странное название. Она побежала к Герасиму и тот сказал, что цветы на обоях — символ духовного убожества.

Вова называет Герасима высокопарным дураком, но Мате это безразлично. Она в него больше не влюблена. «Матильдочка переменяла перчатки», го-

ворит Вова. Матя начинает сердиться. Никаких перчаток она не меняла, у нее все та же пара лайковых с прошлого года, а если это в переносном смысле, то она никогда не простит. Я узнала, что у Мальвины родился мальчик, его назовут Володей и будет большой праздник, обрезание. Я, конечно, не сумею пойти. У меня опасная болезнь, от нее легко умереть. В утешение Надежда Моисеевна обещает мне прочесть вслух «Записки охотника». А может быть я хочу Киплинга? Но я не хочу Киплинга, пусть читает «Белоснежку и Розочку» и сказки Андерсена. Там есть одна, «Красные башмачки», я всегда ее боялась. Только раз я прочла ее до конца. С тех пор я быстро перелистывала книгу и старалась скорей добраться до картинки, где маленькая разбойница разговаривает с Каем. Или до кукольного театра в сказке «Дорожный товарищ». Надежда Моисеевна читает не так, как мама. У мамы все было убедительно: «Старикову дочку в золоте везут, а старухину дочку женихи не берут...» Хорошо, что Боря Гаевский не видит этих книг. Он бы презирал меня за отсутствие интересов. А мне хочется, чтоб монотонно рассказывали про добрых фей и Деда-Мороза. И баюкали, как тех капризных детей, которых возят целую ночь по комнате. И уже в полусне я повторяю: «Старикову дочку в золоте везут, а старухину дочку женихи не берут. Старикову дочку...»

Проснулась от сильной жажды. Кажется, что поздно и всем пора вставать, но в окнах ни капельки света. Обыкновенно по утрам один очень острый луч проходит сквозь щели. А сейчас полная ночь. Надежда Моисеевна спит и мне жалко ее будить. У нее смешная рубашка с рукавами и оборочкой вокруг шеи. Она не храпит, а слегка присвистывает. Она бы не поверила, если б я ей это сказала. Все хотят спать красиво, как на картинах, то-есть неподвижно, зало-

жив тонкие мраморные руки за кудрявую голову. Кузина Маня, вообще, не спит, у нее бессонница. По ночам она читает Шопенгауера. Есть такая книжка, я сама ее видела. Лежу в темноте и думаю, почему ночью так жутко, как будто заблудился в лесу и вот-вот засосет лесное болото. Если б можно было сбросить компресс, жажда сразу бы прошла. Но это невозможно, он стал частью меня.

Надежда Моисеевна рассказала мне историю своей жизни. Выходит, что ее семья была жертвой обстоятельств. «Вы понимаете, Надюша, мы зависели от дяди. Он был очень богат, и все с ним считались». Дядя Надежды Моисеевны имел аптеку и был провизором. Иногда получалось, что это аптекарский магазин, а дядя — помощник провизора. Они жили у дяди во флигеле, и папа Надежды Моисеевны скупал у помещиков пшеницу. В их местечке на Рождество любители ставили «Бедность не порок» и «Не все коту масленица». У Надежды Моисеевны нашли большой сценический талант, но вместо того, чтоб стать артисткой, она поступила на фельдшерские курсы. Она намекнула мне, что нравилась одному помещику. За ней ухаживал еще сын доктора, и Надежда Моисеевна ему отказала, он был белоподкладочником.

Теперь Надежда Моисеевна ходит на дежурства и жизнь у нее неинтересная. Но может быть мне это кажется, когда я смотрю на ее рюши и на маленькие часы с бантиком. А ведь она каталась на лодке с сыном доктора, и они устраивали пикники на днепровских плавнях! Местечко на Днепре было лучше всякого города: два банка, две гимназии и клуб с читальней. Не везде есть клуб, где можно получать толстые журналы. Постепенно узнаю подробности и мне обидно, что ее дядя так плохо обращался со своим младшим братом. За все годы он ни разу не угостил его Нарзаном, хотя у него в аптекарском магазине

был целый склад Нарзана. «Его жена вытирала пол древесной ватой. Она была невероятно расточительная», — говорит Надежда Моисеевна. На своих кровных родственников дядя не смел тратить. Он помогал им тайком, когда жена его уезжала в Одессу шить модные платья. Она два раза лечилась за границей и привезла Надежде Моисеевне нож для разрезания бумаги. Она мне его покажет, когда я приду к ней в гости. Но я потеряла веру, что буду выходить из дому. Неужели я когда-нибудь пойду к Асе, и мы сядем с ней на скользкий кожаный диван. Это было тысячу лет тому назад. А может быть мне это приснилось, и я уже Бог знает сколько времени лежу в кровати с металлическими шишечками и мне без конца измеряют температуру.

Начинаю сомневаться в том, что были Эльзуня, Колачев, танцы по воскресеньям. Поделилась моими сомнениями с Вовой, и он сказал, что у меня завиральные идеи. Мы съедим еще не одну сотню пирожных у Гетинга и у Исаевича. Сын артиста недавно влип в неприятную историю. Он зашел в кондитерскую ровно в восемь часов утра и там его остановил учитель в форме. Он записал его фамилию и адрес и пригрозил, что даст знать его уважаемым родителям. Тогда сын артиста объяснил, что у него только родитель: мама его умерла, когда он был в пеленках. Но учитель не успокоился: в таком случае надо вести себя примерно, чтобы покойная мать могла с улыбкой взирать на него с небесной высоты. Услышав слово: «взирать», сын артиста прыснул и выбежал из кондитерской. Учитель погнался за ним, но он уже завернул за угол. Вова решил по утрам не ходить в кондитерские. Это слишком опасно.

После разговора с Вовой я немного успокоилась. Он уверен, что я выздоровею и все пойдет по-старому. Сегодня мне дадут мой первый бульон с крылыш-

ком. Его варит для меня Гитля-слон. Геня обижена, она ведь специалистка по бульону, но из-за дедушки должна уступить. Гитля-слон тоже специалистка, и дедушка думает, что от ее бульона я сразу окрепну. Он хотел, чтоб она сварила мне компот, но тут Геня встала на дыбы: она не позволит, чтобы чужие кушарки совались на ее кухню. Вот если бы мадам захотела что-нибудь приготовить своими ручками, тогда другое дело. Бульон мне принесет Авремл, сын Гитли. Он учится в Талмуд-горе. Авремл еще в прошлом году сказал мне, что не хочет быть раввином. Портным, дамским или военным, живется гораздо лучше. Он знает портного, у которого в одной комнате четыре зеркала от потолка до пола.

А я знаю портного для починок. Он живет во втором дворе. К нему поднимаются по винтовой лестнице и у него темнее, чем у мадам Рабинович, и нет лампы с бисерным абажуром. Зеркал я там не видела, только трюмо в мушиных точках. Их так много, что смотришь, как сквозь сито. Портной горемыка и неудачник, поэтому он занимается перелицовками. Он хотел стать дамским портным, но пошли дети. Я надеюсь, что у Авремля не будет столько детей. — Он у себя на уме, — говорит тетя Ида. Она боится, что дедушка привяжется к Гитле-слону, и мы с ними породнимся. Она даже спросила, хочу ли я, чтоб Авремл стал моим дядей? Это было так нелепо, что я начала хохотать, как безумная. Но тетя Ида не находила в этом ничего смешного, по ее мнению все мужчины одинаковы. Она ни к кому не обращается, но дядя Саша чувствует, что это в его огород и уходит к Фанкони. Уже с лестницы он кричит: «До свиданья. Будь здорова!». Я ничего не имею против Авремля. Конечно, Гитля хочет подсунуть его дедушке: «Сирота еще не пришел. Бедный сиротка ничего не имел во рту...» Но дедушка его не замечает. Для него

Авремл пустое место, какой-то сопляк в шапочке. Тетя Ида напрасно волнуется. Она всегда волнуется. Нервы у нее расстроились в тот момент, когда она родила первого ребенка.

Бульон замечательный. С него сняли жир. На поверхности всего несколько золотых глазков. Мама, папа, Вова, Яков Соломонович — стоят у моей постели. Я крошу сухарик и бросаю его в чашку с бульоном, и они восхищаются, что я ем, как здоровая. Никто не замечает, что я громко втягиваю в себя бульон. Так пьет Хармак, когда Гитля-слон приносит ему стакан чая в толстом, плохо вытертом стакане. Хармак не обижается, подобного чая он не пил с того времени, как умерла в Барановичах его жена. Это неправда: чай невкусный, он пахнет кухонным полотенцем. Еда меня утомляет. Никогда не думала, что так трудно проглотить пять-шесть глотков бульона, даже гитлиного. Надежда Моисеевна просит всех выйти из комнаты, мне нужно спать, спать, спать.

В одно утро просыпаюсь и мне больше не хочется бульончика и манной каши. Я прошу, чтоб мне дали ситный хлеб от Амбатьело, сыр с тмином и икру из синих баклажан. Доктор Ашевский говорит, что я на пути к выздоровлению. Он улыбается, и я вижу, что он не так некрасив. Теперь не сезон баклажан, сыра с тмином мне тоже не дадут, успеется. Меня со всех сторон подпирают подушками. Сажу, как в купе, и перелистываю старые номера «Нивы». В них много сражений на суше и на море. Они мне быстро надоедают. Я жду Асю, она в первый раз приходит меня навестить. У нее странные, расширенные глаза. «Ты похожа на старушку», — говорит Ася и ей становится неловко. Она отвыкла от меня. За это время ее тетя Ився вышла замуж за фабриканта обуви. Ей было стыдно выходить замуж и она не переставала плакать. Ася по-прежнему ходит на уроки танцев. Колачев хо-

тел ее поцеловать, но она отвернулась, и он нечаянно поцеловал ее бант. Они, с папой и мамой, были на Синей птице¹. Я должна обязательно пойти на Синюю птицу², когда выздоровею. Я знаю содержание и мне особенно нравится царство прошлого. Царство будущего слишком голубое. Мы начинаем спорить. Приходит Надежда Моисеевна и говорит, что на первый раз хватит: я не знаю меры.

Ася немного смущена, она принесла Давида Копперфильда³ с цветными иллюстрациями. На одной из них мама Давида Копперфильда в черном траурном платье. На другой — няня Пеготти, у нее щеки, как зимние яблоки. Я могла бы поехать на необитаемый остров и читать там одного Копперфильда. Мне жалко бедную госпожу Микобер. А сколько раз я видела Давида Копперфильда, когда он мыл бутылки и в обед покушал кусок невыпеченного пудинга⁴. Но особенно меня расстраивало возвращение Давида Копперфильда в его бывший дом, где для него нет больше места. Что было бы со мной, если б меня никто не замечал? Васса рассказала мне, что приемная мать очень редко называет ее по имени. Она говорит: «надо сделать то-то и то-то, или пора кончать уроки и идти спать!» Она никогда не целует Вассу, поцелуи негигиеничны. Васса думает, что приемная мать не целует ее, потому что она некрасива. Мне придется доказывать Вассе, что у нее очень интересное лицо. Вова и близнецы считают, что это в сто раз важнее красоты. Они приводят в пример какую-то Минну с удивительно интересной внешностью. Они мне прожужжали уши этой Минной. У нее есть настоящий шик, она будет шикарной женщиной. Вера Львовна возмущена нашим одесским жаргоном: вся Россия смеется над одесситами, потому что они говорят «две большие разницы» и «он с ней играет».

Когда я окрепну, мы переедем на дачу, где живет

Вера Львовна. Она недовольна Арнольдом: он шалопай и не интересуется классиками. Вера Львовна рисует все в черных красках, но я решила подружиться с Арнольдом. До сих пор, кроме Мурки, я знала только хорошо воспитанных мальчиков. Андрокардато не в счет. Я для него пустое место, а в лучшем случае надоедливая младшая сестра, которую никак неставишь из комнаты. От Арнольда я узнаю, что думают шалопаи и чем они отличаются от Жени и Бори Гаевского. Только бы не вмешалась Вера Львовна со своим «сейте разумное, доброе, вечное»...

Цитаты украшают речь, особенно если это Некрасов. Подруга Веры Львовны, Паша Китайцева, знает наизусть всего Некрасова. Паша ее идеал: она была два года на Бестужевских курсах, а Вера Львовна всего-навсего бывшая вольнослушательница. Паша пугает меня своими знаниями, я боюсь, что она никогда не выйдет замуж. Все мужчины будут ей казаться глупыми и необразованными. Она синий чулок, а это уже не в моде. Матя, например, живет и дышит искусством и надеется, что я тоже отдам себя искусству. Она сочинила стишок, он начинается так: «Горячею любовью пылая, Я уношусь мечтами к той поре, Когда и ты, Надюша дорогая, Заслужишь честь пьянистки по игре». Слово «пьянистка» мне не нравится. Если б я играла на скрипке, было бы проще: «Заслужишь честь скрипачки по игре». Но я с семи лет беру уроки у мадам Трейн, и теперь поздно переходить на скрипку.

19.

На дачу мы едем в самый жаркий день, в конце мая. Сирень уже отцвела. Когда раскрыли окно, в мою комнату ворвался куст сирени, но цветы висели, как лиловые тряпочки. Туда вез кучер Франц. Надежда Моисеевна сидела рядом со мной и боялась, что мне холодно. Надо было захватить плед и почему я не в демисезонном пальто? Она просит Франца, чтоб он не спешил: от быстрой езды я устану и, вообще, это очень опасно. На даче я сразу заснула и проспала до тех пор, пока не принесли свечу в стеклянном колпаке, и начали слетаться бабочки. Одна из них билась о стекло и царапала его своими крылышками. Другая, на потолке, казалась огромной. При лампе таких не бывает, поэтому мне нравятся свечи. Я научилась делать ландыши из стеарина. Надо капнуть стеарином в холодную воду и получается ландыш. Это показал мне Ланя, он знает много фокусов и чудесных превращений. Одно время он хотел стать знаменитым антрепренером. Тогда его отец раскается и поймет, как он был несправедлив. Ланя будет сидеть в роскошном кабинете и ему доложат, что пришел какой-то плохо одетый человек. Входит отец, и они падают друг другу в объятия. Кончится тем, что Ланя поселит его в своем особняке.

Сейчас Ланя живет у бабушки под лестницей и в

его каморке пахнет серой и другими аптечными запахами. Иногда он переезжает к нам и спит в моей любимой комнате, где угловая печь и диван с трещиной. Этот диван перевезли на дачу и сейчас на нем лежит Надежда Моисеевна. Она требует, чтоб я потушила свечу. Надежда Моисеевна боится комаров и сороконожек. Я готова потушить, если она мне что-нибудь расскажет. Надежда Моисеевна недовольна. Я вовсе не такая рассудительная, как ей казалось. Ну хорошо, она мне расскажет про своих бабушку и дедушку. У дедушки был склад старых вещей, а бабушка носила парик, но не из-за набожности. У нее не было волос. Летом она сидела на скамеечке перед домом и когда становилось душно, снимала парик и обмахивалась им, как веером. Бабушка была очень скупая и строгая, она не хотела портить Надежду Моисеевну и поэтому дарила полезные вещи. Зато дедушка тайком совал ей пряники и кусочки шоколада Сиу. Рядом с бабушкиным домом была хибарка с соломенной крышей, на ней — на одной ноге — стоял аист. «У нас их называли черногузы, — говорит Надежда Моисеевна. — Я всегда вспоминаю местечко и этих черногузов».

Боже, чего б я только не дала, чтоб увидеть настоящего живого аиста на соломенной крыше! В нашей дачной комнате так тихо, что каждый звук становится громким. Я слышу, как Вова и Ланя ходят вокруг дома. Они, наверное, обсуждают опыты из журнала «Природа и люди». Ланя жалеет, что у него нет телескопа. Но Вова может различать созвездия простым глазом, ему не так необходим телескоп. Засыпаю с твердым решением встать на рассвете. Лучше всего было бы встретить восход солнца. Но когда я открываю глаза, уже поздно, все разбрелись по своим делам.

После завтрака предстоит урок ходьбы. Ноги у

меня стали подгибаться, мне кажется, что я на катке. Но это обыкновенный крашенный пол, который побелел от постоянной мойки. Надежда Моисеевна повторяет: главное, не волноваться, через неделю я буду бегать, как Уточкин. При чем здесь Уточкин? Вова говорит, что я скорее похожа на уточку, чем на Уточкина. Он меня дразнит, и я чувствую, что страшно поглупела: мне ничего не стоит резреветься. Чтоб меня развлечь, Вова рассказывает про девочку с пороком сердца. Ее зовут Валя. За ней по пятам ходит русская англичанка и трясет головой, когда к Вале подлезают мальчишки. Мать Вали известная артистка. Она носит безрукавку с двумя глубокими карманами и похожа на девочку, которая забыла вырасти. Теперь у меня есть цель: я хочу познакомиться с Валею. Ей не нужно утомляться, я буду говорить за двоих. Но к Вале меня не пустят, я выздоравливающая. Вспоминаю, как мамин доктор говорил «ищите силу в миске», и готова есть кашу Геркулес и пить какао с желтками, лишь бы познакомиться с Валею!

Вера Львовна приводит Арнольда. Она хочет, чтоб знакомство состоялось по всем правилам приличия. Мы уже не малютки. Арнольд настоящий верзила. Он старше меня на два года и выше на три головы. Арнольд сразу переходит на ты. Терпеть не могу, когда со мной фамильярничают. С Женей и Борей Гаевским я, конечно, на вы. Арнольд вытаскивает засаленные карты и предлагает сыграть в подкидного дурака. Мне не хочется. В таком случае он покажет мне фокус. Я никогда его не отгадаю. Но я сразу отгадываю, потому что год тому назад его показал у нас на кухне сын артиста. Он настоящий профессор черной и белой магии. Арнольду до него далеко. Я хочу, чтоб он поскорее ушел. Дружбы у меня с ним не получится,

зато я познакомлюсь с Валей, и мы будем говорить о театре.

Прежде всего надо окрепнуть. Но тогда Надежда Моисеевна уедет к себе на Малую Арнаутскую. Мне жалко с ней расстаться. Мы сблизились, и она хочет показать мне свои фотографии и гимназическую группу. У всех испуганный вид. Фотограф сказал: «Пожалуйста, барышни, не поправляйте причесок». И они застыли, как греческие статуи. У Надежды Моисеевны висит еще другая группа, снятая на фельдшерских курсах. Вообще, у нее много интересного. Чай она пьет из своего стакана с подстаканником. Она очень дорожит своими вещами. Мне это непонятно, я не привязываюсь к вещам, и у меня нет любимых стаканов и чашек. А у Вовы есть сокровища, с которыми он не расстанется. Он может истратить все до копейки, но не отдаст своих коробочек с серебряными пилюлями и старых иголок от выжигательного аппарата. У Кати тоже есть свои драгоценные поломанные куклы. Только я ничего не имею, если не считать салфеточки с незабудками. Это необыкновенная салфетка. Ее привезли из Вены, здесь таких нет.

В воскресенье приезжают гости. Льет дождь, и все таки они хотят ужинать на воздухе или на террасе, где тоже воздух. Он немного застоялся, но если потянуть за веревочку, с дикого винограда слетают крупные капли и становится прохладно. В такую погоду меня не выпускают из комнаты. Представляю себе, как ворчит Геня: столько людей понаехало, и все остались к ужину. У нее уже не хватает рук! На стол накрыла Матя. Она протирала каждую вилку и каждую ложку и рассматривала стаканы на свет. Матя очень аккуратная. Она все делает аккуратно: аккуратно ест, а спит, как заводная кукла. Меня до сих пор не удалось приучить к аккуратности, я за-

бываю чулки на одном стуле, а лифчик на другом. Мама сказала, что в Риге есть пансионы, где девочек приучают к аккуратности: оттуда выходят хорошие хозяйки и замечательные рукодельницы. Я умерла бы в пансионе, где надо делать вид, что веришь в аиста и в то, что взрослые всегда правы. В семье нашей мадамзель дети должны были сидеть с закрытым ртом. Вина им не полагалось, давали подкрашенную воду. Мадамзель находит, что это замечательно, но тогда она, наверное, пролила немало слез.

В разговоры взрослых я редко вмешиваюсь и по большей части пропускаю их мимо ушей. Но когда приходила жена доктора Ашевского, от меня нельзя было отделаться. Она знает необыкновенные истории о мужьях и женах, которые друг друга изменяют. «Понимаете, дорогая, он всю жизнь ее обманывал, а она кричит на всех перекрестках, какой он внимательный, какой любящий...» Докторша Ашевская приводила свою дочь, Полю, краснощекую злую девочку. Поля шлепала катиных кукол, не по-игрушечному, а как следует быть, и мы ее очень боялись. Теперь все ее истории я знаю наизусть: он ее обманывал, и она его обманывала и в общем, у них была идеальная семейная жизнь. То, что говорят родственники тоже не ново: тетя Ида жалуется на мужа Мальвины. Он хотел бы, чтоб родители убрались ко всем чертям. Но тетя Ида не желает убираться, она должна защищать свою дочь.

Надежда Моисеевна укладывает вещи. Она их перетряхивает и чистит, как будто вещи побывали на чердаке. Ей не хочется уезжать, но она мне больше не нужна. У меня теперь столько сил, что я могу кататься на гигантских шагах и на поляне кормить козу садовника. Она чуть не съела букет, который Вова должен был преподнести гимназистке с соседней дачи. У гимназистки дамский велосипед, он ничуть

не хуже мужского. Вова с ней заговорил, и она ему ответила, хотя они незнакомы. Надежда Моисеевна сказала, что ни разу в жизни не познакомилась на улице. А по-моему это не такой уж великий грех. Вова не собирается похитить гимназистку с ее дамским велосипедом. Кроме того, на даче знакомства разрешены. Там живут приличные люди. На нашей даче есть всего одна неприличная семья. Вова думает, что он агент какой-нибудь державы или попросту шпион — у него слишком много иностранных орденов. Каждый вечер шпион берет под руку свою жену в шляпе с плерезом, и они уезжают в город. А их дочь от первого брака важничает: у нее родители не такие, как у всех.

Выхожу на главную аллею. Через несколько минут появляется Валя с русской англичанкой. Они садятся на мою скамейку. Набираюсь храбрости и спрашиваю, не она ли дочь артистки? Валя довольна, что я с ней заговорила. Да, ее мама зимой играет в Петербурге и Москве, а иногда в большой провинции, как, например, Одесса. Мне обидно, что Валя называет Одессу провинцией, но я не хочу портить наше знакомство. Позже дам ей понять, что Одесса самый лучший город в России. Пока я рассказываю, что поступила в гимназию, и что у моего брата Вовы есть одноклассник, сын артиста. Валя знает такую фамилию, это антрепренер, он снимает театр, и валина мама играла у него в прошлом сезоне. Англичанке кажется, что я утомляю Валю. Она что-то говорит сквозь зубы. Валя начинает хныкать. Но англичанка тянет ее за рукав, и они уходят. Валя берет с меня слово, что я приду к ним на террасу. Она покажет мне свою коллекцию бабочек. С удовольствием пошла бы к ним сейчас же, но это не полагается. Англичанка может подумать, что я навязываюсь. А я и не думаю навязываться. Конечно, мне хотелось бы

поближе узнать Валу. Она из того мира, который делится на театральные сезоны.

Вова знает всякие закулисные истории, а я могу только догадываться. Валина мама серьезная, она была замужем за морским офицером и за присяжным поверенным с львиной гривой. Валя — дочь офицера. У других артистов жизнь более интересная, без квартир и прислуг. Они живут в меблированных комнатах. Представляю себе, что я дочь артистов, они каждый вечер уходят в театр, а я остаюсь в меблированных комнатах и мне страшно: за дверью коридор и полная неизвестность. Бог его знает, кто может войти. Недаром мне запрещено подходить к дверям. В меблированных комнатах пыльно и очень грязно. Пол метут только посередине, где мягкая мебель. Куда бы мы ни ехали, всюду меблированные комнаты!

У нас дома порядок, чистота, даже в темных углах не так темно, как у других. У меня золотое детство. Оно не совсем золотое, я слишком страдаю за других. Но когда удается забыть о страданиях, мне сразу становится весело. Золотое Детство... Все мимолетное должно быть золотым: золотая осень, золотые лучи, «золото, золото падает с неба...». Золотая библиотека, мои милые маленькие мужчины и женщины! Вова говорит, что я форменный талмудист: я умею все выворачивать наизнанку и доводить до полного абсурда. Хорошо, что не слышал дядя, он другого мнения о талмудистах, хотя и хочет, чтоб его сыновья стали докторами, и самый неспособный — зубным врачом или провизором. Это даст им правожительство. А правожительство очень важная штука. Отец ~~Вовиного~~ товарища, сына артиста, крестился, чтоб жить в Москве. Ему это неприятно, его собственный отец был бедным раввином и его все уважали. Он рассчитывает на то, что времена изменятся, и он будет снова по праздникам ходить в синагогу.

20.

Дома меня ждет Арнольд. Ему завидно, что у нас на клумбе резеда и анютины глазки. Перед их террасой кусты шиповника. Арнольд предлагает мне пойти на поляну. Я могу смотреть, как он катается на качелях. Вчера гигантские шаги сорвались с петли и один мальчик отлетел на целый аршин. Его мама кричала, что владелец дачи — моральный урод и негодяй. Ему наплевать, что веревка гнилая, ему нужно получить свои деньги и дело с концом. Я хочу отделаться от Арнольда, но он может подумать, что я задаюсь: у нас дом с клумбой, а у них кусты шиповника и общипанный куст жасмина. Меня спасает Вова. Арнольд стрелял из рогатки по дамскому велосипеду вдовинной гимназистки и Вова хотел его поколотить, а теперь он как ни в чем не бывало является к нам на террасу. Он говорит, что Арнольд похож на Плиша и Плюма из книги Вильгельма Буша.

Я стараюсь не критиковать вдовинных друзей, пусть думает, что они сливки общества. Когда-нибудь справедливость восторжествует и мои друзья, все без исключения, окажутся выдающимися личностями. Насчет Арнольда я с ним согласна. Ему лучше идти на поляну с Варей, дочкой управляющего. Это тихая кроткая девочка. Она готова смотреть, как другие забавляются. Варя еще при Вере Моисеевне начала

читать мне повесть Желиховской. Она водила пальцем по строчкам и вместо того, чтобы слушать, я смотрела на ее палец с обгрызанным ногтем. Меня поразило, что Варя летом и зимой живет на даче. Она будет ездить в гимназию на трамвае. Пока все предметы преподает ее собственная мама. Варя боится ее, как огня. Мне это непонятно. Я моей мамы совсем не боюсь. Мы, как две подруги. А у Вариной мамы нервный тик, и она требует, чтоб Варя учила уроки от сих до сих.

Веру Львовну я побаиваюсь, она читает нотации и всегда очень длинные. Из них следует, что я ленивая и безалаберная особа. Бог знает, к чему это может привести, если я не исправлюсь. Вера Львовна ошибается. Она не имеет понятия о том, что я живу двойной жизнью. В одной я девочка Надя, в другой — все, что душе угодно: девица Надежда Дурова, Евангелина из «Хижины дяди Тома», а иногда Агнеса, будущая жена Давида Копперфильда. Очень трудно быть собой, когда вокруг столько необыкновенного.

В конце концов любопытство берет верх, и я подхожу к ~~Валиному~~ дому. На террасе пусто. Видно, что отсюда только что ушли. Кто-то даже оставил недочитанную книгу. Через минуту появляется тоненькая женщина в кофте с двумя карманами. Она говорит: «Ах, новая подруга», — и жестом предлагает мне подойти ближе. Приближаюсь с осторожностью. Валина мама смеется: я не в зоологическом саду, мне нечего опасаться. Я не опасаюсь, но не могу же я сказать, что все это ненастоящее. Это подмости, как говорит сын артиста. В комнате, где Валя отдыхает, жалюзи спущены и на подоконнике ваза с красными розами, они сейчас должны опасть. На кровати несколько шалей. Одна из них тоже с розами. Валя просит меня рассказать про то, как я держала экза-

мен. Начинаю описывать начальницу, учителей, урок лепки. Больше всего я рассказываю о шоколаде Фишера, его продают на большой перемене. Вале хотелось бы знать, очень ли в гимназии строго. Объясняю, что у нас передовая гимназия, но там все-таки строго и можно вылететь из класса. Хуже всего, если вызывают к начальнице, и она начинает говорить о том, как была в ссылке и познакомилась с Короленко.

Потом я рассказываю про мою подругу Вассу и ее приемную мать. Лицо у Вали становится крохотным и нос начинает краснеть. Она очень нервная и все принимает близко к сердцу. Валя написала в «Задушевное слово». Она просит Чарскую сделать так, чтоб гордая княжна Джаваха не была одинока. Чарская ей ответила, и Валя держит письмо под подушкой. Ее мама получает много писем от поклонников таланта, но письмо Чарской важнее. Валя говорит, что ее маме двадцать пять лет, она страшно молодая и красивая. Она повторяет: «Да, двадцать пять! И в будущем году тоже будет двадцать пять!». Чтоб доставить удовольствие Вале, соглашаюсь, но мне неприятно, что моя мама старше. Валя обещает брать меня на утренники. Они сидят в артистической ложе и один раз Вале преподнесли коробку конфет. Валина мама, как тень, появляется в дверях. Я думаю, что пора уходить, но Валя меня удерживает. «Мама, мамочка, мы тут с Надей поспорили, скажи нам, что такое жизнь?». Валина мама поднимает глаза к потолку: «Жизнь это любовь! Несуществующая радость и бесконечные страдания...» Валя сконфужена, опять все веснушки выступили на ее носике: ее мама забыла, что мы еще дети и с нами не принято говорить о любви.

Валина мама обязательно хочет нас развлечь. Она кладет свои маленькие руки в большие карманы кофты и начинает: «Каменщик, каменщик в фартуке бе-

лом. Что ты здесь строишь, кому?..». Это революционные стихи, — говорит она, — я их читаю на вечерах в пользу студентов». Я могла бы сказать несколько слов о революции, но входит англичанка и валина мама от смущения начинает смеяться. Тогда англичанка переходит на русско-английский язык и нам — валиной маме и мне — очень стыдно.

На малофонтанской даче не так весело, как на Среднем Фонтане. Здесь все чужое, аристократическое. Нет магазина восточных сладостей, нет перса Абрама с его дынями и знаменитыми семечками. Правда, я тут в первый раз в жизни видела змею, но оказалось, что это обыкновенный уж. Варя принесет мне трехсотлетнюю черепаху. Она может укусить за палец, но Варя не боится. Варя и лягушек кладет в карман своего передника, они миленькие. Больше всего ей нравятся полевые мыши. Она круглый год на даче и привыкла к мышам. Варя сказала, что Арнольд хочет ее целовать и обещал плитку шоколада миньон, если она не побежит жаловаться.

Это невероятно. Арнольд — мальчишка, хотя у него пробиваются усики. Но мне не хочется говорить об Арнольде. Дома заметили, что я расстроена и уже собираются мерить температуру. У взрослых все измеряется градусником, им трудно понять, что я скучаю, мне недостает настоящих друзей. Ася обещала приехать на мой день рождения, но до него еще не так близко. В этом году в их лавочке не отпускают в кредит. Ася туда не ходит. У них на даче живет пианист, он играет с утра до вечера, и все жалуются. Пианисту наплевать: его учитель, гениальный Лешетицкий, повторял каждую музыкальную фразу по много десятков раз. Мадам Трейн не Лешетицкий, но и она без конца повторяет одно и то же. Мне как-то приснилась сонатина Шпиндлера, она была

старенькая и никогда не мыла голову, она протирала волосы одеколоном, как мадам Трейн.

Жалко, что Ася не может ходить в лавочку, она знала, где что лежит. Мы с ней ездили на линейке. По дороге подымалась туча пыли и тетя Ився говорила: «Боже мой, что за пыляка!..» На лимане живут те, кому нужна грязь. Их кладут в ящик, похожий на гроб, и покрывают лиманной грязью. Мне рассказывали, что некоторые оставляют на память свои костыли. Я знала мальчика на костылях, но он никому не собирался их оставлять, они были ему очень нужны. Боря Гаевский отрицает чудеса. Он все может объяснить — времена года, прилив и отлив, солнечное затмение... На кухне думают иначе: горничная Юзя верит в домового. У тех господ, где она жила до нас, был домовый. Мы живем в городе и ему некуда деться. Я знаю, что это предрассудок, но иногда на душе скребет. А что если ночью приоткроется дверь и тихими шагами войдет старушечка с торчащим зубом и белыми, как у шпионки, волосами. Если бы Боря пронюхал, какие у меня страхи, он бы меня презирал. Значит, об этом ни гу-гу, даже Асе ни слова.

Чтоб мы не отстали во французском языке, будет приезжать сестра мадмазель. Сама мадмазель уехала навестить бедную маман и двух кузин, очень древних. Сестра мадмазель должна работать для своей семьи. Она постоянно вяжет или штопает детские чулки. Кроме того, я каждый день играю ровно полчаса на нашем старом пианино. Настроить его почти невозможно. Настройщик делает это только из любви. Вова говорит, что некоторые ноты не отвечают. Мне безразлично, с меня хватит. Матя терпеливо сидит у пианино и время от времени поправляет мою руку. Самое главное, постановка руки. Если постановка правильная, можно делать какие угодно

успехи. У Вовы природная техника, и он не обращает внимания на постановку. А моей рукой восхищается мадам Трейн, а толку никакого. Не понимаю, почему меня так настойчиво учат музыке? Я не виновата, что тысячу лет тому назад существовала пианистка Софья Ментор. Но сколько я не доказывала маме, что Софьей Ментор не стану, она не соглашалась: «Ну пусть не Софья Ментор, но музыка необходима для общего развития». При чем же тут ганоны? Меня они раздражают. Особенно когда из соседней комнаты кричат: «До диез мажор!». Хорошо, что Хейфец не будет приезжать на дачу, а то не было бы никакой природы, одни учителя.

Предстоит торжество: дочка шпионов от первого брака устраивает костюмированный бал. Мы с Вовой приглашены. Сначала нас не хотели пускать, но потом решили, что это не может иметь дурного влияния. От одного раза ничего не случится. Вова прицепил к своей куртке огромные эполеты. Он — мексиканский генерал. Усы ловко намалеваны углем, вид у него генеральский. Я все в том же костюме стрекозы, он немного истрепался, но его подправили. Нас встречает дочка шпионов в довольно странном платье красного цвета: она испанка. Арнольд в своем обычном костюме. Из-за переэкзаменовок родители не хотят его баловать. Валя придет на короткое время. У нее костюм подснежника из костюмерной мастерской, где шьют артистам. Гостей встречает шпион. Он в роскошном летнем костюме с орденами. Всех девочек он целует. Меня он прижал к своему животу, поцеловать ему не удалось. Вову он называет «месье». Вова присматривается к его орденам, он не верит, что они настоящие. По всей вероятности, шпион их сам сфабриковал. Жена шпиона в платье с треном, оно то лиловое, то фиолетовое. Нас приглашают на террасу, где накрыт длинный стол. Уго-

щения не так много, зато тарелочек сколько угодно. Такого количества я еще не видела.

У каждого прибора по две вилки и по два ножа, но Арнольд берет пирожное в кулак и громко ест. Крем стекает по его рукаву. Вообще, за столом многие ведут себя развязно. У нас все гораздо спокойнее, хотя у моего папы нет никаких орденов. Пирожные исчезли с молниеносной быстротой, и мы переходим на площадку перед домом, где качаются бумажные фонарики. Будут танцы. Аккомпанирует жена шпиона, она играет польку Штрауса и при этом подпрыгивает и вместе с ней подпрыгивают бумажные фонарики. Вова очень доволен, он встретил здесь свою велосипедную знакомую, и они обмениваются впечатлениями. Мне скучно с незнакомыми детьми, я стесняюсь. Они критически осматривают мой костюм, как будто они его уже видели. И откуда взялась костюмированная мода? По-моему платье гармония и лакированные туфли лучше, чем фальшивая испанка и даже подснежник из костюмерной мастерской.

Шпион хочет знать, танцевала ли я с взрослыми мужчинами? Я ему говорю, что танцевала с одним артистом. Тогда он кладет руку на то место, где должна быть талия, и начинает меня вертеть, как неодушевленный предмет. Я предпочла бы, чтоб он вертел велосипедистку, но он не отпускает. Не понимаю, чем я ему понравилась? Мне он совсем не нравится, он похож на Даниного папу. Спрашиваю, не был ли он начальником станции? Он невероятно обижен, как я могла подумать такое: он почетный консул Никарагуа, Гондураса, Парагвая и Урагуа. Он там не был, но может в любой момент поехать и его встретят с царскими почестями. Вова делает мне знаки, ему не нравится, что я так долго разговариваю со шпионом. Наконец объявляют перерыв: дочка шпионов будет декламировать перевод с французского.

Это стихотворение про двух девочек, они играют в дам, приехавших с визитом.

За одну даму она говорит тоненьким голосом, за другую почти что басом. После разговора дам, она декламирует по-французски и по-немецки. Вова успевает мне сказать, что ему надоела эта ученая обезьяна. Если б он знал, ни за что не пошел бы! Я думаю, он преувеличивает. Ему очень весело с велосипедной девочкой. Она задумчиво на него смотрит, потом оба не могут себя сдержать и начинают фыркать. В это время дочка шпионов декламирует «Перчатку». Все на них оборачиваются и мне страшно. А вдруг шпион устроит скандал, попросит разойтись по домам. Но все обходится благополучно, мы снова танцуем под музыку хозяйки. В панино какие-то стекляшки, и они вот-вот разобьются на тысячу осколков. Теперь я танцую с высоким мальчиком, его отец — доктор по неприличным болезням. Они венерические и мне это название очень нравится. Высокий мальчик говорит, что его папа — хирург. Он думает, что лучше быть хирургом, чем врачом по венерическим. Почему Венера — хорошо, а венерический плохо? На такой вопрос я тоже не получу ответа.

После высокого мальчика я танцую с кадетом. Он учится в Кадетском корпусе. Этот корпус я видела, когда мы ехали на Средний Фонтан. Кадет намекает на то, что обыкновенно он с маленькими девочками не танцует, но готов сделать для меня исключение. Он сам не так уж велик. У него волосы ежиком и просвечивающиеся уши. Веснушек у него столько же, сколько у высокого мальчика. Но у него они коричневые, а у сына доктора — красные и расплывчатые. От обоих пахнет мылом для стирки. Я надушилась маминым цветочным одеколоном и распространяю благоухание. Все вокруг меня в цвету. Дочка шпионов

надушена еще больше, чем я. Она говорит, что это «Источник любви» фирмы Ралле.

После танцев «бочка счастья». Я вытягиваю зеркальце, на нем написано Одоль, а Вова — чернильницу с крышкой. Есть другие выигрыши: плюшевая собачка, карты, не настоящие, а кукольные, разные коробочки, рамочки, рюмочки, все очень маленькое. Как видно, они любят маленькие вещицы. А я предпочитаю вещи большие и тяжелые. Может быть потому, что я неловкая и мне их трудней опрокинуть. Карты выиграл Арнольд и сейчас же подарил их Варя, дочке управляющего. Жена шпиона не удержалась: подарки не передаривают. А бедная Варя густо покраснела и чуть не расплакалась. Она отдает, ей не нужно карт, она не играет в карты... Варя пугливая, она всего боится. Я предложила ей обмен: я дам зеркальце с Одолем, а она пусть даст мне за это карты. Я подарю их Вале, она ушла раньше всех и ничего не выиграла. Вале не хотелось домой, у нее был самый красивый костюм, и все подходили, чтоб пощупать материю. Скоро на подснежнике появились следы от пальцев. Чтоб доставить мне удовольствие, Валя сказала, что ей нравится мой костюм стрекозы. Но мне это неважно, я ношу его не в первый раз и уже привыкла к нему.

Фонари вдруг замигали, один фонарик загорелся, и все стали прощаться. Вова пошел провожать велосипедную девочку, а я чуть не заблудилась на главной аллее. Больше всего я боюсь летучих мышей. Если летучая мышь вцепится мне в волосы, я умру от страха. Никогда я так не радовалась, что я у себя, как в тот вечер. Мама и папа сидели на террасе, самовар потух, и они тихо разговаривали. Возле своего прибора я увидела целую тарелку вареников с вишнями, они плавали в море вишневого сока. А у шпионов было много танцев и мало угощения. Но нельзя хо-

дить в гости и потом критиковать, как делает мадам Ашевская. Она перечисляет все, чем ее угощали. Иногда это так вкусно, что хочется бежать на кухню, к Гене, там всегда есть яблочные оладьи или в крайнем случае, творожники. Геня недовольна, у нас гостеприимный дом: угощают всех, кто ни придет. К другим ходят на званые обеды, а у нас все обеды званые. Из родственников ей нравится только вознесенский дедушка. Геня перед ним благоговеет. Она хотела бы посоветоваться с дедушкой относительно службы, но не решается, мирские дела не для него.

21.

Скоро мы поедем на свадьбу дяди Семы. Мне и Кате шьют одинаковые платья: белые в розовых цветочках. С нами будет Матя, она всегда с нами. А дядя придет прямо из Николаева. Он устроил свадьбу и гордится этим. Я боюсь, что Сема не будет счастлив. Он не умеет быть счастливым, у него скрытный характер. Я даже не знаю, любит ли он кого-нибудь. Он целует нас, когда приезжает и когда уезжает. В остальное время он не очень ласков с нами. Мама говорит, что это от застенчивости. Она надеется, что жена сумеет его расшевелить.

Постепенно знакоюсь со всеми дачниками. С утра к нам приходит катина подруга, Анечка. У нее волосы почти что синие и Анечка прехорошенькая. «Здравствуйте, — говорит Анечка, — вот ваша любимица пришла». Она и Катя играют в скакалку. Они прыгают, и Анечка громко считает. Катя не может за ней поспеть. Ей неприятно, но мама ее успокаивает: Анечка на два месяца старше. После Анечки приходит Ювин знакомый, ученик коммерческого училища Гохмана. Его зовут: Бобик. Перед вечером Бобик переодевается, у него необыкновенные туфли из лимонного шевро. Бобик хотел бы носить белые гетры, но ему не разрешили, и гетры он надевает, когда за три версты никого не видно. У Гохмана од-

ного ученика выгнали за то, что он носил гетры. Воле гетры не нравятся, это моветон. Но туфли лимонного цвета ему бы хотелось иметь. Он сказал мне, что обрабатывает папу и есть надежда, что туфли будут. У меня тоже есть желания, но они странные и мне неловко в них признаться. Мне хочется энциклопедию, как у Бори Гаевского, а потом я мечтаю о шляпе без резинки под подбородком. Резинка быстро растягивается. Через неделю на ней узелок, а затем много-много узелков, и это очень некрасиво.

У Аси шляпа с пером, ее привезли из Тироля. Такие шляпы носят в горных деревнях. В Одессе надо носить шляпы с большими полями. Наше солнце любую кожу превратит в старую подошву. Но я решила не интересоваться модами. Пусть шьют матросские платья, которые я ненавижу, и покупают шляпы с синей лентой, я ничего не скажу. А Вова хочет конкурировать с Бобиком. Он так долго говорил о том, что его парусиновая куртка превратилась в тряпку, что ему заказали летнюю форму, самую модную. Когда близнецы узнают, что появился какой-то Бобик, они будут рычать. Но близнецов нет, они в Крыму, а сын артиста уехал с театром. Поэтому Вова делает Бобика своим временным другом. «Это летняя дружба, — говорит Вова, — в городе она кончится».

Пока они не расстанутся. Воле нравится, что у Бобика есть знакомые студенты, они берут его на ловлю бычков. Вова рассчитывает, что они его тоже возьмут с собой, и он покажет им некоторые штучки, которым он научился у большефонтанских моряков. Вова специалист по морским делам и всегда предсказывает погоду. Мы сидим на поляне возле кучи старого хвороста. Сбоку кусты шиповника и крапива. Это очень опасный угол. Скоро меня позовут, а я хотела бы досидеть до девяти часов. Еще почти светло, но на краю неба появляется тоненький серп луны. Тогда

Вова поднимает голову, как будто ждал этого момента и говорит: «Луна стоит, моряк лежит...» — «Луна лежит, моряк стоит», — вмешивается Бобик, он тоже знаток погоды, но до Вовы ему далеко.

Кроме погоды, их интересует театр. Они ставят пьесу «Черная графиня». Спектакль будет на даче у велосипедной девочки, она играет черную графиню. Пьесу я видела у Вовы и сразу выучила эту роль. Но меня, конечно, не возьмут. Я не подхожу ни по росту, ни по фигуре и никто не поверит, что я живу в замке и занимаюсь черной и белой магией. Главным образом, черной. В пьесе об этом ничего не сказано, это мое предположение. У велосипедной девочки как будто бы огромный талант. Ее сравнивают со всеми покойными артистками. Под предлогом репетиций Вова ходит к ней каждый Божий день. К нему присоседился Бобик, но он на вторых ролях. Один раз на репетиции Вова поцеловал велосипедную девочку и вдруг в дверях появился ее брат и стал кричать: «Безобразия, распущенность!..» Вова сказал ему, что он напрасно орет, как сумасшедший: они целуются по пьесе. Но брат не унимался. Там будет видно. Сначала он ознакомится с текстом, а потом решит, как поступить. Может быть, он сорвет спектакль.

Вова взволнован, он совещается с Бобиком и меня просят уйти. Обижаюсь и ухожу к моей летней подруге, Вале. Она лежит в шезлонге. Над ней зонтик, чтоб не слишком припекало. Валя интересуется свадьбой дяди Семы. Она была на свадьбе в церкви и там над головой держали венцы. Я сказала ей, что у нас венчаются дома или в синагоге, это наша церковь. Валя хотела бы знать, как живут другие дети. У нее до сих пор не было знакомых детей. Вале нравится, что к нам приходят родственники и за стол садится не меньше десяти человек. К ним никто не приходит. Мама ее в театре или отдыхает. Валя тоже

должна отдыхать. В их доме всегда ходят на цыпочках и делают испуганное лицо, если какая-нибудь вещь падает на пол. «Тише, вы разбудите маму», — говорит русская англичанка. Несмотря на это, я встретила у Вали артиста, который играл Чацкого. Он был с нами так вежлив, что я чуть не расплакалась. Артист говорил, что мы очаровательные молодые девицы, а иногда называл нас прелестными барышнями. Я видела, что он над нами подсмеивается, но мне, все-таки, было приятно. Я заглянула в другую, взрослую жизнь, где все меня будут называть «прелестной барышней».

Вовин спектакль отложили, мы должны ехать в Святотроицкое на свадьбу. Я уже два раза была с мамой в городе, один раз на извозчике. Мы примеряли платье. Спереди мадам Рабинович нашла кружево. У Кати тоже кружево, но более узкое. Мадам Рабинович довольна своей работой: мы получим столько комплиментов, сколько никто еще не получал. То же самое говорит ее мастерица, Сима. Булавки она держит во рту. Если б я взяла булавку в рот, со всех сторон стали бы кричать, что сейчас я проглочу ее и мне придется делать операцию. Самое опасное — проглотить иголку. Она путешествует по всему телу, а потом попадает в сердце, прокалывает его, и человек умирает. Но Сима и Фрида привыкли к булавкам. «Это их хлеб», — говорит мадам Рабинович. Вове, конечно, купили лимонные туфли, и он безумно горд. На свадьбе он будет первым человеком и распорядителем. У него есть распорядительский значок.

На вокзал мы приезжаем за час до отхода поезда. Папа приглашает нас в буфет. Там серебряные вазы в три этажа и на них пирожные и фрукты. Все очень аппетитно. Рядом за столиком господин ест борщ и ругает лакея. Он говорит, что на станции Раздельная

борщ гораздо лучше. По-моему он неправ: борщ мадиновый и в нем плавают горы сметаны. Нам борщ не предлагают, мы будем пить чай с пирожными наполеон. Вова говорит, что Наполеон никогда их не ел. Поэтому он хочет, чтоб ему заказали пирожок с мясом и два пирожка с капустой. Появляется вокзальный швейцар. Он кричит таким зычным голосом, что вся посуда начинает дрожать и мне кажется, что я еду. Но до отхода поезда еще далеко. Я волнуюсь. А что, если переменят расписание и поезд уйдет раньше, чем полагается... Слава Богу, мы на перроне. Пар валит клубами, но очень светло от вокзальных фонарей, которые горят днем. Когда после двух-трех толчков наш поезд тихо отходит, я от усталости не нахожу себе места.

С нами едет сестра невесты Ньюни с мужем и сыном, моим ровесником и, может быть, моим будущим женихом. Как ровесника я готова его принять, но как жених он мне не подходит, он одного роста со мной и носит очки. Мы должны доехать до узловой станции, а оттуда лошадьми до местечка. Ночевать мы будем на станции, где всего одна гостиница. Других гостиниц нет. В поезде тесно. Вова стоит в коридоре, у окна. Он может часами смотреть в окно вагона. Я тоже могу смотреть часами, но все окна заняты. Чтоб убить время, мы едим завернутые бутерброды, и бумажки бросаем под скамейку. Приходит кондуктор в красивой форме. Только что он поймал зайца. Это безбилетный пассажир, у него нет денег на билет. Я прошу маму, чтоб она сказала кондуктору, что я хочу заплатить за билет, у меня семьдесят пять копеек и один бумажный рубль. Но зайца уже высадили на первой остановке.

Вова уступает мне место у окна, но видит, что я расстроена. Почему-то мы останавливаемся в пути и ждем встречного поезда. Все таинственно и не-

обычно. Ровеснику в глаз попадает уголек из паровоза, и пассажиры дают ему советы: надо приподнять верхнее веко и натянуть его на нижнее, хорошо еще прополоскать глаз. Если нет глазной ванночки, можно просто в стакане. Бедный ровесник снял очки, глаз его налит кровью, и он чуть не плачет. Плакать по-настоящему он не решается, он должен крепиться, как это делают мальчишки ровного возраста. Наконец, его маме кончиком чистого носового платка удается вытащить уголек. Но теперь начинают приставать ко мне. Я должна отойти от окна, а не то я засорю глаз.

Приезжаем на узловую станцию. Там светло, как днем. Бегут носильщики, у каждого бляха с номером. А вокзальный швейцар похож на полицмейстера. Он важный и толстый. Глаза у меня слипаются, но я все-таки вижу водокачку и бак с кипятком. Некоторые пассажиры набирают его в медные чайники. В вагоне они будут пить чай в прикуску и почему-то приговаривать: «Чай пить не дрова рубить». Хотя дрова тут не при чем. Мне показывают вокзальный садик и дом, где живет начальник станции. Из-за Лани я сердита на начальников станции. Может быть и этот имеет своего Ланю, который спит на стульях. До гостиницы близко, но меня буквально волокут: я сплю на ходу. Хозяин просит нас зайти на минутку в столовую, где пахнет нафталином и несвежим воздухом. Он предлагает нам закусить: есть перловый суп с грибами, есть уточка и курочка и шницель по-венски. От одного перечисления блюд мне становится нехорошо. Засыпаю в большой кровати под очень тяжелым одеялом. И сквозь сон слышу, как пыхтит паровоз и трещат кузнечики.

Нас будят на рассвете. Все спешат. Папа ровесника обжигается чаем. Он съел два бублика с маслом. Бублики висят на самоварных ручках, а яйца варятся

в том же самоваре. Катя недовольна: в здешнем молоке много пенек. Не успеешь их сдуть, как они опять нарастают. Хозяин с аккуратно расчесанной бородой усаживает нас в фаятоны. Он говорит, что хорошо ехать по холодку. Солнце еще как следует быть не взошло. В первый раз я вижу дорогу в утреннем тумане. Проезжаем мимо низенькой хаты, она почти вросла в землю. У колодца баба с двумя ведрами. Я хотела бы остановиться, но мы недавно выехали и кучер ни за что не остановится. «Будет еще много хат, — утешает меня Вова. — Ты не должна так увлекаться». А мне хочется посмотреть на настоящую деревню. Я уже была в Клейн-Либентале и в Люстдорфе, но это колонии с немецкими колонистами и у них мебель из красного дерева.

Вова протягивает руку и прямо с места срывает несколько полевых маков и две ромашки. Маки тут же осыпаются. Тогда мы начинаем гадать по лепесткам ромашки. «Любит, не любит, плюнет, поцелует...» — говорит Вова. У меня гадание более интересное. Оно начинается: «Выйти замуж за юриста, учителя, артиста и кончается — с бароном повенчаться, в девушках остаться». Выходит, что я выйду замуж за барона, а на Вову плюнут. Он недоволен, что мы затеяли это дурацкое гадание. Дорога все хуже и хуже. Коричневая грязь похожа на застывшую лаву из старого учебника географии. Когда мы проезжаем, оказывается, что нас здорово растрясло. Но уже двенадцатый час и всех зовут к столу. Мы живем у отца невесты. У него самый красивый дом в местечке. Он стоит в густом саду. Там есть даже беседка с вьющимся виноградом, как на даче. Дедушка — почетный гость, он тоже в этом красивом доме. Сестра невесты с мужем и моим ровесником живут рядом, у близких родственников, но они все время с нами.

Ровесник чувствует себя здесь, как дома. Это его дедушка и сад тоже его. Он мне покажет бывшую оранжерею. Теперь в ней только несколько горшков с колючими растениями. Мы выходим на главную дорожку и вдруг я начинаю пятиться. Я вижу на песке что-то серенькое, серенький комочек. Крылья распростерты и от этого еще страшнее. «Мертвая ласточка, — говорит ровесник. — Я видел много мертвых ласточек». Я думаю, он врет. Я ни одной не видела. Это печальнее, чем я могла себе представить. Мертвая ласточка... С тех пор, когда я хожу по узким садовым дорожкам, мне всегда кажется, что увижу мертвую ласточку. Но ровесник не дает мне подумать о ласточке. Он видел музыкантов, они разучивают модный вальс. Я буду с ним танцевать. Но он не умеет танцевать, он не был в группе, где учат танцам. Я боюсь, что он будет топтаться на месте, как маленький ребенок, и предлагаю ему здесь, на аллее, прорепетировать. Ровесник не согласен. Он не верит в мои учительские способности. Но я уже придерживаю с двух сторон матросскую юбочку и начинаю: «Раз, два, три, четыре, пять, шесть... Раз, два, три, четыре, пять, шесть...»

Убедить его мне не удастся. Напрасно я рассказываю, как мы танцуем у Эльзуни и как это важно для уменя держать себя в обществе. Ровесник начинает дуться: ему не нужен дурак Кулачев и его танцы. Вступаюсь за Кулачева, хотя не уверена, что он, действительно, умен. Мы могли бы всерьез поссориться, но меня зовут в дом. Скоро свадьба. Сама невеста в растрепанных чувствах. Она вспомнила, — у нее нет матери, она сирота и с утра рыдает. Ее умоляют не плакать: невеста должна быть красавицей. Все невесты красавицы, даже самые безобразные. Потом, когда снимают фату, они становятся самыми обыкновенными девицами, прыщавыми или красно-

щеками. Покойную мать должна заменить тетка из Елизаветграда. У нее длинная фамилия, и она гордится этим. Мужа она зовет по фамилии и постоянно его за чем-нибудь посылает: то она забыла ключи, то ей стало холодно и надо принести ее испанскую шаль, то ей жарко... У нее миллион желаний. Сегодня она важная персона и всеми командует. Мы не должны заходить к невесте. Бедное дитя так расстроено. Вова говорит, что дитя уже не так молодо, и если б не подвернулся такой теленок, как наш дядя Сема, Бог знает, чем бы это кончилось.

Мы все в свадебных туалетах, а Вова в новой форме и в лимонных туфлях. Рядом с ним брат невесты кажется подделкой под молодого человека. Книзу он сильно расширяется и известная часть тела у него, как у дам на Среднем Фонтане. Брат невесты ведет дела отца, он все время что-то записывает в книги в коленкорových переплетах. Одна очень тяжелая. Я не удержалась и спросила, на что она нужна. Он ответил, что это не моего ума дело. Книга называется гресбух, и она для специалистов. Я отлично знаю, что такое бухгалтерские книги. Мне объяснил папин бухгалтер с черной бородой. Все называют его: Миша, и он считается своим человеком. У нас много своих людей, они вроде родственников, и с ними вечно что-нибудь случается.

22.

Но когда же, наконец, венчание, после которого мы пойдем в балаган, не ярмарочный, а свадебный? Это огромный шатер, там смело можно давать представления. Нюнин отец созвал всех родных и знакомых и в доме не хватило бы места. Мне нравится, что свадьба в балагане. Но никто из моих друзей не поверит, что мы танцевали в большой парусиной палатке. Венчание было вроде тех, что я уже видела. Под балдахином стало заметно, что Нюня выше жениха на целую голову. Она была бы ничего себе, но ее глаза смотрят в разные стороны. Вова сказал, что один глаз у нее красный от слез, а другой — сияет от счастья. Потом нам было совестно, что мы ее раскритиковали. Она с такой любовью прижала меня к своей груди, что я сама чуть не расплакалась. Пусть Матя говорит, что она плоская, как гладильная доска, что у нее нет бюста, меня это не трогает. Я хотела бы, чтобы ее второй глаз тоже засиял.

Дядя Сема немного взволнован, у него на скулах два красных пятнышка. Он сказал все, что предполагается, а после только целовался, пожимал руки и за что-то благодарил. Мы вышли из дому и тоненькой цепочкой потянулись к балагану. За нами бежали босоногие мальчишки и все собаки местечка. Из балагана уже доносились звуки музыки, но это был не

вальс, а незнакомая мелодия: сначала заунывная, а затем бурная, от нее ноги сами начинают плясать. Когда вошли невеста с женихом, музыканты заиграли туш. Стало очень весело. Все улыбались, шутили, красные пятнышки на скулах у дяди Семы становились все круглее, а невеста совсем зарделась. Ее отец в своем новом сюртуке имел вид заграничного банкира. Он вел под руку тетку, заменяющую мать, и она громко всхлипывала в крохотный носовой платок. Ничего, мне еще Геня сказала, что без слез не бывает приличной еврейской свадьбы. На ее свадьбе никто не плакал и получилось, что она не жена и не разводка.

В балагане тесно от гостей и от музыки. На почетном месте бабушка в чудном шелковом платке, она оставляет уши открытыми. Она дожила до самого счастливого дня: выдает замуж свою единственную внучку. Бабушка живет во флигеле. Мы с ровесником собираемся к ней в гости. Он говорит, что бабушка будет угощать нас миндальными печеньями, твердыми, как камень, рожками... Когда-то я их очень любила, а теперь боюсь есть. Близнецы сказали, что в какой-то стране, они не знают сами, в какой, этим кормят ослов. Бабушка не ест ни рожков, ни миндальных печений, у нее нет зубов. Каждый день из главной кухни ей приносят куриный супчик, он варится в ее собственной кастрюльке. Бабушка уверена, что он дает ей силы.

На нюниной свадьбе непрерывно жуют. Вова приписывает это деревенскому воздуху. Приподняли угол шатра и запахло парным молоком и прибитой пылью. Это и есть деревенский воздух. Все было бы хорошо, но ровесника и меня все время подзывают родственники. Они говорят, что мы жених и невеста. Слава Богу, в Одессе об этом никто не знает, а то бы нам пели: «Жених и веста, тити-тили-теста, Неве-

ста без места, жених без ума...» Притворяюсь, что у меня болит колено, и я не могу танцевать. Ровесник расстроен. У него нет другой дамы, кроме меня. Мне становится не по себе, и я танцую с ним польку. Это простой и легкий танец. Не нужно никакой плавности, можно подпрыгивать сколько душе угодно.

После вальсов и польки все берутся за руки и приглашают нюнину бабушку войти в круг. Для вида она отнекивается, но потом уже по собственному почину выходит на середину круга. В руке у нее платочек, он побольше теткиного. Она держит его высоко над головой. Бабушка начинает кружиться. Она поднимает глаза к небу, но неба нет, вместо него потолок балагана. Нюнин отец в восторге: «Посмотрите на нашу старушку, она заткнет за пояс всех молодых!». Никто с ним не спорит и бабушка продолжает молодеть. Вот она кивнула головой и в круг вступила еще старушка, они танцуют одна перед другой. У старушки много нижних юбок, они потрескивают и шуршат, зато у бабушки серьги, каких нет ни у кого на свадьбе. Они оттянули ей ухо, но она к этому привыкла. Когда-нибудь серьги достанутся Нюне, и она будет танцевать в них на свадьбе у своей внучки.

Как жалко, что у меня нет бабушек. Если б мама была жива, сегодня она танцевала бы на свадьбе у своего сына. Мне никогда не надоедает слушать рассказы о том, какой она была матерью. Когда родился Вова, моя мама была страшно больна. Улицу посыпали соломой, и Вову куда-то убрали, чтоб он не мешал своим криком. По всем комнатам сидели родственники, а в кабинете совещались доктора. Мама говорит, что не было надежды на спасение. И тогда бабушка накинула на себя платок и как была в холодную дождливую ночь кинулась на старое еврейское кладбище, на могилу своего отца.

Нюнина бабушка в конце концов сдается. Она устала, пускай танцуют те, кто помоложе. Она садится на прежнее место за главным столом, где скатерть так туго накрахмалена, что в ней отражаются канделябры. Мы, ровесник и я, тоже за этим столом, но в самом конце. Ровесник опрокинул рюмку с липким красным вином и его соседи стараются не замечать, как пятно растет. Вовы не видно. Он и сыновья помещика каждый раз исчезают. Они как-будто проваливаются сквозь землю. Ровесник говорит, что они пошли покурить. Когда они возвращаются на свои места, лица у них зеленые, как после поездки на «Тургенев».

Сыновья помещика в форме, но она менее нарядная, чем у Вовы. Они влюбились в его лимонные туфли и не могут понять, откуда берутся такие длинные носы. Вова объясняет им, что это последняя одесская мода, она на целый год опередила парижскую. Конечно, в Балте, в Голте и тому подобных городах об этом еще не слышали. Вова говорит об Одессе, как о незнакомом нам городе. Нюнин брат часто бывает в Одессе, но Вова убил его тем, что без запинки перечисляет все вывески — от Малой-Арнаутской до Дерибасовской. Нюнин брат начинает задавать каверзные вопросы: а знает ли Вова, что было когда-то на месте Одессы. Вова знает: турецкая деревня Хаджи-бей. Вова знает все, он может такое рассказать про одесские катакомбы, после чего Нюнин брат будет бояться приезжать в Одессу. Во время разговоров они поглощают невероятные порции яблочного штруделя и шоколадного торта с тройной начинкой. Становится очень жарко от еды, от освещения, от танцев. Тетка, заменяющая мать, сказала на ухо одной дальней родственнице, что она мечтает о том, чтоб расшнуровать корсет. Родственница тоже мечтает об этом. Все кости проклятого корсета вреза-

лись ей в бока и живот. Мне все равно. Я вспоминаю, как Вова доказывал Мате, что в древней Греции не носили корсетов. И что это варварство и насилие над природой. С Борей Гаевским я на эту неприличную тему говорить не могу.

Ровесник предлагает мне пройтись. Мы пользуемся тем, что нас оставили в покое и тихонько выскальзываем из балагана. На улице совсем не пустынно, как мне хотелось бы. Вокруг много любопытных. Некоторые смотрят в щелочки на жидивьскую свадьбу. Они говорят: «жидивьска свадьба». Там музыка, а здесь эти чужие люди — девки, парни, белоголовые дети. Мне горько и неприятно. Лучше вернемся в балаган. Ровесник совсем не испуган: они ничего плохого не думают. Но я с ним несогласна. Пусть он сам гуляет, я вернусь за мой стол. Нюнин отец уже послал за нами своего слугу. Его называют тетя-Мотя, он похож на старую женщину. Тетя-Мотя ни на шаг не отходит от своего хозяина, в этом вся его работа. Он просит нас вернуться в балаган: дедушка сердится. Он не может понять, что это за прогулки. Кто гуляет? Коровы гуляют. Приличные дети сидят дома или прохаживаются с родителями по главной улице. Ровесник говорит, что его папа и мама не спорят с дедушкой, его не переспоришь. Он первый богач в местечке и привык, чтоб его слушались. Боря Гаевский сказал о таких стариках, что они изрекают азбучные истины. Боря не видел нюниного отца, он не изрекает, а говорит медленным и глуховатым голосом. Ответа он не ждет. В его вопросе есть уже ответ.

Я ищу Матю. Она сидит теперь рядом с Нюниным братом, и он собирается за ней ухаживать. Матю не интересуют провинциальные молодые люди, но она кокетка и поэтому смотрит на него с милой улыбкой. Глаза ее широко раскрыты, как у парижской куклы, которую только что вынули из картонки. Нюнин брат

очарован. Он специально приедет в Одессу, чтоб с ней повидаться и пригласить ее в оперу. Но Матя говорит, что опера — пережиток. Кроме Вагнера и русских опер, она признает только Кармен. Нюнин брат растерян. Он думал, что нет ничего замечательней оперы. Я хочу ему сказать, что у него ровно никаких шансов, но удерживаюсь, меня это не касается. У ровесника тоже мало шансов. Я ему на это намекнула. Боря Гаевский считает, что в отношениях надо всегда быть честным и принципиальным. А мне иногда хочется быть чуточку нечестной, чтоб не сделать другому больно. Принципиальной я еще не могу быть, у меня нет твердых принципов, надо ждать, по крайней мере, два года. Я не такой феномен, как Боря Гаевский, он мог бы поучать своих родителей, если б они ему позволили. У моей подруги Аси есть кой-какие принципы, они касаются семьи. Она считает, что выше всего семья. А я, что самое высокое — это справедливость. Вова говорит, что абсолютной справедливости не бывает. За нее надо бороться. Когда Вова хочет бороться, он поет Варшавянку: «...Но мы поднимем гордо и смело Знамя борьбы за рабочее дело...» Мне смешно, Вова не революционер и поет просто так, чтоб показать, что он презирает установившийся порядок.

Свадьба продолжается. Дым ест глаза и страшно клонит ко сну. Но спать никто не гонит. Я могу сидеть сколько угодно и слушать разговоры нескольких дам. Они раскраснелись и обмахиваются различными веерами. У одной веер из страусовых перьев. Он слишком большой и от него пышет жаром. Другая дама играет своим веером в маленьких блестках, а двоюродная тетка обмахивается обыкновенным пальмовым листом. У меня тоже веер, он из мелких костяшек, похожих на слоновую кость. Они нанизаны на шелковую веревочку. Если веревочка порвется,

веер погибнет. Поэтому я не обмахиваюсь. Я слушаю, как тетка с пальмовым листом рассказывает страусовому вееру, что ее сын первый ученик и что ее дочь первая ученица. Эти чудные, любящие дети доставляют своим родителям одну только радость. У страусового веера сын тоже первый ученик. О нем говорит весь город. Я не знала, что бывает столько первых учеников. Вова учится блестяще, но у него есть фантазия: иногда он первый, иногда последний, например, по чистописанию и рисованию. А Боря Гаевский презирает первых учеников. Лучше быть камчадалом, то-есть сидеть на последней парте. Но появляется мама ровесника и говорит, что нам пора уходить.

Не помню, как меня увели. Я заснула над тарелкой и проснулась от какого-то толчка. Рядом стоял высокий мужчина. Мне показалось, что это папа. В моем сне он смеялся и тогда я сказала: «Папа, я не сплю, я притворяюсь». Но это был не мой папа, а ровесника. Мне стало так стыдно, что я решила лежать с закрытыми глазами. В большом доме было тихо. Взрослые веселились на свадьбе. Нас охранял тетя-Мотя. Он оказался очень разговорчивым: у него есть внучка, точно такая, как я. Он обязательно приведет ее. Но мы уезжаем, и я боюсь, что не успею познакомиться с внучкой. Утром у нас страшная суматоха. По лестнице бегают две девушки с кувшинами. И ту и другую зовут Фрося. Это имя им подходит: они толстенные и у обеих вывороченные губы. Нас не отпускают. Свадьба в полном разгаре. Мы должны пробыть еще два дня. Даже дядя Сема упрямивает нас остаться, обычно он молчит и кажется, что ему все на свете безразлично. Матя говорит, что он любит нашу семью. До сих пор я этого не замечала. Он смотрел на нас так, как будто недавно узнал о нашем существовании.

Вечером будет бал, а пока я могу с ровесником и

внучкой тети-Моти играть в саду возле беседки. Внучка очень застенчивая. Она все время говорит «мерси», хотя благодарить не за что. Ровесник обходится с ней совсем не по-рыцарски. Он заявил, что внучка может посидеть в беседке. Он ее позовет, когда нужно будет. Но тут я обижаюсь и тоже иду в беседку. Там пыльно и много комаров. Один комар особенно несносен. Мы садимся на скамейку, под ней прошлогодние листья. Я спрашиваю внучку, была ли она в Одессе? Да, она была со своим дедушкой, и они жили в гостинице на Екатерининской улице. Ровесник недоволен, что мы уединились. Он скажет, чтоб больше к нам внучек не приводили. Я прихожу в ярость. Если он посмеет на нее пожаловаться, я прекращаю с ним всякое знакомство. Он буржуй и черносотенец из прачешных Союза Русского Народа, как граф Коновницын. Ровесник пугается: он вовсе не Коновницын, ему наплевать на богатых. Но больше всех пугается внучка. Ей неприятно, что из-за нее такие споры. Со мной ей неинтересно. Я не знаю никого из их местечка, а она была в Одессе только три дня и не помнит даже, где памятник Дюка. Обещаю показать ей кондитерскую Исаевича со скидкой для учащихся. Мы пойдем с мадамзель на Николаевский бульвар, там знаменитый Давингоф. Он в шапке, похожей на поварскую и когда он дирижирует, вокруг стоят толпы. Внучка еще раз говорит «мерси» и уходит с тетей-Мотей во флигель.

Ровесник предлагает мне посмотреть на каланчу. В местечке есть каланча и пожарная команда с настоящим пожарным шлангом, чтоб тушить пожары. Но пожара нам видеть не удалось. Ровесник сказал, что это не их сезон, они бывают немного позже. Он ведет меня к пруду, где плавают утки. На берегу стоит гусак и хлопает крыльями. «Это его жены», говорит ровесник. Пруд не такой, как на лимане. Зато

на площади есть старые деревья, почти такие же, как в Хаджибейском парке. Их посадили при Хмельницком. Я читала в одной исторической книжке, что был такой батяка Богдан Хмельницкий, герой и славный казак, а старики в местечке считают, что он был погромщиком. Трудно разобраться, кем он был на самом деле. Спрошу Борю Гаевского, он все знает.

Вовы не видно. Он с сыновьями помещика исследует окрестности. Они выехали на велосипедах и один из сыновей успел уже порвать новые диагональные брюки. Починить их невозможно. Но откуда возьмутся другие брюки? Отец его жалуется, что год неурожайный. У него все годы неурожайные, и он боится, что дети его разденут и пустят по миру. Матя с Ньюниным братом сидят в саду под деревом. Она держит на коленях книжку с вышитой закладкой. Закладка на семнадцатой странице. Когда мы уезжали из Одессы, она была на том же месте. Матя, наверно, забыла ее переложить.

С тех пор, как Матя перестала интересоваться революцией, ей хочется жить красиво. Больше всего она боится прослыть бедной провинциалкой. Она просит, чтоб при ее знакомых говорили только о Париже или о Петербурге. Ньюнин брат потрясен ее столичностью. Он хочет доказать, что и он не так уж прост: он был со своим папой в Карлсбаде и по дороге они заехали в Вену. «Этот галстук, — говорит брат и поправляет галстук в синих горошках, — мы купили в Вене на главной улице». Мате нечем похвастать, на ней ничего заграничного, и она становится немного более благосклонной.

Ухожу в дом, где на каждом шагу родственники. Мне особенно понравилась ньюнина кухня, у нее малюсенькие глазки, а лицо как будто вырублено из дерева. Вова говорит, что Господь Бог над ней не очень потрудился. «Тяп-ляп и готово!». Но кухня

не унывает. Ей кажется, что она премированная красавица. Она все время смеется и от смеха дрожат и прыгают все ее бородавки. У нее очень красивый муж, он похож на римлянина из учебника древней истории. Непонятно, почему у них столько детей и у всех насморк. Остальных родственников я знаю, они приходят к нам на годовщину свадьбы и на дни рождения.

Наступает срок отъезда. Мы садимся в такие же огромные фазтоны, в каких приехали. Все выходят на крыльцо. Тетка, заменяющая мать, машет кружевным платочком и повторяет: «Дорогие, дорогие...» Она желает нам счастливой дороги. Мы скоро увидимся, она собирается в Одессу. Вова говорит, что он как-нибудь переживет эту разлуку, но никто не подхватывает его слов.

Дедушкин дом скрылся за поворотом. Мы выезжаем на большую дорогу и через минуту пыль начинает проникать в глаза, в уши, щекочет горло. Я не обращаю на это внимания. У меня закружилась голова и хочется, чтоб все длилось долго-долго, до самой Одессы. Оказывается, пахнут кукурузные поля. До сих пор я видела сухую кукурузу, похожую на мелкий янтарь. Или пшонки, их продают на улице. Как я завидовала детям, которые ели пшонку из большого самовара. Они впивались в нее и громко чавкали. Нам не позволяют чавкать: это признак невоспитанности. Но насколько уличная пшонка должна быть вкуснее нашей, завернутой в салфетки.

Кучер сам с собой разговаривает. Он боится, что мы опоздаем на поезд, и дедушка будет недоволен. «Надо было пораньше выехать», — обращается он к средней, рыжей лошади. И та в ответ машет хвостом. Вова говорит, что она отгоняет мух. Он хорошо знаком с лошадиными нравами. У него была лошадь до тех пор, пока он не въехал в ворота завода и чуть не пробил их своим лбом. Запах кукурузных полей на-

чинает ослабевать, вместо этого пахнет угаром и паровозной копотью. Уже видна станция, станционные дома и паровозы то исчезают, то появляются. Вова сказал, что они маневрируют. Господи, что бы я делала, если б не было Вовы, с ним не пропадешь. Он умеет так повернуть, как будто всю жизнь занимался паровозами и лошадьми. Вера Львовна пускается в рассуждения о том, что у меня нет никакой логики и, следовательно, мои вопросы нелогичны.

Сейчас меня это мало трогает, я гимназистка и по каждому предмету у меня будут другие учителя. Может быть нам зададут сочинение на тему «Как я ехала по железной дороге». Тогда я расскажу про железнодорожного зайца и обер-кондуктора, похожего на генерала. Но мы еще не сели в поезд. Мы стоим на платформе возле нашего багажа. Иначе его могут утащить. Я слышала столько рассказов про железнодорожных воров, что могла бы написать книгу. У них пальто с необыкновенными карманами, где помещается целый чемодан. Узнать их можно по элегантности. Они одеты по последней моде и как только входят в купе, сейчас же предлагают доверчивому пассажиру папиросу из золотого портсигара. После второй или третьей папиросы пассажира начинает клонить ко сну, и тут вор бесшумно и ловко делает свое дело, а потом выходит на ближайшей станции с заграничным чемоданом и несесером из сафьяновой кожи. Никому не может придти в голову, что бледный молодой человек в черном пальто с перепонкой и есть тот самый железнодорожный вор, которого разыскивают полиции всего мира. Всва говорит, что я читалась Натом Пинкертоном и мне всюду мерещатся преступники в шапокляках. Он сам заразил меня любовью к выпускам в кровавой обложке, а теперь от них отрекается.

За то время, что мы стоим на платформе и ждем

носильщика номер семь, я успеваю пережить два или три железнодорожных ограбления. Наш носильщик не спешит. Он советует пойти в буфет. Там знаменитые бутерброды. Но мы устали от еды. Даже Катя с огорчением выплюнула тянушку: она больше не может, ей слишком сладко. Она ходит по платформе и считает товарные вагоны, где написано «сорок человек и восемь лошадей». Ей хотелось бы знать, едут люди вместе с лошадьми или отдельно? На станции очень весело. Все толкутся, кричат. Мне не верится, что мы когда-нибудь попадем в Одессу и я увижу своих друзей. Вова смеется: это не настоящее путешествие, я не успею чихнуть, как мы будем в Одессе. Ему все равно, он успел уже познакомиться с мальчиком в круглых очках. У мальчика красные глаза, он альбинос. Это везение: альбиносы большая редкость. Я не знаю ни одной альбиноски. Правда, одна из мастериц мадам Рабинович почти альбиноска, у нее белые ресницы и брови, а лицо молочного цвета. И, все-таки, это не то. У Вовы самые разнообразные знакомые, можно подумать, что он их коллекционирует. Есть даже черный мальчик, его отец негр, а мать англичанка. Но мальчик говорит по-русски, как мы с Вовой, он одессит.

В поезде жарко. Все хотят стоять в коридоре. Наконец, устраиваюсь в каком-то углу и начинаю прислушиваться к шуму колес. Они равномерно вдыхают и выдыхают, как на гимнастике. Под их вдох и выдох придумываю целые строчки. А потом мне надоедает, и я просто повторяю: будем дома, скоро, скоро; скоро, скоро, будем дома. Но это еще не так скоро. Уже зажгли железнодорожные свечи, а мы все еще не приехали. Мне нравятся эти свечи, они толстые и очень медленно оплывают. Среди вовиных сокровищ есть такая свеча, ее подарил Андрокардато. Меня начинает укачивать. Я вижу много свечей, они не тают,

а наоборот — растут, и одна стала такой огромной, что сейчас пробьет крышу вагона. Мне это снится, я знаю, что это сон, но от него почему-то становится жарко и скучно. Я слышу, как мама говорит, что детей не следовало брать на свадьбу и тут я сразу просыпаюсь от жгучей обиды: как это мы могли не быть на свадьбе? Я уже была на других свадьбах и ничего со мной не случилось. Дядя Сема без нас не захотел бы жениться. Я в этом уверена. И, вообще, полагаются, чтоб на свадьбе были племянники и племянницы. Вова меня не поддерживает. Он взрослый и может присутствовать на всех семейных торжествах.

Домой мы попадаем очень поздно, в десять часов вечера. Лают собаки, все собаки с соседних дач. У калитки стоят двое. При виде нас они пугаются и уходят в темноту. Вова говорит, что мы их спугнули. Это влюбленные. Обычно они прячутся по темным уголкам или гуляют в аллее любви. У нас им приходится уходить в самый конец дачи. Возле уборных есть такая аллея, там ветки тесно сплетаются и всегда, в самый яркий солнечный день, полутемно. Вове это место не подходит. Он не хочет гулять возле деревянных домиков, где для проветривания вырезаны сердечки. Он ухаживает на поляне при лунном свете или у фонтана, как Дмитрий Самозванец.

23.

Нас ждали. Окна закрыты и в комнатах прохладно и немного сыро. Стол на террасе ломится от пирогов с разной начинкой. Геня думает, что мы приехали из голодного края. Она не верит в чужие обеды и ужины. Когда Вова ей сказал, что во Франции был какой-то замечательный повар, она даже не обратила на это внимания: «Подумаешь, Франция! Если б они поели мою рыбу и мои балабушки, они забыли бы, что такое Франция». Мне предлагают сразу же пойти спать, но я выспалась в вагоне и теперь мне нужно найти кого-нибудь, чтоб делиться впечатлениями. Но меня не слушают, они тоже были на свадьбе и видели все своими глазами.

Тогда я иду к Мате. Она распаковывает вещи. Платья она уже развесила, теперь она кладет белье на самое дно комодика. Остальные ящики не открываются. Чтоб расположить Матю, начинаю с того, что восхищаюсь ее новым платьем из органди. Потом перехожу на Юниного брата. Матя о нем и слышать не хочет: это местечковый приказчик, он на поводу у своего отца. А дядя сказал, что его папаша это ого-го, только держись. Пальца в рот ему класть не следует. Я несогласна с дядей. По-моему это очень милый старик. Больше всего мне нравятся его ковровые туфли. Перед нашим отъездом он обещал сделать мне

подарок. Он долго упрашивал, и я из вежливости отказывалась, а потом сказала ему, но так, чтоб это осталось между нами, что я хотела бы иметь собственный шкаф для книг, со стеклянной дверцей и полками. Или полное собрание сочинений какого-нибудь классика. Услышав про шкаф и классика, Мюнин папа начал морщиться. Он думал, что речь будет идти о кукольном сервизе и о книжке для детей среднего возраста.

Матя говорит, что на свадьбе не было непосредственного веселья. Радовалась одна невеста, а жених был чем-то удручен. Мате всюду мерещатся драмы и любовные трагедии. Все должны приносить себя в жертву, иначе она не видит человеческих отношений. Вова сказал, что она вовсе не героиня и мечтает о семейном очаге, но ей неловко, она хотела бы, чтоб мы считали ее жертвой обстоятельств. Недаром Мате так понравилась тетка, заменяющая мать: она способна жертвовать собой. Мне быстро надоедают матины рассуждения. Лучше подожду Надежду Моисеевну, и мы с ней поговорим, как во время моей болезни.

На ее кушетке сейчас лежит мое новое платье с кружевом. Я в нем танцевала, ходила гулять и даже обедала. Это заметно: спереди большое коричневое пятно. Оно было совсем маленькое, но я стала тереть его мокрым полотенцем, и пятно все росло и расплывалось. Не понимаю, откуда берутся пятна? Я старалась есть, как меня учила мадамзель. Она говорит, что так ели примерные девочки контесс де Сегюр. Кроме того, они все время благодарили. Не просто буркали «мерси», как делаю я, а благодарили подробно, по-настоящему и при этом еще целовали руку у старших, что само по себе нелепость. Боря Гаевский считает, что нет ничего ограниченнее «ле петит фий модель». Но на свадьбе Боре Гаевского не было, и я старалась им подражать и даже отставляла мизинец.

Выходило очень элегантно. Вова отнесся к этому как-то странно. Он спросил, не собираюсь ли я поступить в Институт благородных девиц?

В Институт я поступать не собираюсь, но мне все-таки обидно. Неужели я должна быть самой неловкой из всех моих подруг? Меня и так дразнят, что я не умею вышивать крестиком. Мне хотелось бы штопать чулки, это гораздо важнее. Чулок натягивают на деревянный гриб, и дырка из маленькой становится огромной. Тогда ее начинают штопать, и она все сильнее растягивается. В Институт я не могу поступить еще потому, что у меня обыкновенная детская талия, а у институток она осиная или в рюмочку. Когда я ложусь в свою постель со скользкими и холодными простынями, мне сразу становится легче. Как хорошо быть у себя дома, а не в дортуаре, куда каждую минуту может войти дежурная надзирательница со связкой ключей. Ключи болтаются: дзинь, дзинь... Дзинь, но это комар, он пробрался через все ставни и занавески. Один комар может перекричать всех лягушек. Один комар, сто, пятьсот комаров... Они гудят над самым ухом, но я все-таки засыпаю и моя последняя мысль о том, как бы в комнату не влетела летучая мышь.

Утром меня поднимает горячий свет, который пробивается через полинявшие жалюзи. Надо скорей начать дачный обход. Валя, наверное, ждет, чтоб я ей рассказала про свадьбу. Но оказывается она опять больна. Бедная Валя, ей должно быть скучно в комнате, где столько шалей с цветами. Она не узнает, как мы ехали мимо кукурузных полей и как тетя-Мотя показывал мне мануфактурный магазин братьев Малкиных. Мне самой не верится, что я гуляла по широкой пыльной площади. На базар меня не пустили, там много цыган. А Вова был и говорит, что за всю свою жизнь не видел такого количества кур и

столько яиц. Но во дворе у Ионинного отца достаточно своих кур. В погребе у него крынки с молоком и сметаной. Их столько, что нужно пробираться с осторожностью, а не то еще опрокинешь глиняный кувшин. Пахнет кислым молоком и сметаной. Зимой погреб набивают снегом и снег посыпают соломой, чтоб он не таял. Это лучше, чем наши городские ледники. Никто не кричит: — Барыня, лед принесли! Из-за болезни Вали буду делиться с дочкой управляющего, Варей. Она уже терпеливо ждет у чайного стола. Не знаю, что со мной случилось, сегодня я пью так медленно, как Адя Немирова. От хлеба с маслом чай стал темным и жирным. Но я решила выдержать это испытание до конца. Варя смотрит на меня, как на невиданного зверя. У них в семье так не пьют. Ее мама тянет чай с блюдечка, а перед отцом сразу ставят пять стаканов горячего чая, и он проглатывает их один за другим.

Масло, наконец, растворилось, и я перестаю быть Адей Немировой. Мы выходим на площадку. Там скамейка и очень удобно секретничать. Варя рассказывает, что у шпионов был званый обед. Пришел старенький генерал с соседней дачи. Был один настоящий француз, он говорил по-немецки. На сладкое дали пломбир, его обыкновенно дают на свадьбах. Тогда я говорю Варе, что на свадьбе у дяди Семы были разные пломбиры, а все индейки и гуси были в бумажных гофрированных штанишках. На этом настаивала тетка, заменяющая мать. Мы танцевали до самого утра. Не я, но остальные. Варю больше всего интересует бабушка в платочке. Если б она знала, какие у нее замечательные уши, они похожи на раковину, которая долгое время лежала на солнце. Но Варе нравятся бабушкины серьги и шелковое платье. Ровесник сказал, что бабушка держит это платье под тремя замками и вынимает его только на свадьбы и

на Пасху. У нее есть другое шелковое платье, его она носит по субботам. В остальные дни — она в шерстяном.

Все, что касается бабушек, приводит Варю в восторг. Своих бабушек она не знала, зато у нее есть крестная, очень важная и скупая. Она дарит перчатки из разноцветной шерсти и теплые чулки. Крестная говорит, что детей не следует баловать, а то вырастут стриженные нигилистки. Варя хотела бы знать, что такое нигилистка. Бедняжка, ей так хочется задавать вопросы. Но ее отец получил патриархальное воспитание и считает, что дети должны сидеть тихо и не дышать. Я боюсь, что Варяны родители не позволят ей со мной встречаться. Во мне нет ничего патриархального и я не боюсь стать стриженной нигилисткой. Я сразу же узнала, что такое нигилистка, мне объяснил Вова. В общем, нечто вроде революционерки. Вова привез на дачу голубого Некрасова, и я зачитываюсь «Русскими женщинами». Они наперекор всему пошли в добровольное изгнание. Спрашиваю себя, могла ли бы я пожертвовать собой ради любимого человека? Ответить на это трудно. Любовь, из-за которой все бросают, приходит не раньше, чем в шестнадцать лет. Обещаю Варю, что когда-нибудь прочту ей разговор княгини Волконской с губернатором. Она горит от нетерпения. Дома она никому не скажет, иначе ее припрут к стенке и может быть даже. — Варя понижает голос, — высекут. Ее патриархальный отец верит в телесные наказания.

Я рада, что приехала Надежда Моисеевна. Когда Варя говорит о своей семье, мне становится душно. Как будто сразу закрыли все окна и двери. Надежда Моисеевна расфрантилась. Прежде, когда она за мной ухаживала, она носила платья, похожие на институтские. А сегодня она вся в клеточку. Даже шляпа у нее в клеточку. Волосы взбиты, и она просто красавица.

Начинаю думать, что сын доктора дал маху. Если б он по-настоящему настаивал, Надежда Моисеевна согласилась бы стать его женой. А теперь она против брачных уз. Надежда Моисеевна посвятила жизнь своей дорогой мамочке. Мне кажется, что она непрочь разделить судьбу одинокого холостяка. Такой холостяк имеется, но уже много лет подряд на его письменном столе стоит портрет девицы в большой шляпе. Это вымышленная невеста. Надежда Моисеевна не верит в ее существование. Она слышала, что другая, замужняя дама, крутит с ним роман.

Как роман крутят, я еще не знаю. Но мне представляется, что роман — не то, что в книгах, это гораздо глубже и поэтичнее. Я не говорю о романе Вовы с велосипедной девочкой, он кончится после начала занятий. Надежда Моисеевна приехала вовремя. Сегодня спектакль. Знаменитая «Черная графиня», все-таки, будет разыграна. Вова подзубрил свою роль и теперь он ходит по террасе в пелерине из темно-серой непромокаемой материи, ее привезли с курорта, и она называется: лоден. Он играет роль злодея-соблазнителя. В конце концов под влиянием своей любви он преобразится, а Черная графиня окажется не такой черной, как это выглядело в первом акте.

Вовин летний товарищ, Бобик, играет роль второго соблазнителя и тоже женится на прекрасной и чистой девушке, подруге графини. Все кончается как нельзя лучше. Слава Богу, Вова знает, что это чушь. Такие девушки бывают только в пьесах, поставленных дачными любителями. Надежда Моисеевна заинтригована. Она спрашивает, в каком ряду наши места. Я говорю, что рядов нет. Кто раньше придет, тот будет сидеть на лучшем месте. Тогда Надежда Моисеевна начинает меня торопить, она боится, что займут все хорошие места. Конечно, спектакль для детей, но ей хочется посмотреть на что способна те-

перешняя молодежь. В этом году меня не тянет на сцену. Я мечтаю о журнале. Вова сказал, что там будут цветные иллюстрации и обложка! Сперва надо переехать в город. Здесь нет никаких приспособлений и ни одного писчебумажного магазина. Но я совсем не огорчена. Я, вообще, решила не огорчаться.

На дачу, где сегодня спектакль, мы идем через маленькую боковую калитку. Она с трудом открывается и после этого в земле глубокая борозда. Все уже в сборе. Семейство шпионов выделяется среди остальной публики. Их дочь участвует в пьесе и она делает вид, что все держится на ней. За всю свою жизнь Вова не встречал такой надоедливой особы. Пьесу я знаю наизусть и поэтому с особым интересом рассматриваю наших соседей. Впереди сидит Арнольд. Он шаркает ногами, как в иллюзионе, когда рвется лента. Он находит, что пора начинать. Вера Львовна у них больше не живет. Она разошлась с родителями Арнольда по вопросу о воспитании. Кроме того, они ей не заплатили за месяц. И даже обиделись, когда она напомнила. Отец Арнольда сказал, что он не привык, чтоб ему напоминали. Все это произошло за время нашего отсутствия. Теперь Арнольд окончательно разленился и по целым дням торчит на поляне.

Занавес раздвигается. Я боюсь, что веревка вот-вот оборвется. Но все сходит благополучно. Лучше всех играет Вова. Он соблазняет так убедительно, как будто всегда этим занимался. Велосипедная девочка чувствует себя не очень хорошо. Ее длинная юбка закручивается и бьет по ногам. По правде говоря, она играет почти как в театре: вместо того, чтоб выдыхать воздух, она его вдыхает. Из-за этого Надежде Моисеевне вспомнился ее первый дебют. К пьесе она относится восторженно. Ей нравится даже Бобик в гетрах. Второму соблазнителю полагаются белые

гетры. Меня он не мог бы соблазнить, он слишком смешной. Когда я сказала это Вова, он рассердился. Да, Бобик довольно развязен, но он не так плох, как мне кажется. Я не спорю и тут же уступаю ему Бобика и велосипедную девочку.

В антракте все идут в буфет. Он платный и устроен с благотворительной целью. Шпион хочет угостить меня, но я говорю, что я не одна, а с дамой и показываю на Надежду Моисеевну. Тогда шпион круто поворачивается и уходит на пружинных ногах. Я обязательно хочу угостить Надежду Моисеевну, у меня есть деньги, двадцать копеек. Надежда Моисеевна отказывается, но я настаиваю. Наконец, она осторожно берет с блюда самое маленькое пирожное. Я беру самое большое, цены ведь одинаковые и я не понимаю, почему она так деликатничает. После антракта я хотела бы пойти домой, но мне неловко, я должна досидеть до конца.

Во втором акте Вова в цилиндре и в пелерине. Предполагается, что под пелериной фрак. Я довольна, что Вова всех надул, никакого фрака нет, под пелериной обыкновенная ученическая куртка. Сын артиста говорит, что не все умеют носить фрак. А я думаю, что делать вид, будто его носишь, еще труднее. Если Хейфец станет дипломатом, ему тоже придется носить фрак. Боюсь, что он с этим не справится. Становится темно. Сцена освещена самодельным прожектором, а мы в полном мраке. Я вижу, как Арнольд обнимает спинку стула, на котором сидит девочка в мариинской форме. Она не смеет пошевелиться: Арнольд может подумать, что она отвечает на его ухаживания. Ей, верно, хочется хоть на минутку откинуться на спинку своего стула, но она боится. Мой стул еще никто не обнимал. Если б Арнольд посмел это сделать, я убежала бы, у него скользкие руки, как у Урии Гипа.

Занавес падает, то-есть его затягивают с двух сторон. Артистам долго аплодируют. Я тоже кричу «браво, бис!». Шпионы вызывают свою дочь, а я вызываю Вову. Некоторые вызывают велосипедную девочку. Поднимется дикий шум, и я рада, что начинают отодвигать стулья и оттаскивать скамейки. Спектакль кончился. Будет еще дивертисмент, но это не так важно. Вова в публике. Надежда Моисеевна говорит, что он похож на Орленева и на Горелова, на обоих вместе. Она довольна, что попала на спектакль. Дивертисмент ее тоже очень интересует, особенно выступление Бобика и Вовы. Они сочинили куплеты про всех малофонтанских жителей и собираются их петь под аккомпанемент балалайки.

На балалайке играет Бобик. Он обрывает струну, как куплетист из кафешантана. Вова уверен, что он мог бы выступать на открытой сцене в театре Трезвости. Есть такой сад и театр, куда детям нельзя ходить, потому что там ужасная публика. Я обязательно хочу пойти, может быть меня возьмет Юзя. Вова был один раз, тайком, и видел французскую борьбу, но его любимые борцы вблизи показались ему мясными тушами. Сейчас Вова готовится к выступлению и уже выпил в благотворительном буфете целую бутылку сидра. На Надежду Моисеевну и на меня он не обращает внимания, он окружен чужими людьми, и они делают ему комплименты. Но всех просят занять места. Наши бывшие места заняты, и мы пересаживаемся в последний ряд. Передо мной дама в шляпе с невероятно длинными шпильками. Когда она наклоняет голову, мне страшно. А что, если она нас заколет!

Выходит дочка шпиона и начинает читать «Стрекозу и муравья» наоборот: «Сострыгунья-попрыга цело летое пропела, успенуться не оглела, как зима глазит в ката...» Некоторые думают, что она так чи-

тает от волнения. Но я говорю Надежде Моисеевне, что это пародия из нового Чтеца-декламатора. Ей не нравятся пародии, она любит настоящие стихи. Прошу ее громко не критиковать. Шпионы сидят недалеко от нас и у них тонкий слух. Надежда Моисеевна не понимает, почему я называю их шпионами. Это ведь тайна, ее никто не должен знать. Перед выходом Вовы и Бобика я начинаю ерзать: мне хочется, чтоб все поскорее кончилось. Вова и Бобик в обыкновенных ученических штанах, но вместо курток они надели рубашки, вышитые крестиком. Их вышивала мама Бобика, это ее успокаивает, а ей по предписанию врача необходимо успокоиться. Рубашки на выпуск и подпоясаны красным шелковым шнуром.

Вова и Бобик стоят не рядом, а вполоборота. Они как будто всю жизнь выступали вместе. Вова выводит тоненьким голосом:

У богини, нашей Веры,
Дома целый тарарам:
Кавалеры, кавалеры,
Кавалеры тут и там.

Бобик подхватывает:

На лугу стоит корова,
В поле слышен птичий свист —
Всех девиц пленяет Вова,
Гордый велосипедист.

Остальное в том же роде. Я знаю эти куплеты. Они их сочиняли у нас на веранде. Я присочинила несколько строчек, но они притворились, что не замечают. Потом они их вставили от себя. Стишок про Веру мне не нравится. Она вовсе не богиня. У нее вздернутый носик, а не греческий нос без переносицы. Вообще, она слишком непоседливая: у богинь больше важности и чего-то неземного. Велосипедная Вера совсем земная. Ее родителям, кажется, не понравилось,

что Вова пел про кавалеров, но они это смазали. Надежда Моисеевна слышала, как Верина мама сказала другой дачной маме: «Ах, эти дети, они не имеют ни малейшего понятия о любви!». Она ошибается, но чужие мамы часто ошибаются. У них неправильное представление о любви. Они считают, что в эту область дети не должны вторгаться. От таких старомодных рассуждений Вова просто вне себя. Он мог бы прочесть трактат о любви, но тогда его выгонят из реального училища.

После куплетов, где фигурирует Валина мама, дочка шпионов и мой бывший партнер из кадетского корпуса, представление окончено. Все довольны. Благотворительный буфет наторговал кучу пятаков и гривенников и есть даже несколько полтинников. Один окажется фальшивым. Вова жалеет, что не было папы и мамы. Я обещаю рассказать им про спектакль — со всеми подробностями. Тогда Вова говорит, что насчет подробностей они обеспечены. Он прав, у меня все начинается с мелочей. Потом я вижу целое. Надежда Моисеевна тоже будет рассказывать. Но она слишком восторженная. У нее все дивные, изумительные, гениальные. Вова назвал ее истеричной старой девой. Это сильно преувеличено, она еще не окончательная старая дева, я верю в холостяка: он одумается и сделает ей предложение.

Дома тихо. Все спят. На террасе одна свеча в стеклянном колпаке и вокруг нее мохнатые большие бабочки. Я рада, что это мой дом. Мне неприятно было бы родиться в семье велосипедной девочки или у шпионов. Пришлось бы всю жизнь что-то из себя изображать. А я терпеть не могу фальшивых семей. Еще во времена Зиновия Матя задавала вопрос Вове, мне и даже катинной бонне, Людмиле: «Что лучше: быть или казаться?» Все ответили: «Быть!». В Вовином классе преследуют каждого, кто рисуетя и де-

лает вид, что он особенный. В нашем доме все честно и без фокусов. А у Аси за буфетом я увидела грязные рубашки и полотенца. Эти рубашки меня испугали: в Асином доме какой-то непорядок.

Мы с Надеждой Моисеевной раздеваемся почти бесшумно, чтоб никого не разбудить. Она не понимает, почему не пришли мои папа и мама и почему ралина мама не удостоила спектакль своим присутствием. Говорю ей, что Валя больна, а у моего папы головные боли: он лечится у врача с большой практикой. Кроме того, все знакомые дают ему советы. Когда я вижу его усталое лицо, мне хочется плакать. Но этого я ей не скажу, это семейная тайна. На следующее утро Надежда Моисеевна долго возится со своей прической. Она вынимает из мешка цвета экру разные шпильки и гребешечки. Кружок из черного пластыря наклеивается на прыщик, чтоб все было, как у придворных красавиц. Надежда Моисеевна привезла немного миндальных отрубей. От них кожа становится бархатной. Она берет мой палец и проводит им по своей щеке. Но бархата я не чувствую, щека мягкая с маленькими впадинами. Надежда Моисеевна восхищена своей кожей, а мне нравятся ее глаза, в них золотые точки. Я думаю, что они похожи на глаза ее дрессированного кота.

Нас ждут. Вова съел уже с полдюжины зеленых огурчиков и столько же кусков хлеба с маслом и качкавалом. Этот сыр покупают для дедушки, в нем ничего коровьего. Вова хочет, чтоб мы рассказали об его успехе, ему неудобно себя расхваливать. Он говорит о спектакле. «Пьеса, конечно, пустяковая, но разыграна она была, как у Багрова или Никулина, ничуть не хуже». Оказывается, велосипедная девочка может заткнуть за пояс валину маму и других инженерю. Я не знаю, это такое инженерю, но всех она за пояс не заткнет, она слишком костлявая. Надежда

Моисеевна переводит разговор на Вову: ему аплодировали громче, чем всем остальным. Она хочет уверить папу и маму, что Вова мог бы сделать сценическую карьеру, как Орленев и братья Адельгейм. Но они почему-то не в восторге. Появляется Бобик. Он всем подает руку, даже мне. Обыкновенно он здоровается небрежным кивком головы. Бобик сияет. Как видно он вообразил себя настоящим куплетистом открытой сцены и знаменитым балалаечником.

Бобик очень честолюбив и не терпит критики. Дома его считают гениальным. Он груб с родителями, особенно с матерью, и один раз сказал ей: «Не приставай!» Мне показалось это диким, невысказанным, и я убеждала Вову порвать с ним. Но Вова говорил, что во всем виновата мама Бобика, она поощряет его на каждом шагу: это бесценный ребенок, другого Бобика днем с огнем не сыщешь! А отец сидит по целым дням у Фанкони. Домой он приезжает поздно и сразу заваливается спать. По воскресеньям он играет в карты с другими экспортерами и у него нет времени воспитывать Бобика. Я рада, что зимой Вова не будет с ним дружить. Близнецы ему пишут, что они решили устроить кружок для самообразования и просят Вову прочесть доклад. Я все время думаю о нашем журнале. Только бы гимназия не помешала моему сотрудничеству. Недавно Вера Львовна принесла мне русскую историю для детей среднего возраста. Она советует обратить внимание на то, как призывали варягов. Но я уже давно знаю варягов и крещение Руси и Бориса Годунова. Про него мне рассказал сын артиста. Его Борис Годунов не совсем такой, как у Пушкина, но это неважно. Я знаю и про освобождение крестьян. История меня не пугает, я боюсь арифметических задач и рукоделия. Вообще я не собираюсь быть первой ученицей, в них что-то противное. Они должны день и ночь думать о том, что они первые.

Боря Гаевский считает, что они «цирлих-манирлих». Я никогда не стану благовоспитанной. Асе иногда хочется быть «цирлих-манирлих», но она боится потерять мое уважение.

24.

Ася должна приехать на мой день рождения. Я не хочу ни фонариков, ни бенгальского огня, ни шутих. У меня новое желание — ранец. Мне нужен ранец, настоящий, как у мальчиков. Мама меня отговаривает, она мне купит сумку, самую лучшую. Но мне хочется носить ранец. Васса мне уши прожужжала своим ранцем. Внутри он черный, а снаружи рыжий, вроде мехового. С таким ранцем я сразу почувствую себя ученицей. Мама призывает на помощь Матю и та говорит, что ранец — это неженственно. Матя помешалась на женственности. А мне совсем не улыбается быть женственной. Это признак слабости. Я хочу быть волевой натурой, как Боря Гаевский. Матя не сдается. Она судит по себе. Ее идеал канаусовая нижняя юбка с большим воланом. Герасим сказал ей, что она ласково шуршит. Моя нижняя юбка трещит, потому что прачка Оля любит крахмалить белье. Матя часто говорит о том, что в ее доме я встречу человека, который составит счастье моей жизни. Я надеюсь, что встречу его в другом месте, например, на берегу моря лунной ночью. А может быть, он вынесет меня на руках из горящего дома.

Меньше всего мне хотелось бы встретить его у Мати. У нее дома будет чисто, как в аптеке. Я думаю, что всюду она наставит вазочки и ходить нужно

будет по дорожкам, чтоб не загрязнить паркета. Я боюсь аккуратности. Артистические натуры не должны быть аккуратными. У них длинные, всклокоченные волосы, и они отрицают право собственности. Это знает Боря Гаевский. У него есть дальний родственник, скрипач, и Борина мама говорит, что он не делает различия между своим и несвоим. Ему ничего не стоит отдать последнюю рубашку, а потом присвоить себе чужой костюм. Но поворот в моей жизни произойдет еще не так скоро. Сначала я должна окончить по крайней мере семь классов гимназии. Пока сделали исключение и приняли меня во второй класс. Вера Львовна сказала, что мой случай обсуждался в педагогическом совете. Мне кажется, что педагогический совет — собрание людей в казенных мундирах, и они всю жизнь будут меня упрекать, что сделали исключение.

Видно, что каникулы подходят к концу. Арнольда засадили за учебники. Он жалеет, что не продал их господину Букинери. В начале года родители покупают у него учебники, а затем учащиеся продают их за треть цены. Букинери говорит, что они слишком истрепаны, чтоб платить за них полцены. Он отчасти прав, учебники Арнольда до того распухли, что их трудно раскрыть. Каждая страница в них загнута, а на обложке пятна от бутербродов с гусиным жиром. Бобик тоже озабочен. У него переэкзаменовка по истории. Пипин Короткий, Филипп Красивый и Карл Лысый — это все, что его интересует. Но Вова и велосипедная девочка ездят в Аркадию, а я хожу по аллее с Варей, дочкой управляющего, и мы собираем опавшие каштаны. Некоторые еще не отделились от своей колючей шкурки и их надо выколупывать. Они гладкие и теплые от солнца, но скоро съезжатся и их придется выбросить. Варя хочет отдать мне свои каштаны, они ей не нужны, она круглый

год на даче. Но я не знаю, куда девать мою прошлогоднюю коллекцию.

Вова говорит, что я не коллекционер в душе. Я все отдаю или выбрасываю. Сам Вова собиратель ценностей и его письменный стол завален летними сокровищами. Я объясняю Варя, какие у нас в классе гиацинты и сколько рыбок в гимназическом аквариуме. Она завидует, что я в передовой гимназии. В утешение хочу подарить ей несколько открыток: Иван Грозный убивает своего сына, Остров мертвых и Шаляпин в русской рубашке. Рядом с ним писатель со странной фамилией — Скиталец. Может быть Варя начнет собирать открытки. Все мои знакомые что-то собирают. Но Варя боится завести альбом. Открытки у нее отнимут, это чепуха и баловство. Мне стыдно, что я могу собирать все, что взбредет в голову. Например, кольца и брошки из шоколадных шариков. О книгах я уже не говорю, каждый должен иметь свою библиотеку. Кроме того, есть семейная библиотека. Книги оттуда никто не читает, поэтому они чистые. Читанные книги куда грязнее.

Бывают еще разрозненные книги без переплета, о них как будто забыли, но для меня они просто клад. Особенно журналы за весь год. «Театр и Искусство» я ревниво берегла от посторонних глаз. Там было много артисток с пышными бюстами и тонкими талиями. Мне навсегда запомнилось, как солнце сказала Мариусу Петипа: «Остановись, Мариус Петипа!» И он со свойственной ему галльской живостью ответил: «А вот я не хочу остановиться!». Другой артист, кажется Качалов, снят был в пьесе «Строитель Сольнес». Под картинкой подпись: «Мне нечего делать, я гуляю по миру...» Что за необыкновенные люди, для прогулок им нужен целый мир, и они на дружеской ноге с солнцем и другими светилами. Валина мама не такая. Когда она хочет сказать что-нибудь

важное, она два или три раза хлопает ресницами. Валя думает, что все от нее в восхищении: она наивная и трогательная. Но Валяина мама иногда забывает о своей наивности и говорит о том, сколько котлет должно остаться от вчерашнего обеда и не может быть, чтоб ушло все масло.

Моя мама не играет ни в «Чайке», ни в «Дяде Ване», но она никогда не интересовалась котлетами. Недаром сын артиста предупредил Вову, чтоб от людей театра он держался подальше. Потом он начал передавать театральные сплетни, и оба фыркали. Меня они под разными предложениями удалили из комнаты и мне так и не удалось дослышать историю про одного режиссера. Он сказал молодой артистке: «Вы хотите играть, а я хочу любить!». В слове «любить» вероятно, кроется что-то непонятное и уродливое. Иначе они не стали бы так фыркать. Постараюсь расспросить сына артиста, хотя я заранее знаю, что он вернется. Он будет вилять и в конце концов скажет, что я успею еще познакомиться с грязной изнанкой жизни.

На даче постоянно говорят о любви, это дачная тема. Даже Настя, наша бывшая прислуга, она приехала сменить горничную Юзю, и та носит при себе письма мужа. Никто его в глаза не видел и Вова думает, что он существует только в ~~Настин~~настином воображении, но она берет листок разлинованной бумаги: — Он мне пишет «дорогая Настя»... Она захлебывается от восторга и дальше уже не читает, она неграмотная. Когда на поляне собирается компания детей постарше, они тоже говорят о любви. Особенно выделяется дочь шпионов. Она произносит фразы из книг, которые забывают на кушетке. Кроме того, она подобрала ключ к библиотечному шкафу и зачитывается романом Вербицкой: «Горе идущим, горе ушедшим». Остальным это очень неприятно. Никто не

читал романов Вербицкой, даже Вова. Ему хочется сказать, что Вербицкая никуда негодная писательница, но он не решается.

Взошла полная луна и на поляне светло, как днем. Мама Арнольда уже больше получаса кричит: «Ноля, Ноля, где ты?». Но Арнольд делает вид, что не слышит. Он пожимает плечами и насвистывает: «Если красавица в любви клянется». Ему надоело слушать про каких-то писательниц. Арнольд читает «Одесскую почту» и Луи Буссенара. Вера Львовна потратила немало красноречия, чтоб заставить его прочесть классиков. Это были слова, выброшенные на ветер: Арнольд ухитрился-таки продать господину Букинери Пушкина и Гоголя и «Фрегат-Палладу». За Пушкина он получил несколько затрешин, а Гоголя и «Фрегат-Палладу» ему простили.

Арнольда не собьешь никакими уговорами. На поляне ему неинтересно, но он сидит из принципа, чтоб всем надоедать. Бобик, как он ни заморочен Людовиками и Филиппами, давно хотел треснуть его по башке. А Бобик ведь совсем не воинственный. Он неженка и любит шоколадные трюфели и эйнемовское печенье в коробках. Расходы он заносит в записную книжку. Вова говорит, что с одной стороны там написано: «приход», с другой — «расход». Сам Вова записей не признает. От этого ничего не изменится, не стоит портить настроение себе и другим. Рассуждения о любви Бобика не трогают. Он хотел бы поговорить о том, как рождаются дети. Дочь шпионов заявила, что она знает: надо разрезать живот. Но тихая Варя вдруг заводит неизвестно почему: «Нет, нет, ничего резать не надо, они сами выходят. Сначала головка, а потом остальной ребенок...» Боже мой, как это ужасно! Я хотела бы заткнуть уши, но не решаюсь. Могут подумать, что я ломака.

Вова недоволен. Он старается опять перевести на

любовь: пусть Веруся прочтет стихи из «Русской музыки». Веруся становится в позу. Это очень смешно, я боюсь расхохотаться. Вова делает строгие глаза, ему стыдно, что я веду себя, как дура. Чтоб не огорчать его, смотрю на большую красную луну и стараюсь не думать о Верусе и ее стихах. «Ноля, Ноля, где ты?» — опять начинает мама Арнольда. Мне кажется, что ее голос выходит из-за кустов, и что он уже совсем близко. Но голос удаляется, хлопают парусиновые занавески: пора спать.

В этот вечер никак не могу заснуть. Скоро мой день рождения, а потом поездки в город за форменной материей, молебен и начало занятий. Без молебна не бывает начала занятий. Это мне давным давно сказал один ученик Одесской Третьей гимназии. У него на фуражке и на поясе: О.З.Г., что на языке Вовы и близнецов означает «ослу три года». Думаю о том, что может быть вместо девческой сумки мне купят ранец, и я буду шагать, как второгодница. Хорошо еще, чтоб носки не были натянуты, а спадали на скороходы. Лишь бы не иметь вид новичка! Для старых учениц есть правила, они нигде не записаны, но их необходимо соблюдать, иначе тебя будут считать пролазой и первой ученицей.

Лучше всех эти правила знает Ланя, хотя ни в одном учебном заведении он не оставался больше шести месяцев. Мы часто сидим с ним на скамейке за нашим домом. Недалеко от скамейки — яма. Ее выкопала Катя, когда собиралась хоронить свою любимую куклу Тильдочку. Она даже приготовила картонную коробку, но потом ей стало жалко, и она отменила похороны. Ямка осталась и ее надо обходить, иначе сломаешь ногу и тогда прощай молебен и гимназия. Ланя собирается обнести ямку невысоким забором. Это проект, у него всегда проекты, но он их не доводит до конца. Теперь он собирается посту-

пить в Торговую школу, там форма не хуже, чем у Файга. Я хотела бы, чтоб Ланя жил у нас. С ним весело: он и большой и маленький. Большой, потому что защищает от пьяниц и от нахальных мальчишек. Маленький — из-за его любви ко всему чудесному.

Ланя признался мне, что верит в Мурзилку и хотел бы жить в царстве мурзилок. Люди ему надоели. Недавно он узнал, что была страна Атлантида, которую поглотил океан. Некоторым атлантам удалось спастись. Ланя уверен, что в Одессе есть, по крайней мере, десяток их потомков. Они, правда, не подозревают, что они атланты, но Ланя выведет их на чистую воду. Боюсь, как бы не вышло новых историй. Уже были неприятности, когда он решил извлекать электричество из воздуха. Был еще скандал с водопроводом: Лане захотелось провести воду из цистерны прямо к нам на кухню, и он пробил дырку в стене. Сам шпион это пронюхал и прислал папе письмо, где он распространялся о том, какой ущерб его собственности наносят приезжие мальчишки. Папа не испугался. Он ответил, что дом и без того в дырах, а крыша протекает. Скоро придется спать под зонтиком. На этом кончилось. Но управляющий обиделся, и Варю запретили ходить к нам на террасу.

Мне обидно за Варю, ее родители бездушные изверги. От таких родителей я сбежала бы, чтоб скитаться в какой-нибудь необитаемой местности. Но не в Америке и не в Австралии, это для маленьких детей. По карте — как будто близко, а на самом деле это на краю света. Не знаю, стоит ли приглашать Варю на мой день рождения, ее все равно не пустят. Вообще, приглашенных будет меньше, чем обычно. Но приедут Женя и Боря Гаевский. Ася обещала погостить у нас три дня. На четвертый она начинает томиться, она слишком семейственная. Дома Ася постоянно ссорится со своей сестрицей, а когда уез-

жает, получается, что она без нее жить не может. Меня это задевает. Я ее лучшая подруга и без меня она отлично живет на Хаджибейском лимане. Я сказала об этом Мате, но она сразу перешла на асину сторону и пустилась в рассуждения о том, что такое узы крови. Видно Матя тоже из породы семейственных и ей не понять, что значат узы дружбы.

Валя не может ходить на дни рождения. Доктор прописал ей полный покой. Меня пускают ровно на пятнадцать минут. Вале хочется знать, что нового на поляне. Приходят ли с соседних дач? И умею ли я обгонять на гигантских шагах. Пришлось сознаться, что я не чемпион гигантских шагов. Дочка шпионов смотрит на всех с презрением, она признает только лаун-теннис. Она готова играть в крокет, но обязательно с мальчиками. Девочки ее возраста ей неинтересны, никто из них не читал приложений к «Вестнику Европы». Придется позвать велосипедную девочку, иначе Вова разобидится. Придет Бобик. В общем, он безобидный. У себя он не хочет пальцем о палец ударить, а к нам прибегает по первому зову и готов исполнять самые смешные поручения. Должен приехать сын артиста, их турне по провинции кончилось, и он прислал нам открытку с дороги. На ней снежная гора Эльбрус, у подножия горы — пальмы.

Еврейский учитель Хейфец написал мне из города Поневежа, куда он поехал на похороны: «Дорогая Надя, посылаю вам вид Гейне...» На открытке, действительно, Генрих Гейне, немецкий поэт. Хейфец изучает стенографию. Это наверно, что-нибудь сложное. Хейфец любит разрешать неразрешимое. Если б не карьера дипломата, он обязательно стал бы шахматистом. Пока он в шахматы не играет, но научиться не так уж трудно. Из-за всех дачных дел я забыла, что пишу стихи. Неужели я ничего больше не сумею написать? Чтоб доказать самой себе, что это не так.

решила сочинить нечто вроде «Песни о вещем Олеге». Я начинаю: «Как ныне собирается вещей Арнольд...» Нет, слишком похоже на Пушкина! Лучше подожду, чтоб пришло вдохновение.

Вчера я была с мамой в городе, и в гастрономическом магазине Чудновского мы встретили старичка из дедушкиного дома. Он очень любезно спросил: «Ну, как поживает наша маленькая поэтисса?». Мне стало неловко, такого слова не существует. Старичок говорил странные вещи. Но оказалось, что я к нему придираюсь, он вовсе не старичок: у него пятеро детей и пятый — грудной. Для меня он все-таки останется старичком с коричневыми волосатыми ручками. Нос у него тоже маленький. Когда старичок вытащил помятую красную розу и преподнес ее маме, мне стало не по себе. На месте мамы я не стала бы принимать его цветы, но я молчала. Я не произнесла ни слова, когда он описывал игру своей старшей дочери: «Вы понимаете, я говорю ей пианистиссимей, Циленька, ради Бога, пианистиссимей, и она начинает издавать такие чудные звуки, что все, буквально все не дышат». Но мама, конечно, расскажет, что меня называли «поэтиссой», и это прозвище пристанет ко мне, как липка к подошве. Я уже была «непонятой натурой» и «местной Саррой Бернар». Это слишком далеко от правды и поэтому не так обидно.

В городе, кроме старичка, у нас были и другие встречи. На Базарной мы почти столкнулись с Яковом Соломоновичем. Мама сказала, что нельзя выдерживать: куда ни пойдешь, всюду он. Но если Яков Соломонович пропускает хотя бы один день, все начинают беспокоиться. Что с ним? Не заболел ли он? Я всегда ему рада. Мне нравится, что он шире всех в плечах. У него такие огромные ноги, что ботинки приходится шить на заказ. Вова говорит, что он европеец. Он одевается по-заграничному и у него есть

кругозор. Даже лоб у него заграничный, а на макушке круглая приличная лысина. Спереди два глубоких залива, они ему к лицу, от них лоб еще выше и выпуклее. Яков Соломонович поражен, что в эту жару мы в городе. Он хочет проводить нас на дачу на извозчике. Но мама говорит, что мы идем к Бомзе за материей для моей формы и что будто бы я так пристала, что ей пришлось согласиться. Великая несправедливость! Мне обещали сшить форму до начала занятий и я, понятно, не забыла этого.

Яков Соломонович заинтересован моей формой и спрашивается в клеточку ли материя, что за клеточки, большие или маленькие, как у Пашковской. Мне жалко, что Яков Соломонович не увидит форменной материи, она бы ему понравилась. От Бомзе мы едем к мадам Рабинович, снять мерку. Она записывает ее в книжечку без переплета. Потом ее никак не могут найти, и все-таки, платье будет по мерке. Она хорошо знает мою фигуру и может шить с закрытыми глазами. Мадам Рабинович поставила перед окном вазон с отростком фикуса и чувствует себя, как на даче. А в ее переулке пахнет селедкой и там есть непросыхающая лужа. Мне стыдно, что я живу на настоящей даче с цветниками, клумбами, кустами крыжовника и даже олеандрами в кадках. Я хотела бы пригласить мадам Рабинович и ее учениц. Я уступлю им свою комнату, а сама перееду к Мате в боковую комнатушку. Она не очень любит спать со мной, я брыкаюсь, как молодая лошадь, но я ее уговорю.

Все это мое воображение: мадам Рабинович прикована к больному мужу. Зато к нам приедет наш родственник Данюша, писатель с ассирийской бородой. Он поссорился с родителями, и папа должен его выручить, как выручает всех. Данюша пишет роман из жизни, то есть не исторический, и не роман приключений. Жить он будет в одной комнате с Вовой

и может быть расскажет ему сюжет романа, а я вытаску его у Вовы. Мне, начиная с самых ранних лет, говорили, что неприлично быть любопытной. Но любознательность ведь не грех. Дядя из Николаева твердит, что необходимо быть любознательным, это залог успеха в дальнейшей жизни. Сам дядя полон любознательности, но нельзя сказать, чтоб он хорошо устроил свою жизнь. Он опять в Одессе, на нашей городской квартире и ждет, что конкурент раскается и даст ему возможность заработать. Пока дядя ругает его жуликом и кровопийцей. А Матя говорит, что дядя давно был бы состоятельным человеком, если б не все эти разбойники с большой дороги.

Дяде кажется, что он жертва людской несправедливости, но он верит, что враги его будут посрамлены. По-моему у него нет врагов, он их выдумал, чтоб чувствовать себя героем. Я ненавижу несправедливость, но это не относится к дяде и дядиным делам. Дедушка всегда говорил, что дядя — человек воздуха и в голове у него пусто, как в монастыре. То, что дядя неудачник, не мешает ему интересоваться всеми открытиями. Он не прочь поговорить о политике и читает биографии великих людей. При этом ему представляется, что он мог бы сочинять трагедии. Но все пути были для него закрыты: он сын вдовы и брат незамужних сестер. Теперь они замужем, однако легче не стало, их мужья типичные неудачники.

По мнению Вовы нет ничего неприятнее и смешнее неудачников. Они считают, что весь мир ответственен за их глупость. Дядя хотел бы переехать на Малый Фонтан, но в каждой комнате уже кто-нибудь устроился. Геня сказала, что это не дом, а гостиница и сюда приезжают все, кому не лень. «Что они больны снять дачу!» — говорит Геня. Но мама терпеть не может людей, которые живут только для себя. В моем доме тоже будут жить дальние и близкие род-

ственники. Племянники будут учиться в Университете, а племянницы в Консерватории и на Драматических курсах.

Я жду приезда Данюши, он читает в человеческих сердцах. Это не мои слова, их сказала Матя. Она не может обойтись без высокопарности. Теперь она на каждом шагу повторяет: проникновенный. Не понимаю, где она выкопала такое тяжеловесное слово. На Вову оно действует, как красная тряпка на быка. А я пропускаю его мимо ушей.

Я занята мыслями о гимназии. Мне хочется знать, кто будет сидеть со мной рядом. Наверное, какая-нибудь близорукая девочка. У нас рассаживают по зрению, а у других по успехам. Арнольд сидит на последней парте. Он не понимает, как можно увлекаться гимназией. Это сборище дураков. Учителя ровно ничего не смыслят. Им надо ставить двойки и вызывать родителей. Я надеюсь, что моих родителей не будут вызывать, они предпочитают не вмешиваться в учебные дела. Вера Львовна сказала, что у меня должно быть развито чувство долга. Тогда я задала ей ехидный вопрос: было ли у нее чувство долга в девять с половиной лет? И она ответила, что всегда была жертвой долга.

Я решила не быть жертвой долга, а делать то, что подсказывает моя совесть. Сейчас она подсказала мне, что я обязана пригласить всех дачных детей, включая Арнольда и еще одного мальчика, Толю. Он подает полпальца. Однако, я должна стать выше этого. Поговорю с Данюшей, но, главное, надо поговорить с ним о Боге. Данюша неверующий, он называет себя богоборцем. В прошлом году я была верующей, а теперь меня стали мучить сомнения. Впрочем, сомнения у меня давно, еще со времен Дарвина. Я знаю, что разговоры об едином Боге, форменная ерунда. У каждого свой Бог, по его понятиям самый лучший.

Не расстаюсь с двумя томиками Фруга, которые подарил мне Иван Грозный. Там есть поэма, где описывается, как сжигали на кострах. У Фруга столько горечи, что мне тоже становится горько, и я хотела бы забыть все эти ужасы. Но забыть не так легко. Часто думаю, что Фруг, пожалуй, не хуже Некрасова. Мне даже приснился Некрасов, он был в зимнем пальто и в высокой меховой шапке. Некрасов куда-то спешил, он сказал, что должен идти в народ. Я попросила его взять меня с собой, но вдруг появился Зиновий и закричал, что народа нет, все это выдумки!

Это мой первый взрослый сон, и я жалею, что он так глупо прервался. Но я знаю, откуда он, я читалась брошюр старшего брата близнецов. Он революционер и сидел полтора месяца в тюрьме, потом его выслали в Нижнеудинск. Старший брат не очень тосковал, у него богатая внутренняя жизнь. Я хотела бы познакомиться с настоящим революционером, но таких пока нет. Зиновий притих, его вызвали к жандармскому полковнику из нашего дома, и он вернулся белый как полотно. А от революционности Герасима не осталось и следа и в грузинской колонии его опять подозревают. В чем, Матя мне не сказала, но я догадываюсь. Они думают, что Герасим способен на предательство. Матя его защищает. Он просто поверхностный человек и эстет. Мне он стал неприятен. Как-то мы встретили его на Садовой улице возле молочной «Идеал». Он был в новой шинели и в перчатках. Прежде он перчаток не носил и шинель у него была до пят. Герасим раскланялся с нами так вежливо, как будто мы его важные и влиятельные знакомые, а это были только Катя и я и Катина бонна, Людмила.

Трудно сознаться самой себе, что я жалею предателей. По ночам они просыпаются от страха и как леди Макбет не находят себе покоя. Но моя жалость

короткая, она быстро исчезает и на смену ей приходят ужас и отвращение. Вова сказал, что предатели получают деньги с головы. Сыщиков из полицейского участка Вова узнает по глазам: они маленькие и колючие. Те, что предают революционеров, называются провокаторами. Это страшное слово, от него человек не может отделаться даже в могиле. Матя знала студента, который оказался провокатором. У него вдруг появились часы, и он перестал ходить в Столовку. Тут его взяли на подозрение. Оказалось, что он никого еще не выдал, но может сделать это в любой день. Тогда его застукали в Красном переулке и жестоко избили. После этого студент долго лежал в больнице, а затем уехал в неизвестном направлении. Матя удивлена, что я интересуюсь такими вещами. Они меня возбуждают, и я в каждом вижу провокатора. Я сама не рада, но это произошло не по моей вине, а из-за любознательности, и ее до сих пор все поощряли.

Сегодня должен приехать Данюша. Я слежу за тем, чтоб ему дали удобную кровать, а не кушетку с оторванной пружиной. У Данюши будет свой письменный стол. Ему, как писателю, полагается письменный стол, иначе он не сумеет работать. А Данюша заканчивает роман с неизвестным мне сюжетом. Но Вова сказал, что во всех романах один сюжет, и он не для читательниц «Задушевного слова». Можно подумать, что я живу «Задушевым словом» для старшего возраста. Сам Вова отлично видел, как я читала Шеллера-Михайлова из приложения к «Ниве» и много-много переводов с английского.

Невозможно перечислить всех писателей. Среди них несколько писательниц и, конечно, моя любимая Элиза Ожешко. Вова меня дразнит, и я поддаюсь на эту удочку. Мне хочется плакать от непризнанности, хотя я уверена, что Вова будет сражаться со всеми,

кто не считает меня позтессой. Он даже переписал сравнительно красивым почерком мои стихотворения, чтоб показать их у себя в классе. Они понравились Андрокардато. Он сказал, что я молодчага, во мне есть такое-эдакое... С его стороны такие слова — большой комплимент. Он не красноречив и не умеет заговаривать зубы учителям. Зато Вова мастер по этой части. Если он не знает урока, то всегда ухитряется перескочить на солнечную энергию, это его конек. Сын артиста перед ним пассует. У него другая специальность: он начинает декламировать очень длинные стихи, и учитель готов поставить ему любую отметку, лишь бы он замолчал.

Но я совсем забыла о Данюше. Мне кажется, что он уже погостил и собирается домой. Я все переживаю заранее. Но отвечать мысленно на письма, как делает Боря Гаевский, я еще не научилась. Зато я умею мысленно отвечать на вопросы, те, что я должна была поставить другим. Никто не подозревает, что я сама с собой разговариваю, но не вслух, а про себя. Иначе меня приняли бы за сумасшедшего Мойсейку. Он не такой, как наш сумасшедший Марьяшес. От Мойсейки можно откупиться. Он просит копеечку и получив ее, отходит в сторону с довольным видом. Бедный Мойсейка не знает, что за копейку можно купить только две лимонки или кружку хлебного кваса. Мне не позволяют покупать квас, так как в нем целые семейства тараканов. Но я не верю глупым рассказам, они для маленьких детей.

Чего-чего мне не говорили! Например, нельзя есть на улице, это отсутствие воспитания. А мы с Асей всегда покупаем на лотках каштаны и башмалу. Один раз Ася устроила дикую истерику. Оказывается, что чуть не проглотила червяка. Если б она его проглотила, было бы ужасно. Я этого не думаю. В Японии едят червей и ничего не случается. Ася говорит, что

она брезгливая и что у них в семье все брезгливые. Я ничуть не брезгливая. Чтоб доказать это, подняла с земли каштан и не обтирая, раскусила. Я могу есть невымытый виноград, а по мнению взрослых, это смертный грех. Матя моет каждую виноградину, и сливы она рассматривает с такой подозрительностью, как будто в них спрятаны все холерные вибрионы.

Есть еще другие предрассудки: нельзя разговаривать с незнакомыми. Но как же тогда знакомиться? По-моему самые замечательные знакомства можно сделать именно на улице. Возле нашего дома я познакомилась с сыном персидского шаха. Потом выяснилось, что он наврал. Его отец не шах, а обыкновенный перс, он продает ковры и медные вазы. Как-то я разговорилась со старичком, который знал всех великих людей, в том числе Пушкина. Но оказалось, что он ненормальный и ему представляется, что он был на дружеской ноге с Пушкиным и другими. Когда старичок родился, Пушкина уже давным давно не было на свете. Старичок очевидно рассчитывал на мое невежество. Я промолчала, но больше с ним не раскланиваюсь. Хватит с меня сына шаха. Вова тогда так смеялся, что я за него испугалась. Недаром няня говорила, что один толстяк хохотал, хохотал и лопнул. К счастью, Вова не толстяк, у него фигура, как у артиста Вольдемара Гаррисона.

25.

Данюша, все-таки, приехал. Он привез чемодан с наклейками и саквояж из сафьяновой кожи. Вова сказал, что это европейский багаж, не то, что наши кульки и чайники. Все пошли на террасу. У Данюши не было аппетита, он устал от переживаний. Я тоже устаю от переживаний, остальным они непонятны. Правда, Матя говорит, что в некоторых отношениях я вундеркинд, но кроме нее, никто меня вундеркиндом не считает. Я была бы в отчаяньи, если б ко мне приклеили такой ярлык. Данюша очень рад, что приехал на мой день рождения. Узнав, что мне минет десять лет, он делает удивленное и восторженное лицо, как будто я первая десятилетняя девочка на его веку. У взрослых часто бывают напряженные и глупые лица, когда они говорят о самых простых вещах. Мне показалось, что Данюша больше всего обрадовался Людмиле, катинной русской бонне. У нее круглое и милое лицо. Она жалуется на свой утиный нос. А я не нахожу в нем ничего утинового, он широкий и это лучше, чем нос с заземленными ноздрями. Людмила верит в самообразование. Данюша ей поможет. Он будет ее просвещать и ей откроются новые горизонты.

К концу вечера у Данюши появляется настоящий дачный голод. Он съедает глубокую тарелку рубле-

ных синих баклажан и почти все вареники, даже ~~во~~ вину порцию. Вова у велосипедной девочки и когда вернется, будет очень недоволен. Он терпеть не может, чтоб съедали его вареники. Интересно знать, что думает Геня о нашем госте. Она судит всех по тому, сколько съели и долго ли хвалили то, что она наготовила. А Данюша благодарный гость, он расхваливает все наши одесские специальности. Он теперь москвич и уже забыл, что родился в провинции, в доме с большим садом.

По-моему это смешно. Одессу я никогда не продам и не променяю ее ни на какие города. Мне все там знакомо и, все-таки, я каждый раз делаю открытия. Они не могут сравниться с открытиями Бори Гавевского. Он знает историю старой Одессы и первый сказал мне, что при Людовике Восемнадцатом наш Дюк стал министром и умер в своей дорогой Франции. Когда мадамзель произносит: «дорогая Франция» или «моя дорогая родина», глаза ее наполняются слезами. А близнецы говорят, что нельзя так привязываться к стране, надо быть гражданами мира, как их старший брат. Они недовольны Вовой, он не хочет стать на платформу. Но разве это возможно? На платформах перевозят мебель и стать на них трудно, а удержаться еще труднее. Кто-то поясняет, что это политическая платформа и ничего общего с перевозчиками не имеет. Мне становится скучно, я не хочу больше слышать ни о каких платформах.

Данюша продолжает рассказывать о московском театральном сезоне и вдруг вмешивается Матя: «Одесский великопостный сезон ничуть не хуже, у них нет такой итальянской оперы, как в Одессе!». Она повторяет имена, которыми она мне прожужжала уши: Баттистини, Ансельми, Тито-Руффо... Данюша не отрицает итальянской оперы, хотя в ней есть что-то мещанское. Разве можно сравнить ее с Художест-

венным театром, где запрещено аплодировать. Но какое же может быть представление без аплодисментов? Один раз мама и папа принесли с благотворительного вечера программу и на ней внизу было напечатано: «Просят не аплодировать по лысине Вашего соседа». Это была самая дурацкая шутка, какую я только знаю. Но уж лучше аплодировать по чужой лысине, чем сидеть, погрузившись в глубокое раздумье.

Недавно сын артиста рассказал мне, что существует клака: это люди в перчатках и их нанимают, чтоб они аплодировали. В каждой клаке имеется главный, он дает знак, и все начинают хлопать. Знаменитые итальянские артисты часто нанимают клаку, так принято. Некоторые сами себе посылают венки и корзины цветов. Их можно вернуть, это стоит не так уж дорого и производит впечатление на зрителей. Постепенно становлюсь недоверчивой, а ведь меня учили, что все основано на доверии. Я знаю, что бывают неискренние люди. Лучший пример — адвокат Тубенкофф. Он постоянно на папиной стороне и восхищается его жизненным опытом, но в глазах у него недобрые огоньки. Я хотела бы, чтоб папа имел другого адвоката, менее льстивого.

Как неприятно, что я вспомнила Тубенкоффа. На террасе шумно и я не слышу, о чем говорит Данюша: я катаю шарики из серого мякиша. Если насадить один на другой, получается что-то вроде кустарной птички. Но, вообще, катать хлебные шарики — неприлично. Об этом сто раз говорила мадамзель. Для нее неприличное всегда плохо, даже если оно интересно. Когда меня отсылают спать накапливается много птичек из хлеба. Одна похожа на воробья, она круглая и серая. На другой день встаю рано, мне надб пригласить недоприглашенных детей. Дочке шпионов я пишу на маминой визитной карточке приглашение на чашку шо-

колада. У меня нет визитных карточек, но Вова обещает приготовить их самодельным способом. Они не будут изящными, зато таких нет ни у кого. Посылаю карточку моему кадету. Он живет у Толи. Того, что подает полпальца. Карточки без конверта и без марки. Их разносит горничная Юзя, она недавно вернулась из деревни.

Данюша еще не проснулся. Он, наверное, как все писатели, встает в двенадцать. От сына артиста я узнала, что люди искусства живут ночной жизнью. Ночью они ужинают в ресторанах, а потом до утра творят. Днем они еле волочат ноги. Я не верю этому. Я читала, что некоторые сидят у письменного стола и ждут, что их посетит муза. Другие ходят большими шагами по комнате и диктуют. А как я буду писать — по вдохновению или регулярно? И хватит ли у меня терпения? Вера Львовна борется с моей неусидчивостью. Но когда я читаю, у меня терпения на десять персон. Я могу часами лежать на старом клеенчатом диване и буквально впиваться в книгу в тысячу страниц. Описания природы я пропускаю. Это не означает, что я не люблю природу. Но в описаниях она кажется мне мертвой. У меня чувство, что я это уже читала. Боря Гаевский говорит, что все поэты обкрадывают Пушкина. Лучше все равно не напишешь. Поэтому он решил стать инженером или естественником и ходить по земле. А я желала бы витать в облаках, но это нелегко.

В середине моих размышлений на террасу выходит Данюша. Он может подумать, что я ждала его появления. Делаю вид, что он тут не при чем: я просто зачиталась. Данюша в русской рубашке и чесунчевом пиджаке. Так одеваются писатели на даче. Он спрашивает, завтракала ли я? В ответ начинаю невежливо смеяться. Я вижу, что ему не о чем со мной разговаривать, он меня боится, как боятся детей многие

взрослые. Чтоб расположить к себе Данюшу, начинаю говорить об его романе. Он смотрит на меня с удивлением. О каком романе идет речь? Он задумал трилогию, то есть три романа сразу, но пока это в области обдумывания. Он собирает материал. Здесь на даче он приведет его в порядок. Я готова ему помочь, но он даже Вову не возьмет в личные секретари. Впрочем, Вова не собирается быть его секретарем, он недолюбливает Данюшу. Ему противно, что Данюша так уверен в своем успехе у женщин.

Не знаю, женщина ли я, но Данюша у меня успехом не пользуется. Я подозреваю его в том, что он ненатуральный. Сын артиста говорит, что настоящие писатели совсем не похожи на воображаемых. Воображаемые носят бархатные тужурки, у них длинные волосы и борода, как у Данюши. А настоящие писатели напоминают докторов и учителей гимназии и борода у них жиденькая и острая. Конечно, никто не мешает настоящему писателю носить выутюженный костюм, но ненастоящий должен быть в черной рубашке или в поддевке. Данюшу я до конца не раскусила. Посмотрим, что скажет Боря Гаевский. Окончательно решено, что он приедет на мой день рождения. Наши мамы сговорились. Сначала его не хотели отпустить, но он страшно огорчился и стал худеть. Тогда родители пошли на уступки.

Некоторых родителей можно растрогать зеленым цветом лица. Начинается переполох: железо, аппетитные капли, гоголь-моголи. О душе такие родители не думают. А Боря Гаевский, вообще, болезненный и над ним трясутся, как над новорожденным. Ася приедет со своей мамой и останется у меня на даче. Сестра ее не приедет, ей неинтересно бывать на детских рождениях. Меня это не огорчает, мне нужна Ася. Я мысленно с ней разговариваю. Ася считает, что дружба должна быть построена на взаимном уваже-

нии и предлагает мне уважать ее. По мнению асиного папы это самое важное. Ну, а меня мало трогает его мнение, я поняла, что его щипки это не просто игра, а стыдная вещь. Ее надо скрывать от всех и больше всего от Аси. Она считает своего папу самым интеллигентным человеком в Одессе. Ничего не поделаешь, пусть остается при своем убеждении. Я предпочитаю ее маму, тетю Полину. Она не очень интеллигентная, но зато смешливая и любит шутить, как маленькая девочка, в особенности после того, как выигрывает в карты.

Есть дни, когда тетя Полина всем делает подарки. Мне она подарила музыкальную шкатулку, с дуэтом из оперы «Трубадур». В одном месте шкатулка записалась, но затем, как будто, спохватывалась, и все пошло гладко. Кроме того, тетя Полина посылала за пирожными и можно было брать, сколько душе угодно. Главное, чтоб папы не было дома. Он не признает распущенности и всюду ищет плохое. А мои родители верят мне, и я им тоже во всем доверяю. Особенно хорошо я веду себя, когда их нет со мной. Если я иду купаться с чужими, я никогда не остаюсь в воде больше пяти минут. Но при мадамзель или при маме я начинаю хныкать и торговаться: «Еще минуточку, еще две минуты, я совсем не синяя, это красные прыпышки, а не синие!». И только, когда мне начинают угрожать судорогами и спазмами, я вылезаю из воды и потом сижу в купальне на скамейке. Это мое излюбленное место.

В этом году я не купаюсь в море из-за бывшего воспаления легких. Теперь я и Боря Гаевский — два сапога пара, мы инвалиды. Я чувствую себя здоровой и могла бы без передышки добежать до ворот нашей дачи. Но мне не удастся попробовать. Как из-под земли вырастают Людмила и Матя и начинают говорить о благоразумии. Более скучной темы не при-

думаешь. Благоразумные девочки встречаются только в книгах графини де Сегюр. Они носят длинные панталоны и всегда имеют при себе корзинку с провизией для бедных. А бедные мне еще более противны, они все время призывают благословение Бога на головы примерных девочек. И это за кусочек холодного мяса и получерствый хлеб. Я надеюсь, что когда девочки уходят, бедняки их ругают последними словами. Если и за глаза они такие вежливые, в мире нет ни малейшей справедливости.

Тут у меня большие споры с Асей, она влюблена в примерных девочек и говорит, что я к ним пристрастна. Она тоже хочет посещать бедных. Таких, которые живут в скромных квартирах и чисто одеты. Нищих она боится. К ним во двор зашла старая нищенка и стала приставать к Асе: «Барышня, красавица, дай копеечку!». Нахал Мурка закричал ей, чтоб она убиралась: «Барышня сама знает, что она красавица и копеечки тебе не даст!». Нищая хотела за ним кинуться, но он вывернулся. Тогда она набросилась на Асю: «Ах ты, потаскуха проклятая!». Это, наверно, очень неприличное слово, его никто не знает и никогда не слышал. С тех пор Ася обходит нищих за версту. Но если она видит уличных музыкантов, то поднимается к себе на второй этаж и оттуда бросает им копейку. Она завернута в бумажку и можно подумать, что там серебряная монетка.

Бедные моей подруги Аси — это бывшие прислуги или бывшие служащие. Они живут в квартирах без парадного хода, куда не проникает солнце, как у мадам Рабинович и починочного портного. Но у них чисто и всюду вязаные салфеточки. Я сказала Асе, что не могу примириться с разделением людей на бедных и богатых. Я хочу жить в мире, где все богаты. Бедность не внушает мне ничего, кроме ужаса. Но может быть Ася переменила свои убеждения. Мы

с ней давно не виделись. Вова и близнецы как-то говорили, что один их соученик меняет свои убеждения, как перчатки. К Асе это относиться не может. У нее только две пары перчаток: зимние, на пуху, и запасные белые, для выходов с родителями и приезжими родственниками. Но я забыла о Лане. Я к нему привыкла и мне кажется, что он всегда под рукой, даже если его нет в Одессе. Мне очень неприятно, что Данюша поздоровался с ним свысока. Я думаю, он его как следует быть не видел, он смотрел поверх Лани. После этого мне стало ясно, что писатели не соль земли, как говорит сын артиста, а просто самовлюбленные типы.

Когда Данюша разговаривает с Людмилой, он смотрит на нее очень внимательно. Катя сказала, что он надоедливый и все время к ним пристаёт. Я знаю, что он пристаёт к одной Людмиле, а Катя для отвода глаз. Но ей шестой год, и она многого не понимает. Еще недавно она всех дам называла тетями. Теперь она знает, что дама называется мадам и ее можно звать по имени-отчеству: Фаня Абрамовна или Марья Петровна. Я помню, как зовут всех знакомых родственников. Если забывают чье-нибудь имя, я прихожу на помощь. У Вовы память еще лучше. Он этим очень доволен! Стоит ему перед уроком заглянуть в учебник, и он запоминает все даты. Вова сказал, что секрет Наполеона в его памяти. В его мозгу все было разложено по ящичкам и он прикладывал одно к одному.

Сегодня мне пришлось вспомнить, что я влюблена в доктора. Он приехал вечером, вместе с Асей, то есть приехали они каждый в отдельности и столкнулись у нашей калитки. Ася была со своей мамой, а доктор один, как всегда. Пока накрывали на стол, мы ходили с доктором по главной аллее. Он говорил, что мы славные барышни, и с нами он отдыхает. У

него есть такая девица, но она живет с матерью. Он видит ее только летом и на Рождество. На обратном пути доктор предложил идти с ним под руку. Ася отказалась, а я повисла у него на руке. Я думала выразить этим мою симпатию, но Ася объявила мне перед сном, что я не умею себя вести. «Ты понимаешь, его жена разводка...» Ася говорит, что я не должна была сидеть рядом с доктором и гладить его по рукаву. Я ничего плохого в этом не вижу, пусть знает, что я на его стороне! А разводка меня не интересует, она давно успокоилась и имеет другого мужа, директора взаимного кредита. Это сказала Матя, она собирает все сплетни, касающиеся чужих жен. Променять доктора на взаимный кредит — форменное безумие, тем более, что в докторе есть что-то авторитетное, не допускающее возражений. Я бы его ни за что не оставила.

Незадолго до ужина доктор предложил пойти вымыть руки, и я чуть было не обиделась. Он понял и начал рассказывать, что перед операцией он моет руки в течение десяти минут. Представила себе, как он в белом халате стоит у раковины и как льется вода, то густой, то узенькой струйкой, и мне стало его жалко. А он, несмотря на свою авторитетность, улыбался, как мальчик, которого хотели оставить без сладкого, но в последний момент простили. Как-то я сказала Боре Гаевскому, что людей надо жалеть, и он на меня набросился: по его понятиям жалость унижительна. В этом мы с ним никогда не сойдемся, но я не спорю, он очень гордый и независимый. Вова не любит, чтоб я говорила о достоинствах Бори Гаевского. К Жене он относится лучше, потому что Женя брат близнецов. Но и Женя по его словам растяпа и со временем будет прозябать. Если б я ему сказала, что я думаю о велосипедной девочке и других, он был бы удивлен и решил, что это детская ревность.

Я не виновата, что глаза у меня открылись раньше, чем полагается, и я не могу идеализировать всех его знакомых. Но я забываю обо всем на свете, когда доктор просит меня прочесть мое любимое стихотворение. Выхожу из-за стола, чтоб все меня видели и начинаю:

Прощай, свободная стихия,
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь утренней красой...

Мне кажется, что я в лодке и качаюсь на волнах. Наверно в такие минуты на лице у меня написан восторг. Но я вдруг просыпаюсь и вижу, что Данюша одной рукой барабанит по скатерти, а Матя укоризненно качает головой. Она боится за меня. Зато доктор не может найти слов от восхищения. В конце концов получается, что я будущая Савина или Комиссаржевская. Я изучила комплименты взрослых, они всегда говорят о будущем. Сейчас я ничего, просто девочка с повышенной нервной возбудимостью, как сказал один врач по внутренним болезням. Помню, как он стучал молоточком по моему колену и хотел, чтоб нога дрыгнула. Она, как на зло, не хотела дрыгнуть и врач по внутренним был очень недоволен.

От Пушкина меня ни один врач не вылечит. Я знаю наизусть почти треть его стихотворений, даже «Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря». Вера Львовна говорит, что «Отрок, оставь рыбака» — это Ломоносов. Он стал поэтом и вельможей и кроме того, ученым. История его жизни есть в каждой хрестоматии, но она написана так просто и по-детски, что кажется неправдоподобной. От Пушкина больше всех пострадал мой дядя. Еще зимой я прочла ему вслух «Бориса Годунова» и «Пир во время чумы». Я не уверена в том, что дядя слушал: он поглаживал

бороду и что-то бормотал. Может быть во время моего чтения он посылал проклятия злым людям, которые помешали ему стать инспектором страхового общества. Я носила Пушкина на кухню, но Геня сразу сказала, что это не для нее. Она хочет что-нибудь из жизни. Лучше будем читать газету или похождения Герша Острополера, они поинтереснее всех пушкиных.

С тех пор, как я прочла вину книгу «Юношеские годы Пушкина», я совсем помешалась. Много бы я дала за то, чтоб жить в Царском Селе и считаться лицейским товарищем Пушкина. Все это было страшно давно, но мечты остаются. Если б мне не было стыдно, я предложила бы Асе поиграть в Пушкина. Я Пушкин, а она Дельвиг, и мы ведем разговоры о Царскосельском лицее. Асе такие игры не по душе — она соглашается иногда поиграть в любовь: она гимназистка седьмого класса, а я студент. Я должна объясняться ей в любви и говорить, какие у нее бездонные глаза. Она хочет, чтоб я говорила об ее золотой косе. Тут я начинаю протестовать. Глаза еще куда ни шло, а назвать ее косички «толстой косой цвета спелой ржи» я никак не могу. Но нам сейчас не до игр, завтра мой день рождения, и я обещала накрыть на стол. Это не совсем так, я добилась, чтоб мне позволили расставлять чашки и тарелочки для парадных случаев. Сегодня вечером стол накрыт по обычному. И посуда старая, в синих цветочках. Мне жалко, что доктору не поставили парадных тарелочек, но мама говорит, что они только для десерта. На каких тарелках ест Данюша — мне безразлично. Он писатель и не должен обращать внимания на мелочи жизни. Это выражение я нашла в газете, и оно ко мне прилипло.

Некоторые строчки я могу твердить до полного одурения. Например, «Люблю я пышное природы увя-

данье, В багрец и золото одетые леса...» Я положила эти слова на музыку и пела их до тех пор, пока меня не попросили замолчать. Самым обидным оказалось то, что мотив был сочинен не мной, а кем-то другим, и я его нечаянно себе присвоила. Боря Гаевский говорит, что брать чужое — плагиат и за это можно попасть в тюрьму. Тогда вся наша жизнь плагиат. Все с утра повторяют то, что сто раз было сказано до них. Лучше своровать чужой мотив, чем повторять чужие глупости. Но каждый считает, что он открыл Америку. На самом деле он открыл не Америку, а Жмеринку. Это станция железной дороги, где хороший буфет.

Но я не могу довести мою мысль до конца, гости уже прощаются, а Асяна мама дает ей множество советов. Главное, она должна принимать пилюли от малокровия. Ася обещает принимать пилюли и не слишком долго разговаривать перед сном. Тетя Полина понимает, что мы все равно будем разговаривать до тех пор, пока не начнут стучать в стенку, но так полагается, надо показать себя хорошей воспитательницей. Если бы взрослые знали, сколько слов они бросают на ветер! А может быть они знают и это такая же игра, как мои ухаживания за Асей. Доктор тоже прощается, он жалеет, что приехал накануне моего дня рождения. Подарок за ним. Я хотела бы его проводить, но мне не разрешают. Мы и так досидели до десяти часов. Подумаешь, я уже как-то легла в одиннадцать и никто не охал и не возмутился. Спать мне совсем не хочется, но Ася начинает ежиться, ей холодно. «Дурочка, смотри лучше, как падают звезды». Она не хочет смотреть на падающие звезды. На лимане, по ее словам, звезды крупнее. Этого быть не может. Лиман в том же полушарии, что наша малофантанская дача! Но Ася заупрямилась, ей хочется, чтоб на лимане все было красивее, чем здесь. Она

почти плачет, и мама требует, чтоб я уступила: Ася моя гостья, а с гостями принято соглашаться. Хорошо, сейчас я соглашусь, зато в городе ей от меня влетит.

Но может быть я забуду и Малый Фонтан и звезды, и в городе начнется другая жизнь. Надо будет вставать чуть ли не на рассвете, чтоб идти в гимназию. Вера Львовна была права, когда хотела приучить меня к дисциплине. А что, если посреди урока я вдруг задумаюсь и мне покажется, что я на кухне у гробовщика вместе с Оливером Твистом грызу старые обглоданные кости. Или, что я маленькая девочка, ставшая взрослой. Мне хочется, чтоб последние дни на даче тянулись очень, очень медленно, и я недовольна, что каштаны начали желтеть и на клумбах появились астры и настурции. Ася тоже боится гимназии. Она не знает, нужно ли делать реверансы учителям. Доказываю ей, что в передовых гимназиях нет реверансов, но она не верит.

Ася начиталась Чарской, ей всюду мерещатся классные дамы. Они ходят по коридору и в руках у них записная книжка. Улыбка у них неискренняя, почти змеиная. У нас в гимназии нет классных дам и, наверное, никогда не будет. Но Ася мысленно учится в Институте или в казенной гимназии. Все передовое ей не по душе.

26.

В эту ночь я сплю тревожно. Несколько раз вскакивала, чтоб посмотреть тут ли Ася. Не удрала ли она на свой нежно-любимый лиман. Слышала даже пение петухов. Не совсем такое, как в детской книжке, а более протяжное и невнятное. После этого я заснула и добудиться меня не было никакой возможности. А все хотели поздравить именно с утра. Чужие с их поздравлениями придут позже. Я на седьмом небе. Мама и папа сжалились надо мной и подарили мне ранец, еще более меховой, чем у других девочек. Они просят меня не злоупотреблять ношением ранца. Сумку мне тоже купят. Но я и слышать не хочу о сумке. Ранец примиряет меня со всем. Я готова завтра же идти в гимназию, чтоб показать его Вассе. Вова подарил альбом для стихотворений. Он обещает сочинить для него специальные стихи. Пока что Матя написала на первой странице: «Ангел летит из под крова, Надя проснулась от сна. Ангел сказал ей три слова: Надя, голубка моя».

У меня уже был детский альбом. На каждой странице там были анютины глазки и какие-то несуществующие розовые дети. Альбом этот испортили близнецы своим страшно глупым стихотворением: «Ты прекрасна, словно роза, Но есть разница одна: Роза стоит три копейки, А ты, Надя, ни гроша». Они вы-

давали это за собственное сочинение. Вова был очень зол: близнецы могли бы придумать что-нибудь более приятное. Или, по крайней мере, остроумное, вроде: «Если хочешь быть счастлив, Кушай только чернослив, И от этого в желудке, Разведутся незабудки». Не думаю, чтоб Вова считал это на самом деле остроумным, у него слишком тонкий вкус. Он покупает юмористический журнал «Сатирикон», и ему посчастливилось найти выходявший когда-то «Пулемет» Шебуева. Это юмористический журнал, где много о революции. Вова будет вырезывать оттуда карикатуры и даже рассказы. Их все забыли и можно подумать, что они написаны исключительно для нашего журнала. Названия у него пока нет. В крайнем случае его придумает сын артиста, у него талант на всякую чепуху.

От Кати я получила золотую ручку с серебряным пером. Она не совсем золотая, Вова уверен, что это самоварное золото, но мне она нравится. Катина бонна купила мне Робинзона Крузо. У меня есть Робинзон, но я сделала вид, что не имею ни малейшего понятия об этой книжке. Матя, как музыкантша, подарила мне вальсы, переделанные для тех, кто играет, как я, то-есть с грехом пополам. Я хочу, чтоб вальсы меня уносили, а матины вальсы это верчение на месте. Ничего, придет время и я буду играть в полумраке гостиной, как мама, или как тетя Лиля, жена архитектора. Матя верит, что я буду неплохой домашней пианисткой, иначе она не подарила бы мне вальсы, это было бы издевательством. Когда Данюша увидел, сколько нанесли подарков, он сконфузился и убежал. Через полчаса он вернулся с большим букетом чайных роз, и от них терраса сразу стала праздничной. Ася свой подарок положила на стул, заменяющий ночной столик. Когда я проснулась и вытянула руку из-под одеяла, то первым долгом наткну-

лась на что-то твердое. Это был футляр, а в нем кольцо для салфетки с моими инициалами. Не понимаю, почему в этом году у меня такие серьезные подарки, ведь ничего особенного не случилось!

До прихода гостей еще, по крайней мере, час. Мы с Асей гуляем по маленьким дорожкам, и она меня то и дело притискивает к забору. Мы говорим о гимназии. Асина форма висит в шкафу, как моя. У нее есть даже несколько белых воротничков. «Это разрешается», — говорит Ася. Но она не знает, как отнесется начальница к ее сережкам с красными камешками. Они ей очень нужны: она постоянно дергает собственное ухо и давно оторвала бы его, если бы не сережки. Из-за них она дергает с осторожностью. Какое счастье, что я сразу же потеряла мои бирюзовые серьги! Колечка я тоже не ношу, меня высмеял Вова. Он говорит, что кольца — претенциозное мещанство. Его дети не будут носить колец, разве что в носу, если он женится на негритянке.

Из-за кустов выходит Варя, дочка управляющего. Она узнала про день рождения и хочет сделать мне подарок. Варя вынимает из одного из своих бесчисленных карманов небольшую раковину. Если приложить к ней ухо, слышен шум моря. В других раковинах море тоже шумит, но не так отчетливо, как в этой. У Вари есть дар оживлять природу. Стоит ей взять в руки веточку, и та начинает распускаться. Собаки трются о ее колени. Я видела, как к ней на плечо села птичка. А она простенькая пугливая девочка с веснушчатым носиком. Ася не любит, когда говорят про веснушки. Она хотела бы все лето ходить под зонтиком. Тогда ее лицо станет молочно-белым, как у премированных красавиц. Но у нее только маленький красный зонтик, который она стесняется брать с собой. Он стоит в углу, в прихожей, и пылится вместе с взрослыми зонтиками.

Асе неприятно, что я наделяю Варю какими-то волшебными дарами. Это глупая фантазия. Я уже рассказывала ей про человека, который творил чудеса. Она не верит в чудо и, вообще, ей надоело гулять по нерасчищенной дорожке. У них на даче все посыпано гравием. Я хотела возразить, но не вышло — Катя уже бежала со всех ног нам навстречу: приехали Женя и Боря Гаевский. Я вне себя от радости и боюсь это показать, Ася за лето стала еще более обидчивой. Женя и Боря ждут меня на террасе. У каждого в руке по пакету. Они не знают, куда их девать. Женя меня поздравляет, а Боря делает вид, что приехал просто так, без всякого повода. Я привыкла и не обращаю внимания на его странности. Но теперь я начинаю чувствовать, что мне не о чем с ними говорить. Я так их ждала, что от ожидания все слова испарились. Они волнуются больше моего. У Жени руки стали мокрыми и мне кажется, что он немного порыжел. С Асей они разговаривают проще, чем со мной, а ведь она им совсем чужая. Но когда я прошу посидеть на скамейке за домом, Боря Гаевский предлагает пойти погулять, он хочет сравнить нашу дачу с прошлогодней. Выходит так, что Женя с Асей идут впереди, а мы немного отстаем.

Когда они удаляются шагов на двадцать. Боря начинает говорить мне, что он разочаровался в жизни. У них в доме жил такой разочарованный студент и кончилось тем, что он застрелился. Накануне студент сказал Бориной маме, что красивая смерть стоит десяти плохоньких жизней. Потом нашли записку, в которой он просит простить его и если возможно, сжечь и пепел развеять по ветру. Боря страшно потрясен. Он думает, что студент совершил героический поступок. Я уже читала про самоубийства, но никогда бы не поверила, что Боря Гаевский может ими увлечься. Умоляю его, чтоб он дал слово, что будет

жить и еще покажет будущим недоброжелателям, где раки зимуют. Кроме того, он обязан защищать свою маму, она совсем потеряла голову. Ей надоело с утра ссориться и угрожать, что она уйдет, а потом оставаться и делать вид, что все в порядке.

Я жалею, что мы отделились от Аси и Жени. Они говорят о книгах и о дачных знакомых, а мы погрузились в такие ужасы, что я не знаю, как оттуда выкарабкаться. Наконец, Боря Гаевский соглашается пересмотреть свое отношение к студенту, и я счастлива. Но теперь самоубийство для меня не просто несколько газетных строчек, а то, что может случиться с каждым: приходит полиция и всех допрашивает, а вечером горничная замыкает кровавые пятна. Я завидую примерным девочкам, которые говорят только о приличном. В смерти есть что-то неприличное, я это чувствую, но объяснить не могу. Когда мы возвращаемся, Женя и Ася слегка надуты. Они считают, что нельзя отделяться от компании, это признак того, что Боря собирается за мной ухаживать. Если б они знали, как он далек от ухаживания! Я его близкий друг, и он уверен, что я не проболтаюсь, хотя люблю говорить лишнее.

Чужая жизнь по-прежнему меня интересует, но я не хочу перемывать косточки, как делает Матя. Вова потерял бы ко мне всякое уважение и его любовь превратилась бы в обыкновенное, не очень сильное родственное чувство. Сейчас Вова помогает накрывать на стол. Он признает праздничные столы, на которых много вкусных пирогов, конфет, птифуров и другого угощения. Можно незаметно смахнуть с тарелки глазированный птифур и смотреть на них с некоторым презрением, как будто они абсолютно никому не нужны. Вова большой мастер этого дела, он говорит, что ему смело можно поручить устройство чайного стола. Торты он нарежет не слишком толсто и не

слишком тонко, как у шпионов, где каждый кусок был почти прозрачным. Я люблю обилие: горы бутербродов и груды пирожных, чтоб глаза разбегались. Мне приходится доказывать Гене, что покупное не так плохо. Но она обижается и говорит, что в кондитерских все на кошачьем жиру! Когда-нибудь она научит меня делать тесто, в которое вкладывают фунт сливочного масла, и все будут восторгаться моими печеньями. Не думаю, что у меня хватит терпения раскатывать тесто и снова класть его на лед, но не хочу ее разочаровывать.

Из приглашенных пока пришел только Арнольд. Он внимательно разглядывает тарелки и прицеливается к угощению. Он принес большую коробку ирисок, и я вижу, что ему жалко ее отдавать. Арнольд не из тех, кто делает подарки. Он страшный собственник. Своих книг он не одалживает, а если возьмет у кого-нибудь, обязательно зажулит. Вова говорит, что это распространенная болезнь, и у близнецов она зашла довольно далеко. Они составили целую библиотеку из чужих книг. Когда близнецы входят ко мне в комнату, я прячу книги в ящик письменного стола. Я боюсь, что они попросят Диккенса и никогда в жизни не отдадут. Вслед за Арнольдом является мой кадет. Ему жарко, но он крепится. Он пришел что-то засвидетельствовать, то есть поздравить меня. В правой руке у него букет, и он никак не может поздороваться. Наконец, он догадывается, перекладывает букет в левую руку и начинает шаркать ножкой. У кадета прозрачные уши, и это очень красиво. Но Вова недоволен. Он не любит военных. Исключение он делает для моряков, которые трижды объехали вокруг света, и то потому, что на моем дне рождения нет ни одного моряка. Наряднее всех дочка шпионов, на ней платье с швейцарской вышивкой, перевязанное лентой цвета раздавленной клубники. В волосах

у нее бант того же цвета. Он воздушный и вот-вот улетит.

Я никогда не гонялась за бантами и ни с кем не конкурировала, как это делают некоторые девочки. Может быть потому, что они маменькины дочки, а я, конечно, в душе, борец за равноправие. Но надо потерпеть, и я вплетаю в мои торчащие косы как можно более узкую ленту. Дочь шпионов не понимает, что я это делаю из убеждения, она думает, что мои родители просто не умеют меня одевать. Я же подозреваю ее в том, что она пудрится, как Лидуся с Хаджибейского лимана. У нее такой же белый нос, а щеки как будто наштукатурены. Велосипедная девочка держит себя гораздо проще. Она подарила мне шкатулку для моей личной корреспонденции. Шкатулка запирается на ключ, такой маленький, что его можно считать кукольным.

У меня нет секретной корреспонденции, но это не за горами, как говорит тетя Таня. Она употребляет выражения вроде: не за горами, жизнь идет своим чередом, больно холодно, — других странностей я за ней не замечала. Но приглашенные уже в сборе. Мы ждем только, чтоб сын артиста со всеми поздоровался. Над пирогами кружат злющие осы, которых Надежда Моисеевна принимает за пчел. Она чувствует себя виновницей торжества и хотела бы сидеть рядом со мной. Но я поступаю невежливо и вместе с Асей, Женей и Борей Гаевским устраиваюсь на конце стола, куда не так легко пролезть. Там барьер террасы и стена из дикого винограда. Надежда Моисеевна обижена, но она успокаивается, когда кадет вскакивает и отодвигает ее стул, совсем, как в пьесе. Кадет еще маленький, но когда он станет офицером, шпоры у него будут звенеть и грудь будет вся в орденах. Это он мне доверил на нашей скамейке за домом. Я ни-

кому не рассказала, так как боялась, что его не поймут. А мне нравится, что он видит свое будущее.

Мне будущее не кажется таким ясным, как было год тому назад. Все смешалось, и я вижу себя то писательницей, то артисткой, то врачом в белом халате. Я готова и на это. Ася возмущена тем, что я отвергаю семью. Я ее совсем не отвергаю, но мне кажется, что можно жить без зеркальных шкафов и стоячих ламп. Мне самой трудно понять, почему я так боюсь установленного порядка и вместе с тем мне приятно, что у нас, сколько бы человек ни пришло, все могут сесть за стол и каждый получит самый лучший кусок. Сейчас очень тесно, тарелка касается тарелки. Никогда не думала, что на даче такое множество детей. Аппетит у всех превосходный. Толя, тот, что подает полпальца, все с тем же презрительным видом уничтожает одну порцию за другой. Не могу оторвать от него глаз, а на гостей не полагается смотреть в упор.

Сын артиста за лето очень повзрослел. Он ораторствует и хотел бы, чтоб его слушали. Поэтому он все время раскачивается на стуле. Женя и Боря недовольны моей рассеянностью. Они находят, что я как будто бы в гостях, а не на своем дне рождения. Они не знают, что я мысленно его отпраздновала и жду, чтоб поскорей все кончилось. Может быть потому, что я съела слишком большой кусок шоколадного торта. Он залепил горло и мне стало очень скучно: я жду, что войдет студент-самоубийца и сядет за этот стол. Во всем виноват Боря Гаевский, он не должен был меня пугать. К счастью, приносят телеграмму и настроение у меня сразу меняется. Телеграмма от дедушки и тети Иды. Они пьют воды на курорте и снимаются под пальмами. Я не знаю, живые это пальмы или искусственные, как бывает у фотографов, но у

меня настоящее рождение с поздравительной телеграммой.

Я так взволнована, что Яков Соломонович обещает в будущем году послать мне две или три телеграммы. Ему немного обидно, что не он первый послал телеграмму. Обыкновенно самое большое баловство исходит от него. На рождение он подарил мне Марка Твена и тоненькую цепочку, на ней эмалевая пятиугольная звезда. Я отвергаю драгоценности, но ведь это не браслет и не колечко с рубином. Вова говорит, что я могу носить звездочку, она символическая, то-есть имеет скрытое значение. При Якове Соломоновиче опасно высказать какое-нибудь желание. Он способен сейчас же пойти в магазин. Бывает так, что магазины закрыты, тогда он приносит на следующий день и как будто невзначай кладет пакетик перед моим прибором. Мне стыдно. Но я сама люблю дарить и поэтому понимаю бедного Якова Соломоновича.

Когда у меня наберется достаточное количество гривенников я куплю ему галстук в зеленую горошину. Он выставлен в магазине Гальперина в мужском окне. Боюсь, что придется долго ждать. Деньги у меня расходятся, не то, что у примерных девочек, которые умеют копить и потом делают грошевые подарки. Яков Соломонович доволен. Он в противоположном конце стола прихлебывает невероятно крепкий чай и при этом вытирает лоб большим белым платком. Стало темно. Женя говорит о дожде и вдруг мы слышим, где-то очень, очень близко, удар грома. От неожиданности Толя перестал есть. Оказалось, что дождь до нас не доходит, только несколько капель рикошетом упало на скатерть. А с неба льются потоки и похоже, что мы на плоту на какой-нибудь разбушевавшейся реке.

Замелькали молнии, короткие и кривые, как па-

лочки из катиной тетради. Если гроза будет продолжаться, гости не сумеют уйти, им придется здесь заночевать. Они улягутся на полу, это очень весело. Но что делать с гостем — Данюшей, — который куда-то исчез? Пока я придумываю, куда кого положить, гроза утихает. Капли становятся совсем маленькими и только иногда одна огромная капля шлепается о перила террасы. Сын артиста не успевает перебросить на чужую тарелку несколько конфетных бумажек, как лужи подсыхают. Надежда Моисеевна говорит, что гроза, слава Богу, очистила воздух, и теперь она дышит полной грудью. Чтоб показать, как ей хорошо, она закатывает глаза и смотрит в потолок. Боря Гаевский дуется: я недостаточно серьезно отнеслась к его рассказу о студенте. Ася тоже недовольна — она боится сырости. У них на лимане, наверно, не было дождя, там климат лучше.

Мы еще не закончили всех пирогов и пирожных. Игр не будет, и я надеюсь, что никто не начнет декламировать. Я вижу, что дочка шпионов сидит, как на иголках, ей хотелось бы выступить, но никто не предлагает ей прочесть какой-нибудь монолог. Зато сын артиста окончательно разошелся. Он особым способом сложил бумагу и показывает велосипедной Верочке очень интересный фокус. Сначала он рисует сердце. Потом часть бумаги отодвигается и перед нами папа римский. Стоит закрыть эту сторону и отодвинуть другую, и на рисунке черт крымский. Обязательно надо запомнить. Для гимназии это может пригодиться.

Чаепитие, наконец, окончилось. Идем на поляну. Бревна намокли и потемнели от дождя и на них нелазу сидеть, мы ходим вокруг гигантских шагов. Надежда Моисеевна, которая веселится больше всех, говорит, что у меня два кавалера — кадет и Боря Гаевский. Совсем не смешно: кавалеры бывают только у

барышень и у прислуг. Кадет и Боря мои друзья, но они почему-то невзлюбили друг друга. Боря Гаевский спрашивает кадета, проходят ли в корпусе космографию? Кадет не знает. Не уверена в том, что Боря Гаевский знает, что такое космография, ему просто хочется прижать кадета к стене. Он может быть резким и неприятным. Когда губы у него становятся тонкими, я пугаюсь. Это длится не очень долго, он берет себя в руки и начинает говорить обычным вежливым голосом. Вспыльчивость у него от отца, а тот перебил всю столовую посуду. Чаще всего он бросает на пол ни в чем неповинный телефонный аппарат.

Кадет смотрит на Борю Гаевского такими непонимающими глазами, что тому становится не по себе. Теперь мы уже ни о чем специальном не говорим, мы просто болтаем и перескакиваем с одного предмета на другой. На поляне пустынно, как в африканских джунглях. Не верится, что она в двадцати шагах от дома и что за углом — тачка садовника. Дачные дети понемногу расходятся, а для приехавших будет ужин: цыплята с горошком и мороженое. Вова сказал, что это мое традиционное меню. Он прав, я его выбрала раз и навсегда. Традиции я признаю исключительно в еде. С остальными необходимо бороться. Я борюсь, но никто не замечает моей борьбы, она довольно слабая и не бросается в глаза. За ужином я выпиваю полбокала бессарабского вина с водой из сифона. Вода шипит и красная пена падает на скатерть. Ну, что ж, сегодня мне все позволено, это мой день! Жалко, что он подходит к концу. Но приходится быть философом.

Вова и близнецы решили выработать свою философию. У сына артиста есть философия, он говорит, что надо жить сегодняшним днем. Что будет дальше — ему безразлично. Есть такие философы — они

ловят момент. Не представляю себе, как это происходит. Ведь, если его поймаешь, он перестает быть моментом. Значит его ловят, чтоб никогда не поймать. Это вроде картины «Погоня за счастьем». Она висит во многих знакомых домах. Весной я написала стихотворение «Погоня за счастьем». Тогда все удивлялись и считали это слишком не по-детски. Близнецы думают, что я писала в творческом трансе. Что это за транс, они мне объяснят, когда я выйду из младенческого состояния. Я давно из него вышла. Но близнецы ко мне и к Жене относятся с недоверием. Он цыпленок или сопляк, а я приставучка, и меня надо гнать из комнаты. Чтоб подольститься к Вове, они разговаривают со мной о книгах, которые я читала в незапамятные времена. Например, о «Семи мудрых школярах». Что бы они запели, если бы могли пронюхать, что я читаю Куприна. Конечно, тайком. Я не должна знать, что существует Куприн, а я знаю и чуть не проговорила, что мне нравится штабс-капитан Рыбников. Куприна я нашла у Мати на ночном столике. Она бы рвала на себе волосы, если бы видела, как я зачитываюсь «Рекой жизни».

Когда уезжают последние гости, мы быстро раздеваемся. Свеча в стеклянном колпаке еле живет. Керосиновую лампу мне боятся поставить, с моей обычной ловкостью я ее опрокину. И тогда дом может загореться. Ася зовет. Мне скучно на нее смотреть. Она даже не заметила, как я замечательно тушу свечу. Ее не трогает, что у меня сильное дыханье. Я подзреваю, что она спит и ей снится замечательный Хаджибейский лиман и его жители. Она дышит ровно, как заводная кукла. А мне не спится, случилось что-то очень важное, какой-то поворот в моей жизни. Завтра я буду уже более взрослой и положительной. Собственно говоря, мне будет только десять лет и один день, но и этого достаточно. Ася не поймет,

она старше меня на полгода и над этим никогда не задумывалась. Ей хочется поскорей вырасти. Маленьким девочкам всегда говорят: как тебе не стыдно, ты ведь взрослая! Это означает, что ты еще малышка. Всем по-настоящему взрослым об их взрослости никто не твердит. Это само собой разумеется.

А некоторые дамы и девицы скрывают свои годы. Боже, как я их жалею! Недаром Вова смеется над молодящимися старухами. У нас на даче есть такая, она густо накрашена и ее считают сумасшедшей. Нормальные женщины не красятся. Старуха живет рядом со шпионами, в боковом флигеле, и они называют ее «баронесса». Ходит она совсем странно, как будто убегает от преследователей. На самом деле ее никто не преследует, все это воображение. Но не только баронесса молодится. Наша Матя в большой претензии к Вове: он всем растарабанил, сколько ей лет. Матя хочет остановиться на двадцати, это вполне подходящий возраст для молодой девушки. Надежда Моисеевна тоже хотела бы, чтоб ее считали молодой. Она верит в вечную молодость. А жена дяди Авдея Ильича уже давно хранит следы былой красоты. Ей удалось убедить всех, что она была писаной красавицей. Мама говорит, что она была обыкновенной прыщавой девицей с глазами на мокром месте.

Но хватит всех критиковать, я ведь не старая дева. Геня сказала, что она еще будет отплясывать галоп на моей свадьбе. Я очень испугалась. Замужество для других, для Аси, для Эльзуни, но не для меня. Ася что-то бормочет со сна и мне становится стыдно. Я считаю ее девицей на выданьи, а у нее идеалы не хуже моих. Если б только можно было излечить ее от излишней семейственности! Существует один способ: рассказать ей про ее папу. Но я скорее умру, чем скажу эту поганую, злую правду. Лучше всего — закутаться в молчание. Так говорит сын ар-

тиста, когда Вова припирает его к стенке. И все от того, что им нравятся одни и те же гимназистки. Сын артиста хотел бы ухаживать за избранницей Вовиною сердца. А Вова непрочь влюбиться в его пассию. Не понимаю, почему они не могут заранее условиться, тогда не будет никаких недоразумений. Свеча окончательно растопилась. Фитиль плавает в стеариновой лужице, а я все еще не сплю. Начинаю пересчитывать подарки. Потом считаю, сколько было гостей. Мне сказали, что надо считать. Все равно что: бараньи головы или золотые монеты.

Ася уехала на следующий же день. Она озабочена. Скоро начало занятий, а у нее нехватает двух голубых холстинковых передников. Их носят поверх формы, чтоб все было гигиенично. Наша начальница против рутины. Главное, надо растить хороших и гуманных людей. Асина сестра ненавидит гуманность. Но меня это мало трогает. Я должна пользоваться последними днями моей свободы. Не знаю, как к этому приступить. К счастью, Вова все устроил. Мы пойдем в Аркадию по берегу Малого Фонтана. Вова дал честное слово, что будет смотреть за мной, как за грудным ребенком. Мама и папа могут быть спокойны, в воду мне упасть не удастся. Мы берем с собой Бобика, который всем осточертел своей переэкзаменовкой. Вова ставит ему условие: он не будет говорить о ней, иначе Вова сбросит его со скалы. Конечно, это шуточная угроза, но я все-таки советую Бобику держать язык за зубами.

Мы идем гуськом по узкой тропинке. Внизу, совсем близко, море. Оно цвета моих бывших сережек, таким я его еще не видела. Мои ноги начинают скользить и разъезжаться в разные стороны. Но Вова берет меня за руку и помогает идти дальше. Под руку берут только малознакомых девочек. Я предпочитаю, чтоб он держал меня за руку, и мы шли, как два то-

варища. Это длинная прогулка, она продолжается не меньше часа. Вову начинает мучить голод. Он доволен, что захватил на кухне немного провианта. Мы садимся в углублении скользкой розовой скалы и в один миг съедаем все без остатка. Бобик заинтересован морскими травами. Они тянутся, как резина, и в них много мидий и разных непонятных раковин. Все это выбросило море, а люди навалили кучу всякого сора. Там, где мы сидели, лежало несколько бутылочных пробок. Вова стал — одну за другой — бросать их в море, но оно отказывалось от пробок и снова вышвыривало их на песок.

В Аркадию мы пришли к началу концерта. Трубач невысокого роста стоял на крыше и когда оркестр переставал играть, трубил с большим чувством. Вова сказал нам, что он солист и поэтому играет отдельно. Смотреть на солиста было очень неприятно, пот катился градом по его багровому лицу, и он смахивал его сердитыми движениями головы. Другие музыканты старались изо всех сил. Все время играли марши: свадебный и еще какой-то, кажется, славянский. Вова угостил Бобика и меня клюквенным квасом. Я больше люблю лимонный, но не стоит портить настроения моими жалобами и претензиями. Я делаю все, чтоб не прослыть особой, которая пьет мелкими глоточками и всегда что-то оставляет на тарелке.

Потом мы гуляли по берегу моря и встретили молодого человека с нашей дачи. Он обнимал барышню в тюлевой шляпке. Она отворачивалась, ей было жалко шляпку. Матя говорит, что тюлевые шляпы — минутная радость. Стоит одной капле упасть на них, как все слипается и надо менять отделку. Я хотела дожидаться захода солнца, но Вова погнал нас домой: погуляли и хватит. Возвращались мы той же дорогой, и она показалась мне еще более длинной. Пришлось на каждом шагу останавливаться и вытряхивать сан-

дали, столько в них набирается песка и мелких колючих камешков. Мы опоздали к ужину, но я была горда этой прогулкой и без конца говорила об Аркадии. Прежние поездки — на конке или в экипаже — не считаются. Это совсем другое. Мне даже стало жалко велосипедную девочку, она никогда не ходила с Вовой в Аркадию. Они ездили туда на велосипеде. Ходить куда интереснее. Видишь каждую травинку, каждый кустик ромашки. Бобик обещал показать мне пещеру, где по его словам жили доисторические люди. Но я смертельно боюсь пещер. Войдешь в них и не выйдешь и там летучие мыши, мои главные враги. Лучше останемся на поверхности земли. Бобику я ничего не скажу. Про пещеру он просто сболтнул.

Бобик собирался повести меня в одесские катакомбы и в порт, где у него приятели. Он хочет доказать, какой он важный и влиятельный, но я не придаю значения его словам. Для меня он остается случайным товарищем Вовы, который в конце лета исчезнет без следа. И хотя мы должны прожить тут до конца месяца, я начинаю уже забывать моих дачных знакомых. Как будто я нечаянно перевернула бинокль и все отдалилось. Поскорей бы нам дали список книг! Я знаю от Вассы про учебник естественной истории, где на каждой странице тычинки и пестики. Новые книги пахнут клеем, это очень приятный запах. К сожалению, они быстро стареют и на них появляются чернильные пятна. Вова говорит, что я получу от него в наследство учебник Малинина и Буренина. Он не сумел загнать его господину Букинери. Тогда он был еще слишком наивным.

Матя боится, что гимназия помешает моей музыке. Я была бы довольна, если б она, действительно, помешала, но для неприятного всегда найдется время. С мадмазель мы должны закончить «Маленького человека» Альфонса Доде. Эту книгу мне хоте-

лось бы прочесть в один присест, а не читать по несколько страниц. Только я дохожу до того места, где семья переезжает в Лион и хлоп, надо закрыть книгу, потому что мадмазель спешит на другой урок. А между тем в Лионе очень неуютно. Маленький человек приехал с юга, здесь же настоящий север: дожди и тараканы на кухне. И в лавках все называется по-другому, даже мясо и хлеб. Я хотела бы знать, привыкнет ли он к этому северному городу, но мадмазель не спешит, книга ее, как видно мало увлекает. Ее клонит ко сну, и все-таки она должна досидеть до известного часа, это ее обязанность.

Моя обязанность — делать вид, что это урок и что присутствие мадмазель страшно важно и без нее я не сумею читать ни «Маленького человека», ни «Письма с моей мельницы» по-французски. На самом деле я давно ее учительницей не считаю, но притворяюсь, чтоб она имела заработок. Он нужен ее бедной маман и брату Филиппу, который женится на племяннице помощника префекта. Хейфец не занимается со мной всерьез с тех пор, как я стала его советницей. Он так долго и подробно изливает свою душу, что нет времени для спряжений. С Айзенбергом было веселее. Он задавал вопросы и рассказывал про одесский погром. А Хейфец говорит только о себе и о своей будущей карьере, она должна быть блестящей и разносторонней. Я не совсем понимаю, что такое разносторонняя карьера, но не хочу это показать.

Мы готовимся к переезду. Больная Валя и ее мама уже уехали. Мы долго прощались, и я обещала прийти к ним в гости. Валя пригласит меня на Фонвизина и на Островского. Непременно должно быть классическое, иначе ее русская англичанка начнет вопить. Она помещана на хорошем воспитании. Главное, все должно соответствовать возрасту: младшему, среднему

и старшему. Справиться с англичанкой никто не в силах. Валина мама пробует, но быстро сдается и уходит к себе походкой младшего возраста. Семья Арнольда уедет позже всех. Они собираются выжать из дачи все, до последней капли. А на нашей городской квартире моют окна и часть родственников уехала в Балту или в Голту. Это почти одно и то же.

Дедушка и тетя Ида уже вернулись с курорта. Они привезли мне мелкие кораллы. Они гораздо красивее крупных и их очень много. Я пыталась сосчитать, но потом мне надоело. Дедушка сказал, что в следующий раз привезет мне коралловую брошку такого же цвета. Она напоминает цвет семги в магазине Чудновского, когда она совсем еще свежая и приказчик Володя рекомендует ее клиенткам. Вова говорит, что все мои сравнения из области еды. Это, скорей, обидно. Можно подумать, что я такая же обжора, как дядя Пуд, или как борец, который съедает по пять ореховых тортов. Я рада, что дедушка вернулся и можно ходить к нему на Пушкинскую. По дороге я делаю остановку в буфете Фурмана, где столько сиропов, что глаза разбегаются, и дедушка всегда возмещает мои расходы.

У него большие перемены: он рассчитал Гитлюслона. Тетя Ида торжествует: «Так ей и надо, этой нахалке! Вообразила себя барыней, а ей до барыни далеко, как до неба!». Досадно, что я не узнаю, что стало с Авремлем, но, может быть, я встречу его на улице, и он мне все расскажет. Новая прислуга, Хана, тихая женщина с потрескавшимися руками, она их прячет под передником. Хана подсовывает мне большие куски медового пряника, но я не верю в любовь дедушкиных экономок. Они думают, что дедушка богач. А дедушка разорился на хлебных делах. Вова сказал, что у него остались крохи. Не от хлебного дела, конечно, а от денег. Но в глазах своих друзей,

Бебеле и Хармака, он все еще первый миллионер после Бродского. Дедушка не говорит ни да, ни нет. Он умеет многозначительно молчать.

Тетя Ида довольна своей поездкой на курорт. Она поправилась, и юбки больше не сходятся, надо все перешивать. Лечение, как видно, пошло ей впрок. Зато дядя Саша осунулся и похож на голодную собаку. Мне его жалко, я с ним в дружбе и мне безразлично, что он бегает и тетя Ида шипит на него, как злая гусыня.

Дядя из Николаева обещал к началу занятий подарить мне настольный календарь. Для учащихся это очень полезно: можно сосчитать, сколько дней осталось до Рождества или до пасхальных каникул. Вова не особенно верит в календарь. Дядя, наверно, получил его от какой-нибудь фирмы и хочет от него избавиться. Вова больше полагается на подарки Якова Соломоновича, они настоящие и куплены в магазине, где цены без запроса. Вова помнит копилку дядиногo страхового общества. Ее не выбросили, она стоит на вовином столе в знак того, что нельзя взламывать копилки. Вова называет ее «живой укор» и клянется, что при первом случае вернет ее в страховое общество с письмом, где предложит им делать такие копилки, которые не портились бы от того, что кто-то в них просунул перочинный ножик.

В день молебна я надела форму на левую сторону. Хорошо, что во-время заметили, а не то мне пришлось бы туго. Меня подняли бы на смех и никто бы не поверил, что я это сделала случайно. Вера Львовна говорит, что такая рассеянность прощительна только великим людям. Для учениц второго класса нет никакого оправдания. Стыдно сознаться, но на левой стороне форма такая же, как на правой. Несколько швов не имеют значения. В гимназию мы поехали на нашем выезде и мне было очень неловко. Я

попросила остановить за два дома до гимназии. Оттуда я отлично могу дойти и никто не подумает, что у нас собственный экипаж. Гимназический швейцар Афанасий назвал меня барышней. Потом я узнала, что он всех так называет, даже приготовишек. Гимназические полы блестели, как будто их натирала сотня полотеров. Окна сияли. Все было чистое и накрахмаленное.

Я сразу же натолкнулась на Вассу. Она шла, никого не замечая, и чуть не сбила меня с ног. Перед молебном нам позволили заглянуть в класс, где висело много географических карт и на самом видном месте Пушкин с бакенбардами. Может быть, висели и другие портреты, но я не заметила. Меня поразил учительский столик. И чернильница, ее можно купить у Александровского за пять копеек. Но класс надо было проветрить и поэтому нас выставила одна девочка, похожая на классную даму. Она такая же ученица, как мы с Вассой, но из-за толщины кажется более солидной. Толстая девочка — дочь доктора. У ее отца огромная практика, и он берет на дому два рубля за визит и пять, когда выезжает к больному. Васса знает, что он тоже очень полный, а мать объемистая дама. В общем, это семья упитанных толстяков. Сама Васса дала мне пощупать свои ребра, они, как у голодающих индусов, и их можно пересчитать.

Нас зовут в зал, где все выстраиваются, как солдаты. Мое место у окна в коридор. Если мне надоест гимназический батюшка, буду смотреть в окно. Молебен интереснее, чем я думала. Батюшка похож на артиста городского театра. Когда он говорит нараспев, окна начинают звенеть. Я знаю, что молятся на церковно-славянском языке, но почти все слова я понимаю. Капелька святой воды падает на мой рукав, молебен кончился. Мы идем в класс и рассаживаемся,

как попало. Я сижу рядом с толстой девочкой. Она успевает мне рассказать, что ее папа устроил санаторию для переутомленных больных. Она хочет пуститься в подробности, но входит Зоя Антоновна. В руках у нее лист со списком книг. Он очень длинный и с трудом помещается на одной странице. Зоя Антоновна говорит, что книги мы должны обернуть в бумагу и стараться держать их в чистоте. В этот момент из ее кублика выскальзывает шпилька, и он начинает расплзаться. Зоя Антоновна продолжает говорить об аккуратности, но я не слушаю, я считаю пуговки на ее кофте. Занятия начнутся через два дня. Пока мы должны купить книги, тетради, карандаши. И толстую тетрадь в клеенчатом переплете. Это общая тетрадь и без нее нельзя себя считать гимназисткой. Я составляю еще один список книг — для Аси. Она не приехала на молебен. У ее папы болит печень, и дети обязаны оставаться дома и слушать, как он стонет.

Мама ждет меня в раздевальне. Мы собираемся идти за книгами в магазин «Образование», но я прошу маму пойти к господину Букинери. Он на нас рассчитывает, мы его постоянные покупатели. Господин Букинери раскланивается со мной уже очень давно, с того дня, как мне купили задачник Евтушевского. За это время он располнел и напоминает знаменитого фотографа. У него прекрасная шевелюра. Наверно, он втирает в голову средство для рощения волос: «Я Анна Чиллаг». Маму и меня он встречает очень любезно. Он может продать нам книги по списку — новые или подержанные, как мы хотим. Мы предпочитаем новые. У подержанных запах не такой приятный. Можно подумать, что их год подряд читали мальчишки, которые никогда не моют рук. Больше всего мне понравился учебник естественной истории, где всюду написано мелким шриф-

том: смотри страницу такую-то. Мама хочет, чтоб я оставила книги на нашей городской квартире, но я боюсь, что родственники из Балты начнут их критиковать.

Мы везем их на дачу, и я весь вечер читаю хрестоматию. Вова тоже привез книги из города. Он показал мне учебник русской словесности, и я ему позавидовала. Там много о стихах. Вова говорит, что у меня главным образом ямб. Я не знаю, что такое ямб и мне неприятно, что стихи мои, как у всех поэтов. Я думала, что каждый поэт имеет свой собственный размер, а выяснилось, что даже Пушкин писал ямбом. У него это почти незаметно. Когда я читаю «Прощай, свободная стихия», я не думаю о ямбе. В ~~В~~воином учебнике есть еще дактиль и амфибрахий, но это мне не по зубам. Сразу представила себе дактиль: он тоненький, вроде кузнечика, и коленки у него колючие. Зато амфибрахий, как будто, выходит из живота. Он похож на чревовещателя из цирка Малевича. Но сказать нельзя, решат, что я чудачка. Это было бы неплохо. Чудаки — самые интересные люди. Можно умереть от хохота, когда говоришь с ними. Хуже будет, если меня примут за обыкновенную ломаку. Вова советует мне обернуть книги в толстую синюю бумагу. Сам он не спешит, у них это не принято, оберточная бумага пахнет приготовительным классом.

Для девочек особые правила. Они должны быть аккуратными, это пригодится для их будущей жизни. В таком случае я никогда не стану матерью семейства. Я слишком рассеянная и неаккуратная. Ася тоже рассеянная, но она твердо знает, какая мебель будет у нее в гостиной. Ей нравится бамбуковая. А мне в бамбуковой гостиной тесно, как в клетке. У меня будут белые кресла, обитые шелком, как во дворце. Вова смеется над моими дворцовыми гостинными. Я

должна жить на мансарде. Там при свете коптящей лампочки я буду кропать стихи. Но почему кропать? Это очень обидное слово. Наверно, Вова вычитал его в сатирическом отделе «Чтеца-декламатора». Он знает этот отдел наизусть: «В июле по деревне нашей, Бре-ли два брата, Коля с Яшей, И встретили свинью большую...» Мне совсем не смешно, но я смеюсь. Сын артиста сказал, что до маленьких детей юмор не доходит. А я не хочу прослыть малолетней. У меня тоже есть юмор. Я декламирую «Генерала Топтыгина». Это ничуть не хуже «Коли с Яшей». Пока что я обернула все учебники и на каждом написала свое имя, фамилию и в каком я классе. Вова сказал, что в конце концов и он обернет свои книги. Бумага предохраняет переплет от порчи и потом можно будет продать их по хорошей цене.

Когда приходят к господину Букинери продавать учебники, он делает печальное лицо и три раза причмокивает. Это должно обозначать: «Господи, какие теперь дети пошли»... У продающего душа уходит в пятки, и он согласен на любую цену, лишь бы уйти из этого строгого магазина. Данюша рассматривает мои учебники. Они напоминают ему далекое невозвратное детство. За его спиной Вова делает мне знаки: Данюша говорит, как пишет. Мне все равно, я больше не верю в Данюшину трилогию. Она будет готова после дождичка в четверг. Я видела, как он перебирал бахрому Людмилиного платка и когда Катя отворачивалась, пожимал ей руку в тех местах, где не пожимают. Про бахрому и пожатья я никому не скажу. Боря Гаевский начал меня уважать за то, что я умею хранить тайны. У меня скоро наберется множество тайн. Я не знаю, что с ними делать. Придется унести их в другой мир.

27.

Есть тайны, которые меня мучают. Я хотела бы заткнуть уши, чтоб не слышать, как Асин папа предлагает мне посмотреть фотографии для взрослых. Тетя Полина готовится выйти и накладывает перед зеркалом в спальне три слоя пудры. Ася нездорова, ей будут ставить банки. Ее сестра ушла к подруге. Асин папа подходит совсем близко. В руке у него белый конверт. Я закрываю глаза, сейчас я начну кричать. Но тогда тетя Полина выбежит к нам в нижней юбке и в лифчике, и все подумают, что я сошла с ума. Когда меня учили нырять, было страшно, но я благополучно вынырнула из воды. Сейчас я тоже ныряю: перед глазами что-то белое — это голая женщина и голый мужчина. У нее высокая прическа и большая белая грудь. Но что они делают? Асин папа хочет мне объяснить, и тут на кухне начинают стучать кастрюльками. Асин папа быстро прячет карточки во внутренний карман. Уже не страшно, страх прошел. Но я хотела бы уйти, сейчас же, чтоб не возвращаться в столовую с дубовым буфетом.

Другие тайны не такие страшные. В крайнем случае я могу поделиться с Асей или с Борей Гаевским. Надо только сказать, что это случилось с одной знакомой девочкой. Это не ложь, а выдумка. Выдумывать я имею право. Вова говорит, что надо развивать

воображение. Люди без воображения напоминают червей. Про них написано: «А вы на земле проживете, как черви слепые живут...» О Вова и обо мне этого не скажешь. Вова иногда считает себя дирижером, у него даже появляется седая прядь, и он небрежным жестом ее откидывает. Он был уже крупным инженером, строителем фабрик с самыми высокими трубами и просто молодым человеком, которому надоело ухаживать. А я меняю свои профессии по несколько раз в день. Чаще всего я артистка драмы или оперы. Я пою в «Жизни за царя» мамину арию: «Бедный конь в поле пал». И вдруг я забываю. Это похоже на страшный сон. Публика ждет, и я слышу, как начинают шаркать ногами... Но когда припадок воображения проходит, Вова опять становится учеником реального училища, а я девочкой с перемазанными чернилом пальцами.

Не понимаю, как ухитряются сохранять руки чистыми. Мне это не удастся. Когда я играю с Асей в одну из ее любимых игр я «Альфонс Альфред Неандерталь, рыцарь Черной руки», а она то Эрлинда, то Розалинда. Началось с того, что я опрокинула на себя чернильницу. В гимназии это будет труднее, там чернильницы внутри парты и их невозможно передвигать. Вообще, в парту ничего нельзя класть, кроме учебников и письменных принадлежностей. Но Вова говорит, что у Андрокардато там целая коллекция цирковых наездниц, а у сына артиста альбом, где все премьеры и премьерши. Андрокардато ему завидует. Он хотел бы иметь артисток с подписями артистов в разных ролях, но у него нет связей, и он должен ждать, пока кто-нибудь над ним сжалится. А сын артиста свой человек в театре. Он обещал взять Вову на генеральную репетицию. Вова интересуется тем, как меняют декорации. «Чистая переме-

на», — говорит сын артиста и это не болтовня, такая перемена существует.

В понедельник я узнаю, что держат в партах мои соученицы. Васса сказала, что у толстой девочки всегда в запасе несколько бутербродов с колбасой. Как только учительница отворачивается, она начинает жевать. Один раз она забылась и стала чавкать. Весь класс замер, а она, как ни в чем ни бывало, перекладывала бутерброд со щеки в щеку. Потом разразился скандал и хотели вызвать родителей, но толстая девочка так долго плакала и уверяла, что она малокровная, что ее простили. С тех пор она жует с осторожностью. Другие девочки прячут у себя в парте конфеты Крахмальникова, такие яркие, как будто в них крысиный яд. Васса вычитала, что в Японии делают конфеты из рисовой муки. Они похожи на цветы, но вкус у них меловой. Я ничего не собираюсь прятать, разве только коробку с пробными флакончиками. Ее подарил мне Яков Соломонович. Он приходит каждый вечер. Яков Соломонович не признает ни трамваев, ни извозчиков. Ему необходим моцион, как за границей. Пойти на Малый Фонтан или даже на Средний для него не составляет труда. Наверно предки его были скороходами из «Тысяча и одной ночи». Но для меня он берет штейгера, из тех, что стоят на Екатерининской.

Какое удовольствие ехать на штейгере! Всегда есть какая-нибудь неожиданность. Например, лошади застоялись и не хотят тронуться. Рядом продают цветы. Яков Соломонович покупает мне букетик фиалок или розы, перевязанные веревкой. Дома розы сразу осыпаются, а фиалки до того скрючены, что погибают в тот же день. Зато это не простые цветы, а преподнесенные. Когда мы будем переезжать, садовник принесет большой букет из хризантем и пионов. Так полагается. Но все будут делать вид, что это

неожиданность. Надо прятать свои чувства. В особенности не выражать свой восторг в магазинах. Вова научился этому. Чем больше ему хочется, чтоб вещь купили, тем он безразличнее. А я в обувном магазине Окуня чуть не разрыдалась, когда не сошлись в цене. Мы вышли из магазина и потом вернулись, так как сам Окунь делал нам отчаянные знаки. В конце концов я ушла в новых туфлях с одной перепонкой. Они мне очень нравятся, и я боюсь, чтоб при перевозке их не затеряли.

Многое уже уложено, только мою комнату не тронули. Вова говорит, что я сижу на учебниках, как наседка на яйцах. Но на самом деле их уже все перелистывали. По ночам я просыпаюсь от страха. Мне кажется, что часы остановились и их не успеют починить. Тогда придется опаздывать в гимназию. Вова сказал, что самое трудное — прошмыгнуть в класс так, чтоб не перехватили по дороге. Он советует мне притвориться, что я просто задержалась в коридоре, а не пришла с пятиминутным опозданием. Надо сидеть тихо, очень тихо, может быть, учительница не расслышит, как скрипнула дверь. К сожалению, я близорукая и проскользнуть мне не удастся. Поэтому я умоляю маму проверить не только будильники, но и часы в столовой. На них я больше всего полагаюсь. Сын артиста сказал, что такие часы могли бы пригодиться в театре, они бьют отдельно и выразительно.

У близнецов стоячие часы. Они похожи на гроб. Я люблю часы с кукушкой, как у дедушки на кухне. Теперь они испортились и еще до того, что кукушка начинает куковать, они кряхтят и кашляют. Для гимназии у меня металлические часики. Я буду носить их на шнурке. Вова предупредил меня, что нельзя каждую минуту смотреть на часы, как будто ждешь конца урока. Андрокардато чуть не поставили тройку

за поведение: он непрерывно вынимал часы, покручивал их, переставлял стрелки и так был этим поглощен, что не заметил, как подкрался учитель и как коршун схватил часы. Потом Андрокардато пришлось их выплакивать. Мне повезло, что у меня такой брат, как Вова. От него я узнала, что ученический билет надо беречь. Не дай Бог его потерять. На улице может остановить какой-нибудь человек в учительской форме или даже полицейский. Главное, с этим билетом можно получать скидку на пирожные.

Вова уверен, что на первом свободном уроке нас заставят написать, как мы проводили лето. О спектаклях и фейерверках лучше не распространяться. Лето проводят за чтением книг. Неплохо написать о гербарии и о ботанических прогулках. Это все советы Вовы. Он говорит, что в гимназических сочинениях должно быть как можно меньше правды. Учащиеся не бегают на гигантских шагах почти до потери сознания и не говорят о том, как рождаются дети. Такие разговоры не входят в программу. Мне жалко, что я не смогу написать ни о велосипедной девочке, ни о Варе, дочери управляющего, ни об Арнольде. Они все будут называться «мои друзья», хотя в этом году я никаких друзей не приобрела. Если не считать Валю и Надежду Моисеевну. Она делится со мной своими переживаниями, а я делюсь с ней моими. Главным образом делится она. Меня она считает скрытной. Я не из тех, кто выбалтывает свою душу. Мне всегда неловко за людей, которые решительно все рассказывают.

Сын артиста сказал, что язык дан человеку для того, чтоб скрывать свои мысли. К нему это очень подходит. Но он не вральман, он фантазер. Его дядя знаком с Далай-ламой, а сам он увлекается китайскими мандаринами и культом предков. Вова затыкает уши, когда он начинает объяснять мне, сколько лет

строили Великую китайскую стену. А иногда его тянет север, северный полюс. Он вроде капитана Гатераса и ходит по комнате, как по корабельной палубе. У него морская походка. Я его лучшая слушательница. Я сама не то, что я есть на самом деле. Если бы можно было убрать под шляпу мои торчащие косички, я сошла бы за ученицу четвертого класса.

Все вышли из комнаты, и я прищуренными глазами смотрю в темное зеркало. Это наше трюмо. Его всегда берут на дачу. Сейчас в нем отражаются стол и свеча в стеклянном колпаке. Стоит всмотреться и видишь много много свечей. Себя я вижу со стороны. У меня надменное лицо и глубокие черные глаза, как в романсе. Вова говорит, что я их так выпучиваю, что становится страшно. Можно подумать, что я встретила разбойника с большой дороги. В мои годы не бывает такого лица. И, вообще, лица еще нет, а есть мордашка. Боже, до чего все это сложно! Неужели я никогда не стану Флоренс из «Домби и сына» или Крошкой Доррит, только более высокого роста? Но входит Юзя и требует, чтоб я шла на террасу. Нехватает свечей, они уже упакованы. Мы ужинаем при одной свече, и я незаметно съедаю все рубленые синие баклажаны. Вова приналег на бычки, это его рыба. Он специалист по ловле бычков. Те, что на столе, давно выловлены и плавают в греческом соусе. Рядом со мной задумчивый Данюша режет в десятый раз все тот же ломтик колбасы. Он расстроен. Ему, видно, не хочется уезжать с дачи. Но он мог бы жить у нас в городе в проходной комнате с знаменитым продавленным диваном.

О Данюше я думаю только из вежливости. Он меня мало интересует. Завтра мой по-настоящему первый день в гимназии — с новыми преподавателями, большой переменой во дворе и подвижными играми. Это самые обыкновенные игры, но в гимназии

они называются «подвижные». Я давно в них играю и прежде это были «горю-горю пень» или игра в прятки. У Аси мы прятались в дровяном сарае, и я все время дрожала, что придет Мурка и сделает какую-нибудь стыдную вещь. Или дворник Михаил. Никто не появлялся. Под дровами скреблась мышь, а может быть крыса, и от этого становилось еще страшнее. Вдруг меня не найдут и я буду сидеть здесь долго, долго. Потом закроют ворота и уже нельзя будет уйти домой. Конечно, я могла выйти из сарая, но что-то меня удерживало. Ася смеялась над моими страхами. Она говорила, что все это из-за Бори Гавевского. Он заразил меня своим чудачеством.

Последняя свеча начинает оплывать и меня отсылают в мою комнату. Завтра придется встать чуть ли не на рассвете. Наконец-то я увижу восход солнца! Я видела его только на море, когда ехали в Николаев. На земле все по-другому. Когда-нибудь я опишу это в стихотворении «Восход солнца». «Закат» у меня уже есть. Но кто не видел заката? Только тот, кто не хочет видеть. Например, Арнольд. Ему наплевать на все закаты и восходы. Они для голоштанников. А Вера Львовна с ее стихами, по его словам, просто старая дура и размазня, и они ловко ее обошли. Я чуть не подавилась от обиды и наговорила Арнольду столько неприятного, что он показал мне кулак и пошел к себе. По дороге он ругался, как дворник Михаил.

Такие слова я слышала на базаре. Они коротенькие и противные. Вова часто говорит про своих знакомых гимназисток, что они идиотки. А сын артиста сказал про кого-то: сволочь. Я страшно испугалась, но он меня успокоил, так в древней Руси называли дочерей. Идиот, оказывается, тоже не очень обидное слово. Оно означает: странный. Ругательства не для меня, это мужское занятие. Матя говорит, что жен-

щина любого возраста — эфирное создание и должна ходить по розам. Она сама не эфирная, а кругленькая. Среди наших знакомых дам нет ни одной эфирной. Все ездят на виноградный сезон и там прибавляют целый пуд веса. Кухарка Геня думает, что надо быть упитанной. Она сама, ~~н^еврок^ф~~, упитанная. Геня на каждом шагу повторяет «~~н^еврок^ф~~». Никто не может мне сказать, что это такое. В конце концов, я догадываюсь: «чтоб не сглазить». Геня боится, что ее могут сглазить. Один раз ее сглазила куриная торговка Бася. Она стала расхваливать ~~Г~~енину красоту и на другой день у Гени на носу выскочил огромный чирей. При Вове она этих вещей не рассказывает. Он ее выругал за отсталость, и Геня плакала, потому что панич Вовочка смешал ее с грязью. Кончилось тем, что я тоже говорю «~~н^еврок^ф~~», но про себя.

Теперь у меня будет мало времени для хождения на кухню. Придется покупать тетради, цветные карандаши, облатки, оберточную бумагу. В магазине Александровского большой выбор картинок, тетрадей разной толщины и резинок со слонами и без слонов. Сам Александровский наш дальний свойственник и непрочь со мной побеседовать. Он приехал из Литвы с пустыми руками и прямо пошел к папе. Он обрисовал ему положение: у него одна надежда на то, что в Одессе он пустит корни. И есть только один человек, который может ему помочь — мой папа. В конце концов папа устроил ему это дельце. Александровский очень горд. Ему нравится, что он продает письменные принадлежности. Папа его главный клиент. Мы тоже клиенты. С Вовой у него довольно сложные расчеты, а со мной просты. Я приношу ему десять копеек и спрашиваю, что я могу за эти деньги получить. Александровский тронут моим доверием и дает мне в придачу к покупке несколько переводных картинок. Александровский называет их — пересни-

мательные. Я тру их с такой силой, что половина остается на пальце.

Для гимназии придется запастись терпением. До сих пор у меня хватало терпения только для библиотечных книг, где больше тысячи страниц. Не знаю, будут ли выдавать такие книги в нашей гимназической библиотеке? Там не поверят, что я прочитываю книгу в день. Библиотекарша с сереньким кубличком будет думать, что я пропускаю добрую половину. Вера Львовна тоже не верила. Она настаивала на том, чтоб я была методичной. Надо брать трудом, а не памятью. «Терпение и труд все перетрут». Вера Львовна всегда имеет про запас какую-нибудь пословицу. Она говорит, что это народная мудрость, проверенная веками. Я спросила дедушку, верит ли он в пословицы и поговорки. А он ответил, что не понимает, почему мой папа тратит такие деньги на дармоедов, то есть на учителей, которые приходится нам родственниками с маминой стороны.

Мне лично не нравится ни одна поговорка. Но Вова не советует говорить об этом. В гимназии таким критикам, как я, могут сделать асаже. В моем классе следует восторгаться Багровым-внуком и описаниями природы. Сейчас я пытаюсь представить себе, как я буду описывать природу на даче. «Каждый раз, когда выплывал тоненький серп луны, в кустах начиналось пенье иволги». Это неправда. Я никогда иволги не видела и не знаю, в какой час она поет. А может быть это вовсе не певчая птица. Верно и другие лгут, когда описывают природу. Им хочется, чтоб пахло жасмином, сиренью, прибитой пылью и чтоб розы обязательно благоухали. На самом деле в жизни все лучше, чем в описаниях. Когда я смотрела в окно вагона, поля из-за васильков казались голубыми, а маки по краям дороги пунцовыми, как на Матиной летней шляпе. Есть и такое, чего я не могу выразить.

Сейчас я стараюсь уснуть. Книги лежат на столике, а моя наново выглаженная форма болтается на гвозде. Я надела ее один раз, на молебен, а она уже в пятнах. Не понимаю, откуда они взялись? Наверное, материя никуда не годная. Мама говорит, что я напрасно хочу все взвалить на магазин Бомзе. Но я продолжаю доказывать, что я тут не при чем. Матя за меня вступается: она знает случай, когда юбка неизвестно по какой причине покрылась пятнами. Это произошло с Матиной подругой. Мама не хочет сдаться и каждый остается при своем мнении. Утром страшная суматоха. Вова не пожелал встать. Он говорит, что можно смело полежать еще полчаса. Свой будильник он спрятал под одеяло и оттуда он звонит так хрипло, как будто его душат. Даже Катя проснулась и сказала, что ей пора в школу. Ее бонна Людмила приносит мне яичницу. Я должна основательно подкрепиться, в гимназии нельзя все время жевать, как я это делаю дома. И нет кухни, чтоб тащить остатки пудинга и куриные пупочки. Надо дожидаться большой перемены. Но и на этой перемене не следует бежать в столовую, как будто за тобой гонятся Али-баба и сорок разбойников. Мне страшно. Я хотела бы остаться дома, но Вова говорит, что каждый человек должен получить среднее и высшее образование. Женщины могут обойтись без высшего, хотя он надеется, что я не выскочу замуж, как безмозглая дура, а постараюсь сначала окончить два или три факультета. Ему легко говорить, он прошел часть среднего образования, а мне придется начинать сначала. Несмотря на все опасения, я готова и тороплю папу: надо прийти до звонка, я еще не научилась опаздывать.

28.

Небо бледно-розовое, как тогда в Очакове. Выходит, что я пропустила восход солнца и нечем будет удивить Вассу. Она любит все необычное. Во дворе у бабушки она сказала, что может превратить простой металл в драгоценный, а человека в крохотную мышь. Я в это не поверила. Как бы Васса ни старалась, она не сумеет заколдовать так, чтоб десять копеек, которые дает приемная мать на все ее расходы, превратились в серебряный рубль. Я ее понимаю. Я тоже хотела творить чудеса, но ничего не вышло. Вова объявил мне, что бывают только обратные чудеса: например, кто-нибудь идет на гимназический вечер и по дороге падает. Не обязательно сломать себе ногу, достаточно — вывихнуть. После этого, прощай вечеринка!

Я забыла спросить Вову, хочется ли ему идти в училище. Я предпочитаю не вступать с ним в разговоры, он не выпался. После третьего бутерброда он придет в хорошее настроение, а пока его лучше не трогать. Сегодня в виде исключения, нас везет кучер Франц. Покуда мы едем по дачной дороге, он тяжело вздыхает и совсем не торопится. Но в городе все меняется. Франц хочет показать, что он не последний из кучеров. Сначала мы отвозим Вову, и я прошу, чтоб экипаж остановили за несколько домов от моей

гимназии, на углу. Мне стыдно, что у нас выезд. Я хотела бы брать извозчиков, это не так неприлично. На извозчиках ездят все: мастеровые и дамы в горжетках. Папа сует мне двадцать копеек. На завтрак меня уже записали. Наверно будет котлета или плав с острыми бараньими косточками. И какао в кружке. Дома какао в чашке или в стакане, но в гимназии все должно быть просто, особенно если начальница была знакома с Короленко. Не знаю, будет ли она довольна, когда я ей скажу, что читала «Дети подземелья» и «Слепой музыкант». Прежде Короленко был у нас в моде. Не помню, кто из Матиных поклонников говорил: «А все-таки, впереди огни!». Матя думает, что это наше светлое будущее. Я представляю себе по-другому: это огоньки в степи, где-то далеко, на краю света. Уже потеряли надежду, что лошади доберутся до места и вдруг в кромешной тьме сверкнул огонек, потом другой, третий... Но Матиных поклонников интересует революция. Огоньки в степи их не трогают. Бог с ним, с Короленко! Он еще успеет мне здорово надоесть.

У дверей гимназии я почти столкнулась с толстой дочкой доктора. Она шла с девочкой, которая любит целоваться, и уже один раз поцеловала меня в коридоре. У нее мокрые губы. Они так же выворочены, как у библиотечного мальчика. Может быть он ее родственник или хороший знакомый. В ней тоже что-то эфиопское. Мы здороваемся с нашим служителем Афанасием, и я еще раз прихожу в недоумение от его медалей. В следующий раз спрошу его, в каких сражениях он участвовал. Афанасий помогает повесить мою куртку с матросским воротником. Дочка доктора пришла без пальто. Ее отец говорит, что не надо кутаться, от этого всякие простуды. Он верит в обтирания соленой водой и в жесткую губку. Но одну девочку так долго закаляли, что она в конце

концов убежала из дома и ее нашли на вокзале в ожидальне третьего класса. Она собиралась уехать в страну, где нет ни холодной воды, ни открытых зимой окон, потому что там, вообще, нет зимы. У меня в окне оставляют щелку для воздуха. Ровно столько, чтоб проник кислород. Вова говорит, что он необходим для живого организма. У них это проходили давным давно. Он мог бы написать целое сочинение о том, как мы вдыхаем кислород и выдыхаем углекислоту.

Молитва через десять минут, а пока мы идем в класс, чтоб положить в парту книги и тетради. В последнюю минуту я взяла с собой пенал. Я хочу показать его Вассе, это не обыкновенный пенал, он сделан из карельской березы и закрывается на ключ. Правда, это не ключ, а ключик и я его в первый же день потеряла. Он попал в трещину пола и найти его никто не смог, даже Матя, а она способна разыскать мамины ключи. Она ищет в самых невозможных местах: в среднем ящике буфета, под подушкой, в гостиной на окне. А находит на обычном месте, мимо него тысячу раз проходили. Ключик от пенала Матя вряд ли найдет. Он так и останется лежать в трещине деревянного крашеного пола, на радость дачным мышам.

Ася пришла еще раньше, чем я. Ее папа выздоровел, ему в первый раз дали кашку на воде и два несладких сухаря. Она очень сухо со мной здоровается и делает вид, что я воздух. Я подхожу к ее парте, и она говорит: «Не всякая пустота прозрачна». На это я ей отвечаю: «Не всякая острота удачна». Но мне как-то не по себе. Тут же на моих глазах, Ася заводит дружбу с одной странной девочкой, Калей Зандберг. Каля всех презирает. Когда в первом классе ее вызывали к доске, она еле достаивала ответом.

Каля хочет показать, что она не такая как мы. И чем больше она пыжится, тем это смешнее.

В класс входит француженка, мадам Тюрбо, и все вскакивают. Но она машет нам сухенькой ручкой, и мы сразу с шумом садимся на свои места. «Бонжур, ме зенфан, здравствуйте, мои дети, — говорит мадам Тюрбо. — Я предполагаю начинать с вами курс французского языка...» Кто-то фыркнул, кажется дочка доктора, но на нее шикнули. Мадам Тюрбо любят: она большая кокетка и не похожа на других учительниц. Она носит много нижних юбок, в них она держит свой носовой платок и деньги. Васса говорит, что мадам Тюрбо пудрится, она сама это видела. В старших классах ее называют: двуутробка. Мне это прозвище не нравится. Оно ей совсем не подходит. Она француженка из Прованса, а не австралийская кенгуру. Когда-нибудь она расскажет нам про свой родной город Арль, где самые красивые девушки на свете. «О, это рай, сет эн парад!»». Мне страшно хочется вступить с ней в разговор. Я хотела бы знать знакома ли она с родителями нашей мадмазель. Но у меня нехватает духа. Я боюсь, что она начнет отвечать так быстро, что я все равно ничего не пойму.

Мадам Тюрбо вовсе не такая смешливая. Она терпеть не может частных бесед и как только кончит урок, сейчас же два раза сморкается в кружевной платочек и убегает в учительскую. Мадам Тюрбо хочет, чтоб мы открыли книгу на странице семнадцатой, там стихотворение Виктора Гюго. «Это великий поэт, вы должны читать Виктора Гюго и тогда вы поймете, что такое великая Франция». Мадам Тюрбо обожает слово «великий». Сама она маленькая и все на ней миниатюрное: брошки, цепочки, сережки. После Гюго она объясняет нам неправильные глаголы и в это время звонок начинает заливаться, как будто хочет сказать: какое счастье, вы свободны, ура! Ма-

дам Тюрбо откладывает грамматику. Она сморкается и тут же исчезает.

После этого первая перемена. Полагается выйти из класса, его будут проветривать. Накопилось слишком много углекислоты, а нам необходим кислород. Озон еще лучше, но он бывает только в горах или на берегу моря. Не успеваю сказать и двух слов, как начинается следующий урок: история. Ее преподает Галина Петровна. Все девочки в нее влюблены. Они находят, что у нее замечательный профиль. По-моему никакого профиля нет. Лицо у нее круглое, и она носит пенсне на черном шелковом шнурке. Красавицы не признают пенсне. Они носят лорнеты, как на картинах, а пенсне бывает только у учительниц и у старых дев. Галина Петровна занимается с нами не очень серьезно. Мы не обязаны знать историю, это не входит в программу. Она говорит нам о призвании варягов, но как-то по-детски. Боря Гаевский хохотал бы, если б слышал ее объяснения. Чтоб не заснуть, смотрю на Пушкина с бакенбардами. Если они начнут расплываться, я непременно засну. Подсчитываю в уме, сколько минут до конца урока. «У Рюрика было два брата, Синеус и Трувор, и они любили бублики с семитатью...» Боже мой! Неужели я сплю? Сейчас меня выгонят из класса и в коридоре я встречу начальницу. Обязательно надо проснуться. Начинаю нашаривать в парте новый красный карандаш. Он исчез. Тут мой сон окончательно проходит.

На второй перемене Ася даже не смотрит в мою сторону. Она держит Калю Зандберг за полу фартука, и они так заняты своими секретами, что отказываются идти в зал. А там, взявшись за руки, przygotowанки и первоклассницы поют: «Дитя не пожалела, она его раздела и начала купать и стала вытирать...» Мне уже не полагается петь, я стою под несимпатичным портретом писателя Достоевского и ду-

маю о том, какая я несчастная: моя единственная задушевная подруга променяла меня в первый же день на какую-то Калю. О моих новых подругах я забываю. Мне хочется доказать самой себе, что Ася неискренняя. Но до третьего урока осталась только одна минута, и я с трудом успеваю вернуться в класс. Сейчас урок русского языка. Учительницу, Надежду Игнатьевну, я помню по моим экзаменам. Меня она, наверное, забыла. С испугом смотрю на ее синее платье, похожее на институтскую форму. «Представляю себе, как вы разленились за лето, — говорит Надежда Игнатьевна. — Попробуем вспомнить кое-что из старого. А ну-ка, Зандберг, слова на е». Каля молчит, у нее меловое лицо. «Вредный, ветхий, запретить», — громким шопотом подсказывает девочка, которая верит в домового. «Молчать! — кричит Надежда Игнатьевна. — Пусть скажет новенькая». Я встаю, я знаю на е и на ять, потому что они переделаны в стихи. Надежда Игнатьевна довольна. А мне жутко. Я не представляла себе, что в передовых гимназиях кричат на учениц.

Но может быть Надежда Игнатьевна кричит только, чтоб пугать нас. Васса слышала, что она благородная и презирает доносчиц. Начинаю всматриваться и нахожу, что у Надежды Игнатьевны нос не как у всех. Он напоминает орлиный клюв. Боре Гаевскому нравятся орлиные носы, они делают лицо значительным. Не то, что крохотная загогулина, как у его кузин, детей провизора. Надежда Игнатьевна успокоилась, ее ноздри перестали раздуваться. Еще немного и она расскажет нам что-нибудь из своего прошлого. Например, как она была на одном пароходе с министром народного просвещения. Министр, наверное, ухаживал, но ей неудобно признаться. За учительницами не ухаживают. Неужели урок никогда не кончится, и мы будем до позднего вечера подчеркивать

причастия и деепричастия? Но по коридору проходит Афанасий. Звонок, как будто далеко. Сначала это маленькие трели, а потом они переходят в такой шум и треск, что хочется прыгать до потолка. Надежда Игнатьевна не спешит. Она вытирает замшевой тряпочкой запасную пару очков. После этого она очень медленно собирает книги и тетради и как царица выплывает из класса. До ее ухода надо сохранять спокойствие. Она способна задержаться и прочесть нам нотацию. Но она не задерживается.

В столовой страшный шум. Одна третьеклассница с торчащими зубами не хочет пить какао, там пенки. А для нее пенки хуже отравы. «Ты будешь пить, — говорит Марья Дмитриевна, заведующая столовой. — Это распушенность». Третьеклассница плачет в какао, и оно скоро станет соленым. Я сажусь на единственное свободное место у окна, где сохнет лепка. Вблизи эти кувшинчики и подносики с вишнями кажутся безобразными. С красных вишен сползла краска и они стали бурыми. Нет, лепить я не буду. Я уже охладела к лепке. Себе я в этом призналась, но как признаться другим! Я ведь не виновата, что лепка такая скучная и некрасивая. А я думала, что будет похоже на гипсовую Юность у Мати на столике. Вова сказал, что это декадентская головка и что таких нет в природе. Но и вишен таких не существует, хотя они не декадентские, а бездарные. Это слово любит повторять сын артиста. У него все делится на гениальное и бездарное. Я стараюсь не смотреть на подносики с вишнями. Моя соседка, та, что целуется, пролила молоко на клеенку, и лужица все растет. В это время я ем сосиски с кожей. Дома мне не позволяют, а здесь никто не обратит внимания. Горчицы не дали, учащимся это вредно. Зато можно купить бублик или пирожное. Они горой лежат на

столе возле кухни. Продают ученицы старших классов, они постоянно ошибаются в сдаче.

Какой-то пригостишке не додали копейку, и она так горько расплакалась, что я решила отдать ей мой последний пятак. Но она не взяла, ей не нужен пятак, она хочет копейку. Хорошо, что Марья Дмитриевна навела порядок. Пригостишка зажала свою копейку в кулаке, ученицы старших классов обиделись и все кончилось в общем благополучии. С Марьей Дмитриевной не шутят. Она прямая и твердая, как планшетки ее корсета. А он облегает так плотно, что стал уже частью ее фигуры. Представляю себе, как она радуется, когда можно, наконец, его расшнуровать. Если б Марья Дмитриевна знала, какие у меня мысли, она бы, наверное, отказалась выдать мне завтрак. А так она ко мне милостива. Она даже спрашивает, о чем я мечтаю и почему не ем картошку. Но разве только мечтатели не едят картошку? Мне не нравится, что она обуглилась и пахнет дымом. Геня упала бы в обморок, если б ей дали тарелку такой картошки. У нее своя теория относительно варки и жарки. Ее не обманешь. Недаром она провела свои лучшие годы около плиты.

Учителя завтракают за отдельным столом. Там уже сидят Надежда Игнатьевна, мадам Тюрбо и один учитель в мундире, очень вежливый. Он наклоняется то к мадам Тюрбо, то к Надежде Игнатьевне и говорит им приятное. Они улыбаются, а учитель в казенном мундире поглаживает свою бородку. За моим столом две пятиклассницы. Они напряженно смотрят в окно. Из него виден артистический подъезд. Я тоже смотрю, но, по-моему, ничего интересного. Наконец проходит бледный человек в панаме. «Виктор Петипа!» — взвизгивает пятиклассница. Все оборачиваются, и она густо краснеет. Но через минуту она опять смотрит в окно и визжит: «Радин, это Радин!». За учи-

тельским столом движение. Брови над орлиным носом Надежды Игнатьевны образовали сплошную линию. Она грозно смотрит на визгливую пятиклассницу, а та, как ни в чем не бывало, крошит галеты в чашку с отбитой ручкой. Не выдерживаю и спрашиваю ее, что за артист Радин. — Он играет в «Темном пятне», — говорит пятиклассница. Это неприличная пьеса, там есть штучки не для детей. Она скажет мне, но с условием, чтоб я держала язык за зубами. Даю ей слово. Тайны — моя специальность. Я умею молчать, как могила. Тогда пятиклассница рассказывает, что в «Темном пятне» Радин играет негра, который говорит, что всякая медаль имеет свою заднюю часть. Это не так смешно, как я думала. Особенно после того, как пятиклассница пускается в объяснения. Но я не должна восстанавливать ее против себя. Завтра она может рассказать про других артистов и другие пьесы, объявленные на столбе.

Завтрак кончился. Надо очистить столовую. «Во двор, во двор, дети, вы можете идти во двор!» — кричит Марья Дмитриевна. Спускаемся по винтовой лестнице во двор, выложенный огромными плитами. Я боюсь, что меня заставят играть в подвижные игры и ухожу с Вассой к самой стене. Мы говорим об учителях. Нам обеим нравится высокий учитель, брат Галины Петровны. Он очень изящный, и все в него влюблены, а он ни в кого. Он любит науку. В будущем году у нас будет много учителей, а пока преобладают учительницы. Васса говорит, что они все ехидные. Я не верю, этого не может быть в передовой гимназии. Но Васса смеется над моей наивностью: ехидны бывают всюду. Васса охладела к гимназии после того, как начальница заставила ее вторично позавтракать. Она встретила Вассу в коридоре в то время, как все были еще в столовой. Вассе пришлось вернуться и съесть мокрую котлету. Забыть это Вас-

са не в силах. Она никогда ничего не забывает. «Только дураки могут все забыть», — говорит Васса и смотрит на меня в упор. Этим она хочет сказать, что я прощу Асе ее измену, как только она поманит меня пальцем. К нам присоединяется дочка доктора. Она тоже ненавидит подвижные игры. Особенно ту, что называется: «Двух мало, трех много». Она не понимает, почему нельзя сидеть на цементном выступе и сосать монпасье? Почему запрещают сидеть на камне? Чем камень хуже сырой деревянной скамейки? Она могла бы сидеть на чем угодно, у нее штаны из бумази. Она хочет нам показать, но мы не интересуемся.

Начал падать крупный прямой дождь и нас гонят в помещение. Нам не очень хочется вернуться в зал, и мы поднимаемся страшно медленно. «Вы всех задерживаете», — волнуется учительница гимнастики. Мы стараемся ее не замечать. У нее огромный живот. Мне сказали, что она ждет ребенка. В этих случаях всегда бывает большой живот. У учительницы гимнастики он остороконечный и кажется, что вот-вот он пробьет материю. А она подпрыгивает, приседает и даже ложится на спину. А ее бедный живот перекачивается с одной стороны на другую. До сих пор я знала, что дамы с животами сидят дома или выходят после захода солнца, чтоб их никто не видел. Чаще всего они ездят на извозчиках и кто-нибудь поддерживает их за талию. Но учительница гимнастики не может быть дамой с Большого и Среднего Фонтана.

Наконец, все поднялись наверх. В коридоре продают шоколад, и мы с Вассой покупаем одну горбушку. Делить ее трудно, шоколад плотный и очень крепкий. В конце концов удастся его разломать. Вассе досталось несколько лишних зазубринок, но я делаю вид, что дележка точная. Ученица старшего клас-

са смотрит на нас с снисходительной улыбкой. Для нее мы дети, которые никак не могут договориться, кому какая половина. А нам она кажется солидной и немолодой, хотя она старше всего на четыре класса. Большая перемена тянется долго. После нее два урока. Один пустой, так как учительница еще не приехала. Вместо нее входит серенькая библиотечарша и начинает нам рассказывать о Волге, о ее красотах, о волжских пароходах, похожих на большие дома. Она делает все, чтоб мы сидели тихо. Большинство девочек на Волгу не собирается. Некоторые пишут записочки на клочках бумаги, вырванных из арифметической тетради, другие шепчутся с соседками. Каля Зандберг смотрит на библиотечаршу тяжелым неприятным взглядом, как будто хочет пронзить не только ее, но и волжские пароходы. Такими глазами я смотрела на всех надзирателей и приставов после того, что мне сказали, что в участках бьют невинных людей и бросают пьяниц на холодный заплыванный пол. А пьяницы ведь тоже люди. Вова говорит, что многие начинают пить с горя. Я ему верю. Один раз, когда на меня рассердились, я открыла бутылку с вишневой наливкой и выпила полстакана. После этого все мои неприятности показались мне почти что приятностями.

Последняя перемена тянется очень долго. Начинаю укладывать книги. Следующий урок — пение, и они мне больше не нужны. Мы идем в комнату, где стоит пианино. Приходит аккомпаниаторша. Она вылитый мопс мадам Криволицкой. Если б не пенсне, она могла бы залаять. Но вместо лая у нее приятный ласковый голос. Непонятно, откуда он берется. Мы выстроились в два ряда и ждем. Наконец, учительница наклоняется к аккомпаниаторше и что-то ей шепчет. Та неодобрительно качает головой и берет первый аккорд, как Матя, когда она хочет изобразить из

себя пианистку. Сама учительница раскрывает рот, но ничего не слышно. Она, наверное, потеряла голос. Но тут вступаем мы: «По полю, полю чистому, По бархатным лугам, Течет, струится реченька К безвестным берегам...» Я стараюсь петь громко, а дочка доктора пытается меня перекричать. Она думает, что у нее большой голос. Васса говорит, что мой куда больше, но она ко мне пристрастна. Скоро образуется две партии: одна за дочку доктора, другая — за меня. Учительница недовольна, что мы так громко поем. «Поймите, это не военный марш!». Но мы продолжаем орать во всю глотку.

Дома я рассказываю Воле про урок пения. Он смеется над нашей учительницей и над аккомпаниаторшей. У них пение преподает соборный регент и у него есть камертон. Он дает им ноту: ля. Никаких аккомпаниаторш не нужно. Вова входит в раж и начинает говорить, что у их регента бас не хуже, чем у Шаляпина. Да что Шаляпин, он мог бы всех шаляпиных за пояс заткнуть. Пробую петь: «По полю, полю чистому», но никто не слушает, все заняты упаковкой. Завтра переезд и я прямо из гимназии пойду на нашу городскую квартиру. Там уже все блесит: родственники разъехались. Горничная Юзя сказала, что они продавили все пружины. Она терпеть не может родственников. В этом она сходится с Геней. Родственники могли бы преспокойно оставаться в Голте и в Балте, но нет, им надо обязательно жить в Одессе! Это глупые и бессердечные слова. Мамину двоюродную тетку, которая жила у нас этим летом, я очень люблю. Вместо пять с минусом она говорит «пять с нимусом». Я люблю ее бархатный мешечек, заменяющий ридикюль, ее морщинки. Кроме симпатичной старушки и ее сестры, тети Симы, у нас жил еще папин неглавный представитель. Он приходится дальним родственником и потому имеет права на нашу

квартиру. Одно время в моей комнате ночевал Ланя, и я нашла там кремень и огниво, с ними он не расстаётся. От представителя осталась только манишка. Ее не надо стирать, достаточно потереть резинкой, и она чистая.

29.

Сегодня наш последний день на Малом Фонтане. Почти все дачники выехали. Стало просторно и очень тихо и, наконец, я могу узнать существует ли эхо или это выдумка. Ухожу в конец аллеи, где стена из дикого винограда. Вот подходящее место. Осматриваюсь и говорю громко, как меня учили: «Прародительница Ева была дева...» Эхо должно ответить: «Ева». Но эхо молчит, ни гу-гу. Значит, я разоблачила еще одно вранье. Ася, например, не верит в электричество. А я видела, как его делает машина-динамо. Вова верит во все научные изобретения: микроскопы, телескопы, бормашины и гидравлические прессы. От него я узнала, что уголь это тот же алмаз, но более дешевый и не такой красивый. Они одного происхождения. Вова подарил мне даже кусок руды, в ней золотые точки. Это чистое золото, но как его добыть? Пока я держу мою руду в коробке из-под пилюль. Надо было спрятать ее от Катинных глаз, она любит все блестящее. Вова попробовал порыться в ее игрушечном ящике и нашел там все свои медные пуговицы.

Мои вещи уложены. Сделали это, когда я была в гимназии. На меня трудно рассчитывать, я могу в последний момент увлечься «Путешествием к центру земли» и забыть про лифчики и нижние юбки. А они

должны обязательно лежать на дне чемодана. Сверху платья. Они меня не интересуют, я буду носить форму. Вова всегда в форме. В старших классах он будет разгуливать в штатском, он уже высмотрел замечательный костюм из синей диагонали. Но это в будущем. Пока что ему нужны удвоенные карманные деньги. Предстоит масса расходов. Пока о прибавке знает только дедушка. Он поддерживает Вову: «Большому кораблю большое и плаванье». Вова должен научиться тратить, это поможет ему поставить свою жизнь на широкую ногу. Таково желание дедушки. Но он боится, что папа и мама его не поймут. Они хотели бы, чтоб Вова был просто порядочным человеком.

Я с семилетнего возраста слышу, что каждая уважающая себя женщина должна иметь профессию. Но какую? Доктором мне расхотелось быть. А мама думает, что профессия артистки не для меня. Матя сказала, что никакие родители не хотят, чтоб их дочь шла на сцену. Пианисткой она может быть, это не так опасно. Концерт дают редко и тогда родители сидят в первом ряду и наблюдают за ее поведением. Писательницей тоже можно быть. Пишут у себя за письменным столом. Но Данюша еще накануне сказал мне, что писатель должен пройти через многое, прежде чем свой жизненный опыт претворить в трепещущие строки. Данюша до последнего дня на даче говорил странные вещи. В них, по-моему ни капельки смысла. Его поступки абсолютно не отличаются от поступков других людей. И прав сын артиста, который утверждает, что люди искусства — несносные личности. Я раньше думала, что это относится к артистам, но, оказывается, он имел в виду и писателей.

Кроме Данюши и еврейского писателя, я знаю одного поэта. Это бывший папин адвокат. Он выпустил книгу под названием «Стихотворения». Она напечатана на бумаге с водяными знаками и никак

не может истрепаться. В первый же день я прочла все стихи и мне показалось, что я их уже читала. Но где, этого я не могла бы сказать. Везде понемножку. Вова говорит, что есть адвокат, который пишет пьесы. Их ставят в Драматическом театре, и они проходят только один раз. После спектакля адвокат снимается с артистами и групповой снимок вешает у себя в кабинете. У него уже накопилось немало таких групп. Все очень довольны: адвокат не скупится на подарки и на угощение. Я жалею тех, кто покупает свой успех. Насколько интереснее лечь спать никому неизвестным и проснуться знаменитостью с мировым именем, как было не помню с кем.

Сейчас меня волнует роман Данюши с Катинной бонной Людмилой. В том, что у них роман, я не сомневаюсь. Я видела, как они целовались, ночь была светлая, а они стояли возле зарослей жасмина и тень их падала на дорожку сада. Это были две тени: одна огромная — Данюшина и другая, поменьше, Людмилы. Самое неприятное, что это видели: дочка шпионов, Арнольд, Бобик, одним словом, все. Арнольд даже засвистел от удовольствия. А дочка шпионов продекламировала из Чтеца-декламатора: «Целоваться и публично, Крайне, крайне неприлично». Чтоб выгородить Людмилу я на всякий случай сказала, что он ее кузен, и что он только теперь это узнал и от радости целуется с ней за кустами. Тогда Арнольд загоготал: «Знаем мы ваших кузенов, я сам кузен!».

Что за субъект! Он во всем видит плохое. И всех подозревает в каких-нибудь преступлениях. Садовник — вор: он украл его финский нож. Вова говорит, что это враки, никакого финского ножа не было. Был маленький перочинный ножик. Как хорошо, что мы разъехались навеки. В городе опять будут приходить Женя и Боря Гаевский, мои старые испытанные друзья. Вова советует мне расширить круг знакомых. Ему

надоел Боря Гаевский. Чем горячее я его защищаю, тем больше он критикует. Девочки из моего класса ему тоже неинтересны, они мелюзга, мелочь, вроде барабулек. Ясно, что он не знает дочку доктора. У нее настоящий бюст. Васса видела его, когда в прошлом году их осматривала докторша с двойной фамилией. Грудь есть еще у одной ученицы, по фамилии Родиопуло. Она носит лифчики для взрослых и очень стесняется. Не понимаю, почему Вассу так это занимает. Подумаешь, грудь, что за важность! И все-таки отвязаться от этих мыслей я не могу. Попрошу Вассу не рассказывать мне о чужих фигурах.

Завтра у нас докторский осмотр: будут проверять зрение и выслушивать. Затем нам раз и навсегда укажут наши места в классе. После осмотра — гимнастика с флажками. Я боюсь, что у меня ничего не получится. Мне уже показывали некоторые упражнения. Близнецы открыли окно в Вовиной комнате и делали приседания. Коленки у них потрескивали и это было смешно и глупо. Потом они по своей собственной команде стали делать сгибания и отведения. Они помешаны на гимнастике и ходят в какой-то турнферейн, где одни немцы. Не пойму я этих близнецов, у них одинаковые вкусы и одинаковые желания. Все одинаковое. Оба худые и у обоих волосы ежиком, как они их ни приглаживают. Какое счастье, что я не близнец! Да, я похожа на Вову, но не как две капли воды, в чем-то мы разные. У меня детские глаза с длинными ресницами, а у Вовы они с поволокой и в них есть бархат. Матя говорит, что они обволакивают. У Кати глаза на мокром месте, но она маленькая и ей полагается реветь. Она растирает слезинку по щеке так, что получается целое море слез.

В нашем классе учится девочка, готовая сейчас же распустить нюни. Васса сказала, что она плачет, по-

тому что ее мама ушла с репетитором и живет с ним в одной комнате. Откуда Васса это узнала? Оказывается кухарка приемной матери дружит с кухаркой плаксы, и от нее Васса слышала, что плаксина мама отказалась вернуться. Ей наплевать на семью, она хочет жить красиво. Кухарка думает, что она свихнулась, у студента совсем некрасиво. Он платит восемь рублей за комнату и в ней только кровать, письменный стол и стул. Штаны некуда повесить, они лежат под матрацем. Кухарка рассказала это Вассе, а та — мне.

А вот моя подруга Ася не знает жизни. Она уверена, что может выйти замуж прямо со школьной скамьи. Никогда я столько не думала об Асе, ее дружба с Калей Зандберг не дает мне покоя. В моей общей тетради, на последней странице, я написала: Каля дрянь, она рисуется. Слава Богу, никто, кроме Муси Логинской, этого не видел. А она умеет молчать. Недаром библиотекарьша прозвала ее: «моральный авторитет». Кале тоже хотелось быть авторитетом, но ее быстро раскусили: она фальшивая. Зато Муся слишком честная, и я ее боюсь.

У Муси выпуклый лоб и две косы до того тугие, что на них больно смотреть. Она живет на Молдаванке, на той самой, куда мои знакомые не ходят. Муся пригласила меня, и я обязательно приду. У них дом с большим садом, там варят варенье, как в «Евгении Онегине». Только бы Муся не смотрела мне в глаза. Она сразу поймет, что я могу приврать или что-нибудь присочинить. Но мне никак не удастся сказать маме, что у меня есть приглашение. От меня отмахиваются, я мешаю. О том, что мне мешают, никто не подумал. Я уже десять раз спотыкалась о перевернутый фортепьянный стульчик.

Меня не будет, когда приедут две платформы, и вещи начнут нагружать и перевязывать веревками. И

все-таки неприятно знать, что ты лишняя! Вова устроился лучше, он — верхом на стуле — распоряжается упаковкой: надо посидеть на чемодане и тогда он закроется. Я сажусь, но чемодан прищемил мне платье и меня с трудом освобождают. После такого позора ухожу в свою комнату, где расположились Катя с Людмилой. Их мебель, видите ли, убрали, поэтому они должны сидеть за моим столом и рисовать на моем бюваре. Начинаю сердиться, но потом мне становится стыдно. Нельзя быть такой собственницей. Переламываю себя и предлагаю им несколько листиков из тетради, на них лучше рисовать, чем на промокательной бумаге. Но Катя и Людмила не понимают моего благородства. Это, по их мнению, в порядке вещей. В среднем ящике стола Катя находит роговую шпильку, ее забыла Надежда Моисеевна. Катя хватается шпильку, ее кукле Матильде нужна именно такая шпилька. Но тут я встаю на дыбы. Шпильку Надежды Моисеевны я ни за что не отдам, Матильда как-нибудь просуществует без шпильки. Я не позволю младшим сестрам и другим персонам распоряжаться вещами, которые даны мне на хранение. Все кончилось страшным Катиным ревом. Я затыкаю уши и бегу на поляну, где куда веселее, чем дома. Похоже на то, что лето еще не кончилось.

Прощаюсь с качелями, с гигантскими шагами, с кучей дров, на которых мы сидели по вечерам. Опять прохожу мимо кустов с ярко-красными ягодами. Их запрещено есть, это волчьи ягоды. Одна девочка съела и умерла. Нахожу несколько грибов, их тоже нельзя трогать — дочка управляющего, Варюша, сказала, что они собачьи. Настоящих грибов в Одессе нет, чтоб их собирать надо ехать подальше, например, в Киев. Мне вдруг становится грустно, что я больше не увижу поляну с ее единственной лужей, где плавали бумажные кораблики. Если б лил дождь, было бы не так

обидно. А тут, как на зло, солнце светит во все лопатки. Это говорит сын артиста, когда приезжает к нам на дачу. Он наш постоянный гость. Чаще всего он остается ночевать. Перед сном он и Вова долго разговаривают. Как-то я проснулась в десять часов и услышала, что они еще не спят.

Я тоже люблю ходить в гости с ночевкой. Но меня отпускают только к Асе. Вове проще, у него есть предлог: он должен готовиться к письменному ответу. Во втором классе вряд ли будут письменные ответы. Мне придется вести такой же образ жизни, как до поступления в гимназию. Может быть, я буду жалеть о своей свободе, хотя настоящей свободы не было: Вера Львовна еще скучнее гимназии. Там всегда что-нибудь случается. Васса рассказывает, что в прошлом году их повели на шоколадную фабрику Фишера, и они пробовали жидкий шоколад. Он напоминает слабительный без начинки. Они были в порту и видели там дохлую крысу. В музей они ходили много раз. В музее я уже была и знаю почти все. Я видела там витрины с драгоценностями. Их носили древние народы. Драгоценности красивы, но Генины дутые браслеты лучше, они как будто отполированы. Когда-нибудь понесу в гимназию записную книжку в переплете из сафьяновой кожи. Это подарок Лани. В ней много адресов, и они скорее украшают ее в моих глазах. Ланя нашел книжку в Александровском парке и дал мне, потому что она дамская. Через несколько лет я смогу держать ее в вечерней сумочке вместе с духами и пудреницей.

Ланя воображает, что я буду пудриться. В моей жизни я встретила только двух девочек, которые пудрились: Лидусю с Хаджибейского лимана и Маню из нашего двора. Одно время я подозревала Вовину велосипедистку в том, что она пудрит свой нос. Но Вова даже покраснел от обиды: он не представляет себе,

что когда-нибудь хоть крупинка пудры коснется этого замечательного носика! Я ему сразу уступила, не хочу клеветать и, вообще, разговоры о пудре мне неприятны. У тети Полины я попробовала опустить палец в коробку с пудрой «Чайная роза». Палец стал розовым и от него запахло духами от Гейликмана. Я сразу побежала отмывать, чтоб не догадались. Хорошо, что Ася не видела, она не хочет, чтоб трогали вещи ее родителей: это священные предметы.

Мне все разрешают трогать, но с осторожностью. Я уже разбила несколько чашек из самого лучшего сервиза и узкую вазочку, в которой помещается один цветок. Чашка разбилась сразу, а с вазочкой было не так просто. Очевидно я никогда не стану владелицей посудного магазина. Впрочем мне это совсем не улыбается. Я не хочу стоять за прилавком или сидеть за кассой. Меня мог бы соблазнить книжный магазин. И то при условии, что можно по целым дням перелистывать книги. Мне страшно хочется продавать пирожки в нашем гимназическом буфете. Или шоколад на большой перемене. Но я еще не знаю, как сложится моя жизнь. Матя советует мне не беспокоиться. Пусть беспокоятся мои родители и родственники. Пока я довольна, что не надо принимать никаких решений. На ближайшее время все решено: придет папа и в кармане у него будет Тоблер или новый шоколад — Люцерна. Весь мир ест шоколад Люцерну, так написано на рекламе. Вова говорит, что это сильно преувеличено. Он поклонник Гала-Петера. Мне все равно, я не такая разборчивая. Мне нравится толстый шоколад Сиу, он хрустит на зубах. Вова сказал, что близнецы всеядные. Меня он тоже причисляет к всеядным. Я не могу отличить двойного сиропа от тройного. Он не знает, что недавно я покупала копеечные медовые пряники. Они черствее сухарей и никто их

не признает: «Неужели можно есть такую гадость?». Это для уличных детей!

А я завидую уличным детям. Их посылают в лавочку, как учениц мадам Рабинович. Там, вместо того, чтобы купить керосин на три копейки, они покупают на две. На третью копейку они берут несколько монпасье из банки. Монпасье склеены и лавочник должен долго стучать о стекло, прежде чем две-три конфетки отскочат. Дешевые сладости интереснее шоколадных конфет в коробках. С ними связана опасность: можно заразиться или умереть от какой-нибудь отравы. Все это выдумка гувернанток, но все-таки сердце у меня сжимается, когда я беру в руки накрахмаленный медовый пряник. Мысленно скупаю весь товар в дачной будке и тут я слышу, что меня зовут. Кто-то кричит в два слога: «На-дя!» Наверное, сын артиста. Его послали за мной и ему лень идти на поляну. Голос то повышается, то понижается и выходит очень торжественно. Но пусть он не воображает, что я побегу, как маленькая девочка. Я иду медленно, с достоинством. Как будто теперь воскресенье, и я гуляю по солнечной стороне Дерibasовской. Все уже в сборе. Мне достается самый плохой кухонный стул. Вот что значит приходиться с опозданием. Этот стул Геня подставляла своему мужу, когда он приходил жаловаться. Теперь ей все равно, она привыкла к его историям и не собирается от нас уходить. «Что я? — говорит Геня, — не жена и не разводка». Больше всего ее огорчает, что она свою дивную фамилию «Непомнящая» променяла на «Финкельбаум». Все уроки оказались ни к чему. Финкельбаум она не напишет. Ей немало трудов стоила Непомнящая.

Какое счастье в том, чтоб уметь подписываться! Я с пяти лет подписываюсь и никто не обратил на это внимания. И неграмотные как-то выкручиваются.

Вова сказал, что они вместо подписи ставят крест. Наша Юзя тоже неграмотная. Я хотела давать ей уроки, но она отказалась. Главное, иметь шляпку с цветами. В ней можно сойти за барышню. А читать и писать совсем необязательно. Надо только делать вид, что умеешь. Делать вид, делать вид... Матя делает вид, что она пианистка. Она не соглашается играть при посторонних. Ее профессор против того, чтоб она разменивалась на мелочи. Я не играю при посторонних совсем по другой причине: у меня от волнения подворачивается третий палец, и я начинаю фальшивить. Меня это даже радует. Пусть видят, что такое постановка руки и к чему она приводит. Но все напрасно. Я по-прежнему буду ходить к мадам Трейн и разучивать сонатины Шпиндлера. Если б не было кабинета ее мужа с книгами не для юношества, я, наверное, возненавидела бы музыку.

Но ходить на уроки полагается и у меня, конечно, есть нотная папка, где по-французски золотыми буквами написано «мюзик». Золото немного почернело. Когда моя папка перейдет к Кате, оно окончательно сотрется. Мне от Вовы ничего не перепадает. Он все умеет привести в негодное состояние. Кроме того, он не любит отдавать вещи. В остальном он страшно щедрый и широкий и готов угощать меня в каждом буфете и водить на дневные представления. Дома он не так вежлив, но нельзя же постоянно быть вежливым. Это было бы смешно. Сын артиста тоже из тех, кто делает вид. Он читает мне монологи, по его словам это проба пера. Но чье это перо? Вряд ли его. Я узнаю там строчки из Пушкина и Лермонтова и еще из одного поэта, Надсона.

«Друг мой, брат, мой усталый страдающий брат», — говорит мне сын артиста. А я ему не друг и не брат. Я сестра его товарища. Может быть пройдут годы, и он увидит, что я особенная и захочет за мной уха-

живать. Но тогда я не захочу! Я пройду, закутавшись в гордое одиночество. Так сказал Данюша про какую-то даму. Но у него все закутываются: кто в страдание, кто в одиночество, а кто в бессловесность. Даже Матя считает, что он фразер и больше не гордится своим родством с ним. Особенно после того, что он ни на шаг не отходит от Людмилы. И как это папа и мама не заметили! А я уже успела разочароваться в людях. Хотя Вова говорит, что мое разочарование двух копеек не стоит. Сейчас он мне подмигнул, и я увидела, что сын артиста сделал большое пятно на скатерти и ловко прикрыл его тарелкой. За столом так тесно, что пятно все равно отнесут за мой или за **Вовин** счет.

Впрочем, мне все равно, я отсутствую. Я еду на извозчике в гимназию и повторяю про себя: «Преблагий Господи, ниспошли нам благодать Духа Твоего **Святого**» — молитву перед учением, которую принято отбарабанивать. Одну девочку высмеяли за то, что она хотела молиться с чувством. Это специальная молитва, она читается для того, чтоб оттянуть время. Для опаздывающих она просто клад. Можно очень тихо войти и стать сбоку с кислосладким лицом, как будто переживаешь. Учителя, или как они себя сами называют: педагоги, всегда идут на удочку. Взрослых, вообще, нетрудно обмануть. Они уверены, что дети это особая порода и видят только то, что им полагается. На самом деле дети видят решительно все, но молчат из трусости или из жалости к взрослым. Эта мысль меня так захватывает, что я начинаю глотать огромные куски. Тогда Вова говорит шопотом, чтоб я не была удавом. Маленьким девочкам это не подходит. Я не маленькая, но почему же мои ноги не достигают пола? Мне это очень неприятно, и я даю себе слово никогда в жизни не сидеть на кухонных стульях. Как на зло, Матя начинает го-

ворить об известной красавице Лине Кавальери. Она советует пить чай из блюдечка, чтоб не портить форму губ и сидеть так, чтоб ноги касались земли.

Красавицам легко давать советы, у них все красивое, даже то, что некрасиво. А обыкновенные люди не могут сделать свой нос ни длиннее, ни короче. Снять веснушки тоже не так легко. Я знаю, что у Мати есть несколько кремов, но они не помогают. О существовании кремов я узнала случайно. Матя их прячет. Пусть думают, что она от природы такая интересная. Она любит рассказывать разные случаи из жизни знаменитых красавиц. Одна из них была прачкой, а потом стала почти что королевой. Значит, Вова неправ, и чудеса бывают. Сейчас я прошу о совсем маленьком чуде: я хотела бы, чтоб день переезда провалился и исчез. После этого все успокоится и перестанут искать вещи, которые никому не нужны. Например, щипцы для сахара. Разве сахар нельзя брать пальцами? От пальцев он, ей Богу, не хуже! Вова говорит, что еще не выяснено, что можно есть руками и что надо нацеплять на вилку. Сосиски, по его словам, полагается держать в руке. Это сказал ему знакомый студент, большой знаток сосисок. Днем он ест в Студенческой столовой ровно на пять копеек, поэтому у него опухшее белое лицо.

Я считаю, что он не так несчастлив. Это лучше, чем Гимназическая столовая, где следят, чтоб ничего не оставляли на тарелке. Сейчас же приходит Марья Дмитриевна и объявляет, что есть много несчастных детей, и они в глаза не видели таких вкусных котлет и такого пюре. А мы швыряемся ими. Не понимаю, почему мы должны быть в восторге от непрожаренных котлет? И почему нельзя устроить, чтоб, вообще, не было несчастных? Разве это так трудно? Я предлагаю следующий способ: каждый счастливый ребенок должен разделить все, что он имеет, на несколь-

ко частей, и раздать их. То же самое должны сделать взрослые. Тогда не будет больше прачек и господ. Я как-то сказала об этом Вова, но он не одобрил мой план. Это слишком однобокое решение вопроса. Если б было так, все студенты, включая бледнолицего, не говорили бы: «В борьбе обрешь ты право свое!». То, что я предложила — филантропия. Об этом Вова напишет в нашем журнале.

30.

Мне не верится, что журнал будет. Слишком много о нем говорили. Когда дойдет до дела, у нас не окажется сотрудников. Но Вова ничуть не обеспокоен. В крайнем случае он обратится в «Одесские Новости», и если журналисты не дадут своего согласия, просто вырежет их статьи и будет наклеивать без гонорара. Он и близнецы вычитали, что главное в редакции — это ножницы. Вова удивлен тем, что я ничего не говорю о Тоне Калиниченко, которой я так увлекалась во время экзаменов. Тогда она была самой хорошенькой девочкой в классе. Вова спрашивает, не подурнела ли она за лето? Иначе он не может объяснить мое молчание. А я совсем забыла ему сказать, что Тоня еще не вернулась из Кисловодска. Она прислала дочке доктора открытку, где изображена маленькая речка, похожая на ручеек, и под ней подпись: «Терек воеет дик и злобен меж утесистых громад» М. Ю. Лермонтов. Безобразно называть такую реченку Терекком. Узнаю у Тони, какой он. Но Тоня очень легкомысленная, она могла не заметить Терека. Она готовится стать красавицей и уже ведет себя, как премированная Лина Кавальери.

У нее есть конкурентка, Лида Родиопуло. У Лиды более томное лицо, чем у Тони. И потом ей почти четырнадцать лет, она великовозрастная. Васса гово-

рит, то у нее обыкновенное невыспавшееся лицо. А я нахожу, что в Лиде есть что-то загадочное. Она все делает медленно и поэтому в каждом классе останется по два года. Лиде некуда спешить, выпускные экзамены она держать не собирается, к этому времени у нее будет ливрейный лакей и столько поклонников, что их хватило бы на всю нашу гимназию. О Лиде я ничего не рассказываю. Вова может заочно ею увлечься, и она будет его терзать, как будущая героиня романа. Хотя Вова не из таких. Он и сын артиста решили сохранить свою индивидуальность. Никакой женщине не удастся ее растоптать. А если она будет настаивать, они чуть шаркнут ножкой и уйдут, как было в одной пьесе летнего репертуара.

Сын артиста знает все пьесы, даже те, что вышли из моды. Он советует мне пойти на «Недоросля», это пьеса для учащихся. Но всё зависит от того, пригласят ли меня. Сама я в театр не хожу, а приглашающие всегда находят повод для того, чтоб оставить меня дома. Вова бывает на всех утренниках. Он даже смотрел «Заза» и «Трильби». Меня эти пьесы с короткими названиями очень интригуют. Что под ним скрывается? Но Вова молчит. По его мнению я еще маленькая и это не для меня. В таком случае мне и в журнале нельзя участвовать. А мое стихотворение будет на первой странице. Я его еще не сочинила. Надо найти первую строчку, потом все пойдет, как по маслу. Но первая строчка никак не наклеивается. Не могу же я писать без вдохновения. Я должна ждать прихода музы. Вова говорит, что настоящих поэтов посещает их подруга — муза. Меня она ни разу не посетила. Впрочем, один раз мне показалось, что меня легонько тронули за плечо. Может быть это была Матя, но мне хочется думать, что это моя муза. Вова я об этом не скажу. Он думает, что муза посещает только тех, кто печатается в приложении

к газете «Одесские Новости». К другим она не заглядывает.

На террасе становится прохладно. Я ухожу к себе и за мной идет тень. Неужели это муза? Она поможет мне сочинить первую строчку. В доме еще холоднее, чем на воздухе, дачная сырость забралась во все углы. Сейчас хорошо спрятаться под одеяло и задержать дыхание. Но мне стыдно, ведь только конец августа. Что же должны делать полярные исследователи? К счастью, я лежу не в спальном мешке, а у себя в постели, в голой комнате, где все перевязано бельевыми веревками. Чуть было не уложили мои книги и мой пенал. Пришлось бы все распаковывать и при этом Юзя ругала бы гимназию на все корки. На кухне меня считают вполне образованной. Весь вечер я могу писать письма Юзиным женихам. Она мне объяснила, что у барышень бывает один жених, а у прислуг по многу женихов, и никто из них не женится. И, вообще, они не женихи, а кавалеры. И чем их больше, тем лучше: другие горничные лопаются от зависти. Но чему тут завидовать? Я видела одного жениха, он приходил к нам на кухню. Жених принес в подарок черный солдатский хлеб. В казарме много такого хлеба. Мне дали маленький кусочек, от большого может распухнуть живот. Это такой же предрассудок, как и все остальные. До сих пор я в хлебном квасе не нашла ни одного таракана. А другие находят целые семейства. Басню про тараканов распустил, наверно, владелец греческого буфета. Он хочет, чтоб пили воду с сиропом зеленого цвета «Свежее сено».

Перед тем, как заснуть, я хочу представить себе завтрашний день. Мне все еще немного жутко. Я не освоилась с гимназией, где есть загадочные для меня комнаты, например, физический кабинет и комната, где осматривают учениц. Заглянула в нее: там весы

и кушетка. Васса сказала, что на ней лежат ученицы старших классов, когда им дурно. Или у одной из них истерика. Что такое истерика, Васса точно не знает. Ей будто бы сказали, что это слезы, перемешанные со смехом. Но не смех сквозь слезы, как у Гоголя. Истерика — болезнь и с ней надо бороться. Самое лучшее вылить на голову ведро холодной воды. У нас в гимназии воду не выливают, а звонят родителям, если у них есть телефон. А если нет, ученицу отправляют домой на извозчике. Другое интересное местечко: уборная. Их несколько, и они постоянно заняты. Учителя туда не ходят. У них своя уборная. В нашей большое полотенце серого цвета и длинный рукомойник. Полотенце всегда мокрое. На гимназическую кухню учащихся не пускают. Но через окошко я вижу, что она высокая и темная. Под потолком с утра горит электрическая лампочка. На нашей домашней кухне весело. Там бывают гости, вроде Юзинога жениха и старых женщин, они что-то приносят. На самом деле они уносят пакеты, которые не особенно ласково сует им Геня.

Сколько раз я просила ее быть деликатной, но она смеется. Эти женщины вовсе не такие бедные. Они богаче ее, Гени. А она скорее умерла бы, чем стала попрошайкой. Тут я с ней согласна. Терпеть не могу, когда выпрашивают и выклянчивают. Моя соученица, которая верит в домового, всегда что-то просит. Говорят, что она открывала корзинки приготовишек, чтоб проверить, какие им дали бутерброды. Свой завтрак она съедает потихоньку, когда никого нет. Мне жалко ее маму. Она стояла в коридоре, как побитая собака, и была одета немногим лучше, чем женщины на кухне. Васса сказала, что дочка ее терзает. Она хотела бы, чтоб ее, как принцессу, водили на все утренники, а мать не может, она вдова. Я это сразу

заметила, у нее худое вдовье лицо. Дамы с мужьями более раскормленные и у них двойной подбородок.

Васса спрашивает, богаты ли мы? Я право не знаю, у меня есть все что нужно, но о богатстве никто со мной не говорил. Надо расспросить Вову. Он разбирается в этих вещах и даже сказал мне, что папа с ним советовался. Интересно знать, что думает Ася по поводу богатых. Не всегда же она будет дуться. Наша дружба ведь совсем не то, что у меня с Вассой: она постоянная. Сколько я себя помню, нас соединяли — Надя и Ася. Так же, как Вову с близнецами. Но мне хочется иметь еще подруг и это вовсе не измена. Асю я ни на кого не променяю. А ей сейчас же начинает казаться, что я отошла, что мне с ней скучно. Я ее ни в чем не подозреваю. Я простила ей даже то, что она обожествляет своих кузин. Особенно Сонечку. Она говорит, что у нее замечательная талия: тонкая и вместе с тем кругленькая. В общем больших красавиц не бывает. Тогда я без особого восторга начинаю расхваливать моих родственников. У Мати тоже неплохая талия, а таких ресниц нет ни в моей, ни в Асиной семье. В конце концов я уступаю ей хорошенькую Сонечку и в придачу Манечку из Аккермана. Главное, дружба.

Но Ася хочет, чтоб я сама от себя признала красоту ее двоюродных сестер. Я становлюсь на дыбы: Сонечка и Манечка от меня комплиментов не дождутся. Пусть думают, что я завидую их талии и глазам с поволокой, и что я, вообще, люблю критиковать. Ну что ж, я не такая восторженная, как Ася. Там, где у нее замечательно и необыкновенно, у меня — хорошо и необычно. Это слово я стащила у Бори Гаевского. Он сам необычный и признает только необычное. Необыкновенное его раздражает. Он говорит, что это сахарная водица с розовым сиропом. С сахарной водицей я согласна, а розовый сироп, нет,

его я не уступлю. Правда, он думает о другом сиропе. Я же говорю о сиропе из греческого буфета. Завтра я обязательно пойду туда и к Александровскому. У него в окне я увидела специальную штуку для вытирания перьев. Она из разноцветного сукна и может поместиться у меня на ладони.

Кроме того, Александровский начал продавать открытки с портретами знаменитостей: Шаляпин в Борисе Годунове и Валина мама в пьесе «Бой бабочек». Странное название, но оно, все-таки, лучше, чем «Стакан воды». Сын артиста сказал мне, что есть такая пьеса, это перевод с французского. Я спросила мадамзель и выяснилось, что она ничего про «Стакан воды» не слышала. В ее время ставили Мольера и Расина. Правда, она в театр не ходила, так как у них не было денег. Но во Франции всякий ребенок знает, что был великий писатель Мольер. Корнеля тоже учат в школе. И Ламартина. Мадамзель когда-то декламировала «Озеро,» (де Лак,) это было на раздаче премий. Тогда она получила Ламартина в хорошем переплете, но его поставили в шкаф, такие книги не читают, их надо сохранять.

Я больше люблю книги без переплета. Они совсем незаметны под подушкой. Таким способом я прочла уже массу книг. За исключением Вовы, никто не догадывается. Все удивлены и не понимают, откуда я знаю «Первую любовь» Тургенева. Я совсем не хотела говорить о «Первой любви», это вырвалось случайно. Меня выручает Вова, он мастер заговаривать зубы. Вова сразу переходит на «Природу и люди», вот журнал, не то, что «Задушевное слово», которым я и мои подруги зачитываемся. Вова знает, что это чепуха, и что я давно разочаровалась в институтках. А про письма в редакцию «Задушевного слова» он сам мне когда-то сказал, что их пишут не Нина Иванова, десяти лет, и не Олег Петров — одиннадцати, а

толстая тетка, которая сидит в редакции. Попадают иногда наивные типы, вроде Вали, они пишут влюбленные письма Лидии Чарской, но их очень мало. Остальное дело рук секретарши с большой бородавкой. Бородавку придумал Вова. Из-за него я перестала читать книги, где все слишком хорошо воспитаны. Вова говорит, что это литература для слабоумных. Он и близнецы давно решили, что жизни надо смотреть в глаза и не бояться правды, даже если она неприятная.

Сын артиста с ним несогласен: существует красивая ложь, и она ничуть не хуже правды. Я другого мнения, хотя иногда могу приврать. Но после разговора с настоящим вруном мне хочется долго мыть руки, тереть их щеткой, чтоб они стали красными, как у прачки Оли. Несмотря на все, Вова решил, что в нашем журнале тоже будут письма читателей. Вести этот отдел будет сын артиста, он известный сочинитель. Он уже придумал каких-то Пятибрюховых, Пуговкина, Небывалого, Завиральскую, остальное в том же роде. Я против идиотских фамилий, но решать будет Вова, он главный и ответственный редактор. Хорошо, что наш журнал рукописный. Настоящие редакторы часто сидят в тюрьмах за политику. Сын артиста говорит, что тут нет ничего позорного. Лучше сидеть за политику, чем за кражу часов из американского золота. Ему хорошо рассуждать, он не редактор, а будущий сотрудник и то у него псевдоним Н. Н., что означает: неизвестный. Сын артиста не думает прятаться за чужую спину. У него будут разные псевдонимы. И потом слог его должны узнать сразу: он пишет короткими фразами, без придаточных предложений. Так, будто бы, должны писать современные писатели. Но Вова утверждает, что все это из-за синтаксиса, сын артиста никак не может его одолеть. Он презирает синтаксис.

В общем, журнала еще нет, а сколько трудностей. Подписчиков тоже нет. Вова решил, что подпишутся все наши знакомые и родственники и каждому будут давать журнал на прочтение. Пока надо подготовить почву. Может быть, у нас будут объявления. Я предлагаю господина Букинери: «Покупаю бывшие новые учебники и продаю старые по хорошей цене». Вова несогласен. Это смехотворный текст. Он сам будет собирать объявления. Меня он посадит в кассу с тем, чтоб деньги я передавала ему. Вова знает, что я не умею хранить деньги. Когда-то мадмазель мучила меня своими рассказами о копилках. Надо накопить много мелких монет, а потом сделать подарок вашим дорогим родителям. Бедной мадмазель все еще кажется, что она в Гренобле. Она здорово отстала. Моим родителям я вместо подарка посвящу стихотворение. Это не хуже пепельницы из пассажа Менделевича. Не надо искусственно восторгаться, как они делали, когда я подарила салфеточку. Тогда я дала себе слово, что больше салфеток вышивать не буду, и думаю, что сдержу его. Труднее было бы, если б я дала зарок: вышивать.

В гимназии мы будем шить рубашки для детей из сиротского дома. Нам сказали на пустом уроке, что необходимо принести мадеполам. Значит, я должна пойти с мамой к Бомзе или в другой магазин на Александровском проспекте. Мне нравятся магазины, куда зазывают. Перед дверью стоит человек без шляпы и настойчиво приглашает вас войти. Мама говорит, что в такие места ходить опасно. Но почему же не попробовать? Почему только Бомзе, Пташников и магазин Фельдмана, где цены без запроса? Я люблю разнообразие. Те, что зазывают, тоже должны жить. У них, наверно, семья и квартира из трех комнат. Все окна выходят во двор. Мама не понимает, откуда я знаю, сколько у них комнат, она в ужасе

от моего воображения. А я вижу столовую со складными кроватями, где спят дети. Из-за этого к ним никто не ходит с визитом.

Я никогда не спала на складной кровати. А Вова спал и даже успел свалиться. Он не привык к тому, что с двух сторон пустота. Дома его кровать упирается в стенку. Здесь, на даче, моя кровать тоже стоит у самой стены. Когда мы переехали, стена была белая. За лето она пожелтела и на ней следы раздавленных комаров. Сейчас на стене пять ночных бабочек. Я боюсь потушить свечу. Бабочки начнут кружиться и задевать за различные предметы. Странно, что они такие неловкие. Не то, что наши дневные капустницы. Те похожи на прыгающие лепестки. В конце концов я забыла задуть свечу. Утром я замечаю, что она догорела до основания, и остаток фитиля лежит на дне подсвечника. Будут думать, что я читала до поздней ночи, специально для того, чтоб портить себе глаза.

Я не спорю, пусть думают, что я читала. Это интереснее, чем спать. Только бы Матя не начала говорить, что вся красота женщины в глазах. Если я их окончательно испорчу, все шансы на успех будут потеряны. Не представляю себе, о каком успехе идет речь. Неужели о женском? Мне женский успех неважен, я не собираюсь стрелять глазами, как гимназистки старших классов. На самом деле они моргают, как будто их смертельно напугали. Но об успехе я буду думать по дороге в гимназию. Уже поздно, все в сборе. С нами едет сын артиста, он ночевал у нас. Вчера он и Вова должны были подзубрить хронологию. Вова сказал, что без нее не обойдешься: тот, кто не знает, когда была битва на Калке, может считать, что его дело семнадцатое. А я вот не знаю и мне совсем неинтересно знать.

Без мадеполама я тоже могу обойтись. Гораздо проще пойти к мадам Рабинович. Она за короткое

время сошьет рубашку с оборочками и полотняным кружевом. Но это барские замашки. Надо все уметь: шить, штопать, готовить обед из трех блюд. Я вряд ли научусь шить, а штопать мне совсем не противно. Я уже давно штопаю, но почему-то дырки из маленьких становятся огромными. Я, действительно, их увеличиваю, чтоб было виднее. Штопка все покроет.

Пока мы едем по довольно тряской дороге, я думаю о том, что сегодня второй день гимназии, а мне кажется, что я учусь уже очень, очень давно. По крайней мере, полгода. Папа оставляет нас на углу Ришельевской и Большой Арнаутской. Оттуда мы должны ехать на электричке. Мы все сбились в кучу и ждем. Рядом с нами ждет девочка из дома, где магазин господина Букинери. Я ее знаю по виду. Она носит ботинки цвета сливочного масла и косы ее заплетены так, что они спускаются не на спину, а на живот. Вова говорит, что это последняя мода. Мне неприятно, что мои косички торчат сзади, и Юзя их так заплела, что они все время бьют по затылку. Девочка в светлых ботинках смотрит на меня. Я ей, верно, знакома по магазину господина Букинери. А может быть она видела меня у провизора Гейликмана, когда я покупала для мамы коробку с одеколоном и цветочным мылом. На коробке изображена китаянка с такими же узкими и сонными глазами, как у этой девочки. Вряд ли она хорошо учится, у нее слишком сонный вид. Когда ее вызывают к доске, она с трудом открывает свои узкие глаза и с удивлением смотрит на учительницу. Представляю себе, как она молчит и как учительнице становится неловко, но в эту минуту подходит трамвай. Кондуктор кричит, что он переполнен, а мы кричим, что опоздаем из-за него в гимназию.

Наши крики не действуют: проходит один переполненный трамвай, другой, третий. Наконец, в чет-

вертый мы втискиваемся. Вова на площадке, это его излюбленное место, а я влезла внутрь и то и дело наступаю на чужие ноги. Одна скромно одетая дама жалуется, что ей чуть не выкололи глаза булавкой от шляпы. Все смеются и кто-то предлагает ей на ближайшей остановке взять извозчика. Владелица шляпной булавки делает скучное лицо: ей надоели претензии. До сих пор она никому еще не выколола глаз. Но если так будет продолжаться, обязательно выколет — ее слишком нервируют. Счастливица, она пользуется тем, что ей около двадцати лет! Если б я сказала, что меня нервируют, все приняли бы это за простую невоспитанность. Когда мы подъезжаем к Городскому театру, моя соседка слева выходит, и я с треском опускаюсь на ее место. Книги я швыряю под скамейку. Дама с шляпной булавкой недовольно качает головой, ей не нравятся мои манеры. Вова все еще на площадке. Он не знает, что меня здесь безмолвно критикуют, но что я на это плюю. Он машет мне рукой и соскакивает на ходу. Правда, ход замедляется, но все-таки страшно, и сердце у меня начинает сильно колотиться, как будто я спускаюсь по знаменитой одесской лестнице. Я доходила только до середины, но однажды Юзя потащила меня вниз. Об этом никто не должен был знать. Внизу нас ждал очень вежливый матрос. Пробыли мы недолго. Юзя торопилась и назад мы бежали, не оглядываясь. Нам казалось, что за нами гонится весь Черноморский флот.

Наконец-то подъезжаем к нашей остановке. Первой сходит высокая ученица с маленькой головкой. Она тоже продает шоколад на большой перемене, но Васса у нее не покупает, она не верит этой рыжей лисичке. За ней девочка в ботинках цвета сливочного масла. Она учится не у нас, а напротив. Последней вылезает я. Кондуктор недоволен, мы задерживаем

движение. Никакого движения нет, только один извозчик с опоздавшим файгистом. Должно быть, это тот самый женатый файгист, о котором говорит вся Одесса. Завтрак ему приготовляет его жена. Когда файгист получает двойку по геометрии, супруга рыдает. Он так ее называет: моя супруга. Я не хотела бы быть женой файгиста, хотя у них красивая форма. И, вообще, я запретила бы учащимся жениться и выходить замуж!

У дверей гимназии стоит высокий седой человек в темных очках, муж начальницы. Он поседел не от старости, а от сиденья в тюрьме. Васса знает, что он был в Сибири и поэтому наша гимназия передовая и без прав для учащихся. Муж начальницы не имеет к нам никакого отношения. Но иногда, правда, он врывается в раздевальню и начинает кричать, что мы мешаем ему своей болтовней. А мы просто хохочем, как на переменах или во дворе. На уроках мы шепчемся, потому что разговаривать строжайше запрещено.

Как это ни странно, я опоздала только наполовину. Удалось несколько минут постоять на молитве. После этого я гордо пошла в класс. Там уже все повытаскивали арифметические тетради и учебник Малинина и Буренина. Мне стало неприятно, Малинина и Буренина я оставила на даче. Он лежал под «Большими надеждами» Диккенса и в последнюю минуту я его забыла. Вова говорит, что я забываю только то, что мне несимпатично. Это правда, стихи Пушкина или даже обыкновенную хрестоматию я, наверное, не забыла бы. Неужели я всегда буду забывать калоши, носовой платок, Малинина и Буренина? Вера Львовна думает, что это разгильдяйство. Она не верит в рассеянность. Но ведь все великие люди были рассеянными и про их рассеянность рассказывают

анекдоты и восторгаются ею, а ученица второго класса не смеет ничего забывать!

Учительница арифметики с пробором посреди головы влюблена в свой предмет. Ей кажется, что мир держится на математике. Но какое отношение к миру имеют задачи о двух бассейнах или о двух путешественниках, которые вышли из разных точек и должны сойтись только в том случае, если задача решена правильно. При неправильном решении они так нигде и не встретятся. На сегодняшнем уроке учительница вызывает по алфавиту. Значит, до меня не дойдет. Лишь бы она не переменяла порядка. Сижусь с глубокомысленным видом, а внутри у меня все трепещет. Наконец, издаലെка послышались шаги Афанасия. Звонок прокатывается по коридору. Он высоко, под потолком. Афанасий держит его над головой, чтоб было слышнее.

31.

Следующий урок — рисование. Учительница, Эльвира Францевна, приносит два куба и треугольник. Мы должны нарисовать так, чтоб с одной стороны было все белое, с другой — тень. Тень надо сделать специальным карандашом. Вынимаю бумагу для рисования и карандаши, которые я купила у Александровского. Ни у кого нет такого замечательного набора карандашей. Александровский постарался, но как я ни наклоняю голову, — ничего не получается. Кубы совсем кривые, они похожи на два новеньких ведра. Тогда я берусь за треугольник. Он тоже не получается. Если пририсовать глаза и нос, его можно было бы принять за одну нашу родственницу. Учительница становится за моей спиной и начинает поправлять. Несколько штрихов, и все готово. Боже, до чего это просто! Но Эльвира Францевна требует, чтоб я сама пробовала, до тех пор, пока не выучусь. Когда это будет, неизвестно. Моя рука не хочет делать то, что я ей приказываю, и вместо треугольника получаются какие-то рожи. Вассе хорошо, она может все скопировать, даже открытку «Лесная сказка». Это девушка с испуганными глазами в платье из лохмотьев разной длины. У Вовы в классе какой-то мальчик, совсем незаметный, сделал чудную копию с «Острова мертвых». На картине нет мертвецов, а

только одни кипарисы, мертвые, как на кладбище. После этого незаметный ученик стал признанным художником и сам учитель рисования с ним советуется.

Настоящего художника я видела на Ланжероне: он рисовал море. Вова говорит, что он не рисовал, а писал его масляными красками. Вокруг художника стояли дети, их было штук двадцать. Все делали замечания. Самой маленькой девочке не понравилось, что волны розовые, а песок синий, как синька. Художник велел отойти, но никто не тронулся с места. Он покричал, покричал и успокоился, а я увидела, что он подсинил море. Значит, девочка его правильно критиковала. В глубине души он был с ней согласен, но гордость не позволила ему в этом сознаться. Я его отлично понимаю, хотя он, по крайней мере, в два раза старше меня и носит бархатную куртку и бархатный берет, спущенный на одно ухо. Я тоже не люблю критики. Но когда критикуют мои рисунки, мне безразлично. Учительница смотрит на меня с сожалением. Она хотела бы только, чтоб я не мешала другим. После звонка кубы и треугольник убирают, в следующий раз мы будем рисовать орнаменты.

Третий урок — естествознание или естественная история. В других гимназиях ее начинают учить в четвертом классе, а у нас во втором, потому что мы не такие, как все. Наша начальница была в Сибири. Учитель, Александр Петрович, говорит о том, что такое хлорофил. При этом он поднимает голову с русской бородкой, в которую одно время была влюблена ученица седьмого класса, Надежда Гольберг. Ее называют: Эсперанса. Такое имя больше подходит жгучей брюнетке, с глазами вроде царских маслин. Александр Петрович непрочь поговорить. Мы сидим тихо и слушаем про хлорофил, про тычинки и пестики и тому подобное. Он хочет знать, любим ли мы приро-

ду. Меня так и подмывает ответить, что я люблю, но мне неловко. Могут подумать, что я подлизываюсь.

А мне Александр Петрович совсем не нравится. Честное слово! Он ненатуральный. Таких учителей выдумывают, чтоб все теряли голову. Кроме Эсперансы Гольберг, у него целая свита дур. Они обсуждают каждое его слово. А я назло им не хочу обсуждать. Когда Матя недовольна кем-нибудь из своих поклонников, она говорит, что это не герой ее романа. Под романом она подразумевает не сочинение, вроде «Отцы и дети», а свою жизнь. Каждая жизнь — роман. Я это пойму, когда придет время. Сейчас меня интересует кадык Александра Петровича. Шея у него худая, и кадык постоянно скачет вверх и вниз. Это так же некрасиво, как затылок в складках. Такие затылки были почти у всех мужчин на Среднем Фонтане. А у тамошних дам не было шеи, она сливалась с подбородком. Александр Петрович не только худой, он легкий и когда ходит, слегка подпрыгивает. На перемене я скажу Вассе, что он похож на старого кузнечика, и она, конечно, начнет меня ругать на все корки.

Урок никак не может кончиться. А у меня разыгрался волчий аппетит, и я готова съест, что дадут, даже пилав из бывшей баранины. Сегодня меня тянет в столовую: приехала Тоня Калиниченко. Она была со своей мамой на водах. Я думала, что только за границей есть воды. Оказывается, на Кавказе тоже целебные воды и их пьют под музыку. Тоня успела мне шепнуть, что в Кисловодске она носила туфли на каблуках и кто-то принял ее за четырнадцатилетнюю барышню. Она страшно преувеличивает. Четырнадцать ей никак нельзя дать, самое большее — двенадцать с половиной. Но Александр Петрович вспоминает, что он учитель. Он схватил карандаш и тычет в первую попавшуюся фамилию: это дочка док-

тора. Она вскакивает, как будто ее ужалила оса. И тут раздается звонок. Дочка доктора спасена. Александр Петрович захлопывает журнал и бегом бежит из класса. Он завтракает дома. Васса каким-то образом это узнала. То, что нельзя было узнать, она сочинила. Тоня тоже сочиняет истории про знакомых мальчиков. Их папы адъютанты или вице-адмиралы. А они сами — краса кадетского корпуса. Иногда они бывают учениками Первой гимназии и тогда у них особняк на Черноморском бульваре, и они ездят на бега.

Вова знает имена лошадей, но за столом он прудусмотрительно молчит. Бега для бездельников и мотов. Когда-нибудь через много-много лет Вова возьмет меня на скаковое поле, и я буду сидеть в ложе и аплодировать знаменитым лошадям. Все это, как в сказке, и наверное, никогда не сбудется. За завтраком Тоня рассказывает, какие у кавказцев тонкие талии. Все заинтересованы. Дочка доктора от волнения пролила полчашки какао. Хорошо, что столы накрыты клеенкой, а не скатертью в красных квадратах. За порчу скатерти ей бы здорово влетело от Марьи Дмитриевны.

Я начинаю охладевать к Тоне: мужские талии мне непонятны. И где у мужчин талия тоже неизвестно. Я хотела спросить, была ли она в долине Дагестана? Но не смею. Мне недавно подарили Лермонтова, и я все время повторяю про себя: «В полдневный зной в долине Дагестана» и «По небу полуночи ангел летел». Стихотворение про ангела я читала дяде, но он в восторг не пришел — ангел для него чужой, он его не признает. А я вижу ангела, он лучше, чем в моей книге. Его нельзя ни нарисовать, ни описать: он неземной, и его красота тоже неземная, и мне неприятно думать, что у него может быть цвет лица. Меня так расстроил Кавказ и Лермонтов, что я не доела горя-

чий завтрак, это были макароны с кусочками мяса, и Марья Дмитриевна сказала, что напишет моим родителям: оставлять пищу на тарелке грешно. Есть столько детей, которые...

Марья Дмитриевна, конечно, говорит о книжных детях, они ходят по дворам с шарманщиком или работают у сапожников и их бьют ремнем. Но есть другие, из полуподвального этажа. Волосы у них зализаны, и одеты они даже слишком чисто. Я их больше жалею, чем сапожных детей. Их редко выпускают во двор. Они хотели бы играть в классы, но дворник поднимает метлу и кричит: «Эй вы, мышиный помет, идите туда, откуда пришли!». Обиднее всего, когда ставят в пример хорошо воспитанных детей. Вову до сих пор нельзя уговорить пойти к Яне на рождение. Он помнит, как ему твердили: Яня то и Яня се... А горничная Юзя сказала, что Яня к ней полез, и что он, наверно, ходит к девочкам. Почему бы ему не ходить? У Вовы тоже есть знакомые гимназистки. Но Юзя рассердилась: это другие девочки и, вообще, она ничего не сказала. Если я попробую передать, она немедленно расскажет, как я на деньги для тетрадей купила плитку Жоржа Бормана. Это был Эйнем, но я не стану спорить с Юзей, она слишком горячится.

Тарелку с кусочками мяса и макаронами не убирают. Марья Дмитриевна решила меня перевоспитать. Закрываю глаза и не прожевывая, глотаю мясо. Макароны щекочут мне нёбо, но я и их проглатываю. Рядом девочка в помятом переднике вилкой расковыривает мясо, и Марье Дмитриевне это безразлично. Сегодня я ее жертва. Наискосок сидит Ася, и я вижу, что она меня жалеет. Значит, все к лучшему, как говорит бабушка, и мы наконец помиримся. Но Ася не может забыть, что она обижена и начинает глупо хихикать. Этого я ей в жизни не прощу. Стараюсь убе-

дить себя, что я тоже смертельно обижена, и ничего не выходит: я не так обижена, как мне хотелось бы.

Иду с Вассой по коридору, и она меня толкает. Она обязательно должна всех толкать, у нее слишком длинные руки, и она все время ими размахивает. Я сама люблю размахивать руками, но до Вассы мне далеко. Так и быть уступлю ей, пусть размахивает. Боря Гаевский сказал, что не уступают только упрямые дураки. Своего собственного упрямства он не видит, он волевая личность. А Вова считает Борю Гаевского сморкатым мальчишкой. Когда он говорит такие слова, мне хочется плакать от обиды. Боря Гаевский вовсе не сморкатый, это самый аккуратный мальчик, какого я знаю.

Васса так размахалась, что мы не замечаем, как подкатывается начальница. Она смотрит на нас с удивлением, как будто не может припомнить, кто мы такие. Потом она бежит дальше и повторяет свое: «Не толпитесь!» Хотя она маленькая и голова у нее, как шарик с отростком, ничего смешного в ней нет. Она, скорее, грозная и величественная. Правда, она не такая Екатерина Вторая, как Нина Владимировна, которая преподает в седьмом классе дикцию и декламацию, но в ней есть что-то царственное. Все ее боятся и только Нина Владимировна разговаривает с ней, как царица с другой царицей, поменьше. Встреча с начальницей на Вассу действует плохо, она начинает хныкать: куда бы она ни шла, всюду приемные матери и начальницы. Хочу ее успокоить, но она говорит, что несчастней ее нет никого на свете. Я могла бы сказать, что я тоже несчастная, но у меня язык не поворачивается. Это было бы бесстыдным враньем.

Васса продолжает говорить о своих несчастьях и теперь ее руки, как мельничные крылья. У нее волчьи глаза, — это сказала приемная мать. Она не допустит, чтоб Васса отрастила две косички. Если она будет ка-

призначать у парикмахера, ее остригут под машинку. Но тогда Васса повесится на чердаке или выпрыгнет из трамвая на полном ходу. Ее обрядят в белое шелковое платье и лакированные туфли. Будут петь хор и священник, а приемная мать пойдет за гробом, ломая руки от горя. Васса страшно увлеклась и ей кажется, что она уже умерла. От восторга она закрывает глаза и втягивает щеки, чтоб они были, как у покойника. Я готова с ней поссориться, лишь бы не слышать про гроб и катафалки. Но Васса сразу, без перехода, начинает говорить о том, что она на Рождество поедет в Москву и что там снег по колено, не то, что в Одессе. Мне неприятно за Одессу. Я говорю Вассе, что в том году, когда родился Вова, было столько снега, что пришлось прокладывать дорогу в снежных сугробах. Васса не верит: здесь таких сугробов не бывает.

Мы спускаемся по железной лестнице во двор. Очень жарко, все ищут тени и на больших деревьях ни одного желтого листа. Но Васса продолжает говорить о сугробах. И я ей уступаю. Пускай правда будет на ее стороне. Я жалею, что так быстро разочаровалась в Тоне Калиниченко. Горные вершины Кавказа, или даже офицеры, лучше, чем Бассины катафалки. Асю я понимала с полуслова, но она отреклась от нашей дружбы из-за этой противной Кали и другой девочки, Лиды Родиопуло. Мне особенно ненавистна Каля. Родиопуло я прощаю, она безразличная. На самом деле ей наплевать на Асю, на меня и на всех тридцать пять учениц второго класса. Лишь бы ее не отчитывали за беспримерную лень и невнимание. Ей неинтересно учиться, она сказала Вассе, что хочет быть хозяйкой магазина восточных сладостей. Не такого, как Дуварджогло, а необыкновенного, где в окне были бы горы из ореховой халвы и гроты из рахат-лукума. Гроты я придумала. Я вижу человечков, которые уходят вглубь розовых и желтых пещер, и им на голову сыпется тон-

чайшая сахарная пудра. Если Ася со мной помирится, и мы опять станем закадычными подругами, я дам слово Родиопуло, что буду все сладкие вещи покупать в ее магазине.

Пятый урок — гимнастика. Я уже решила, что к этому времени у меня заболит нога. Мне не хочется делать гимнастику, которая называется сокольской. Ничего сокольского в ней нет: девочки в гимнастических костюмах, а те у кого их нет, в голубых передниках, должны делать ритмические движения. Учительница не верит в мою больную ногу. Ей мало того, что я прихрамываю, она хочет, чтоб нога была сломана, по крайней мере, в двух местах. Без всякой охоты она разрешает мне и дочке доктора смотреть, а главное, запоминать, это нам пригодится для следующего раза. Мы сидим в уголку и то она меня, то я ее толкаю в бок. Нам смешно. Со стороны всегда смешно. Если б у нас не болели ноги и мы делали эти движения, нам казалось бы, что мы настоящие сокола. Но нам надоедает запоминать и мы начинаем раскачивать скамейку. Тогда учительница говорит, что мы ее волнуем, а ей вредно волноваться. Я смотрю на ее огромный остроконечный живот и мне становится не по себе. Наконец, сокольская гимнастика кончилась, кончился гимназический день.

В раздевальне одна девочка из нашего класса ищет свою шляпу. Она маленького роста и не может дотянуться до вешалки. Девочка плачет горькими слезами и повторяет, что без шляпы ни за что не пойдет домой. Шляпу находят. Она лежала на полу, и на нее все наступали. Шляпа превратилась в блин. Девочка плачет еще громче, она просто захлебывается, и тогда Афанасий приносит платяную щетку и начинает счищать пыль и налипшую грязь. Не знаю, как быть. Я готова отдать мою шляпу. Но у девочки головка страшно маленькая, а у меня она, как котел. Она потонет в моей

шляпе. А ее блин будет торчать у меня на макушке. Топсик — форменная неудачница. Как самая маленькая, она в первой паре и на нее обращают больше внимания, чем на тех, кто плетется в хвосте. Ходит она на цыпочках, чтоб казаться выше, но ей это не помогает. Ее рост измерили, он записан в докторской книге. Конечно, она изменится, не всю жизнь ей оставаться карлицей, она может перерасти всех семиклассниц и даже Афанасия. Но пока ей трудно. Васса говорит, что у нее отнимали завтраки и стоило ей принести в класс что-нибудь вкусное, как все начинали приставать: «Дай по кусочку. Дай еще, дай мне!». Топсик боялась ссориться и всем давала по кусочку. Как хорошо, что я выше ее на полголовы и у меня нет корзиночки с бутербродами.

Домой прихожу с опозданием, потому что Тоня и я были в кондитерской. Она у самой остановки. Это очень удобно. Кондитерская пахнет кислыми пеленками, но пирожные там кладут на тарелочку и даже предлагают вилку. Перловый суп мне есть не хочется. У Вовы тоже нет аппетита. Я понимаю, что по дороге он зашел к Исаевичу. Но он съедает огромный бифштекс, который специально для него готовят. Вова растет слишком быстро и ему необходимо усиленное питание. Вещи до сих пор не расставлены: пианино стоит посреди комнаты и рядом с ним — корзина с посудой. Сейчас я пойду с мадам-мазель в Городской сад, а когда мы вернемся, Юзя будет собирать обрывки бичевок и солому. Никто так не ругает перевозчиков, как Юзя, хотя они с ней шутят, и один даже хлопнул ее по тому месту, где юбка закругляется. Юзя взвизгнула, она пойдет жаловаться барыне. Перевозчик не смутился и еще раз занес руку, но тут пришли другие. Я спросила Юзю давно ли перевозчик за ней ухаживает, и она сказала, что я дурочка: это не ухаживание, а одна глупость.

В Городском саду я никого не встретила. Вот что значит выезжать на дачу, теряешь знакомых. Ко мне подошла маленькая девочка и предложила играть с ними в «За городом царевна, царевна, а в городе царевич, царевич»... Когда-то я любила эту игру, но она мне разонравилась. Бессмыслица, вроде счета: «Ани, бани, три конторы, сахар, махар, помидоры», куда интереснее. Боря Гаевский говорит, что у меня пристрастие к бессмыслице, а он признает только то, что логично. Мне его логика непонятна, он ее выдумал, чтоб напустить на себя важность. Незнакомая девочка не отходит от нашей скамейки, она хочет, чтоб я играла с ними в царевича и в царевну. Я принимаю гордый вид и отворачиваюсь. Но она не замечает. Очевидно у меня не такое выразительное лицо, как у артисток Сибиряковского театра.

Тогда мы с мадамзель уходим в ту часть сада, где по вечерам бывают концерты. Сейчас она пустая, под скамейками валяются смятые программы. На одной написано: «Ночь на Лысой горе». Я знаю, что туда летают ведьмы на помеле и мне становится страшно. Мадмазель видит, что я позеленела и предлагает зайти к ней. Это удача, я опять буду ходить по лестнице дома, где жил Пушкин. Квартирная хозяйка мадамзель дарит мне большую твердую карточку. На ней господин с белой бородой и белыми волосами: Чайковский. Карточка пожелтела, а может быть она и прежде была желтой, она лежит уже много, много лет. Чайковский подарил ее мужу квартирной хозяйки. Он играл в оркестре на инструменте, который называется гобой. Квартирной хозяйке Чайковский не нужен. Она еще поживет немного в доме Пушкина, а затем вернется в свою Италию, где поют «О соле мио». А мне он нужен! Он написал, ^{мне} «Евгения Онегина» и романс: «Средь шумного бала, случайно»... Его поет Матя. Когда она доходит до «слу-

чайно», то поднимает одно плечо. Матя будет поражена, когда я покажу ей карточку. Пока я с такой силой прижимаю ее к груди, что мадмазель начинает беспокоиться за ее целость.

Оказалось, что Чайковским больше всех доволен Вова: это его композитор. Если я захочу, он сейчас же сыграет вальс из «Евгения Онегина». Вова говорит, что портрет Чайковского надо бережно хранить. Он, кажется, намекнул на то, чтоб я ему подарила кабинетную фотографию. Мне жалко отдавать, но я себя пересиливаю. Вова мой любимый брат, и я сотни раз давала себе слово делиться с ним всем решительно. В книгах такие слова называются обеты, и сдержать их довольно трудно. Мне, например, не хочется расставаться с Чайковским, и я предлагаю временно положить его в **В**овин письменный стол. Вова согласен. Он берет Чайковского и уносит в свою комнату, там карточка будет лежать среди других **В**овиных сокровищ.

Вечером приходят близнецы, и он показывает им моего Чайковского, который стал уже его Чайковским. Близнецы немзыкальны и им это безразлично. Они верят только в энциклопедию Брокгауза и Ефрона. Придет еще сын артиста. В общем, все в сборе. Но я отвыкла от города. Мама говорит, что я устала и поэтому капризничаю. Я хотела бы, чтоб у нас в гостиной вместо пальм стояли олеандры. У пальм нет корней. С горя выхожу на балкон и вижу на балконе прямо напротив, девочку, которая ждала с нами трамвая. Она уже в других ботинках, те, цвета сливочного масла, стоят под кроватью. Волосы ее заплетены нормально, и она больше не кажется мне необыкновенной.

Ничего не остается, как уйти к себе или в столовую, где шипит новый самовар, никелированный под серебро. Полоскательница все та же. А на столе чего

только нет: кильки и шпроты под названием рижские, икра щучья и баклажанная, огурчики величиной в мизинец. Сметану и сыр с тмином мы купили на обратном пути. Хлеб с изюмом мы тоже купили. Изюминки так запузырелись, что пробивают корочку. На особой тарелке лежит сыр со слезой. Близнецы и Вова набрасываются на варшавскую колбасу. Сыр с тмином их не интересует, они предпочитают толстые куски колбасы. Матя в ужасе. Она говорит, что у аристократов все нарезают тонкими ломтиками, а чай пьют из полупустых или не совсем полных чашек. Все знают, что она помешалась на аристократизме. Ее больше не трогают страдания крестьян и рабочих. Она хочет квартиру из пяти комнат и мебель от братьев Тонет. Вова и близнецы не обращают на нее внимания, они уже почти справились с колбасой, осталась только несъедобная кожа, перевязанная веревочкой. После колбасы Вова захотелось охотничьих сосисок, но мама забеспокоилась, это может кончиться хорошей порцией зейдлицкого порошка. Вова не имеет ничего против. Он полежит денек в постели и будет читать похождения Арсена Люпена.

Сын артиста все положенное на тарелку съедает быстро, а потом сидит с опущенными глазами и ему снова накладывают двойную порцию. Мне нравится его деликатность, таким способом можно съесть быка и все-таки тебя будут считать поэтической натурой. Я беру немного сыра с черными точечками и лью на него сметану. Затем я вилкой делаю из нее звезду. Меня спрашивают, почему я так копаюсь и нет ли у меня уроков на завтра. Этого я никому не скажу. Я недовольна собой и всем миром. Мне надоело выслушивать Матины аристократические выпады и намеки на неуменье вести себя за столом. И все из-за того, что я положила локти на скатерть и задумалась. Близнецы говорят, что за столом нель-

зя думать, для этого есть кабинет уединения и задумчивости. Бедные близнецы, они хотят, чтоб за них думали Дарвин или Брокгауз и Ефрон. Но ссориться с ними я не собираюсь. Я смотрю на них с безмолвным укором, а сын артиста допытывается, что со мной, не попала ли мне в глаз какая-нибудь мушка. Вот тебе и на! Я считала его более наблюдательным. Никто так не копирует учителей. Вдруг нос его и часть лба покрываются складками, и он всех обрызгивает слюной. Это учитель истории. Когда он сощуривает глаза и тянет ногу — получается класный надзиратель. Только Вова может с ним соперничать. Он подражает не хуже, но его специальность — голос: он меняет голоса. Близнецы утверждают, что в нем сидят сорок чертей и одна ведьма.

Я очень обижена на сына артиста. Если я сейчас расплачусь, придется сказать, что мне, действительно, попало в глаз насекомое. Лучше буду думать о чем-нибудь веселом. Но ничего веселого нет: разве самовар. Когда в него всматриваешься, лицо становится длинным, а иногда оно сплющивается, как будто на каждой щеке по флюсу. Катя замечает, что я смотрю и начинает гримасничать. Потом она закрывает лицо рукой и в самоваре оно похоже на большую белую чашку. Мы обе хохочем и от смеха сметана стекает на скатерть, а оттуда на мою новую форму. Скорей, скорей, пусть принесут чистое кухонное полотенце, а не то будет пятно на самом животе! Юзя трет так сильно, что у меня дрожат все внутренности. Зато пятно исчезло и вместо него большой мокрый круг.

Скоро вечер. Света еще не зажгли: мама любит летние сумерки. Я тоже их люблю. Вообще, я люблю все, что любит моя мама. Я хотела бы сесть за пианино и заиграть «Дунайские волны» или вальс Шопена. А после этого нажать на педаль и пуститься во что-то бурное, в одних аккордах. У меня это не по-

лучается и вряд ли получится. Петь высоким голо-
сом я тоже не сумею. Об этом я не заикаюсь, но Ма-
тя догадывается и говорит, что всякая дочь должна
брать пример со своих родителей. Она меня страшно
раздражает. Я не хочу брать пример, я хотела бы
стать такой без всякого примера. А что, если я спро-
шу Матю, с кого она берет пример, когда влюбляется.
Но мне неловко произнести это вслух. О любви
нельзя говорить при всех. Хотя я слышала, как Вова
сказал про Андрокардато, что он объясняется в любви
каждой горничной. Надо будет спросить у Юзи,
объяснялся ли он ей. Правду я все равно не узнаю.
Она будет смеяться и повторять: «Боже мой, горе
мое, да кто же мог такое глупство сочинить?». Глуп-
ство — глупость по-польски. Юзя знает много поль-
ских слов. Если я напишу ей одно письмо, совсем
коротенькое, она скажет мне, как по-польски про-
стыня. *przeziębienie*

Пока мне негде писать письма, это можно делать
зимой, когда все в театре. Ухожу к себе в комнату,
чтоб там подумать об уроках. Нам заданы две зада-
чи, но я успею решить их в классе. В крайнем слу-
чае можно их списать. Вова часто списывает у близ-
нецов, и они у него. Учитель ничего не замечает. Он
озабочен. Говорят, что у него больная жена и чет-
веро больных детей. А наша симпатичная учитель-
ница арифметики вовсе не такая доверчивая. Она
любит все обнюхивать. Тетрадь она держит перед но-
сом и при этом качает головой. Начинаешь думать,
что ответ неправильный, а он совершенно правиль-
ный. Кроме задач, мне надо прочесть отрывок из
хрестоматии и подчеркнуть придаточные предложе-
ния. Я зову Вову и спрашиваю, как быть. Подчеркну-
тую книгу господин Букинери вряд ли купит, он при-
вередливый и хочет, чтоб все было новенькое, а на-
зывалось подержанным. Но Вова меня успокаивает:

мне еще рано продавать учебники. Это можно делать, начиная с четвертого класса. Когда половина сна Обломова подчеркнута, начинаю так зевать, как будто я в гостях и пора уходить домой. «Ах, ваша дочка устала, она зевает». Конечно, зевота неприличная вещь, но Вова сказал, чтоб я не огорчалась: мой организм отравлен и когда я зеваю, яды выходят. Я хотела бы знать, как поступают прилежные ученицы? Неужели им не становится скучно, когда они берут в руки хрестоматию для второго класса гимназии, одобренную министерством народного просвещения. Это написано на книжке, я сама видела. Я закрываю глаза: хочу, чтоб мне приснилась Обломовка, но как назло, ничего не снится.

Я слышу, что кто-то осторожно роется в моем комоде. Наверное, ищут пропажу. После переезда всегда ищут. Сегодня в **В**овином шкафу уже нашли терку для мускатного ореха и полдюжину новеньких, еще нестиранных салфеток. В **К**атином ведрке оказались ножницы и крючек для застегивания ботинок. Никто не знает, как они туда попали. Это вроде колдовства. В моем комоде ничего не нашли, но зато я никак не могу отыскать ранец и общую тетрадь в клеенчатом переплете. Я не очень беспокоюсь; в конце концов она найдется в самом неподходящем месте. А может быть она лежит передо мной, на письменном столе, и я просто не замечаю. Я очень занята. Мне хочется сочинить стихотворение, посвященное Асе. После него она сразу начнет раскаиваться. Пока у меня ничего не получилось. Гораздо легче писать про луну на море.

Я помню, как после ссоры с Тиночкой, старшей сестрой близнецов, Вова и сын артиста сочинили целое послание. Весь дом слышал, как они называли Тиночку прекрасным демоном, а себя ее рабами. Мне это не подходит. Ася не прекрасный демон, и я не

чувствую себя ее рабой. Я была и хочу остаться свободным человеком. Вова тоже не очень искренно писал о своем рабстве. Велосипедная девочка нравится ему не меньше Тиночки и по его мнению за девченками не стоит гнаться. А сын артиста смеялся и повторил: «Нэ хатыш, как хатыш...» Мне строго-настро-го приказали, чтобы я молчала. Это анекдот для студентов второго курса. Но почему они его рассказывают? В наказанье прошу сына артиста, чтоб он сочинил экспромт для Аси. Я его перепишу, и она подумает, что я сама написала. Стихотворение так меня расстроило, что я не могу заснуть. Начинаю считать: один баран, два барана, три барана... Насчитываю до сорока, но сон не приходит. Тогда я принимаюсь за мельницы: одна мельница, две мельницы и вдруг третья мельница подбрасывает меня высоко-высоко. А утром мне говорят, что во сне я металась и несла всякую чушь.

32.

Чушью скорей всего называют мое неудавшееся посвящение. Оно вертится в голове, и я никак не могу от него отделаться. А моя бывшая подруга Ася преспокойно пьет чай со сдобными булочками и рассказывает своей сестре, Вите, какая Родиопуло красавица. Если меня не выручат, мы с Асей расстанемся навсегда, хотя и будем сидеть в одном классе на расстоянии двух или трех парт. Я теперь тоже пью чай, но по моему способу. Я требую, чтоб в нем были чайники, Ради Бога, никаких ситечек! Чайники это письма. Чем больше чайнок, тем больше писем. И на каждом письме: ее высокоблагородию такой-то, а затем улица, номер дома и город. В самом углу марка в семь копеек. Главное, чтоб бумага была настоящая, серая, а конверт светло-голубой. Только не детское папетри, которое дарят на рождения, когда надо сделать недорогой, но объемистый подарок.

У меня были всякие папетри: с кошечками, с незабудками, с домиками, где над крышей дымок, похожий на пружину. Обыкновенно я дарила их Кате, и она на этой бумаге писала письма своим куклам. Писать она не умеет, это были каракули разной величины. Но она их читала вслух, и куклы как будто понимали. Одно письмо я помню. «Дорогая Матильдочка, я тебя очень люблю. Ты моя самая старая

кукла. Я возьму тебя на пароход, и ты увидишь, какие волны бывают посредине моря. Но ты должна слушаться и не хныкать, когда дают молоко с пенками. Пенки это хорошая и полезная вещь. Желтки тоже хорошая вещь, после них надо вытирать рот салфеткой. Твоя мама Катя». Пока я ссорюсь с Людмилой из-за чаинок, приходит почтальон. Для всех есть письма. Меня забыли. Я отрезанный ломоть. Так говорит Геня, когда она начинает перечислять все свои неудачи. Неужели в тяжелой почтальонской сумке не найдется для меня ни единого письмеца или открытки с видом? Хотя я не люблю получать открытки. Их всякий может прочесть, не то, что письма.

Вова сказал, что читать чужие письма неблагородно. Существует тайна корреспонденции. Почему же мимо моих писем никто спокойно пройти не может? Подумаешь, детская переписка! Только папа и мама просят, чтоб я им почитала. Я читаю, но не все. Это более таинственно. Когда дядя из Николаева когда-то, очень давно, нашел письма Зиновия к Мате, он пыхтел, как паровоз, и тыкал пальцем в каждую строчку: «Вот, вот, вот, смотрите, что пишет этот революционер! Нашелся голоштанник, который хочет сбросить царя и сесть на его место!». Матя клялась, что никакого отношения к письмам не имеет. Она их получила, а вскрыл их кто-то другой. Чем сильнее кричал дядя, тем больше она плакала и упорствовала. Вечером она сказала мне, что у каждого есть личная жизнь и в нее нельзя вторгаться. Иногда мне хочется читать чужие письма, но я себе не разрешаю. Один раз я в наказание даже сама себя ущипнула. Но хватит о письмах. Пора в гимназию. Наши столовые чашы пробили половину. Бегу в переднюю. Шляпы нет. Она у меня в комнате под столом. Резинка оторвалась. Какое счастье, я сумею хоть раз носить ее по-

взрослому, без этих впивающихся узелков. Юзя осматривает меня с головы до ног. Ей кажется, что я надела форму наизнанку. Она ошибается, это лицевая сторона. Разница не так уж велика, все равно никто бы не заметил.

На остановке трамвая опять встречаем девочку в светлых ботинках. Я говорю: здравствуйте, и она не отвечает. Тогда Вова, чтоб поддержать меня, тоже говорит: здравствуйте. Ему она отвечает, но таким голосом, как будто ее укусила муха це-це. Вова привык к женскому обществу. Он становится рядом с девочкой, плечом к плечу и спрашивает, не считает ли она его марсианином? В таком случае он должен представиться: ученик реального училища св. Павла и так далее... Эффекта никакого. Девочка не разжимает рта. Она застенчивая. Вова со мной несогласен: она просто высокомерная дура. Мне хотелось бы вступиться, но девочка в светлых ботинках мне несимпатична. Поэтому я отдаю ее на растерзание Вова и еще одному ученику реального училища. У его папы писчебумажный магазин. Александровский говорит, что это его конкурент, он тоже продает тетради, карандаши и лакированные пеналы. В окне магазина выставлен странный и непонятный ящик, в нем циркуль и какие-то металлические палочки и кружечки. Вова сказал, что это готовальня. Она стоит очень дорого. В магазинчике Александровского не может быть готовальни. Я безумно обиделась за Александровского и даже хотела напомнить Вова, что он наш дальний родственник, но Вова так разошелся, что мог говорить только о готовальне. Сын готовальни у нас не бывает, он в другой компании, но Вова непрочь с ним сойтись: у него пять хорошеньких сестер.

В трамвае ничего интересного. Напротив меня господин с пушистыми светлыми усами. Он, наверное, спит в подусниках, как Асин папа. При воспоминании

об Асе мне становится горько, как будто я по ошибке проглотила не тот миндаль. А господин, который спит в подушках, вынимает в это время карманное зеркальце. Видно, что он доволен своей внешностью. На последней остановке входит покрашенная старушка. Мы постоянно ее встречаем. Она бормочет иностранные слова и трясет головой. От этого пудра сыпется ей на плечи и на грудь. Я знаю ее с давних пор и мне объяснили, что смеяться над ней грешно. Она была красавицей и теперь немножко сошла с ума. Я думала, что она бывшая артистка, про которую сочинили романс: «Когда она на сцене пела, Париж в восторге был от ней...» Но Вова сказал, что она вовсе не артистка, а богатая и страшно скупая домовладелица. Вся Одесса знает, что она выпрашивала у мясника печенку для своей кошки, а потом сама ее съедала. Но ведь никто при этом не стоял, это сплетни. Я сама их повторяю и после этого мне так стыдно, как было когда-то на именинах у Таси, девочки с нашей лестницы.

Я помню, как все пошли к Тасе в детскую, а я осталась в столовой и увидела на большом блюде вишни. Они были такие, как на летней шляпе. Я не могла удержаться и тихонько потянула за хвостик. Таким образом я набрала несколько вишен и спрятала их в карман моей юбочки. Вдруг в дверях показалась Тасина мама. Она очень близорукая и всех путает. Меня она приняла за какую-то Люсю. Тасина мама начала спрашивать, почему я одна, не обидели ли меня другие дети. А я не знала, куда мне бежать. С отчаянья я расплакалась и плакала так долго, что меня отвели домой. Это было нетрудно, пришлось только спуститься на два этажа. Дома ровно ничего не поняли. Меня даже не отчитали за испорченную юбку. На все вопросы я отвечала громким ревом и в конце концов заснула от усталости и слез.

Бывают кражи посерьезнее: у Вовы в классе опять поймали бледного мальчика, он крал завтраки и деньги, если их случайно забывали в парте. Но может быть он крал от голода? Вова говорит, что голод тут не при чем, бледный мальчик просто воришка и уголовный преступник. Его пока не выдали, а только пригрозили, что пожалуются инспектору. Тогда мальчик сказал, что может повеситься в уборной. Все страшно испугались и не знают, как его задобрить. Андрокардато каждый день покупает ему баклаву. Близнецы обещали подарить ему испорченный микроскоп. Кто-то отдал свой полтинник. Только Вова ничего не хочет дать: он терпеть не может шантажистов. Он скорее бросит деньги в грязь, чем подарит их этому бледнолицому нахалу. На него накидываются: как он может рисковать чужой жизнью! Но Вова неумолим.

В гимназию я прихожу с маленьким опозданием. Устраиваюсь так, чтоб выйти из зала вместе с остальными, как будто я была на молитве. Все вопрос привычки и навыка. Конечно, бывают неудачи. Стоит Вассе опоздать на три минуты, как она натывается на нашу начальницу. Вчера Васса влетела в нее и чуть не ударилась головой в круглый начальницын живот. Ей пришлось выслушать самую длинную нотацию на свете. Начальница сказала, что нельзя вести себя так негуманно по отношению к учащим и учащимся. Что же касается самой Вассы, то ее растрепанные волосы напоминают ей дикаря с Сандвичевых островов. Не знаю, что я сделала бы на месте Вассы, но она стояла, как соляной столб и слушала, как начальница перечисляет всех, кто были жертвами науки. Вова говорит, что оправдываются в участке. Но это не для учениц второго класса. Их в участок не берут, а приглашают побеседовать в кабинет начальницы. Там ви-

новная видит портрет Короленко и ей становится еще тяжелее от его пронизывающих черных глаз.

Сегодня у нас переполох. Ждут инспектора из округа. Он придет проверить, нет ли у нас недозволенных мыслей. Инспектора мы уже видели, это обыкновенный учитель в форме. Самое замечательное в нем — лысина. Она начинается на затылке. Сейчас урок русского языка. Надежда Игнатьевна сердится на дочку доктора. Она тупица и умеет отвечать только от печки. Дочка доктора говорит, что она может отвечать с середины или с конца, ей все равно, но сегодня у нее болит голова и, вообще, она анемичная и ей не разрешено много заниматься. Весь класс, как один человек, разражается громким смехом. Тоня Калиниченко чуть не захлебнулась, некоторые девочки от восторга начинают плакать. А Калля подняла руку, ей нужно выйти. Стоит посмотреть на дочку доктора, чтоб понять, как ей далеко до истощения. Она самая толстая у нас в классе и напоминает лягушку, проглотившую вола. Надежда Игнатьевна хотела бы рассердиться, но ей самой смешно. Она стучит по столу твердым футляром от очков и тут вкатывается начальница, а за ней инспектор.

Мы вскакиваем, как по команде, и мои соседки справа и слева углом передника вытирают слезы. Калля так и не успела выйти. В душе я злорадствую, но через минуту мне становится невыносимо стыдно. Инспектор садится рядом с Надеждой Игнатьевной и начинает перелистывать классный журнал, губы его шевелятся. Он старается быть милым и то и дело наклоняется к Надежде Игнатьевне. Наконец, он тычет пальцем в журнал. «Калиниченко», — говорит Надежда Игнатьевна. Я в ужасе. Сейчас все провалится. Но Тоня знает, что такое страдательный залог. В последний момент, когда уже слышны шаги Афанасия, вызывают меня. Я должна продекламировать «Боро-

дино». Складываю руки на животе и начинаю: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...» А звонок трещит и заливается и меня милостивым жестом приглашают сесть. Инспектор уходит, как пришел и за ним следует Надежда Игнатьевна. В классе поднимается шум, все кричат и перебивают друг друга, как на большой перемене. Дочка доктора довольна: о ней забыли. Но я не забыла. Подхожу к ней и спрашиваю, что такое анемия. Оказывается, обыкновенное малокровие, доктора называют его так с научной точки зрения. У дочки доктора много белых шариков, а красных у нее очень мало. Мне это неприятно: белые шарики вроде вшей, они набрасываются на человека, а красные... Нет, красные лучше, они похожи на марсиан из царства мурзилок. Вова когда-то говорил, что каждое царство имеет своих марсиан.

Я тоже читала «Войну миров» и мне долго потом снились марсиане. Они были из одних треугольников. У писателя Уэллса они другие, но это меня не касается, мои — остаются треугольными и в темной аллее я боюсь встретиться с существом, у которого глаза, как два потайных фонарика. Сейчас марсиане отошли на второй план; все говорят об инспекторе. Он был на уроке истории в четвертом классе, и одна бойкая девочка выпалила ему разницу между монархией и республикой. В учебнике этого найти нельзя, но она где-то узнала. Инспектор пришел в ярость. При чем тут республика? Нас она не касается! Если б он слышал, как в Шабо я кричала: «Долой самодержавие», он, наверное, потребовал бы, чтоб меня исключили. У Вовы в училище одного ученика исключили с волчьим билетом. Такой билет дают тем, кто неисправим. Но почему он волчий? Лучше было бы назвать его овечьим, потому что одна паршивая овца все стадо портит. Про волка таких вещей не

скажешь. В общем, с этим волчьим билетом никуда нельзя поступить. Остается идти в приказчики.

Вова советует мне держать язык за зубами. Доносчиков видимо-невидимо. У них в училище доносчиками оказались самые тихие и незаметные ученики. В таком случае в нашем классе доносчицей должна быть девочка с желтыми глазами, наша «В». Она ни с кем не дружит и всех боится. Имени ее я не называю, чтоб не подумали, что я тоже доносчица. Девочка с желтыми глазами всегда держится за юбку учительницы. В прошлом году она помогала Надежде Игнатьевне снимать ботики. Когда другие девочки хотели помочь, она их оттесняла. Наша «В» не знает, что значит ходить с гордо поднятой головой. Когда я так хожу, меня спрашивают, что со мной, не ищут ли я чего-нибудь на потолке. А я в это время чувствую себя полноправной человеческой личностью, такой, как Боря Гаевский. Он умеет внушить к себе уважение и поэтому многие считают его неприятным и заносчивым мальчиком.

Я задумалась — и не услышала звонка. Коридор опустел, у маленькой вешалки стояли только Родиопуло и я. Было очень жутко, через закрытые двери доносилось жужжание, как будто перевернули стакан с пойманными мухами. Мы пошли по стенке, одна за другой. За учительским столиком никого, какое счастье! Больше не буду задумываться в коридоре, это слишком опасно. Весь урок я просидела, как манекен, стараясь не пошевелинуться. Я забыла выучить географию. А наш учитель, как назло, любит немую карту. Я ее терпеть не могу. Мне неприятно показывать реку или горную цепь, если на них не написано, как они называются. Вера Львовна со мной боролась, но ей пришлось уступить. Я сказала, что боюсь смотреть на карту без названий, она мертвая и, в общем, никому не нужна. На этом уроке вызвали

Асю, и она довольно бойко водила указкой по ненавистой мне карте. Мимо меня она прошла с торжествующим видом, а может быть мне это показалось. Я была занята тем, что гипнотизировала учителя: он ни в коем случае не должен меня вызвать — будет плохо для географии. Сын артиста называет это передачей мыслей на расстоянии. Гипноз, по его словам, совсем другое. Но я гипнотизировала по-своему, и моя система смотрения в одну точку оказалась правильной: меня не вызвали. Дома я первым делом поделилась с Вовой. Он не восхитился. Это случайная удача. Но я окрылена успехом и надеюсь, что мне удастся усыпить весь класс, даже ученицу, которая стоит у черной доски и пишет мелом слова на ять. Она так и замрет с поднятой рукой.

Решила еще раз испытать мою гипнотическую силу, но любителей не оказалось. В конце концов я упросила Ланю, он опять у нас и, кажется, поступит в одно учебное заведение, куда принимают без экзамена. На экзаменах Ланя проваливается. Когда он подходит к экзаменационному столу, ему кажется, что там сидит его отец. Все выскакивает из его головы, он хотел бы убежать куда-нибудь подальше. Для опытов Ланя годится, он покладистый. Усаживаю его в кресло и принимаюсь в упор смотреть на его переносицу. Проходит минута, а может быть час, но Ланя не засыпает, а становится все более разговорчивым. В Полтаву он не вернется ни за какие коврижки. Его отец живет теперь с одной антипатичной вдовушкой. Но раз он живет с ней, значит он квартирант. Ланя говорит, что это ничего общего с квартирантом не имеет, он ее временный муж. Помоему он преувеличивает. У вдов не бывает мужей, они лежат на Втором одесском кладбище. А если вдова находит другого мужа, она перестает быть вдовой. Я прошу его объяснить, что такое временный муж.

Ланя краснеет, все это чепуха, лучше забыть о мужьях.

Я так расстроилась, что перестаю его гипнотизировать. А он пользуется этим и уходит в проходную комнату читать Александра Дюма. Он зачитал его до такой степени, что книги распухли и переплет уже давно приходится подклеивать. Кроме того, он любит загибать страницы. Вера Львовна считает, что это неуважение к книге. Я их уважаю и один раз, когда все вышли, даже поцеловала какую-то книгу, настолько она показалась мне увлекательной. Хорошо, что Вера Львовна была в соседней комнате. Она терпеть не может театральных жестов и преувеличений. Хотя сама преувеличивает. Когда я не знала урока, она говорила мне, что это гибель всех ее надежд. Я как-то набралась храбрости и ответила, что плохи надежды, если их может разрушить неприготовленный урок. Тогда Вера Львовна вошла в раж и сказала, что все начинается с мелочей.

Последнее слово осталось за ней. Взрослые всегда так устраиваются. Но меня она не переубедила. Никакой гибели нет. И вообще я хотела бы, чтоб на меня не возлагали надежд. Тем более, что надежды разные и одна с другой ничего общего не имеют. Геня, например, хочет, чтоб я была такой же хорошей хозяйкой, как мама. И тоже не ходила на кухню. Геня не признает хозяек, которые всюду суют свой нос. Она знает, как надо жарить и шпарить и нечего ей давать уроки. А Надежда Моисеевна решила, что я буду хирургом. Она видит меня в операционной. Я мою руки, а за мной стоят два ассистента и несколько сестер милосердия в белых халатах. Я умоляла ее отказаться от этой мысли. Лучше быть доктором по детским болезням. Она с трудом согласилась и то с условием, что я буду лечить бедных детей даром и еще приносить им игрушки и лекарства.

Вова намекает на то, что мой Боря Гаевский не из добреньких. Но я знаю, что в глубине души он добрый и только прикрывается своей разочарованностью. Это напускное, как у сына артиста. Теперь он эстет с презрительным лорнетом. Я не совсем поняла, что это значит, но неудобно было признаться. Я никогда не просила у него объяснений. Такого козыря я ему в руки не дам. Он и так уверяет, что я маленькая девочка, не ставшая взрослой и что за мной можно будет ухаживать лет через пять-шесть, не раньше. А я недавно узнала, что сын артиста поступил совсем не по-рыцарски. Он был увлечен одной гимназисткой по имени Берта, Бетя, и уговаривал ее переменить свое имя на французское: Бетиз. Бетя невероятно обрадовалась. Она хоть и учит французский, но о слове «бетиз» понятия не имела. Когда ей сказали, что это «глупость», она чуть не умерла. А сын артиста совсем не был смущен. Он не виноват, что преподавание языков в женских учебных заведениях так плохо поставлено.

Слава Богу, у меня есть старший брат, и он всегда будет моим советником и руководителем. Сегодня по случаю субботы он берет меня на Скетинг-ринг. Я буду смотреть, как он катается на роликах. Смотреть очень интересно. Я уже была там и меня поразило, что одни закрывают глаза и им кажется, что они должны получить первый приз, другие от страха все время хихикают. У них подгибаются коленки, но они хотели бы обратить все в шутку. На сегодняшнем Скетинге народу мало. Каникулы только-что кончились и некоторые отдыхают от своих переэкзаменовок. Не успеваем мы прийти, как появляется велосипедная девочка, Веруся. Оказывается, Веруся чемпион скетинг-ринга. Вова и она краснеют. Как видно это случайная встреча. Они забыли, что условились еще на прошлой неделе. Веруся очень мило со мной

здоровается, но в душе она уверена, что я лишняя, а Вова тряпка и поэтому тащит меня за собой. Она же не берет на Скетинг своего младшего брата. Значит, я навязалась. А я больше не навязываюсь. Веруся таких вещей понять не может. Для нее я обыкновенная младшая сестра. Сказать это она боится. Вова терпеть не может, чтоб меня критиковали. Сам он готов критиковать с утра до ночи, но для остальных я должна быть без единого пятнышка. Веруся хитрит, я знаю, что она меня не полюбит, как бы я ни старалась. Я даже не хочу стараться, я надеюсь, что Вове она разонравится, и он опять начнет ухаживать за другими гимназистками пятого класса.

Пока что решаю поговорить с Асей по телефону. До этого я додумалась не сразу. Я так же боюсь телефона, как моя мама. Она кладет трубку сразу, без всякого перехода. Асины родители готовы разговаривать часами, поэтому у них всегда занято. Я была при том, как она кричала в телефон: «Да нет же, нет, я говорю не о Фанечке, а о второй жене ее первого мужа!». Придется выбрать час, когда Асины родители в клубе. Мы обязательно должны помириться. Наша ссора слишком разрослась и расстояние между нами увеличивается. Если я начну говорить ей прямо в лицо, что я ее лучшая подруга и нас еще мамки выносили на ту же площадку, Ася способна рассердиться. В таких случаях она теребит золотую цепочку с десятью заповедями, а я готова вцепиться в эту цепочку и разорвать ее. Ведь Ася моя лучшая подруга, при чем же тут Моисей и десять заповедей. По телефону я постараюсь ей все выпалить, и когда она начнет ломаться, я брошу трубку.

Домой мы едем на извозчике. Двугривенного ему мало. Он хочет, чтоб Вова дал еще пять копеек. Вова набавляет, но не особенно охотно. Он переплатил, а передо мной форсить не стоит. С сыном артиста слу-

чилась когда-то очень неприятная история. Он провожал одну гимназистку, это было еще до Бети, и она захотела ехать на извозчике. Она не признает других способов передвижения. У сына артиста в кармане было двадцать копеек. Когда они подъехали к дому, извозчик потребовал тридцать. Гимназистка стала шарить в своем кошелечке и нашла гривенник. С сыном артиста она не попрощалась. А он был болен после этого целых три дня. Вова говорит, что не надо лезть в провожатые, когда у тебя в кармане двугри-венный. Ему хорошо, он может пойти к бабушке и там подправить свои дела. А у сына артиста нет ни дедушек, ни бабушек. Каждую копейку ему приходится вымаливать. Отец в это время бегаёт по комнате: «Господь наказал его кучей лентяев. Дела ужасные! Одесситы ходят в кассу с записочками и требуют, чтоб им дали контрамарку. Они все чьи-то родственники, чорт бы побрал их батьку!». Сын артиста отлично знает, что это не так: сезон удачный, некоторые пьесы идут по десять раз, но переспорить отца трудно. Его можно взять только хитростью или жалобами на здоровье.

33.

Мне никогда не удавалось скопить хотя бы самую маленькую сумму. Когда у меня появляются деньги, сейчас же думаю, как их истратить. Последние три копейки я отдаю знакомому нищему. Рассказывают, что он миллионер и когда-нибудь у него в тюфяке найдут десять тысяч, если не больше. На миллионера он не похож. Он держит деревянную чашечку, я бросаю туда деньги, они звенят, и нищий говорит: «Спасибо, милая барышня, Бог вам за это заплатит». Собственно говоря, Богу не за что мне платить. Лучше бы он подумал о Вассе или об ученицах мадам Рабинович. Одна из них, Фрида, в Еврейской больнице. Мама сказала, что это стыд и ужас. Девочки ели из одной посуды с чахоточным.

У самого дома встречаю Натусю. Она обижена и поэтому смотрит вбок. Я, действительно, страшная свинья. Из-за моей ссоры с недостойной Асей я просто забыла об ее существовании. В подъезде мне неудобно сказать, что я раскаиваюсь. Сделаю это на лестнице. С нами вместе поднимается Яков Соломонович. Я с трудом за ним поспеваю. Его большие ноги закрывают ковровую дорожку. Рисунка не видно, одни ноги. Натуся позади. Она не хочет мешать. Она бывает деликатной, когда это совсем не нужно, в пику мне. Перед тем, как нажать своим огромным паль-

цем кнопку звонка, Яков Соломонович спрашивает, откуда взялась эта прелестная девочка? Он ее видел сто раз, но моих подруг он не запоминает: у всех кошечки с бантиками и обгрызанные ногти. Он неправ, теперь у меня в классе есть девочки с прыщами, это признак роста. У одной на лбу три белых головки, по-моему очень красивых. Она их выдавливает и получают три красных пятнышка. Дома мне не позволяют говорить о прыщах, это неаппетитно. Неужели печень или расстройство желудка аппетитнее? Когда у нас в гостях кто-нибудь из докторов, мой дядя начинает рассказывать, какое у его жены, тети Тани, искривление. Каждый год она делает анализ и лечится на лимане и на фонтане, но искривление не проходит, а еще больше искривляется. Доктор Ашевский бурчит: «Соли, соли, скопление солей». А наш знаменитый доктор смеется: всё это пустяки, посмотрели бы на его пациентов. Никто смотреть не хочет. Каждый думает, что его болезнь самая серьезная. У других такой не бывает.

Яков Соломонович со мной согласен. Это старобабские разговоры. Лучше играть в шестьдесят шесть или в пятьсот одно, по крайней мере забываешь о своих неприятностях. А я думала, что он играет ради удовольствия, а не для того, чтоб забыться. Я становлюсь за его спиной и смотрю, как он держит карты. Они живые и как будто между собой переговариваются. Не все так играют. Сегодня у него два партнера: дядя Саша и наш родственник, провизор со странной головой. Она состоит из двух лысун. Вова прозвал его двугорбый. Это ему очень подходит. Двугорбый недоволен тем, что Яков Соломонович держит карты прямо посреди стола. Он не виноват, у него длинные руки. «Карты к орденам!» — говорит двугорбый, но Яков Соломонович смотрит на него с презрением. Я на стороне Якова Соломоновича. Мы

друг друга поддерживаем. Что бы ни случилось, он тут как тут. Кто решил, что пьеса не для меня? Это величайшая несправедливость. Если меня не возьмут на «Братья-разбойники», он пошлет мне приглашение. Лучшего союзника не бывает. Он никогда не отказывается от своих обещаний.

Мой папа тоже держит слово. Можно получить больше, чем ожидаешь, потому что он любит сюрпризы. Когда я была маленькой, я мечтала о том, чтоб заболеть. Тогда папа сделает мне домик из карт. Колода погибнет, но зато мой домик будет жить, сколько я захочу. И это не простой дом. В нем несколько окон и дверь, она открывается и потом плотно закрывается. Я в своей жизни ничего не вырезала и не склеила. Вот Натуся все умеет. Она хотела бы выйти замуж за бухгалтера, чтоб готовить ему обед из трех блюд. Костюмы у бухгалтера будут выглажены так, что все служащие в банке скажут: «Какая у вас жена, у нее золотые руки!». Не понимаю, почему Натусе так нравятся бухгалтеры. Наш бухгалтер, Миша, довольно мрачный тип. Он недоволен, что я тащу его промокашки. Один раз он принес мне пирожное, похожее на картошку. Оно хоть и покрыто шоколадной пылью, но такое твердое, что им можно разбить стекло. Вова отсоветовал мне есть шоколадную картошку, это сделано из остатков. А я съела и не подавилась. Я знаю, что при желании пирожное можно было бы скормить близнецам, для них самое важное — количество. Геня думает, что близнецы из бедного дома, они едят суповое мясо. Геня терпеть не может бедных. Вместо того, чтоб их закармливать, им надо надавать тумачков: пусть идут работать. Она же стоит у плиты и ничего с ней не случилось, если не считать несчастного служку. Он то дает развод, то не дает. Если он даст, Геня станет разводкой.

Я не знакома ни с одной разводкой. Но Асины ма-

ма часто говорит о клубных дамах, которые развелись с мужьями. Боря Гаевский мне все объясняет: его родители тоже хотели развестись и только из-за ребенка остались жить вместе. Ребенок — это Боря Гаевский. Он совсем не против развода. Ему надоели семейные дразги. Он хотел бы поселиться на необитаемом острове, чтоб не слышать разговоров о детях, брошенных на произвол судьбы. Когда Матя расходится со своими поклонниками, это не серьезно. Сейчас она стоит у зеркала в прихожей и поправляет свои густые каштановые волосы. Они не такие густые, как Мате кажется, но это романтично. Глаза обязательно должны быть задумчивыми, а лицо бледным, почти бескровным. Вова сказал, что ему, вообще, не нравятся волоокие девы. В них нет огня. Чтоб позлить Матю, он декламирует: «Барышни замуж хотят». Матя обижена: она никогда не выйдет замуж. Ее долг содержать немощных родителей. При этом щеки ее пылают и видно, как ей хочется под венец!

В последнее время я совсем не вижу Людмилу, она от всех прячется. У нее неприятности. Но какие? Может быть Вова знает, из него мог бы выйти первоклассный Шерлок Холмс. Вместо ответа Вова начинает ругать Данюшу. Он такой-сякой прохвост и соблазнитель девушек. Чем же он может их соблазнить? Своей навощенной бородой или трилогией, которую он никогда не напишет? И почему женщины должны быть помешаны на писателях? Я была помешана на некоторых, но оказалось, что они все покойные. Вова говорит, что Людмилино помешательство с моим ничего общего не имеет. И лучше к нему не приставать, все равно он ничего не скажет. Хуже будет, если я начну догадываться. Но Вова неумолим. Тогда я ухожу к себе и несколько раз повторяю: «Данюша прохвост». Голос разносится по всему коридо-

ру. Я жду, чтоб мне велели замолчать. Никто не отзывается.

Ночью мне жарко, я сбрасываю на пол два летних одеяла и подушку. Мне снится, что я угадываю мысли, а последнюю никак не могу отгадать. Из-за этого может случиться небывалая катастрофа. Уже приехали пожарные: где простыня? Они хотят сбрасывать детей на простыню, как когда-то Адю Немирову. Добудиться меня нет никакой возможности. Приходит Юзя и говорит, что самовар потух. Отвечаю ей, что сегодня воскресенье, отдых от работ. Она смеется: это из книжки. После долгих переговоров соглашаюсь встать. Мне надо еще телефонировать Асе. Но с утра все вертятся вокруг телефона. Вова должен звонить близнецам, это продолжается целых полчаса. И ровно через минуту после того, как он кладет трубку, вызывают близнецы. Потом приходит Матя. Она звонит неизвестному. Неизвестный, как я понимаю, врет напропалую. Матя боится отвечать. Она хихикает и повторяет: ах-ах, и да-да. Я прихожу в ярость, неужели она никогда не кончит свои ахи и охи. Я почти вырываю у нее трубку. Она трещит и постукивает, и какое счастье — сама Ася подходит к телефону. Забываю все, что хотела ей сказать, наша ссора вдруг вылетела у меня из головы. Она говорит: «Слушаю», — как ее папа с мясистым носом. «Это я, Надя». Телефон молчит. «Пожалуйста, приходи ко мне на Женю и на Борю Гаевского. Будем играть в географические названия». Телефон молчит. Я начинаю входить в раж: «Женя про тебя спрашивал, он хочет тебя видеть». Женя — моя последняя надежда, и она не обманывает. «В котором часу придти?» — спрашивает Ася. Уф, все в порядке. Я даже не извинилась, только сказала «пожалуйста», чего я никогда не делаю. Теперь можно идти к Кате в детскую. Я так подобрела, что готова обнять весь мир.

Катя не в духе, брови у нее покраснели. Спрашиваю, не нужно ли ей за маленьким? Она сердится, она уже не ребенок и сама может застегнуть штаны. Нет, у нее из кукольного сервиза пропал супник. Чтоб утешить, говорю ей, что в каждом сервизе чего-нибудь нехватает. Но Катя безутешна. Взрослые сервизы ее не интересуют. Она у нас страшная собственница, все бережет, и не из жадности, а для порядка. Катя всегда была со странностями. Игрушки она укладывала в игрушечный ящик, чтоб ночью они выспались. У нее большая коробка с пуговицами. Она их назвала «мои пуговочки» и стережет, как клад. В конце концов мне приходит в голову гениальная мысль: я могу на уроке лепки сделать из глины новый супник и покрасить его в ярко-желтый цвет. Это будет оригинально, такого нет даже у катиной подруги, Милочки, а ей недавно подарили детский никелированный чайник и шесть никелированных чашек с блюдцами. Катя успокаивается, но мне уже надоело ее утешать. Я должна закончить «Севастопольские рассказы» Льва Толстого. Вчера я вытащила их из книжного шкафа. Самое трудное, поставить на полку так, чтоб никто не заметил.

Стоит мне подойти к шкафу и на меня налетают, как коршуны: что я здесь делаю и почему не читаю книг из моего шкафа, где Жюль Верн и Золотая библиотека? Это просто смешно. Не могу же я сказать, что читала Чехова и Горького. Чехов для меня понятнее. Он пишет о несчастных детях или об актерах. Про актеров я слышала от сына артиста, а несчастных детей я сама знаю. Они несчастны по-другому, но это неважно. У Горького больше гордости. Я гордых босяков не видела. Мои стоят на базаре с мешками; они могут отнести покупки на дом. При мне одна барыня торговалась с босяком. Он просил гривенник на водку, а она давала пятак. Он должен был бы

швырнуть ей эти деньги, а он поплевал на ладони, схватил мешок и пошел вслед за нею.

Но где же «Севастопольские рассказы»? Неужели Юзя разнюхала. Этого быть не может, я прячу книги так, что даже Вова не в состоянии их найти. Одно из моих любимых мест — шляпная картонка. Книги лежат на дне. На них навалены старые шапки и мой первый капор с голубеньким рюшем. Оказывается «Севастопольские рассказы» лежат у меня на столе на самом видном месте. А я искала их под кроватью, в комодике между бельем, среди моих учебников. Но до прихода гостей осталось много времени. Надо, чтоб оно как-нибудь прошло. В воскресенье часы идут не так, как в будни. Я их просто не узнаю.

Мне предстоит еще прогулка по правой стороне Дерибасовской. Все заняты, и Вова смилостивился и берет меня с собой. Теперь Веруся, наверное, будет думать, что он превратился в мою няньку. Я прошу его начать гулянье с самого ее начала, но он говорит, что Дерибасовская между Пушкинской и Ришельевской никакого интереса не представляет. Там не ходят ни по правой, ни по левой стороне. Зато на углу Екатерининской улицы жизнь кипит. Особенно много там напудренных артистов в мягких фетровых шляпах. Вова сказал, что их пудра — специальная, не дамская. Ее употребляют после бритья. Когда-нибудь он тоже будет пудриться. Мне смешно. Представляю себе, как он огромной пуховкой, вроде тех, что привозят из заграницы, накладывает на щеки целые пласты пудры. «Ты будешь, как клоун», — говорю я. Но Вова не обижается и предлагает мне зайти в Общество искусственных минеральных вод. На всякий случай он спрашивает, есть ли у меня мелочь. У меня есть, я не забыла взять кошелек с тремя отделениями. Деньги только в одном, а в двух других собачки и кошечки из сюрпризных шоколадок. Ася сказала, что

надо обязательно иметь вещи на счастье. Боря Гаевский издевается над нами: мы стучим по сухому дереву и плюем через левое плечо. Ему это не нужно, он мальчик. Если б я сказала Вова, он бы тоже надо мной издевался: «Вот так передовая женщина!». Никто не понимает, что у передовых женщин могут быть свои слабости.

Сейчас мы пьем клюквенный квас за мраморной стойкой в Обществе искусственных минеральных вод. Это не похоже ни на Хацкеля Кура, ни на греческий буфет. Все из мрамора и на полу ни соринки, как будто здесь музей. Восточных сладостей нет и в помине и если б кто-нибудь произнес слово «баклава», служащий за стойкой пожал бы плечами. Вова говорит, что это храм клюквенного и лимонного кваса. Я предпочитаю клюквенный: он царапает небо и ударяет в нос. Сам Вова любит клюквенный квас, но, в общем, все это чепуха. Пивное заведение Брунса совсем из другой оперы. Старший брат Андрокардато ходит туда каждый вечер. Он съедает несколько пар сосисок и пьет пиво из глиняной кружки. У Аси есть такая, ее привез Асин папа с курорта для сердечных больных. Она стоит в столовой на серванте. Один раз я приподняла крышку, но ничего там не оказалось, кроме старых почерневших пробок.

Вова уверяет, что дом, где пивная Брунса — проходной. Есть сколько угодно жуликов, которые заставляют извочика ждать, а сами через сквозные ворота выходят на другую улицу. Извозчик может ругаться сколько взлезет, ему ничего не поможет. Возле Городского сада встречаем сына артиста. Он приглашает нас к Кочубею. Я готова, но Вова несогласен: мы уже пили квас. Он боится, что у сына артиста нет денег на мороженое и платить придется ему, а если у него будет недостаточно, доплачу я. Брать у меня ему неприятно. Он всегда дает мне от своих

капиталов. Но и у него деньги не держатся. Дедушка удивлен: откуда такая расточительность? В душе он доволен, что мы расточительные. Вова станет большим человеком, а я выйду замуж за первого богача в Одессе и притом адвоката, инженера и директора банка. Мне жалко дедушку. Не стоит говорить ему о том, что я не люблю богатых. Когда в комнате набирается много богатых людей, у меня желание открыть окно, чтоб их просквозило.

Но кто беден и кто богат? Это не так легко определить. Мама сказала, что есть люди, которые притворяются, что они богаты и пускают пыль в глаза. А есть такие, что вечно плачут: они страшно бедные. На самом деле у них деньги в сберегательной кассе. Я предпочитаю фальшивых богачей. С ними, все-таки веселее. Они приглашают в театр и водят в кондитерскую: ешь, сколько влезет. Яков Соломонович тоже ненастоящий богач, у него затруднения. Меня он в них не посвятил. Я знаю только, что он бывает в Петербурге, чтоб хлопотать. В моем столе уже накопилось много коробочек от шоколада миньон. Катя думает, что он туда ездит, чтоб покупать нам крафтовский миньон. Это ерунда, но других результатов пока нет. Я слышала, что он опять собирается в Петербург, значит опять будет миньон. Пора домой. Вова уговаривает сына артиста пойти к нам обедать. Для фасона он немного ломается, но идет. Мы спускаемся по той же Дерибасовской. Я в середине. Вова и сын артиста по обеим сторонам, это мои кавалеры. Скоро я начинаю отставать, а они так увлеклись разговором, что не замечают, что я осталась позади. Чтоб подчеркнуть их невоспитанность, останавливаюсь у каждой витрины. Вову этим не проймешь — он требует, чтоб я поторапливалась, а не то цыплята станут, как уголь. Сын артиста услышал про цыплят и сразу подтянулся. Теперь он ходит, как на па-

раде: раз, два, раз, два... А я знаю, что сегодня у нас крем в чашечках: Геня жаловалась, что у нее руки отваливаются.

Нас ждут, все недовольны, и тогда Вова говорит, что мы нагуливали аппетит. Ему ничего не надо нагуливать. После цыпленка величиной с курицу он спрашивает, зажарили ли его бифштекс? Конечно, бифштекс уже шипит на тарелке. Он вышиной в мой палец. Вова предлагает его сыну артиста, но тот позеленел от еды: он почти вегетарианец. С каких пор? Только что он уплетал цыпленка и даже взял ножку в руку. Будто бы разрешается есть руками, он прочел это в журнале «Нива» на последней странице. Он рассказывает так убедительно, с такой правдивой улыбкой, что ему верят. А когда я вру, у меня чувство, что я мчусь Бог знает куда. Пыль столбом, лошади рвут удила и неизвестно вынесут они меня или я упаду замертво где-нибудь на большой дороге. Вова врет красноречиво, как оратор. Он набрасывает картину и все, хотят они или нет, должны поверить. Я ему верю и готова идти за ним на край света.

В столовой пахнет ванильным кремом. И каждый имеет право на две чашечки. Сыну артиста, как гостю, предлагают третью, и он с грустью отказывается. Я сижу рядом с Матей и присматриваюсь к тому, как она отставляет мизинец. Это настоящее искусство. Я долго практиковалась и тоже умею отставлять, но у меня получается не так элегантно, как у Мати. Сегодня Вова не отстает от нее: с каких пор она дала обет безбрачия? Он имеет для нее приятную новость. Я знаю, что это шутка, но Матя краснеет, она всегда ждет чуда: позвонит с парадного хода какой-нибудь принц, она получит билет с золотым обрезом на бал в зале «Унион» или контрамарку на концерт Гофмана... Как это ни смешно, билет с обрезом она получает от мамы, он благотворительный. А

контрамарку на Гофмана достанет студент с длинной фамилией. Когда ее произносишь, обязательно надо поперхнуться. В общем разговоре я не участвую. Я волнуюсь: сейчас должна прийти Ася. А если она передумает?.. Ася очень хитрая, ей нужно чистосердечное раскаяние, а не притворство, тем более, что я плохая притворщица.

Мама удивлена: я оставила почти весь крем. Это не в моих правилах. Я его съедаю так, что даже ободка не остается. После этого мыть чашечку — одно удовольствие. Никто не замечает моего волнения. Моя грудь вздымается. Это из романа. У меня нет груди и там, где лифчик, совсем плоско. Ну хорошо, буду считать секунды. Не успела я досчитать до трехсот — звонок. Хочу бежать к дверям, но мои ноги подворачиваются, как на танцах. Еще раз звонят, я слышу возню в коридоре и после этого появляется Юзя: «Барышня Асинька пришли». Боже мой, сколько раз я просила не называть ни ее, ни меня барышнями. А множественное число. Вова сказал, что оно для приказчиков. Юзю не переубедишь. Чем больше я объясняю, тем ей непонятнее.

Ася подходит к маме, к папе, по-колачевски шаркает ножкой, потом здоровается с остальными. Она всем подает руку, как будто сегодня Новый год или день рождения. Мне она руки не подает, это было бы слишком глупо. «Здравствуй, Надя». — «Здравствуй, Ася». Из-за стола встать нельзя. Надо из приличия посидеть несколько минут, пока мама не сжалится и не скажет, что мы может идти к себе. Вначале мне неловко, я принимаю Асю, как будто она получужая, а не самая моя закадычная. Ася тоже не в своей тарелке. Она теревит своего Моисейку и десять заповедей. «Ася, оставь заповеди в покое!». Тогда Ася начинает смеяться. Лед сломан. Но она должна сна-

чала осмотреть мою комнату. В ней много перемен. Ася не видела еще моей гравюры: «Лес» Шишкина.

«У тебя новая кровать?», — говорит Ася. Да, мне купили новую, а моя досталась Кате. Кроме того, у меня швейцарский музыкальный домик, шале. Он играет одну только мелодию. Я выпросила этот домик у Вовы, он получил его в обмен на старый выжигательный аппарат. Ася говорит, что ее новый родственник, муж тети Ивси, хочет подарить ей швейцарское шале. Я уверена, что она это выдумала, чтоб я не задавалась и не форсила. Ася слышала, что опять затеваются танцы. Но Эльзунина мама поставила условие, чтоб они были у всех по очереди. Ее гостиную превратили в настоящий хлев. Не мешает и другим родителям узнать, что такое танцевальная группа! Я совсем не мечтаю о танцах. Пусть на мое место возьмут девочку из Геническа, которая ногой загребает ковер. Ася уверена, что моя мама не согласится. Мы должны танцевать для выработки грации и непринужденных манер. Но за этот год я не стала более грациозной. Ася тоже не блещет грацией. Вова сказал, что нас опасно пускать в фарфоровую лавку. Этим он намекает на слона из анекдота. А я из принципа таких шуток не понимаю.

У меня, наверно, нет чувства юмора. Я люблю пошутить, но терпеть не могу, когда проезжаются на мой счет. Особенно, если в шутках есть доля правды. На грацию я не претендую, но я могла бы, все-таки, как Веруся, порхать на скетинге. Вместо этого я растянулась в Гранд-отеле на катке, и лед мне опротивел. А ведь я бредила снежными и ледяными просторами. По ним мчатся сани с собачьей упряжкой. Собаки воют на луну. Рядом бежит человек в тунгусской меховой шапке. Тогда Вова говорил, что я начиталась полярными экспедициями и совсем спятила. Теперь это увлечение прошло и я, как Боря Га-

евский, интересуюсь папуасами. Что может быть прекраснее коралловых островов. Сегодня он принесет мне обломок кораллового рифа. Прежде ему хотелось быть искателем жемчуга, но это исключено: у него астма. Ему запретили не только нырять, но даже мочить ноги в лужицах на берегу моря. Он мог бы принимать горячие морские ванны, но они для пожилых дам, вроде тети Тани. Боря Гаевский не перенес бы такого позора.

Когда мы с Асей отrekliсь, наконец, от наших новых подруг, пришел Женя. Он в очках, врач по глазным прописал их на прошлой неделе. Но кажется, что он родился в очках. Женю огорчает, что пригостишки кричат ему: «Четырехглазый». Не стоит обращать внимания: сами они смешные в своих курточках с слишком длинными рукавами и в шинелях на вырост. Последним приходит Боря Гаевский. Он забыл коралловый риф, зато принес чучело экзотической птицы, завернутое в газетную бумагу. Иначе за ним бежали бы мальчишки со всей Одессы. Он расскажет нам историю этой птицы. Ее подарил один капитан дальнего плавания. Он уже давно не плавает, он по целым дням сидит на Николаевском бульваре и смотрит на море. На скамейке капитан познакомился с Борей и их теперь водой не разольешь. Боря уже два раза был у капитана и тот показал ему бутылки со сложнейшими парусными судами. Как они могли попасть в бутылку, никто не знает.

Когда я рассказала Вове, он тут же стал придирается: твой Боренька Гаевский из мухи делает слона. Ничего сложного нет, все — вопрос терпения. Об этом сто раз писали в журнале «Природа и люди». Но пока мои мысли заняты капитаном. Как бы мне хотелось хоть одним глазком посмотреть на его кабинет, где медь блестит, как на пароходе. Когда Боря пришел к нему в первый раз, его слуга, бывший мат-

рос, сказал, что капитан у себя на мостике. А он был на балконе и пил там чай с вареньем.

Ася не любит ничего научного и ей надоело слушать про капитана. Она тычет пальцем в экзотическую птицу. «Посмотрите, ее съела моль!». Несколько перьев падают на пол. Мне показалось, что у птицы недовольный вид. Ей противно, что ученица второго класса с ней так непочтительна. Ася не успокаивается. Она хотела бы знать, откуда эта птица? Наверное, она искусственная. Боря Гаевский от возмущения не может набрать воздух, сейчас с ним будет припадок астмы. «Как, эта птица искусственная, когда каждый мало-мальски уважающий себя человек должен знать, что это мадагаскарская сорока, которая столько раз описана...» Боря Гаевский начинает приводить имена путешественников и от них у меня трещит в ушах. К счастью, Женя берет птицу и подносит ее к своим близоруким глазам. Да, она с Мадагаскара. Он видел ее у Брэма. Ася слышит: Брэм и сразу становится шелковой. У них тоже есть Брэм. А все, что у них, хорошо и правильно.

Страсти улеглись. Мы будем играть в географические названия. Вдруг Женя предлагает загадку: «Какому городу мягче всего лежать?». Как ему не стыдно! Я с позапрошлого года знаю, что это Париж, потому что он на Сене. Сейчас я позову Катю, у нее тоже есть загадка: Что такое два кольца, два конца, а посередине гвоздик? Но мне не хочется ставить моих гостей в неловкое положение. Особенно Женю, он и так считает, что я променяла его на Бору Гаевского. Я же не виновата, что он не умеет отстаивать свои права.

Гости собираются уходить, но мне как-то не по себе. Я съела большое количество печенья, похожего на пастилу. Оно называется зефир, и, действительно, легче воздуха. Когда пришел Вова, не осталось ни

одной зефиринки. Он был возмущен и предсказал, что у меня будет болеть живот. Про других он не заикнулся, ему не позволили правила приличия, но он так посмотрел на Борю и на Женю, что они почувствовали себя провинившимися младенцами. На самом деле они к зефиру не притронулись.

ACHEVE D'IMPRIMER
SUR LES PRESSES DE
LA SOCIETE D'IMPRIMERIE
PERIODIQUES ET D'EDITION
32, RUE DE MENILMONTANT,
PARIS (20°) EN MARS 1973
